

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
КРОВАВАЯ
ЛУНА

КРОВАВАЯ ЛУНА

серия
ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
книга вторая

”ДЕКОМ” Нижний Новгород

”ИМА - пресс” Москва

1992

ББК 84(0)

Составление, примечания и перевод с английского

А.Бутузова

Оформление художника

М.Широкова

**Кровавая луна: Кровавая луна. Третья женщина.
Комната в гостинице "Летучий дракон".**

Угрюмый замок на побережье Новой Англии озаряют отблески кровавой луны, предвещающей разрушение и гибель. Старинные предания о вампирах и родовом проклятье тяготеют над загадочной смертью сестры Джинни Дальтон; путь к разгадке устилают новые жертвы... "Кровавая луна" принадлежит к первым, наиболее успешным готическим романам американского писателя Жана Александра

В романе Джин-Энн Депре "Третья женщина" сумеречный покой готического особняка в Челси-Саут нарушает появление призрачной женщины в белом. Таинственную гостью видит только Джудит Рейли: ни владелец особняка, ни его экономка не желают даже говорить о потустороннем посещении. Странный шум в комнатах наверху... Тайна, которая раскрывается слишком поздно.

Романтическая любовь к незнакомке сталкивает молодого англичанина с представителями французского высшего света и... с похитителями трупов. "Комната в гостинице "Летучий дракон", принадлежащая перу знаменитого британского писателя Жозефа Шеридана Лефраню, завершается разгадкой тайны запертой комнаты и чудесным спасением.

К 4703040100—7
Д 05 (03)—92

© Составление.

"ИМА—пресс", 1992

© Оформление.

"ДЕКОМ", 1992

ISBN 5-80050-008-8

Жан Александр

Кровавая луна

«Blood Moon» by Jan Alexander

© 1970 by Victor J. Banis

Lancer Books, Inc., N. Y., U. S. A.

Глава первая

— Кровь.

Он поднес пальцы к мерцающему свету фонаря, однако ошибиться было невозможно: темные, красноватые пятна быстро подсыхали на свежем воздухе. Волна отвращения поднялась, но угасла — приближающийся рассвет не оставлял времени для переживаний.

Он снова поднял фонарь, и мягкий отблеск коснулся лица спящего ребенка. В это невозможно было поверить! Нежные черты девочки дышали безмятежным покоем. Ее можно было бы сравнить со спящим херувимом, если бы не пятна крови на щеках и подбородке.

Мужчина обернулся к горничной, застывшей рядом.

— Она заходила в комнату матери?

Женщина не отвечала, неподвижно глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Он протянул ей фонарь.

— Смойте все следы, — твердо приказал он спокойным голосом, — и постарайтесь не разбудить ее. Никто не должен знать о том, что произошло.

Он торопливо вышел из комнаты. Мрак, окутавший дом, не мешал ему уверенно пересекать знакомый лабиринт коридоров. Ужас увиденного заставлял ускорять шаги, хотя теперь в этом не было необходимости. Он опоздал. Пятна крови сказали, что роковое предначертание свершилось.

За окнами умирали отблески кровавой луны.

* * *

Дженни Дальтон снова попыталась углубиться в раскрытый на коленях журнал, однако мысли упорно

не желали сворачивать со своих извилистых тропок на глянцевые страницы. Со вздохом закрыв журнал, Дженни отложила его в сторону на стоящий рядом столик, пообещав себе, что делает это в последний раз.

Секретарша Луи Беннера изредка поглядывала в ее сторону, с видимой неохотой отрываясь от бумаг на столе. Выражение ее лица ясно показывало, что она думает о нетерпеливых посетителях, которые являются в адвокатскую контору, не удосужившись условиться заранее о встрече.

Перехватив ее взгляд, Дженни улыбнулась.

— Мистер Беннер не забыл, что я хотела с ним встретиться? — подчеркнуто вежливо поинтересовалась она.

Холодное поведение девушки за столом не смущало ее. Последние два года она сама работала секретаршей; не потому, что нуждалась в деньгах, нет — скорее ей просто нравилось работать. И ей были прекрасно известны все ухищрения и уловки, призванные поставить на место нарушителей распорядка. Когда-то она использовала их сама.

— Я передала ему, что вы пришли, — неодобрительно отозвалась девушка, — но боюсь, что мистер Беннер слишком занят сегодня. Я могла бы назначить вам время...

Не оставляя Дженни возможности возразить, она потянулась к перекидному календарю, когда под ее рукой внезапно ожил селектор. Сняв трубку, она молча слушала несколько секунд, потом с видимым разочарованием протянула: «Да, сэр» — и повернулась к Дженни.

— Мистер Беннер готов принять вас.

С трудом подавляя желание улыбнуться, Дженни поднялась с кресла. Сходство с девочкой-подростком исчезло, стоило ей выпрямиться. Маленький рост подчеркивал хрупкость ее фигуры, однако в ее манере держаться чувствовались сила и решительность. Плечи развернуты, подбородок приподнят. Даже походка, когда Дженни, не дожидаясь приглашения, направилась к двери в кабинет Луи Беннера, была походкой человека, который знает, куда и зачем он идет.

Кивком головы она остановила секретаршу, попытавшуюся проводить ее.

— Я сама,— быстро проговорила она, открывая дверь.

Ее появление застало адвоката врасплох: детская шалость, доставлявшая ей удовольствие раньше, даже теперь, семь лет спустя, заставила ее улыбнуться. Свирепый взгляд Луи, привставшего от неожиданности в кресле, немедленно сменился удивлением; его губы дрогнули, растягиваясь в широкой улыбке.

— Дженнин Денвер,— произнес он, выходя из-за стола.

Несмотря на переполнявшие его чувства, он, однако, не решился заключить ее в объятия, как делал это раньше: вместо этого протянул руки и сжал ее ладони в своих.

— Дженнин Дальтон, Луи,— поправила его она, отвечая на улыбку.

Встреча была приятна обоим.

— Пусть будет Дальтон,— он выпустил ее руки; взял под локоть, подвел к глубокому кожаному креслу перед столом.— Мне следовало догадаться, что это ты... Из-за моей рассеянности тебе пришлось дожидаться в приемной.

Дженнин села, продолжая улыбаться. Видеть Луи Беннера было приятно. Многие из ее чувств остались в прошлом, которое она старалась забыть все эти семь лет. Но жизнь без волнений и тревог не смогла вычеркнуть воспоминаний, и заботливый вид Луи вызывал внутренний трепет, похожий на медленное пробуждение ото сна.

Луи обошел стол, опустился в свое кресло. Зябко потирая ладони, быстро, не упуская ни одной мелочи, оглядел Дженнин. Этот взгляд напомнил ей об ушедших годах, когда он так же оглядывал ее, встречая или провожая в многочисленные поездки. В пансионат. В летний лагерь. В расписанный по часам круиз. Луи неизменно встречал или провожал ее. Макс гораздо меныше интересовался делами своей приемной дочери.

— Дальтон,— снова повторил Луи Беннер.— Поэтому мы не могли найти тебя. Пока Сюзанн была жива...

— Я знаю,— Дженнин мягко остановила его.

Поиски Луи и Сюзанн не были для нее тайной, однако говорить об этом и тем более признаваться, что она бежала от них, Дженнин не хотелось.

— Дальтон — мое настоящее имя. Макс так и не заполнил до конца все бумаги, необходимые для удочерения. Поэтому, когда я ушла из дома, мне было легко вернуть старую фамилию.

— И мы не могли найти тебя.

— Мне было бы тяжело носить фамилию Макса, потому что я никогда не чувствовала себя частью его семьи. Жаль, что я так и не узнала настоящего отца. Все могло бы сложиться по-другому.

— Ты до сих пор не можешь простить его, — лицо Луи посерезнело.

Дженни опустила голову, отводя взгляд, однако через секунду выпрямилась, посмотрела в глаза Луи.

— Да. Наверное, я никогда не смогу, — проговорила она. — Макс был трудным человеком, даже для приемного отца. Я почти не помню мамы. Мне было шесть лет, когда она умерла...

Ее голос дрогнул, несмотря на сгладившие прошлое годы. Дженни с горечью улыбнулась воспоминаниям. Прошло двадцать лет, но крик Макса по-прежнему звучал у нее в ушах: «Проклятье! Она никуда не уезжала. Твоя мама умерла. Повторяй, повторяй сейчас же: "Моей мамы нет. Она умерла!"».

Со временем она научилась произносить эти слова без слез, не вздрагивая. Ей пришлось научиться, чтобы не быть наказанной. Прагматизм Макса не терпел иллюзий.

— С тех пор многое изменилось.

Она кивнула.

— Я слышала об этом. Макс стремился подчинить каждого, как это было с моей мамой. Ты помнишь, как звали девушку, на которой хотел жениться Аллен? Кажется, Эллен. Она была порядочной девушкой, несмотря на всю грязь, которую Макс раскопал о ее родственниках. Из-за него она покончила жизнь самоубийством. От стыда. Бедный Аллен, как он ненавидел его после этого. Я никогда не верила, что эта катастрофа была случайностью. Аллен просто не мог... — она резко встряхнула головой, стараясь избавиться от набежавших мыслей. Прошлое не умирало, и воспоминания не приносили ничего, кроме горечи. — После того случая я решила уйти из дома. В тот самый день, когда погиб Аллен. Мне пришлось уйти, пока у меня хватало сил.

— Сюзанн очень переживала без тебя. Когда мы прекратили поиски, она плакала от огорчения.

— Да.—Дженни на мгновение представила лицо Сюзанн. Слезы так шли ей. Сама Дженни плакала редко.—Мы росли с ней совсем как родные сестры. В мыслях я до сих пор называю ее Сюз. Но для нее Макс был родным отцом, и ей было пристойно не замечать его дурных сторон. Для нее он был одет в сверкающие доспехи. Кроме тебя, Луи, я скучала только по Сюзанн. Однако вернуться и снова жить с Максом — это было выше моих сил. Если бы не твое письмо... жаль, что меня не было здесь, когда это произошло...

Она замолчала, не желая продолжать и в то же время понимая, что избежать разговора не удастся.

— Макс тоже умер,—сказал Беннер.—Ты уже знаешь?

— Да. Некоторые из писем Сюзанн доходили до меня. В основном через друзей, которым я могла доверять. В одном из них она писала, что выходит замуж. Потом было письмо от тебя, когда... когда она умерла.

Она помолчала.

— Ее второе письмо было последним. Я хочу, чтобы ты прочел их, Луи.

Из открытой сумочки Дженни извлекла два конверта и через стол подала их адвокату. Все, что осталось у нее от Сюзанн...

Луи Беннер принялся за чтение в хронологическом порядке. Содержание писем Дженни знала наизусть. Последние дни она снова и снова перечитывала их и теперь могла вспомнить каждое предложение. Первое письмо болезненно ранило ее мольбою о воссоединении. Сюзанн была счастлива тогда, все ее мысли занимало предстоящее замужество, и большая часть письма была посвящена ее избраннику. Обаятельный и загадочный, Пауль Лэнгдон происходил из старинной аристократической фамилии и вместе с семьей жил в собственном замке на небольшом острове вблизи побережья Новой Англии. «...Ты непременно будешь очарована им, Дженни, я уверена в этом. Только подумай, мы будем жить в средневековом замке, как настоящее графское семейство. Прошу тебя, возвра-

щайся домой. Врачи говорят, что Максу будет тяжело оправиться от удара...»

Дженни не откликнулась. Отчасти потому, что не верила, что Макс может умереть, как обычный смертный. О его смерти она узнала совершенно случайно, но к тому времени у нее уже была собственная жизнь и все, казалось, осталось в прошлом.

Потом пришло второе письмо. За пять месяцев до гибели сестры. Прошло шесть лет, и ее жизнь резко переменилась. Сюзанн больше не чувствовала себя счастливой. «...Безумием было думать, что он любил меня. Его интересуют только мои деньги, но я поклялась, что ни он, ни его семья не получат ни цента. Лишь моя смерть может сделать его богатым. И он знает об этом. Дженини, я так боюсь! Если бы я знала, где ты сейчас...»

Дженни сжалась, вспомнив эти строки. Она не придала им значения, потому что Сюзанн всегда была склонна к преувеличениям. Пять месяцев спустя Сюзанн умерла.

Луи перестал читать, вложил письма в конверты и протянул обратно Дженини.

— Это был несчастный случай,— проговорил он, встретив ее взгляд.— Остров наполовину состоит из скал и камней. Балкон ее спальни буквально нависает над скалами и океаном. Последнее время Сюзанн страдала от бессонницы и, по всей видимости, привыкла к снотворному. Находясь под воздействием таблеток, она проснулась, вышла на балкон, хотя и знала, что это небезопасно. Она могла потерять равновесие или упасть в обморок. Деревянные перила практически полностью сгнили. Она упала с высоты двенадцатиэтажного дома на камни.

— Ты веришь, что все произошло именно так?

Луи вздохнул и передернул плечами.

— У меня нет улик, доказывающих обратное. Сюзанн часто писала о плохом состоянии дома. Он просто разваливался на глазах — одна из причин, почему Лэнгдонам были нужны ее деньги.

— Значит, он действительно женился на Сюз из-за денег?

— Возможно.— Беннер помолчал, задумчиво глядя перед собой.— Я был в замке после ее смерти и осмотрел балкон. Перила совершенно прогнили. Достаточ-

но легкого нажима, чтобы они рассыпались трухой. Лечащий врач семьи подтвердил вероятность несчастного случая. Сюзанн серьезно злоупотребляла снотворным; он сам выписывал ей рецепты. После падения он осматривал тело и не нашел ничего подозрительного, кроме маленькой ранки на шее. Никто из семьи не смог объяснить ее происхождения... — движением руки он остановил вопрос, готовый вырваться у Дженнин. — Нет-нет, об этом я тоже спрашивал, но врач уверил меня, что такая ранка не могла оказаться смертельной. Причиной смерти было падение.

— Что сказали в полиции?

Беннеру потребовалось время, чтобы собраться с мыслями.

— Остров целиком принадлежит Лэнгдонам и не подчиняется городским властям.

— Понятно, — Дженнин кивнула, не совсем представляя, что именно ей понятно.

— После Сюзанн осталась дочь. Она писала тебе о ней?

Дженнин с удивлением взглянула на Беннера.

— Ты первый, от кого я слышу об этом.

— Сейчас ей должно исполниться шесть лет, я думаю. Когда я был в замке, то не видел ее: мне сказали, что она больна. Вероятно, потрясение после смерти матери.

Дженнин задумалась.

— Может быть, поэтому она и не уезжала, — проговорила она наконец. — Понимаешь, я долго думала, почему она не уедет, если так боится его, если ей действительно грозит опасность. Хотя она могла быть лишена такой возможности. Это ведь остров?

Луи кивнул.

— Я тоже думал об этом. У них имеются лодки, чтобы поддерживать сообщение с берегом, но постоянная связь отсутствует. Все необходимое они покупают в прибрежном городке, Грэндиз-Лэндинг. Это недалеко от Мэйна.

— Значит, без лодки она не могла покинуть остров.

Луи молча пожал плечами, однако ответ был очевиден.

— Она вообще выезжала? Ведь рядом был город.

— Все хозяйствственные дела выполняли слуги, иногда с ними приезжал Пауль Лэнгдон. Примерно раз в месяц она появлялась вместе с ним, ходила к доктору — она неважно себя чувствовала — и делала кое-какие покупки. Правда, последние два месяца она не показывалась совсем.

— Она могла воспользоваться почтой, позвонить, наконец. На острове есть телефон?

— И да, и нет. Прадед Пауля Лэнгдона потратил целое состояние, чтобы протянуть по дну кабель. Однако теперь эта связь очень ненадежна из-за ветхости. В основном обитатели острова используют почту, которую раз в неделю отправляют на берег через своих слуг.

Дженни неторопливо перебирала в голове услышанное. Если Сюзанн действительно боялась оставаться на острове, ее могли удерживать силой. Возможно, что так и было. Но возможно, и нет. В один из кратких периодов, когда телефон работал, она могла бы воспользоваться им. Или послать более обстоятельное письмо, чем те, что лежали в сумочке у Джени. Нельзя было исключать вероятности, что Сюзанн сильно преувеличивала бедственность положения. Без сомнения, Пауль Лэнгдон мог жениться на ней ради денег. Сам по себе такой брак нельзя назвать преступлением. Заурядное обстоятельство, с которым приходится считаться девушке с богатым приданым. Если Сюзанн, немного тщеславная по натуре, слишком поздно узнала об этом и если ее супружеская жизнь протекала не очень счастливо, она могла внушить себе все что угодно. И все же... Джени не могла избавиться от подозрений.

— Если Сюзанн так боялась, — начала она, — что Лэнгдоны способны... сделать с ней что-нибудь, чтобы получить ее деньги, — ей стоило только изменить завещание, ведь так?

Луи Беннер хмуро разглядывал поверхность стола.

— Да. Она действительно думала об этом. Несколько месяцев назад я получил от нее письмо, где она писала, что хочет переговорить со мной по поводу завещания. Но это, пожалуй, все, что мне известно, потому что она так и не встретилась со мной.

— Что было в завещании?

— После смерти Макса его деньги полностью отошли к Сюзанн. Полагаю, для тебя не секрет, что он лишил тебя наследства? По завещанию Сюзанн, которое она сделала через год после свадьбы, треть состояния переходит ее мужу, треть — дочери и треть — тебе. По приблизительным оценкам, доля каждого составляет примерно полмиллиона. Естественно, часть денег вложена в ценные бумаги, так что потребуется несколько лет, чтобы перевести всю сумму в наличные.

Миллион долларов, подумала Дженн. Семья Лэнгдонов стала богаче ровно на миллион долларов после несчастного случая с Сюзанн.

— Я отказываюсь от своей доли наследства, — сказала она. — Мне достаточно тех денег, которые оставила мама. Это не миллион долларов, конечно, но я не страшна от бедности. К тому же это деньги Макса; как ты знаешь, он не всегда зарабатывал их честно.

— Мне кажется, Сюзанн подозревала, что нам не удастся найти тебя. Может быть, она догадывалась, что ты откажешься от своей части наследства, — продолжал Беннер, игнорируя замечание относительно честности Макса. — В завещании оговорен пункт, что, если твоя часть останется невостребованной в течение года, она автоматически отходит к мужу Сюзанн. Точно так же, если что-либо произойдет с ребенком, деньги отходят к нему.

Для человека, который женился ради денег, подумала Дженн, такие условия были равносильны дьявольскому соблазну.

— Расскажи мне об их семье, Луи. Ты ведь наводил справки?

— Только до свадьбы. — Он слегка покраснел, и Дженн поняла, что Сюзанн не просила его об этом. Она была слишком наивна, чтобы задумываться о подобных вещах.

— Мы встречались всего два раза: на свадьбе и на похоронах Сюзанн. Глава семейства — мать: рано овдовела, держится словно королева в изгнании. Двое взрослых сыновей. У Рэя манеры профессионального обольстителя, — тебе, вероятно, знаком этот тип людей. Застольный этикет и урожай вин — единственная тема, на которую он способен рассуждать серьезно. Его старший брат Пауль, муж Сюзанн, отличается в луч-

шую сторону. Мне показалось, что он несколько староват для Сюзанн и как-то... тяжеловесен, если это подходящее слово.

Дженни молча кивнула, догадываясь, что хотел сказать Луи. Такой тип мужчины — зрелый, сильный, уверенный в себе — должен был притягивать Сюзанн. Ее влекло к людям, похожим на Макса, особенно когда его не стало и некому было устраивать ее жизнь. О том, что можно самостоятельно устроить свою жизнь, Сюзанн даже не помышляла.

— Одно время семья считалась наиболее состоятельной на побережье. Замок на острове выстроил прадед Пауля. Незначительные изменения внес его дед. Однако этот джентльмен умер совсем молодым, а его сын — отец Пауля — был кем угодно, но только не практическим человеком. Он и его брат умудрились развеять по ветру почти все фамильное состояние. Что-то проиграли в карты, что-то продали, чтобы оплатить долги.

К тому времени, когда Пауль вступил во владение, поместье было практически разорено. Разумеется, остались замок и пара земельных участков, но все они были давно заложены до последнего акра. Денег Сюзанн едва хватит на то, чтобы спасти оставшееся.

Луи неожиданно замолк с видом человека, вспомнившего о чем-то важном. Поднявшись из-за стола, он быстрыми шагами подошел к секретеру возле стены, где среди папок и скоросшивателей матово поблескивал металлический носик кофейника. Выдернув шнур из розетки, Луи наполнил дымящейся жидкостью две чашки, подождал утвердительного кивка Дженнин перед тем, как добавить сахар. Дженнин задумчиво поднесла к губам свою чашку.

— Пауль Лэнгдон унаследовал любовь своих предков к острову, — продолжал Луи Беннер, — и сильную фамильную гордость. Он трудился, не жалея сил, чтобы не потерять владения и снова поставить семью на ноги.

Дженни представила себе этого властного, решительного человека, борющегося за будущее своей семьи, отчаянно нуждающегося в средствах, и Сюзанн. бедную, слабохарактерную Сюзанн — красивую, беззаботную и богатую. Их союз выглядел зловещим.

— Пожалуй, это все, что мне удалось узнать, — с некоторой неохотой произнес Беннер. — Есть несколько старых преданий, связанных с их семьей. У меня не было времени проверить их тщательно; с другой стороны, я не хотел, чтобы Сюзанн узнала о моем расследовании, поэтому пришлось ограничиться расспросами. Боюсь, что у меня не найдется свидетелей, которые могли бы подтвердить истинность этих историй: на побережье имя их семьи заставляет людей нервно замолкать на полуслове. Это не просто неприязнь — по какой-то причине Лэнгдонов боятся.

— Ты выяснил, в чем дело?

Беннер пожал плечами.

— Ничего нельзя утверждать определенно. В прошлом в семье было несколько случаев безумия. Один из прадедов закончил жизнь в дублинском приюте для умалишенных. Потом была пра-прапатушка, которую в средние века сожгли на костре.

Дженни удивленно приподняла бровь.

— Колдовство?

— Не совсем. Согласно новоанглийским хроникам, она была вампиром.

— Вампиром? — Дженни не могла сдержать легкой иронии. — Могильные жители, летучие мыши и прочая нечисть из фильмов ужасов?

Луи Беннер рассмеялся вместе с ней.

— В Восточной Европе вампиры играли ту же роль, которую в остальных частях света отводили колдунам и ведьмам. Людям во все времена требовались мальчики для битья. Случись град, неурожай или просто непонятная смерть кого-нибудь из соседей — и несчастных сажали на кол без особых церемоний. Война кланов, церквей, — какая польза сейчас вспоминать об этом. Вполне возможно, что тетушка Лэнгдонов была слегка эксцентричной особой: в те дни этого было достаточно, чтобы попасть в списки подозреваемых, — Беннер замолчал и снова улыбнулся. — Стоит только задуматься, и мне начинает казаться, что люди не слишком переменились за прошедшие столетия. Произойди что-нибудь необычное в маленьком городке, и обязательно найдется некто, кого обвинят в случившемся. Но это уже другой разговор. Ты просила рассказать

все, что мне удалось узнать об их семье; пожалуй, это все... — он развел руками.

Дженни допила кофе и встала. Луи Беннер вышел из-за стола.

— Как ты решила распорядиться деньгами?

— Еще не знаю, — честно призналась она. — Мне понадобится время, чтобы привыкнуть.

— Дом в полном твоем распоряжении, — сказал он. — Сюзанн оставила его тебе. Ты можешь в любой момент остановиться в нем, когда будешь в городе.

— Я уже сняла номер в «Шерри», — сказала она, — на случай, если ты захочешь найти меня.

Он проводил ее до дверей. Секретарша в приемной одарила ее ледяным взглядом, но Дженнни не обратила на нее внимания. В вестибюле швейцар с сильным ирландским акцентом предупредил ее: «Вы нас kvозь про-мокнете, мисс», но она только улыбнулась в ответ и, откинув длинные светлые волосы, шагнула под освежающий мартовский дождь.

Она миновала квартал вниз по Пятой авеню, когда ее внимание привлекла яркая витрина «Бюро путешествий», заполненная плакатами с видами Испании, Греции и Швейцарии. Пройдя мимо, Дженнни развернулась, едва не столкнувшись с прохожим, шедшим позади нее, и вошла в офис. Вежливый молодой человек за contadorкой поинтересовался, куда бы она хотела поехать.

— Штат Мэн, побережье.

— Да-да, конечно, — в голосе клерка сквозило удивление ее выбором. Ехать в Мэн в это время года, когда в мире столько мест, где можно замечательно отдохнуть. Испания, например, или Греция.

— Какое-нибудь определенное место?

Она на секунду задумалась.

— Городок неподалеку от Мэйна, Грэндиз-Лэндинг.

Глава вторая

— Грэндиз-Лэндинг.

Чтобы не оставалось сомнений, для кого сделано это объявление, водитель обернулся и выразительно

посмотрел на Дженнни. Поднявшись с сиденья, она принялась стаскивать объемистую сумку с полки над головой. Водитель автобуса нетерпеливо наблюдал за ней, не предпринимая, однако, попыток помочь. Она намеренно потянула время, заставив его подождать, неторопливо надела плащ и сошла по ступенькам под моросящий дождь. Водитель что-то неразборчиво проворчал себе под нос, захлопывая за ней дверь. С глухим громыханием автобус двинулся дальше, оставив Дженнни в одиночестве перед серым фасадом здания, которое, если судить по вывескам, исполняло одновременно функции автостанции и местной химчистки.

Город, насколько позволял увидеть туман, состоял из редких домиков, рассыпавшихся по краям уютно врезавшейся в берег бухты. Возле дощатой пристани на волнах покачивались несколько лодок. Последние тридцать миль Дженнни добиралась на автобусе из более крупного городка на побережье. Теперь, оказавшись здесь, она не могла понять, зачем же, собственно, она приехала.

Дождь ледяными иглами царапал лицо, когда она с тяжелой сумкой брела по главной улице. Привычка путешествовать без громоздкого багажа, приобретенная в юности, теперь неожиданно сослужила хорошую службу.

Через три квартала Дженнни вышла на берег бухты и напряженно вгляделась в бурлящий океан в надежде увидеть остров. Клочья тумана, фонтаны водяных брызг заслоняли горизонт, и, кроме нескольких пустых лодок, взлетающих и проваливающихся на волнах, Дженнни ничего не удалось рассмотреть. Вернувшись назад, она зашла в кафетерий, окна которого призывающе светились в промозглом тумане. Внутри было тепло, приятно пахло свежеиспеченным хлебом. Несколько столиков занимали бородатые, с обветренными лицами мужчины, в которых без труда угадывались рыболовы. Оторвавшись от кружек с пивом, они беззастенчиво оглядели новую посетительницу. Было заметно, что приезжие в этом городке пользуются всеобщим вниманием.

В дополнение к столам, покрытым яркими клетчатыми скатертями, в противоположном конце помещения стоял резной буфет с дюжиной высоких стульев

перед стойкой; на застекленной витрине лежала горка домашних булочек. Дженнни выбрала один из стульев и заказала кофе. С чашкой в руках она обратилась к полной официантке, хлопотавшей за стойкой, прекрасно понимая, что ее вопрос слышен каждому из присутствующих.

— Простите, я хотела бы узнать, как можно добраться до острова? — Дженнни неопределенно кивнула головой в сторону океана.

— Какого острова, мисс? — официантка насторожилась; ее лицо утратило часть своей приветливости.

— Лэнгдонов, — ответила Дженнни.

Женщина посмотрела поверх ее головы на кого-то из сидящих в зале. Дженнни чувствовала, как настороженные взгляды сверлят ей спину, однако терпеливо ждала, пока кто-нибудь соблаговолит ответить.

— В такую погоду никто не рискнет выйти в море, — раздался мужской голос у нее за спиной.

Она медленно повернулась на своем стуле в направлении голоса. За столиком у дальней стены сидели трое мужчин. Было невозможно определить, кто из них говорил. Все трое с непроницаемыми лицами внимательно смотрели на нее.

— Я могу подождать, — сказала Дженнни, обращаясь одновременно ко всем троим. — Может быть, после шторма...

Средний из мужчин отрицательно покачал головой. Его рыжеватая борода задвигалась в такт словам, когда он заговорил:

— Это невозможно, мисс. Никто не поплынет на ваш остров.

— Вы боитесь? — Дженнни почувствовала, что теряет терпение.

Лица сидящих оставались невозмутимыми.

— Почему вы решили, что мы боимся? — спросил ее тот же мужчина.

— Если бы это было не так, кто-нибудь обязательно отвез бы меня на остров. Это ведь рядом?

— Остров является частной собственностью Лэнгдонов, — как непослушному ребенку, объяснил ей собеседник. — Фактически это даже не часть штата, и его обитатели нас не очень жалуют. Вы член семьи графа?

Неожиданный вопрос застал Дженнни врасплох.

— Нет,— она не смогла найти лучшего ответа.

Мужчина улыбнулся и обменялся взглядами с товарищами.

— Тогда вам тоже вряд ли обрадуются на острове.

Это еще мягко сказано, подумала Дженнни. На будущее следует придумать какое-нибудь объяснение. Сомнительно, что сестре Сюзанне удастся узнать больше, чем ее адвокату, между тем как прием ей будет оказан, вероятно, еще менее любезный. Не стоит и думать о том, чтобы представляться своим именем. Она оглядела соседние столики, но вид сидящих за ними мужчин не внушал надежды. Лицо пылало от тихой насмешки, витавшей в атмосфере залы. Она повернулась к стойке, на которой дымилась чашка с кофе. Торопливо допила ее, обжигая жидкостью губы. Вытряхнув из кошелька несколько монеток, расплатилась и двинулась к выходу, волоча за собой сумку.

— Вы можете заглянуть в гостиницу,— послышалась за ее спиной голос официантки.— Я слышала, там остановилась девушки, тоже приезжая, которая собирается ехать на остров.

Дженнни с благодарностью оглянулась. Официантка виновато прикусила нижнюю губу под хмурыми взглядами мужчин.

— Спасибо,— Дженнни вышла на улицу, размышая о чувствах, которые вызвало ее появление.

Что заставляет этих людей настороженно умолкать, стоит упомянуть в разговоре название острова? Страх? Возможно, но этих мужчин было трудно заподозрить в трусости: грубоватые, мужественные — они привыкли смотреть в лицо опасности. Гордость помешает признаться им в том, что и они способны бояться. Тогда что же это? Новоанглийская замкнутость? На острове им не рады, поэтому они сторонятся его?

Найти в гостинице приехавшую девушку оказалось несложно. На вопрос о «приезжих» ее сразу же направили в одну из комнат на втором этаже. Вероятно, с некоторым удивлением подумала Дженнни, они решили, что все незнакомцы обязательно знакомы друг с другом.

Открывшая на стук девушка была примерно ее возраста: скромная, симпатичная, слегка болезненного вида. Интересно, сколько времени бедняжка провела в

унылом гостиничном номере, ожидая, пока кончится шторм.

Взгляд, устремленный на Дженини, был удивленным, однако не лишен дружелюбия. Ее тоже не слишком благосклонно принимали, подумала Дженини и, стараясь не упустить шанс, сверкнула своей самой располагающей улыбкой.

— Можно войти? Мне необходимо поговорить с вами.— Видя, что девушка колеблется, Дженини поспешно добавила: — Это очень важно.

— Конечно, входите,— девушка отступила, пропуская ее.

Несмотря на некоторую принужденность, она, казалось, рада слушаю поговорить с кем-нибудь.

— Мне сказали, что вы собираетесь на остров Лэнгдонов,— начала Дженини, едва закрыв дверь.

— Да,— девушка настороженно кивнула.

— Вы хорошо знакомы с этой семьей?

— Нет. Я даже не видела никого из них.— Желание поговорить с живым существом растопило ее сдержанность, и она пояснила: — Их девочке нужна гувернантка. Современная Джейн Эир и заброшенный замок. Мне кажется, там должно быть полно привидений.

— Не понимаю, что заставляет вас ехать туда? — невинно поинтересовалась Дженини.

— Если честно,— последовал ответ,— деньги. Они обещают хорошо платить, а я сейчас на мели. Вы не сказали, в чем заключается ваше дело.

— Мне необходимо попасть на остров... по личному делу. Из разговоров в городе я поняла, что это не так просто сделать.

— Почему? Нет ничего проще. Вы можете поехать вместе со мной. Сказать по правде, я буду рада компании, особенно если замок окажется таким, каким я его себе представляю.

— Я уже думала о такой возможности,— Дженини задумалась. После минутного молчания резко подняла голову и посмотрела на собеседницу. — Сколько вы рассчитываете получить за свою работу?

— Понимаете...— девушка выглядела смущенной,— моей маме предстоит серьезная операция. Боюсь, на это уйдет все мое жалованье.

— Сколько?

— Примерно две тысячи долларов. Моя работа у Лэнгдонов покроет все издержки.

Дженни раскрыла сумочку.

— Если операция серьезная, ее не стоит откладывать.

— Конечно, но...

— Сейчас у меня только пятьсот долларов, — продолжала Дженни, — и обратный билет до Нью-Йорка. Мой поверенный передаст вам две тысячи долларов, я напишу ему письмо.

Предложение заметно ошеломило девушку.

— Я не совсем понимаю... вы, должно быть, шутите.

— Нисколько, — Дженни лихорадочно подписывала чеки туристического агентства, которые вместе с бумажником извлекла из сумочки. — Двести долларов вам придется получить в туристическом агентстве; думаю, у вас не возникнет сложностей. Что касается двух тысяч в Нью-Йорке, вы обязательно их получите, я обещаю.

Девушка подавленно сидела на аккуратно заправленной постели и напряженно рассматривала гостью.

— В обмен на что? — произнесла наконец она сдавленным голосом.

— Мне нужно ваше место, — проговорила Дженни, не поднимая глаз.

— Я не могу этого сделать.

Поставив все подписи, Дженни начала аккуратными стопками складывать на стол чеки и банкноты.

— Почему? Вы приехали сюда только из-за денег. Этих людей вы не знаете, и их судьба никак не связана с вашей. Ваша мама может не откладывать операцию, а вам не придется провести лето в замке с призраками посреди океана.

— Но это будет нечестно, — девушка нерешительно перевела взгляд с денег на письмо, которое Дженни писала Луи Беннеру. — Почему вы не объясните мне, если это так важно для вас?

Дженни оторвалась от письма. От нее не укрылись взгляды украдкой в сторону денег и нотки сомнения в голосе. Однако девица не принадлежала к числу тех, что быстро сдаются. Предложение будет принято лишь

в случае, если не пострадает ее представление о чести. Ради этого придется открыть ей часть правды.

— У нас мало времени для объяснений,— осторожно подбирая слова, проговорила Дженнни.— На этом острове жила моя сестра. С ней произошел несчастный случай, в случайность которого я не верю.

— Тогда почему вы не обратитесь в полицию?

— В этом городке нет полиции, вы еще не заметили? На остров можно попасть только частным порядком, так что мне будет лучше воспользоваться вашим именем.

— А если они обнаружат подмену?

Дженнни задумалась, перед тем как ответить.

— В любом случае я не передумаю.

Ее собеседница помолчала, затем взяла со стола пачку банкнот и дорожные чеки, подписанные Дженнни.

— Хорошо,— она взглянула на подпись на чеках и добавила:— Я согласна, мисс Дальтон.

Дженнни улыбнулась.

— Какая неосторожность: я занимаю ваше место, но даже не знаю, как мне теперь называть себя.

— Меня зовут Цинтия Бёрк.

— Дженнни Дальтон. У Лэнгдонов есть ваша фотография или что-нибудь в этом роде?

Цинтия отрицательно покачала головой.

— Нет, хотя в письме я послала свое описание.

Дженнни окинула ее критическим взглядом.

— Ничего страшного, рост и вес у нас приблизительно одинаковы, даже цвет глаз и волос совпадает. Не думаю, что они обнаружат подмену, тем более что у них нет причин для подозрений.

— Ну,— девушка, немного нервничая, улыбнулась,— удачи... Цинтия.

Цинтия. Да, с улыбкой подумала Дженнни, нельзя забывать: с этого момента меня зовут Цинтия Бёрк.

* * *

— Цинтия Бёрк?— голос мужчины был мрачен и груб, как и его наружность.

К этому времени вторая девушка была на пути в Нью-Йорк. Дождь прекратился. Предполагая, что

вскоре кто-нибудь приедет с острова за ней, Дженнинесла вещи в вестибюль. Если бы провожатый подошел к конторке администратора, ему бы, без всякого сомнения, пересказали историю о девушке, которая приехала, но внезапно уехала, оставив вместо себя подругу. Чтобы не рисковать, Дженнине предпочла дождаться внизу: увидев ее, люди с острова решат, что она и есть Цинтия Бёрк, после чего подойдут к ней без нужных расспросов.

Все произошло, как она и предполагала. После двух часов ожидания в гостиницу зашел высокий худой мужчина. Его плащ и ботинки поблескивали от дождевых капель. Темные глаза обвели вестибюль и остановились на Дженнине. Горомко топая, он подошел к ее креслу.

— Цинтия Бёрк?

На мгновение Дженнине охватил страх. Если управляющая гостиницей услышит, она может поправить его. Боясь обернуться в сторону конторки, Дженнине кивнула.

— Меня прислали за вами, — проговорил незнакомец. — Это ваши вещи? — он указал на сумку.

— Да.

Легко подхватив поклажу, он молча повернулся к двери. Дженнине нерешительно глядела на его удаляющуюся спину. Когда он повернул дверную ручку, она догадалась, что приглашения не последует, и, выскользнув из кресла, заторопилась следом. Женщина за конторкой с любопытством взглянула в ее сторону, однако Дженнине сделала вид, что ничего не заметила.

Провожаемая взглядами редких прохожих, она торопилась за незнакомцем, уверенно шагавшим вниз по улице. Обитатели острова привлекали не меньше внимания, чем приезжие, — об этом Дженнине могла судить поспешности, с какой безучастные к окружающему пешеходы уступали им тротуар, когда они проходили мимо.

За всю дорогу мужчина не проронил ни слова, не повернул головы. Дженнине с удивлением отметила, как несколько раз в окнах домов откидывался уголок занавески, открывая щель любопытному взгляду.

У пристани их ожидал моторный вельбот. Рыбачьи лодки выглядели карликами рядом с ним: высокие

борта обещали безопасное путешествие. Мужчина поставил сумку Дженни на нос вельбота. Палубы не было, и, когда они отплыли от берега, вельбот осыпало брызги разбивающихся о борта волн. Дженни втайне порадовалась, что догадалась захватить с собой теплый осенний плащ. Угрюмый провожатый целиком сосредоточился на управлении лодкой. Дженни прижалась к борту, стараясь укрыться от промозглого ветра.

У выхода из бухты она обернулась и посмотрела на оставленный городок. Его было трудно назвать красивым. Странное очарование, присущее ландшафтам Новой Англии, никак не проявлялось в его облике, и все же в сердце закрадывалось тоскливо-чувствие по мере того, как его маленькие домики исчезали, растворяясь в тумане. Крошечный, серый и чопорный городок. У Дженни появилось необъяснимое ощущение, что она больше никогда не увидит его снова. Она с завистью вспомнила о настоящей Цинтии Бёрк, находящейся в безопасности на пути в Нью-Йорк.

Дженни поежилась, отгоняя прочь непрошеные мысли.

— Выбор сделан,— жестко напомнила она себе,— и не нужно забивать голову глупостями.

У руля возвышалась широкая спина ее провожатого. Интересно, что он сделает, если сказать ему, что я обманула его, подумала Дженни.

Скорее всего, с мрачной усмешкой ответила она себе, вышвырнет меня за борт. Словно предупреждая об опасности, высокая волна ударила в корму, осыпав брызгами пену дно вельбота. Дженни плотнее укуталась в плащ и принялась вглядываться в направлении загадочного острова.

Глава третья

Остров Лэнгдонов был поражающе унылым местом. Поблескивающие, выступающие из воды скалы были первой примечательностью ландшафта, бросившейся в глаза Дженни по мере приближения. Вся суши, казалось, состояла из валунов и каменных обломков, разбросанных в изобилии по берегу. Цепи подводных бурунов смутно темнели в странном, рассеянном

в тумане солнечном свете: словно черное ожерелье, вместо короны увенчавшее седые валы океана.

Лодка приблизилась к пристани, выбитой прямо в скале: массивные каменные ступени, поднимавшиеся из воды, круто уходили вверх. Угрюмый лодочник углубился в поиск подходящего места среди выстроившихся у причала суденышек — от крошечного ялика до океанской яхты, мрачной тенью возвышающейся на фоне серого неба в некотором удалении от острова. Для обитателей замка эти суда были основным средством, поддерживающим их связь с побережьем. Для Дженнинг тоже. Неожиданно она с удивлением обнаружила, что размышляет над странным вопросом. Если придется бежать, какую из лодок она выберет и сможет ли управлять ею? Разумеется, ни яхта, ни ялик для этой цели не подходят.

Нос лодки мягко ударился о скальную пристань, мотор застучал и затих. Путешествие закончилось. К удивлению Дженнинг, молчаливый рулевой помог ей выбраться на причал, на мокрые, скользкие камни. Она с опаской отошла от воды, понимая, что на высоких камнях легко потерять равновесие.

Вверху, на мокрых ступенях задвигалась, отделяясь от остальных, какая-то тень.

— Это ты, Франц? — глухо прозвучал отраженный туманом голос.

— Гр-м... — лодочник проворчал что-то нечленораздельное, занятый разгрузкой суденышка.

— Кто приказывал тебе ездить в город?

Обладатель глухого голоса подошел почти вплотную, прежде чем заметил Дженнинг. Резко остановившись, с удивлением оглядел ее.

Это был Пауль Лэнгдон. Он оказался ниже, чем ожидала Дженнинг: чуть меньше шести футов роста. В ее воображении хозяин острова представлялся высоким, стройным и элегантным. В действительности он выглядел плотнее и мужественнее. Его можно было назвать красивым, Сюзанн не преувеличивала, однако опять же не в аристократическом духе. Лицо, казалось, отражало мрачный ландшафт острова; грубо высеченные черты привлекали и тревожили, как скалы над их головами. Глаза, серебристого оттенка, в эту минуту смотрели холодно, порождая страх и вместе с тем ин-

стинктивное желание согреть их. Такие лица обычны среди мореходов или лесорубов, но не среди лордов — владельцев каменных громад.

— Кто вы? — коротко потребовал он.

Серые глаза, казалось, пронизывали насквозь.

У Дженнинг замерло сердце. Поток мыслей вихрем пронесся в голове. Неужели он догадался? Цинтия могла забыть о какой-нибудь из своих фотографий. Или... — эта мысль ни разу не приходила ей в голову — он видел ее снимок среди вещей Сюзанн?

Лэнгдон стоял на возвышении, и Дженнинг пришлось закинуть голову, чтобы встретить его взгляд. Неожиданное сходство окружающей обстановки с театральными декорациями поразило ее. Откинув со лба влажные пряди, Дженнинг уверенно поднялась по ступеням. Это удивило Лэнгдона: какое-то мгновение в его зрачках тлел непонятный огонек, и Дженнинг решилась:

— Цинтия Бёрк, новая гувернантка.

— Гувернантка? — Дженнинг поежилась, услышав звук его голоса. — Для кого?

— Полагаю, — с замиранием сердца ответила она, — для вашей дочери, хотя, если кто-то еще нуждается в уроках, я с удовольствием помогу ему.

Не обращая внимания на выпад, Лэнгдон грубо отвернулся.

— Франц, что происходит? — потребовал он от слуги.

Выгрузив на причал очередную коробку, лодочник замер с опущенной головой; не поднимая глаз, глухо пробормотал:

— Меня посыпала графиня.

Вверху, на лестнице послышались торопливые шаги. К пристани спешили молодой человек и пожилая дама.

Вокруг них ощущалась та аристократическая атмосфера, которую Дженнинг ожидала встретить на острове. Первой по ступеням сошла женщина. Высокая и стройная, она излучала представительность, несмотря на годы. Ее королевское появление не портило то, что она спешила, прижимая к плечам афганскую шаль: пряди волос выбились и трепыхались в мокрых порывах ветра.

Ее спутник был моложе, чем Пауль Лэнгдон, и Дженни уверенно предположила, что это его брат Рэй. Молодой человек был элегантен, строен; слишком красив, чтобы выглядеть представительно, но очень обаятелен — тип мужчины, к которому женщины испытывают материнские чувства. В отличие от графини, с холодной миной рассматривавшей Дженни, в глазах Рэя читалось явное удивление. Когда он приблизился, его глаза засияли ярче. Несмотря на обстановку, Дженни почувствовала себя польщенной.

— Вы, должно быть, мисс Бёрк, — миссис Лэнгдон улыбнулась, протягивая Дженни руку. — Меня зовут Беатрис Лэнгдон. Это мои сыновья, Рэй и Пауль. Полагаю, вы уже успели познакомиться.

— Еще не совсем, — ответила Дженни и повернулась к обоим мужчинам: — Добрый день.

Рэй ослепительно улыбнулся и кивнул. Пауль сделал вид, что приветствие не относится к нему.

— Что все это значит? — обратился он к матери.

С ней он был не более вежлив, чем до этого с Дженни.

— Мисс Бёрк — наша новая гувернантка, — ответила Беатрис Лэнгдон. Спокойный голос и бесстрастное выражение лица скрывали ее чувства, однако нервное движение пальцев выдавало беспокойство недовольством сына. — Я наняла ее присматривать за девочкой.

— С этим прекрасно справится Мария, с нашей общей помощью, — отрезал Пауль, поворачиваясь к лодочнику. — Франц, боюсь, тебе придется сегодня же отвезти мисс Бёрк обратно в город. Если отплыть сейчас, вы успеете до вечера.

Почти минуту Дженни стояла, не в силах произнести ни слова. Наконец беспардонность происходящего вывела ее из оцепенения.

— Я буду признательна вам, мистер Лэнгдон, — проговорила она, гневно сверкнув глазами, — если вы перестанете обращаться со мной как с ненужной мебелью. Чтобы приехать сюда, я пошла на значительные неудобства и расходы, но я сделала это по просьбе миссис Беатрис Лэнгдон, которая переписывалась со мной и предложила мне эту работу. Мне пришлось ждать несколько часов, пока уляжется шторм, и плыть в от-

крытой лодке по морю. И теперь я должна выслушивать ваши оскорблении.

Если ее вспышка рассердила или изумила его, лицо Пауля не изменило выражения, оставаясь, как и раньше, неприветливым и мрачным. Слегка изменились его глаза: какую-то долю секунды он с интересом рассматривал девушку. Дженнинг могла поклясться, что он не понимает, чем мог оскорбить ее. Она не удивилась бы, если бы он вышвырнул ее с острова в чернеющую у пристани воду.

Под его внимательным взглядом гнев Дженнинг испарился, уступив место смущению. Если она предполагала поддерживать с ним хорошие отношения, начало никуда не годилось.

Неожиданно, под влиянием какого-то решения, он галантно взмахнул рукой в сторону лестницы.

— Прошу извинить меня, вы совершенно правы, — сказал он. — Вам нужно обогреться и немного отдохнуть после дороги. Если позовите, мой брат проводит вас в дом. Я догоню вас.

Слабая усмешка играла в уголках его губ, однако внешне он оставался серьезен.

— Благодарю вас, — ответила Дженнинг.

Рэй Лэнгдон с готовностью предложил ей руку.

— Моя сумка, — неожиданная мысль заставила Дженнинг остановиться.

Если багаж отнесут следом, это подкрепит ее намерение оставаться. Пауль Лэнгдон бросил на нее взгляд, в котором ясно читалось, что он разгадал ее план.

— Франц захватит ее.

Не оставалось ничего другого, как кивнуть и молча принять предложенную Рэем руку. Уже на ступенях сзади послышался голос Пауля:

— Смотрите под ноги, мисс Бартон, ступеньки мокрые, легко поскользнуться.

К тому же, мысленно добавила она, у меня такие легкомысленные туфли. Вслух же, не оборачиваясь и не замедляя шагов, произнесла:

— Меня зовут Бёрк. Цинтия Бёрк.

Его ответ утонул в порывах ветра, словно золотые брызги разметавшем ее волосы.

Сердито шагая по каменным ступеням, она размышляла о Пауле Лэнгдоне. Невероятный грубян, та-

ких не часто приходится встречать, и в то же время...
столь неуловимо притягательный.

На первый взгляд замок казался не более чем грудой камней, из которых был сложен остров. Ступени вели под арку, выбитую в отвесной скале. Массивные створки ворот были распахнуты; недоставало только рва и перекидного моста, чтобы ощущение средневековой крепости стало полным.

Во внутреннем дворике в центре располагался фонтан: три смеющиеся наяды струями брызг приветствовали входящих, в то время как хмурый Нептун напоминал Дженни о том, что она нежеланная гостья.

— Проводи мисс Бёрк в гостиную, — приказала миссис Лэнгдон, направляясь через дворик к двери справа от главных ворот.

Рэй и Дженни свернули налево.

Хотя день еще не кончился, внутри дома царил полумрак. Свет, казалось, отскакивал, словно резиновый мячик, от угрюмых стен: даже газовые фонари, озарявшие прихожую, были не в состоянии рассеять собравшиеся вокруг тени. Почувствовав холод, Дженни машинально попытала закутаться в отсыревшую одежду.

В маленькой, загроможденной мебелью комнате они остановились. Потрескивающий в камине огонь согревал и расталкивал внутренний сумрак; старинные гобелены смягчили необработанную поверхность каменных стен.

— Это самая светлая комната, — произнес Рэй. — Надеюсь, наш замок не сильно испугал вас.

— Наоборот, мне он очень нравится, — ответила Дженни, машинально подвигаясь к огню.

Ее тирада на пристани не была преувеличением: она действительно устала, вымокла и продрогла.

Рэй внимательно посмотрел на нее. Казалось, он удивлен и одновременно заинтересован тем, что увидел.

— Мне кажется, — его голос звучал располагающе, — вы не из тех девушек, которых легко испугать. — На губах вновь заиграла слегка ироничная усмешка. — Если вас не испугал дурной характер моего брата, сомневаюсь, что вас вообще что-то может испугать.

— С грубостью и старинными замками мне приходилось встречаться и раньше.— Ироничный смех Рэя нравился Дженнини не больше резкого голоса его брата.— Я хотела бы поговорить с миссис Лэнгдон об условиях работы.

— Подозреваю, что в настоящий момент она вовсю сражается с Паулем,— сказал он.— Если вы извините мое отсутствие, я схожу узнать, чем все закончится. Это невероятно интересно.

— Мистер Лэнгдон?

Приоткрыв дверь, он обернулся через плечо.

— Как вы думаете, кто победит?— спросила Дженнини, выдавливая из себя подобие улыбки.

— А на кого бы поставили вы?

Поколебавшись мгновение, она нашлась:

— На себя.

— Победа будет за вами,— Рэй улыбнулся и вышел, оставив ее одну в комнате.

Она солгала ему больше чем однажды. Ей было страшно: она не привыкла ни к старинным замкам, ни к людям, похожим на Пауля Лэнгдона. Сбросив с плеч промокший плащ, Дженнини заботливо расправила его на спинке кресла и придвинулась ближе к камину, потирая ладони, чтобы быстрее согреться. Трудно было представить, что Сюзанн жила среди этих мрачных стен и теней. Что же случилось с ней? Ее муж, Пауль Лэнгдон, тревожил чувства, вызывал странное любопытство у Дженнини. Рядом с ним невозможно было чувствовать себя беззаботной. Любовь к такому человеку можно было сравнить с влечением к шторму, к скалолазанию, к гоночному автомобилю, мчащемуся на полной скорости: загадочное смешение чувства опасности и жажды приключений. Но, начав гонку, трудно, если вообще возможно, повернуть назад.

Слабый шорох за спиной заставил Дженнини стремительно обернуться. В комнату вошла женщина: крошечное, высохшее существо, чье лицо, казалось, состояло из огромных голубых глаз, затенявших миниатюрный носик и губы.

— Я принесла вам горячего чаю,— тонким, как складки ее морщинок, голосом проговорила она.— Приказ мистера Лэнгдона.

Она внесла поднос и поставила его на край стола. Дженнине могла не заметить, что ее руки подрагивают. Вероятно, возраст... или страх.

Интересно, кто из братьев приказал принести ей чай? Дженнине собиралась спросить, когда что-то в поведении женщины остановило ее. Вместе с языками пламени в глазах служанки отражался не возраст... это был настоящий страх. Наполнив чашку, она выпрямилась и подошла к Дженнине. Тонким, как шуршание костра, шепотом произнесла:

— Уезжайте, ради Бога, уезжайте, мисс. Пока кровавая луна не поднялась над морем.

И ушла — так же незаметно, как и появилась.

Глава четвертая

С чашкой в руках Дженнине стояла возле камина, однако холод внутри, казалось, лишь становился глубже. Каждая клетка тела застыла от произнесенного шепотом предупреждения. Не было сомнений, что служанкой двигал самый настоящий страх. Дженнине почувствовала сильное желание схватить плащ и бежать из комнаты, через мрачные коридоры и дворик со смеющимися (интересно, почему?) наядами. Вниз по грубым ступеням к пристани — к вельботу, ожидающему у причала. Уехать, прежде чем поднимется кровавая луна.

Неожиданное ощущение, что за ней наблюдают, заставило замереть Дженнине. Ощущение было столь необычным, что его нельзя было приписать угрюмости и угнетающей тяжести коридоров замка. Слабый шорох подтвердил подозрения.

Звук исходил из соседней комнаты. В слабом мерцании газовых рожков, освещавших дверной проем, мелькнула бледная тень, и все исчезло. В темноте послышался тихий, приглушенный смешок, как будто кто-то, спохватившись, прикрыл рот ладошкой.

Страх снова уступил место раздражению. Чужое внимание к ее персоне нисколько не польстило Дженнине, но еще меньше ей понравился смех. Поставив на поднос чашку, она быстрыми шагами подошла к двери и распахнула ее. В противоположном конце коридора скользнуло белое бесформенное облачко, скрипнула

дверь комнаты. Дженни осторожно приблизилась. Сумрак внутри не позволял рассмотреть обстановку. Пройдя немного, она остановилась, прислушиваясь.

Что-то зашуршало, пытаясь проскочить мимо нее. Не раздумывая, Дженни протянула руку и крепко сжала край белой накидки странного существа. Резкая остановка заставила ее сделать несколько шагов, чтобы не потерять равновесия. Они оказались в коридоре.

Неровный свет газовых рожков осветил испуганное лицо ребенка. На какую-то долю секунды Дженни снова перенеслась в прошлое. Перед ней стояла Сюзанн. Маленькая девочка с лицом Сюзанн. Ощущение прошлого росло: Дженни пришлось опереться о стену — не столько для того, чтобы удержать равновесие, сколько для того, чтобы увериться в реальности происходящего.

К действительности ее вернули глаза девочки. На лице двойника Сюзанн жили серебряные глаза Пауля Лэнгдона. Хотя и более мягкие, доверчивые, это, без сомнения, были его глаза.

В напряжении последних часов она совершенно забыла о ребенке. Вздохнув с облегчением, она выпустила край накидки, которую продолжала сжимать в руке. Девочка отступила на шаг, но больше не пыталась убежать.

— Здравствуй, — Дженни опустилась на корточки. — Тебя зовут Варда, я угадала?

Она немедленно поняла собственную ошибку.

— Как ты узнала? — удивление боролось в Варде со страхом.

Обманывать ребенка было преступлением, но у Дженни не было выбора, если она хотела остаться в замке.

— Мне рассказала подруга, — объяснила она и добавила: — Меня зовут Цинтия.

— Ты останешься с нами? Мы будем друзьями. — Голос девочки не оставлял сомнений в том, что больше всего ей нужна подруга.

Дженни помедлила, не зная, как ответить на вопрос.

— Я надеюсь, — наконец нашлась она.

Ответ явно разочаровал девочку. Чтобы загладить возникшую неловкость, Дженни улыбнулась и заглянула ей в глаза.

— А что мы будем делать, когда станем друзьями? — весело поинтересовалась она. — В таком большом доме можно придумать много разных игр. Мы вместе посмотрим остров, ведь он большой, правда?

Девочка серьезно покачала головой.

— Нам не разрешат гулять по острову, — сказала она.

— Почему?

— Это опасно, — Варда понизила голос. — Ночью там живут тени.

От изумления Дженни не могла найти слов. Даже ребенок в этом доме боится. Но чего? Что притаился снаружи мрачных стен замка?

В коридоре послышались громкие шаги. Из-за угла появился Пауль Лэнгдон с фонарем в руках: намокший плащ, как мантия, разевался за его плечами.

Увидев Дженни, он резко остановился.

— Что здесь?.. — он не закончил: его удивление сменил гнев.

— Что ты здесь делаешь? — он наклонился к дочери.

— Я пришла посмотреть, кто приехал к нам в гости, — послушно ответила та.

Пройдя мимо них в темную комнату, Пауль Лэнгдон с силой потянул шнурок звонка. Не успело затихнуть слабое эхо, как в отбрасываемый фонарем круг света ступила пожилая служанка. При виде девочки ее лицо тоже приняло удивленное выражение.

— Так вы за ней смотрите, — пророкотал Лэнгдон, указывая на Варду. — Как она оказалась одна, с незнакомым человеком?

— Извините, сэр, — опустив голову, служанка подошла и взяла Варду за руку. — Я только на минуту отвернулась. Идем, — позвала она девочку.

Пауль Лэнгдон с видимым усилием пытался овладеть своими чувствами. Дженни с раздражением пытлась последовать его примеру. В присутствии детей не принято обсуждать родителей, однако в этот момент она была близка к тому, чтобы забыть об этом.

— Отправляйся с Марией, — более спокойным голосом проговорил Лэнгдон, обращаясь к Варде.

Она молча вышла, даже не оглянувшись на Дженнини.

— Послушайте, мистер Лэнгдон... — начала Дженнини, когда они остались одни.

Он не дал ей закончить.

— Пройдемте в гостиную, — его тон не допускал возражений.

Несколько сбитая с толку, Дженнини возвратилась в комнату, оставленную за четверть часа до этого.

Бросив взгляд на поднос с чаем, Пауль Лэнгдон пошел к камину и остановился, глядя на прыгающие языки пламени. После продолжительной паузы он заговорил, обращаясь к горящим поленьям:

— Вы должны понять, мисс Бёрк, что это не обычный дом. И мы не совсем обычные люди.

Если это достаточное объяснение его поведению, подумала Дженнини, то что следует отвечать? Лэнгдон обернулся. Казалось, он удивлен тем, что она еще здесь. Дженнини почувствовала себя неуютно под его немигающим взглядом.

— Вас нелегко испугать, мисс Бёрк? — это больше напоминало утверждение, чем вопрос.

Полчаса назад те же слова говорил брат Пауля. Оба ожидали увидеть ее испуганной, и это заставляло Дженнини поглубже упрятать свой страх.

— Миссис Лэнгдон считает, что девочке нужен учитель, — совершенно другим тоном продолжал Пауль. — Я согласился, чтобы вы остались. С завтрашнего дня можете приступать к своим обязанностям. Полагаю, вопрос с жалованьем и другие детали уже улажены?

Дженнини кивнула. Досадно, что Цинтия Бёрк не сообщила ей всех условий работы.

— К тому, что вы будете обсуждать с миссис Лэнгдон, я хочу добавить единственное условие, — проговорил он, пристально глядя ей в глаза. — Вы не должны оставаться наедине с моей дочерью. Мария загружена работой по дому, но я постараюсь подобрать подходящее время, чтобы она могла присутствовать на ваших уроках.

Дженнини молчала, ожидая объяснений, может быть, извинений за холодную встречу. Ее надежды не оправдались; после секундной паузы Лэнгдон добавил:

— Мария покажет вам вашу комнату. Надеюсь, чай подкрепил ваши силы,— и прежде, чем она нашлась что ответить, стремительно вышел из комнаты.

Дженни посмотрела на закрывшуюся за ним дверь. Все обитатели дома передвигались с поразительной быстротой; казалось, каждого преследуют тени замка. Дженни с удивлением отметила, что сама непроизвольно ускоряет шаги, когда выходит из комнаты. Хотелось поскорее обогнать углы, перейти из комнаты в комнату. Однако тени таились повсюду.

Вошла Мария, с опущенной головой, без Варды. Выговор Пауля не прибавил ей разговорчивости. Молчаливым кивком она пригласила Дженни следовать за ней и бесшумно скользнула прочь из комнаты. Схватив с кресла непросохший плащ, Дженни заторопилась следом. Высоко поднятый фонарь в руке Марии разрезал темноту, немедленно смыкавшуюся за их спинами.

Вместо отведенной ей комнаты они направились в покой миссис Лэнгдон, которая занималась вышиванием перед ярко пылающим камином. Возле ее кресла стоял Рэй с бокалом вина в руке. При виде Дженни он ослепительно улыбнулся.

Миссис Лэнгдон тоже улыбнулась, хотя и менее ослепительно, откладывая в сторону свое вышивание.

— Рэй проводит вас в комнату, мисс Бёрк,— проговорила она, величественным жестом отпуская Марию.— Я позвала вас, чтобы извиниться за сцену на пристани. Пауль не ожидал вашего прибытия. Временами он бывает несдержан, но не следует придавать этому слишком большое значение. Больно кусает не та собака, которая громко лает.

— Обычно я не дожидаюсь, пока меня укусят,— Дженни заставила себя улыбнуться, стараясь не показать, что встревожена.

— Очень хорошо,— миссис Лэнгдон вернулась к отложенному рукоделию.— Утром мы обсудим круг ваших обязанностей. Пока вам следует отдохнуть и сбраться с силами. Ужин подают в восемь, мисс Бёрк. Вы ужинаете с нами. Рэй, будь любезен...

Кивнув вместо прощания, она углубилась в свою работу.

Рэй казался счастлив, что ему выпало проводить Дженни. В его присутствии даже мрак выглядел не

столъ густым, и Дженни с сожалением подумала, какое унылое существование он обречен вести на острове. Невозможно было представить, чтобы в его голове жила мысль об убийстве: он был слишком далек от этого.

— Здесь очень уютно, — проговорила она, когда они вошли в отведенную ей комнату. Дорожная сумка уже стояла рядом с ночной столиком.

— Вам повезло, — признался Рэй, разгребая кочергой сучья в камине, — это единственная комната в замке, где можно принять гостей. Раньше здесь жила жена Пауля.

Почувствовав, как напряглось ее лицо, Дженни отвернулась. Эта комната принадлежала Сюзанн? Ее глаза остановились на застекленных дверях. Сдвинутые занавески отраживали внутренность комнаты от умирающего дневного света. Сделав несколько шагов, она раздвинула их. Двери открывались на крошечный балкон: вернее, на то, что от него осталось. Перила и деревянный пол прогнили и провалились: все сооружение угрожающе накренилось, нацелившись в темные океанские волны. От высоты перехватило дыхание.

— С этим балконом связан несчастный случай, — тихо произнес Рэй, подходя сзади. — Думаю, предупреждение будет излишним, но вам не следует выходить наружу.

Она ничего не ответила, продолжая разглядывать провалившиеся доски.

— Если вам здесь не понравится, я постараюсь приготовить для вас другую комнату, — голос Рэя звучал озабоченно.

Дженни отрицательно покачала головой, выдавив из себя вымученную улыбку.

— Спасибо, не стоит беспокоиться. Мне здесь нравится. Прекрасный вид.

Он почтительно поклонился:

— Mais certainement*, — и направился к двери. — Ужин в восемь. Если вам что-нибудь понадобится — звонок у дверей, вызовите Марию.

Дженни смотрела, как он уходит.

— Постойте, — поспешил окликнуть ее, — я хотела спросить, что означает «кровавая луна»?

* Здесь: как вам угодно (*фр.*).

Он обернулся.

— Почему вы спрашиваете?

— Об этом говорили в городе. Мне было интересно...

— Понимаю,— он посерезнел.— Сегодня вечером вы можете увидеть ее.

Взяв Дженни под локоть, он подвел ее к застекленным дверям, откинул занавески. Красный диск солнца уже коснулся поверхности океана. Встающая луна отражала пылающие зарницы, и со стороны казалось, что она излучает свет, напоминающий цвет крови.

— Такое происходит время от времени,— объяснил Рэй,— когда солнце и луна проходят близко друг от друга над поверхностью океана. В старину это считалось зловещим предзнаменованием: предупреждение о чьей-то смерти.

Дженни повернула голову и взглянула ему в лицо. Если Рэй хотел предостеречь ее, он умело скрывал свои чувства: на его губах снова играла непринужденная улыбка.

— Встретимся за ужином,— сказал он и вышел.

Дженни перевела взгляд на окно: кровавая луна поднялась над водою

Глава пятая

Ужин подали в длинной, просторной зале. За тяжелым резным столом прислуживали везде успевающая Мария и помогавшая ей молодая девушка. Рэй Лэнгдон искрился обаянием и обращался к Дженни как к титулованной особе. Радущие миссис Лэнгдон было несколько испорчено ее высокомерием, напоминавшим Дженни, что она всего лишь гувернантка. Что касается Пауля Лэнгдона, казалось, он едва замечал ее присутствие.

Ужин заканчивался, когда Дженни решилась задать волновавший ее вопрос. Прекрасно понимая, что вызовет раздражение Пауля Лэнгдона, она намеренно обратилась к нему:

— Ваша дочь говорит, что на острове живут какие-то тени, по ночам опасно покидать замок... Мне не

хочется выглядеть нескромной, но чего именно следует опасаться?

— Если вы будете заниматься своими делами и не станете совать нос куда не следует, вам не угрожает никакая опасность,— пристально взглянув на нее, ответил он.

На помощь пришла миссис Лэнгдон.

— Разумеется, на острове существуют опасности,— сказала она.— Особенno для молодой девушки, которая рискует заблудиться, не зная дороги. Природа острова находится в первобытном состоянии; есть змеи, некоторые ядовиты. Наши мужчины иногда охотятся на диких вепрей. На пляжах восточной стороны случаются сильные приливные волны; их появление непредсказуемо и они опаснее, чем волны на острове Сант-Мишель. Естественно, мы требуем от Варды не выходить в одиночку из замка. Что касается «теней», оставим их на совести Марии. Ее возраст требует уважительного отношения, хоть она, быть может, и злоупотребляет историями о домовых и ведьмах.

— Вы, кажется, не боитесь домовых,— улыбнулся Рэй.

— Нисколько,— согласилась Дженнингс,— но встретить на прогулке дикого вепря или утонуть в море... Вам следовало сразу предупредить меня.

— О прогулках по острову можете забыть,— коротко отрезал Пауль Лэнгдон.— Для занятий с ребенком отведена специальная комната. Все необходимое вам покажет Мария. Не вижу причин, по которым вам следовало бы покидать замок. Надеюсь, вы извините мою резкость.

С пылающими щеками Дженнингс повернулась на каблуках и выбежала из комнаты. В столовую ее сопровождала Мария, однако обратный путь она без труда нашла сама, несмотря на обилие длинных, извилистых коридоров со множеством дверей. В своей спальне, перед затухающим камином она попыталась представить себе, что можно предпринять дальше. Разговоры с обитателями замка могли бы приоткрыть завесу над жизнью, которую вела Сюзанн, но для этого нужно было преодолеть разделявшую их стену. Насколько реальны и насколько вымыщлены были опасности, подстерегавшие Сюзанн, станет ясно позже, а пока... Дженнингс

вздрогнула от громкого щелчка остывающих углей,— пока лучше не думать о них, иначе воображение с готовностью нарисует сонм притаившихся ужасов.

Однако, и в этом трудно было винить воображение, кто-то рылся в ее вещах за время отсутствия. Распаковывая сумку, она аккуратно повесила платья в стенной шкаф, белье убрала в комод возле стены. Мраморную инкрустацию на крышке комода закрывала кружевная салфетка, уголок которой теперь прихватывал небрежно задвинутый верхний ящик. Дженни хорошо помнила, что этого не было, когда она перед ужином подходила к комоду.

Несколько мгновений она рассматривала розовую бахрому, пытаясь понять, что это могло означать. Существовало единственное разумное объяснение: кто-то побывал в ее комнате.

Дженни перебрала в памяти события прошедшего вечера. В восемь часов она вызвала Марию. Служанка проводила ее в залу, где в одиночестве с бокалом шерри сидела миссис Лэнгдон. На вопрос о Пауле Мария извинилась, сообщив, что тот занят у себя в студии и придет позже. Отсутствие Рэя не повлекло никаких объяснений, и через несколько минут он присоединился к их компании. Еще две или три минуты спустя в зале появился Пауль, после чего все перешли к столу.

Получалось, что в комнате мог побывать любой из братьев. Дженни покачала головой. Нет, это слишком просто.

Нельзя исключать Марии или лодочника, который, как оказалось, был мужем Марии. Из чистого любопытства в комнату могла заглянуть Варда. Девочка ужинает у себя в комнате, сообщила миссис Лэнгдон, за исключением торжественных случаев.

Хорошо, но что они могли обнаружить? Выдвинув ящик, Дженни внимательно просмотрела его содержимое. На белье и украшениях никаких монограмм, только на медальоне были выгравированы ее инициалы — подарок Сюзанн ко дню рождения. Дженни носила его постоянно, однако еще в гостинице в Грэндиз-Лэндинг, вспомнив об инициалах, спрятала медальон под одежду.

Открыв следующий ящик, Дженни почувствовала, как у нее сжалось горло. Письма Сюзанн — она совер-

шенно забыла о них. Даже самый приидирчивый взгляд не смог бы определить, читали их или нет.

— Глупости,— Дженни решительно швырнула письма в камин.

Бумага съежилась, задымилась, прорезалась языками пламени. Когда не осталось ничего, кроме серых хлопьев пепла, Дженни взяла кочергу и переворошила угли. Медленно опустилась в кресло.

Ее разбудил плач. Вздрогнув, она выпрямилась, не до конца понимая, где находится. Мягкое кресло, мерцающие угли, холодный, сырой ветер, откидывающий занавески,— ее окружала совершенно непривычная обстановка. Словно сквозь дымку в памяти пропустил ответ: замок Лэнгдон, каменная громада на острове из камней. Она откинула прядь, упавшую на лицо. Что-то разбудило ее, когда она задремала, сидя перед камином.

Звук повторился. Тихий, приглушенный плач. Всхлипывания ребенка. Какой-то момент, еще отуманенная сном, Дженни думала, что это плачет Сюзанн, как она часто плакала в детстве. По привычке она поднялась, чтобы утешить сестру.

Новое воспоминание пронизало ее холодом. Сюзанн мертва.

Однако за стеной плакал не призрак.

— Варда,— Дженни подошла к двери и осторожно приоткрыла ее. Всхлипывания стали отчетливее: переходы замка, долгое эхо извилистых коридоров разносили и усиливали их; мрачные стены отражали звук, не позволяя ему умолкнуть.

Шагнув в коридор, Дженни остановилась, наклонила голову, пытаясь уловить, откуда донесся звук. Двинулась направо, прислушалась, повернула обратно. Теперь она была уверена в направлении.

За поворотом вверх уходили узкие каменные ступени, густой полумрак скрадывал их продолжение. Вытянув руку, Дженни коснулась стены: прохладная поверхность странным образом успокоила ее. Стаяясь не оступиться, она начала подниматься.

Плач доносился из-за двери на верхней площадке. Комната Варды. Забыв о запрете Пауля Лэнгдона оставаться наедине со своей воспитанницей, Дженни нашупала дверную ручку, повернула. Дверь не шелохнулась,

и в этот момент Дженнни заметила засов, замыкавший ее.

Прошло несколько секунд, прежде чем ей стала очевидной абсурдность увиденного. Засов находился снаружи, а не с внутренней стороны. И был опущен. Варда была заперта в своей комнате!

К изумлению прибавилось негодование. Никакой проступок не заслуживает столь бессердечного наказания. Лишь варвар способен так обращаться с собственным ребенком. Она потянулась к засову, прикоснулась к холодному металлу.

Стальные пальцы сомкнулись на ее запястье. Сильный рывок развернул Дженнни, отбросив спиной к запертой двери. На нее смотрело пылающее гневом лицо Пауля Лэнгдона.

— Что вы здесь делаете? — требовательно произнес он.

Превозмогая ужас, вызванный его внезапным появлением, она нашла в себе силы ответить:

— Я услышала, как плачет Варда, и пришла...

Какой-то момент казалось, что он готов ударить ее. Жестокое смятение исказило его черты, но наконец он обрел власть над своими чувствами.

— Идемте, — он повернулся, не выпуская ее руки, и начал спускаться по лестнице, бесцеремонно волоча Дженнни за собой. Чтобы не упасть, ей пришлось поторопиться; зажатое запястье раскальвалось от боли.

Напротив открытой двери в ее спальню Пауль Лэнгдон остановился и грубо втолкнул Дженнни вовнутрь.

— Заприте дверь, — коротко приказал он, — и никуда не отлучайтесь ночью из комнаты.

Вид мягко мерцающего камина, горящая лампа вернули Дженнни присутствие духа.

— И не подумаю, — упрямая возразила она.

Неблагодарное занятие — сохранять видимость собственного достоинства, когда с тобой обращаются, как с мешком муки.

— Заприте дверь, — повторил Лэнгдон.

Их глаза сердито встретились. Пауль Лэнгдон выиграл поединок. Отступив в комнату, Дженнни захлопнула дверь перед его носом. С лязгом задвинула засов, расположенный, как и следовало, с внутренней стороны.

Камин потух. Погруженная в вереницу невеселых мыслей, Дженни разгребала тлеющие угли кочергой. Пламя, вспыхнувшее, когда она задела березовое полено, напомнило ей о теплом mestечке, которое Господь уготовил для людей вроде Пауля Лэнгдона.

Глава шестая

Над океаном золотыми брызгами занималось утро. Гребни перекатывающихся в солнечных лучах волн матово отражались глубокой позолотой. Скалы внизу, отвесные стены замка сверкали, словно корона, украшенная бесчисленными алмазами, каждый из которых ослеплял своим блеском. Дождь и туман, хмурым облаком окутывавшие остров накануне, исчезли, и казалось невероятным, чтобы они вернулись. Даже тени, перебегавшие в углах, по потолку спальни, выглядели мягкими и безобидными. Стоя возле окна, Дженни почти уверилась, что прошлые страхи были вызваны усталостью и излишним воображением.

Но нет, боялась не только она: старая служанка, Мария, предупреждала ее немедленно уехать. Плакала Варда, запертая в комнате. Даже Пауль Лэнгдон выглядел встревоженным. Позже ночью, успокоившись, она вспомнила страх, вместе с гневом застывший в его лице. Нечто неизъяснимое, жуткое притаилось в старинных стенах, набросив мрачную тень на жизнь обитателей замка.

В дверь постучали. Дженни накинула халат и поспешила отодвинуть запор. На пороге стояла Мария, держа в руках поднос со свежим печеньем и кофе.

— Сегодня вы приступаете к занятиям, — сказала она. Солнечное утро, казалось, приподняло ее настроение: по крайней мере она не выглядела встревоженной. — Граф распорядился отвести специальную комнату. К сожалению, сегодня моя очередь готовить, поэтому первый урок вам придется провести на кухне. Мне приказано находиться рядом.

Скороговорка Марии тоже напоминала хорошо заученный урок.

— Я буду готова через полчаса, — Дженни приняла поднос с завтраком. — Варда уже проснулась?

— Она будет ждать вас внизу, — служанка заторопилась к двери; словно припомнив нечто важное, замедлила шаги: — Граф просил передать, чтобы вы не выходили из замка.

Глоток превосходного кофе немного смягчил последнее предупреждение. Бедная девочка, целые дни вынужденная проводить взаперти. Нет, сегодня ей просто необходима прогулка, твердо решила Дженнини. Желание пролить свет на таинственную гибель Сюзаннину побудило ее приехать на остров. Забота, участие к несчастному ребенку удерживали ее теперь.

Выйдя из комнаты, она остановилась. Все уже должны были собраться внизу, и Дженнини точило любопытство. Быстро оглянувшись, она заторопилась по коридору, свернула на узкую лестницу, которая вела в комнату Варды. Засов был отодвинут: дверь легко подалась, когда Дженнини коснулась ее рукой.

Пожалуй, это была лучшая из комнат в замке. Сюзаннин — или кто-то еще — постаралась украсить детскую. Стены покрывали гобелены, плакаты с изображениями сказочных персонажей: Матушка Гусыня, Вуди Вудпеккер, Алиса, Дональд Дак. Металлические ограждения предохранили два широких окна. Обилие розовых кружев придавало обстановке очень уютный вид.

От любой другой детской комнату Варды отличали лишь две особенности. Первая заключалась в отсутствии зеркал: Дженнини не могла припомнить, видела ли она их вообще в замке. Для утреннего туалета ей пришлось воспользоваться карманным зеркальцем, которое отыскалось в сумочке. Было удивительно, как обходилась Сюзаннин.

Следующим странным открытием был спальный мешок, свернутый и оставленный возле камина. Неравномерные складки явно указывали, что ночью кто-то спал в нем. Подойдя ближе, Дженнини заметила халат, который был прошлым вечером на Пауле Лэнгдоне. Значит, приятно поразила ее мысль, он только старается выглядеть таким бессердечным. Чтобы успокоить плачущую Варду, он всю ночь проспал здесь, на холодном полу — хотя в его распоряжении имелись более удобные покои. Но зачем он запирает дочь?

Она машинально подняла халат, расправила на вытянутой руке. Слабая аура, окружавшая его владельца,

нехотя выплыла из складок. Воздух в комнате стал сухим, болезненно прозрачным — словно пронизанный электричеством. Ощущение чужого присутствия было настолько ярким, что от испуга Дженни выронила халат; боясь оглянуться, с замирающим сердцем выскользнула за дверь, сбежала по лестнице.

Варда ждала на кухне. В просторном помещении стояли деревянные столы, скамьи, пылал разведенный очаг, мерцали жаровни. За одним из столов Мария энергично раскатывала тесто для хлебного каравая. Варда расположилась ближе к окну, со стопкой книг перед собой. При виде Дженни ее лицо просияло робкой, но радостной улыбкой.

— Я молилась, — сказала она после приветствия, — чтобы вам разрешили остаться, и вы остались.

— Наверное, ты прилежная девочка, если твои молитвы исполняются.

— Наверное, — Варда потупилась, отгоняя какое-то неприятное воспоминание. — Но иногда мне бывает так страшно...

У Дженни сжалось сердце при мысли о страданиях, которые выпали на долю невинного ребенка. Мария не обращала внимания на их разговор, занятая работой.

— Не надо больше бояться, — Дженни понизила голос. — Я приехала, чтобы защитить тебя. Ты веришь?

Долгий, полный слез взгляд, казалось, взвешивал ее, проникал вглубь. Наконец девочка слабо улыбнулась и кивнула.

— Вот и хорошо, — Дженни улыбнулась в ответ. Желая переменить тему, подняла одну из книг. — Ты уже читала это?

— Немножко.

— Тогда давай посмотрим, как у тебя получается, хорошо?

Они читали вслух почти час. Варда оказалась смышленым ребенком, однако было заметно, что серьезно с ней никто не занимался. Она быстро исправлялась, допуская ошибки, без труда усваивала новые слова и использовала их уже самостоятельно.

Следующим учебником был букварь. Они дошли до буквы «д», когда в дверях появился отец Варды. Непринужденное настроение, царившее во время урока, не-

медленно угасло. Даже в комнате, казалось, стало темнее. Дженни снова почувствовала себя неуютно.

— Думаю, на сегодня достаточно,— решилась она после короткого замешательства.— Остановимся и попросим Марию приготовить нам что-нибудь поесть.

Пауль Лэнгдон повернулся, намереваясь уйти.

— Мистер Лэнгдон? — окликнула его Дженни.

— Да? — он оглянулся; этим утром его лицо выглядело менее угрожающим.

— Я хотела спросить вас... — она замялась, раздумывая, как лучше задать вопрос, не рискуя рассердить его. Новая вспышка гнева — и Пауль Лэнгдон без колебаний уволит ее, закрыв путь к разгадке гибели Сюзанн.— Превосходное утро. Я подумала, что вы не будете возражать против небольшой прогулки. Свежий воздух пойдет на пользу Варде.

— Остров небезопасен для тех, кто не знаком с ним,— в его голосе не было ни раздражения, ни согласия.

— Я помню,— Дженни приготовилась к этому возражению.— Может быть, вы захотите присоединиться к нам?

Удивленный ее предложением, он не сразу ответил.

— Боюсь, на сегодня у меня много работы с бухгалтерскими книгами.

— Небольшая прогулка будет полезна и вам,— Дженни не собиралась легко сдаваться.

Пауль Лэнгдон почти ответил на ее улыбку, но, в последний момент сдержавшись, снова сделал серьезное лицо.

— Я попрошу брата. Думаю, он согласится сопровождать вас.

Добившись желаемого, Дженни тем не менее ощущала странное разочарование от того, что Пауль отказался идти с ними. Уже в коридоре он вновь обернулся:

— Будет замечательно, если вы принесете с собой немного солнца и свежего воздуха в замок.

После обеда, когда Варда отправилась переодеться, в кухню спустился Рэй. Извинения за причиненное неудобство были отмечены с поистине рыцарским великолодшием.

— Прогулка в обществе двух прекрасных дам не может обременить мужчину, — с учтивым поклоном заверил он Дженнни.

Они вышли во внутренний двор. По-весеннему яркое солнце достигло зенита, океанский бриз наполнял легкие ароматом водорослей. Счастливая тем, что ей разрешили покинуть замок, Варда беспечно кружилась рядом, забегая вперед и радостно оглядываясь, почти не обращая внимания на уговоры остановиться и подождать.

Напротив ворот, выходящих на каменную пристань, расположилась высокая арка, миновав которую, Дженнни в первый раз смогла осмотреть остров. Он оказался меньше, чем она представляла себе, — хотя на глаз было трудно определить расстояние до вершины, которая, по словам Рэя, отмечала противоположный конец острова.

— Примерно три мили в длину, — ответил он на ее вопрос, — и почти миля в поперечнике.

Формой остров отдаленно напоминал полумесяц, оконечности приподнимались над остальной частью суши. Замок был выстроен на узкой каменной гряде возле южного мыса. Тонкая полоска скальной тверди соединяла мыс с остатками еще одного строения. Полуобвалившиеся стены, следы мощеных тропинок свидетельствовали о том, что когда-то эти две части замка были соединены между собой. Руины и упавшие балки теперь полностью перерезали сообщение.

— Первоначально, — объяснил Рэй, — там жили слуги. Но берег в том месте сложен из более мягких пород, и здание вскоре пришло в негодность. Волны и приливные течения подмыли стены, а довершил дело ураган, случившийся здесь лет двадцать назад. Понадобится целое состояние, чтобы снова соединить эти два здания, поэтому мы решили не трогать развалины. Денег едва хватает, чтобы сводить концы с концами.

Он начал спускаться по тропинке, огибающей отвесную скалу; далеко внизу темнела беспокойная поверхность воды. Подстерегавшие неопытного пешехода опасности не были пустым предостережением, как это могло показаться за ужином. Тщательно выбирая, куда поставить ногу, Дженнни крепче сжала ладошку Варды, которая шла между ними.

— Для постороннего взгляда ваше бедственное положение почти незаметно,— сказала она, когда уклон тропинки стал более пологим.

— Пауль женился на небольшом состоянии,— честно ответил Рэй.— Так что мы смогли немного подновить замок, купить лодки. Видели бы вы нас до этого.

В душе Дженини порадовалась, что он идет впереди и не может видеть ее лица. Разговор коснулся так волновавшей ее темы.

— Странно,— громко произнесла она, глядя ему в спину,— у меня сложилось впечатление, что он был влюблена в свою жену.

Рэй пожал плечами.

— Вполне возможно. Он мог убедить себя, что влюблен в нее. У него в характере — не признавать собственных ошибок.

Тропинка неожиданно расширилась, и они оказались на узкой полоске песчаного пляжа. Рэй помог своим спутницам перебраться через нагромождение камней: это занятие на несколько минут прервало разговор. Следующая, более просторная часть пляжа лежала между отвесной стеной острова и каменными скалами, преграждавшими путь волнам. Созданный отливом песчаный бассейн находился заметно ниже уровня моря.

— Приливные течения здесь не сильнее, чем в любом другом месте,— объяснил Рэй,— однако скалы до последнего сдерживают прилив. Можете себе представить, что происходит, когда море переливается через край. К тому времени, как вы заметите первые волны, вода уже скроет тропинку, и вы окажетесь в ловушке.

Дженини, поежившись, взглянула на отвесный утес за их спинами. Поросшая мхами и водорослями поверхность не оставляла сомнений в том, что произойдет с человеком, застигнутым приливом. Ловушка превращалась в могилу.

— Сейчас нет опасности,— успокоил Рэй.— У нас в запасе несколько часов.

Она выпустила ладошку Варды. Девочка с радостным смехом пустилась по берегу, отыскивая выброшенные раковины и цветную гальку. Любование морскими сокровищами поглотило ее целиком. Остановившись возле приземистого валуна, Рэй галантно обтер

его бок от нанесенных водорослей и предложил Дженнини сесть.

— Варда давно потеряла мать? — как можно безучастнее поинтересовалась она, устраиваясь на своем сиденье.

— Уже несколько месяцев, — загородившись от ветра, Рэй прикурил сигарету.

— Как это произошло?

— Кажется, я уже рассказывал вам. Она упала с балкона в вашей комнате, — он поднял глаза и затушил спичку.

— Да, но мне... — она запнулась, пытаясь придумать благовидный предлог своему любопытству. — Почему она вышла на балкон, если знала, что это опасно?

— А почему вы приехали на остров, хотя и знали, что это опасно?

Ее сердце подпрыгнуло, охваченное тревогой.

— Как я могла это знать?

— Вы провели несколько часов в городе. Естественно, расспрашивали о нас и о нашем острове. Нашу репутацию среди местных жителей нельзя назвать добродушной.

— О? — чтобы отвлечь его, она озорно улыбнулась. — Вероятно, в этом повинны хорошенечкие девушки, которым вы подарили повод для беспокойства?

Он улыбнулся.

— Скорее, это можно назвать поводом для радости.

Дженнини рассмеялась и с облегчением услышала, как он тоже смеется. Совсем неожиданно он обнял ее и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась. Поцелуй был восхитителен: то немногое, что Рэй почел за труд изучить, он изучил досконально.

Однако во всем этом не чувствовалось ничего серьезного; для молодого графа это была лишь манера поведения.

— Варда, — прошептала Дженнини, когда он снова собирался поцеловать ее, и он без видимого огорчения разжал объятия.

— Какой была жена Пауля? — спросила она после недолгого молчания.

Он пожал плечами.

— Хорошенькой. Скучной. И неуравновешенной.

Дженни закусила губу, стараясь сдержать негодование.

— Однако она была хорошей матерью?

— Нет, — голос Рэя звучал искренне.

— Она была невнимательна к девочке? — Дженни, затаив дыхание, ожидала ответа. Если бы Рэй согласился, это означало бы, что он лжет. Быть бездушной Сюзанн не могла.

— В общем, да, — Рэй наклонил голову. И тут же добавил: — Так у нее получалось, хотя она этого не хотела. Она сама была слишком ребенок, чтобы стать хорошей матерью. Больше играла в жену и мать, а когда дела не совпадали с ее фантазиями, попросту отказывалась принимать их. Когда ее мечты, что мой брат окажется сказочным принцем, развеялись, она немедленно решила, что он — принявшая человеческий облик бурая болотная жаба.

Пораженная его словами, Дженни не двигалась. Ее первой реакцией была вспышка гнева, вот-вот грозившего вырваться наружу. Более трезвое размышление показывало, однако, что Рэй прав. Сюзанн была именно такой, какой он описал ее, — со всеми своими фантазиями и детской наивностью, с нежеланием воспринимать реальный мир таким, каков он есть.

— Наверное, девочке пришлось тяжело, — произнесла она вслух.

Желание восполнить упущенное Сюзанн, словно искра, вспыхнуло в ее груди. Желание стать матерью, какой не была Сюзанн...

— Признаться, — Рэй смущенно разглядывал песок у себя под ногами, — в моем образовании зияют пробелы, когда дело касается воспитания детей. С Вардой занимается брат; Господь свидетель — он уделяет ей больше внимания, чем остальным членам семьи.

Он продолжал говорить что-то еще, что-то укоризненное, но Дженни не слушала. Новая мысль молнией пронзила мозг, взволновав все ее существо. Среди подсознательных, таящихся до поры до времени чувств было одно, испугавшее Дженни... Странно, но образ Пауля Лэнгдона не отталкивал... ей хотелось стать женой, какой не была Сюзанн.

Глава седьмая

Она вздрогнула от неожиданной мысли; ее движение не укрылось от Рэя.

— Что-то не так?

— Нет-нет,— она соскользнула с камня.

— У вас лицо, словно вы увидели призрак.

— Возможно, вы не так далеки от истины,— ответ получил резче, чем она предполагала: недовольство собой излилось на ничего не подозревающего собеседника.

Стыдясь своей вспышки, Дженни попыталась сгладить возникшую неловкость:

— Простите, Рэй. Неприятные воспоминания... я думала о своем отчиме.

Очень похожем на твоего братца, прибавила она мысленно. Действительно, как и Пауля Лэнгдона, Макса тоже окружала тайна: высокомерие и внешняя грубоватость вполне уживались в нем с нежностью и доверием по отношению к близким. Мать Дженни и Сюзанн любили его. Последнее воспоминание больно уколо Дженни: не отдавая себе отчета, она догадывалась, что в характере Макса скрывались не только отрицательные качества. Повышенная чувствительность, ранимость заставляли его замыкаться, открываясь в кругу лишь тех людей, в чьей любви он был уверен. Дженни никогда не принадлежала к этому кругу.

— Пора возвращаться,— она оборвала цепочку воспоминаний.

На обратном пути Рэй тактично избегал темы, испортившей настроение Дженни, без умолку распространяясь о прелестях острова. Когда они снова выбрались на каменистую тропинку, он, полуобернувшись, спросил:

— Кстати, вы ездите верхом?

— Да, немного. Почему вы спрашиваете?

— Отважным девушкам должны нравиться опасные виды спорта,— он с улыбкой посмотрел на нее через плечо.— Вам когда-нибудь приходилось охотиться на дикого вепря?

— Признаться, ни разу. Хотя я уверена, что это мне понравилось бы,— она рассмеялась в ответ.

Ее энтузиазм польстил Рэю.

— На днях мы делаем выезд, присоединяйтесь. Увидите, как Лэнгдоны управляются с лесными чудо-вищами.

— Я тоже Лэнгдон,— радостно прощебетала Варда,— мне тоже можно будет поехать?

У Дженнни едва не сорвалось: «Нет», однако ее опередил Рэй.

— Конечно, малыш. Твое присутствие будет все-лять в нас отвагу.

— Ее отец может не позволить,— заметила Дженнни, желая смягчить предстоящий отказ, в неизбежности которого была уверена.

— Он слишком оберегает ее. Чего доброго, из нее вырастет не графиня, а монашенка.

По-своему, он был прав. Постоянная опека, запреты отрицательно сказываются на характере любого ребенка, и Варда не составляла исключения. Немного разнообразия в монотонном существовании, без сомнения, принесут только пользу маленькой затворнице.

— Посмотрим,— уклончиво подвела итог Дженнни.

Возле замка, сойдя с узкой тропинки, Варда предложила бежать наперегонки, и Рэй с Дженнни, смеясь, бросились вдогонку, стараясь держаться чуть позади. С шумом и криками вся троица одновременно влетела во внутренний двор, где Дженнни, запыхавшись, присела на край фонтана. Откинув голову и смахивая со лба разлетевшиеся пряди, она неожиданно встретила взгляд Пауля, наблюдавшего за ней из окна. По выражению его лица было невозможно догадаться, одобряет он или нет их шумное веселье, однако его серьезность, столь неуместная в эту минуту, вызвала лишь новый приступ смеха. Тщетно пытаясь сдержать улыбку, Дженнни вскочила с мраморного парапета и последовала в дом за остальными.

За вечерним столом Пауль Лэнгдон лишь однажды коснулся утренней прогулки:

— Мне кажется, у вас хороший характер, мисс Бёрк.

— Очень хочу надеяться,— она ждала продолжения, но вместо этого хозяин замка щедрым жестом предложил ей новый бокал вина.

Не решаясь испытывать его великодушие, она выждала несколько дней, перед тем как отважиться на следующую просьбу. Разговор снова шел за ужином.

— Часть дневных занятий мы могли бы перенести во двор, если вы не возражаете. — Заметив, как нахмурилось его лицо, она поспешило добавила: — Там вполне безопасно. К тому же Мария может присматривать за нами из окна кухни.

Он задумался. Молчание затягивалось, словно петля, и Дженни готовилась к долгому спору, когда Пауль Лэнгдон кивнул, соглашаясь.

— Обещайте не выходить за пределы замка, — твердо потребовал он.

— Обещаем, — Дженни улыбнулась, опуская глаза.

Когда она подняла голову, Пауль внимательно разглядывал ее, словно отыскивая в ней нечто, от него ускользающее. Последние дни она часто ловила на себе этот взгляд; необъяснимый и тревожный.

— Вы нравитесь моей дочери, — Дженни с удивлением разобрала обращенные к ней слова.

— Спасибо. У вас замечательный ребенок.

Лицо Пауля изменилось. Выражение невыносимой муки исказило его черты, но тут же исчезло, сменившись неподвижной маской. Лишь подрагивали побелевшие губы. Тонкие пальцы прикрыли глаза, как будто прогоняя невидимый призрак. С тяжелым вздохом он убрал руку. Разговор прервался, и гнетущая тишина, нависшая над столом, тянулась до окончания ужина.

Несмотря на некоторые странности по отношению к Дженни, Пауль Лэнгдон проявлял необычайную нежность и заботу о дочери. По ночам Дженни слышала звуки, которые постепенно научилась различать. Каждый вечер Мария отводила Варду в детскую, запирала дверь. И каждую ночь Пауль украдкой выскользывал из своей комнаты, поднимался по узким ступеням и укладывался спать в спальном мешке возле камина. Дженни слышала скрежет ключа, когда он запирался изнутри в детской. Это было необъяснимо. От кого он оберегал дочь? И какой цели служил наружный запор на дверях? Дженни терялась в догадках.

Ее привязанность к Варде возрастала с каждым днем, и было тяжело видеть, как угнетающее действует на живой нрав ребенка странный распорядок замка.

Вскоре после получения разрешения на прогулки они сидели, нежась в теплых лучах солнца, возле фонтана и рассматривали книжку для раскрашивания.

— Какую картинку раскрасить? — Варда перелистывала чистые страницы.

— Какая тебе больше нравится.

— Вот эта леди, — пухленький пальчик уперся в стройную фигурку.

Дженни улыбнулась.

— Похожа на сказочную принцессу.

— Нет, на мою маму, — Варда открыла коробку с цветными карандашами.

У Дженини перехватило дыхание. До сих пор девочка никогда не рассказывала о своей матери, и Дженини не могла решить, стоит ли нарушать это молчание. Воспоминания не всегда приносят облегчение, и в некоторых случаях благоразумнее не добиваться ответа.

— Хорошо, мы будем раскрашивать твою леди.

Дженни поднялась и прошлась по двору, чтобы успокоиться.

За воротами виднелась пристань, Франц возился с мотором на корме баркаса. Из вечерних бесед Дженини знала, что Франц и Мария работают в семье с тех пор, как их совсем молодыми привезли из Старого Света, где у Лэнгдонов когда-то имелись обширные поместья. Рэй даже намекнул, что у Франца были неприятности с законом, и только переезд спас его от судебного преследования. Рабская преданность старого слуги была платой семье за эту услугу.

Дженни искала удобного случая, чтобы поговорить с ним или с его женой о Старом Свете, о тайнах, вероятно, связанных с прошлым графского семейства. Однако при редких встречах Франц почти не раскрывал рта и лишь невнятно ворчал что-то в ответ на ее приветствие. Что до Марии — она больше не повторяла своего зловещего предупреждения и в присутствии Дженини отмалчивалась, стремясь скорее исполнить порученную работу. Из прочих слуг оставалась только девочка, приезжавшая помогать по хозяйству раз или два в неделю из городка. Бедняжка, казалось, боялась собственной тени: не было случая, чтобы она осталась в замке на ночь. Однажды Дженини пыталась заговорить с ней, но девочка в испуге убежала.

Над головой хлопнуло окно, голос Марии позвал обедать. Отправив Варду умываться перед едой, Дженнини принялась собирать разбросанные карандаши, книжки. Подняв книгу для раскрашивания, она с отвращением посмотрела на раскрытую картинку: сказочная принцесса была с ног до головы выкрашена в кроваво-красный цвет.

Эту страницу Дженнини вырвала по дороге и, войдя в кухню, незаметно бросила в разведенный очаг. Однако воспоминание о красной фигурке еще несколько дней тревожило ее мысли.

Спокойное течение времени несколько омрачило неприятное происшествие. У медальона, который Дженнини продолжала носить под платьем, распалась цепочка. Разрозненные звенья могли исправить в любой ювелирной мастерской, но для этого нужно было выбраться в город. Пока же, завернутый в носовой платок, медальон лежал в верхнем ящике комода, спрятанный в дальний угол. На какое-то время, занятая делами, Дженнини совершенно забыла о нем. Прошло три дня, прежде чем она обнаружила пропажу. Слабая надежда, что она перепутала ящики, растаяла как дым после тщательного осмотра. Медальон исчез.

Досадность ситуации усиливалась тем, что о пропаже невозможно было спрашивать напрямик, не рискуя — в случае обнаружения — привлечь внимание Лэнгдонов к несовпадению выгравированных инициалов с ее собственными. Подозревать Варду... Вполне вероятно, что сломанный медальон нашла, убираясь в комнате, Мария и забрала, чтобы исправить.

Но тогда она непременно сказала бы об этом, мрачно подумала Дженнини.

В тяжелых размышлениях прошел вечер. За ужином она несколько раз порывалась спросить о пропавшем медальоне, но в последний момент сдерживалась.

Ее беспокойное состояние заметила Беатрис Лэнгдон.

— Вы хорошо себя чувствуете? Вы бледны.

— Ничего серьезного, — Дженнини заставила себя улыбнуться. — Слишком много читала после обеда. Легкая мигрень.

Сразу после ужина, извинившись, она вернулась в свою комнату. Словно в ожидании чуда подошла

к комоду и открыла ящик, в котором хранился медальон.

Чудо свершилось: завернутый в носовой платок, медальон лежал на прежнем месте. Постояв в нерешительности, Дженни подошла к окну, распахнула оконные створки и, размахнувшись, с силой швырнула находку подальше, в темнеющий океан.

Запирать конюшню после того, как увели лошадей, угрюмо усмехнулась она, ложась в постель.

Глава восьмая

Она совершенно забыла о приглашении на охоту, которое сделал Рэй, и была удивлена, когда о нем напомнил Пауль.

— Я слышал,— обратился он к Дженни в один из вечеров,— что вы хотите участвовать в охоте на вепря?

— Да,— она кивнула,— мне говорили, что это потрясающее зрелище.

— Вам доводилось охотиться раньше?

— Нет, но я неплохо держусь на коне. К тому же меня вполне устроит роль зрителя.

— В охоте на вепря эта роль — самая трудная,— на его губах появилось подобие улыбки.— Если мама согласна не спускать с вас глаз, я не стану возражать против вашего участия.

— Я согласна,— голос Беатрис Лэнгдон выдавал энтузиазм, подобающий двадцатилетней девушке. Повернувшись к Дженни, она с восторгом объяснила:— В нашем роду страсть к охоте живет в крови. После Балкан здесь самые дикие угодья.

Дженни не пыталась скрыть своего изумления. До этой минуты ей и в голову не приходило, что чопорная и отчасти надменная владелица замка, целые вечера проводящая за вышиванием, может интересоваться столь рискованными развлечениями.

— О! — спохватившись, она перевела взгляд на Пауля.— Вы тоже едете?

Отрицательный ответ, готовый сорваться с его губ, повис в воздухе. Слабая улыбка осветила лицо, отразившись в серых глазах блеском ртути.

— Вы желаете, чтобы я сопровождал вас, мисс Бёрк?

Казалось, он поддразнивает ее. Пугливым зверьком промелькнула мысль, что каким-то непостижимым образом ему ведомы чувства, в которых Дженнин боится признаться себе самой. Покраснев, она выдержала его взгляд и тихо произнесла:

— Да.

В первый раз за все время своего пребывания на острове она слышала его смех; густой, сочный звук заставил быстрее забиться ее сердце. Небрежным движением он поднес к губам свой бокал.

— Превосходно, выезжаем завтра утром. Рэй, распорядись, чтобы Франц приготовил лошадей до рассвета.

— Твоя дочь тоже собирается ехать, — заметил Рэй.

Пауль снова посерезнел.

— Нет, об этом не может быть и речи, — он осушил бокал.

Атмосфера всеобщего предвкушения истончилась, в комнате повисла тишина. Чувствуя, как замирает сердце при мысли, что она вновь рискует рассердить Пауля, Дженнин нарушила молчание.

— Мне будет приятно, если вы измените свое решение. Варда может сесть ко мне на лошадь, обещаю, со мной она будет в безопасности. У бедняжки так мало развлечений.

— Она права, — поддержала ее миссис Лэнгдон.

— К тому же, — вмешался Рэй, — запрет на охоту для Лэнгдона равносителен лишению жизни.

Однако Пауль, казалось, не замечал их, продолжая смотреть на Дженнин. Обращаясь к ней, он проговорил:

— Хорошо. Возможно, вы правы. Хотя моей дочери не обязательно ехать вместе с вами. Ее воспитание не столь запущено, как это представляется, и Варда прекрасно ездит верхом.

* * *

На рассвете ее разбудила Мария. Чашка крепкого кофе прогнала остатки сонливости, когда в комнату вошла Беатрис Лэнгдон, уже одетая, готовая к предстоящей поездке. Возбуждение несколько растопило ее

аристократическую холодность, и, когда она заговорила, ее голос звучал дружелюбнее, чем обычно.

— Я принесла для вас мантию,— сказала она, передавая плотный сверток.— В ней вам будет удобнее, чем в том плаще, который вы носите.

Мантия оказалась, как заметила Дженнини, не только более удобной, но и более элегантной. Мягкая, выделанная кожа была подбита теплой меховой подкладкой; высокий воротник плотно застегивался золотой пряжкой: благодаря этой застежке одеяние могло свободно ниспадать на плечи, не мешая рукам.

Настоящий охотничий плащ. Дженнини почувствовала странное волнение от прикосновения к его коже. Надеть спортивные брюки было бы совершенной безвкусицей: плащ предполагал иной выбор. К счастью, Дженнини вовремя вспомнила, что брюки не в почете у женской половины замка. Когда она спустилась вниз, на ней была простая белая блузка и серая плиссированная юбка, теплая и изящная, обеспечивавшая необходимую свободу для поездки верхом. Рэй Лэнгдон приветствовал появление Дженнини восхищенным вздохом. Пауль молчал, однако в его глазах читалось одобрение ее туалету.

Спор вызвали легкие прогулочные туфли — лучшее, что мог предложить скучный гардероб Дженнини. Мария отправилась на поиски более подходящей обуви, и вскоре на ногах Дженнини красовались тонкие, но прочные ботинки со шнурковкой, доходящей ей до колен.

— Где нет камней, там сплошные заросли,— объяснила Беатрис Лэнгдон,— вы до крови пораните ноги о кусты и мелкие деревца.

Во дворе их ожидал Франц с оседланными лошадьми. Конюшни располагались на некотором удалении от замка, и поэтому Дженнини в первый раз видела этих великолепных животных. Рэй принял поводья черного, нервного переступающего на месте жеребца; Беатрис выбрала стройную чалую кобылу. Дженнини досталась спокойная лошадка ореховой масти, вероятно, определенная ей за свой кроткий норов. Варду дожидался не менее спокойный шетлендский* пони.

* Шетлендский пони — некрупная лошадка с Шетлендских островов.

Однако всех превосходил жеребец, предназначавшийся Паулю. Его серебристый отлив, без примеси белого или серого тона, словно эхо подхөдил пронзительному сиянию глаз хозяина замка.

Понимая, что за ней наблюдают, Дженни легко поднялась в седло и присоединилась к остальным всадникам. Присматривать за Вардой не было необходимости: девочка неплохоправлялась со своим пони. Пауль занял место впереди, и маленькая кавалькада двинулась в глубь острова.

Дорога легко кренилась под гору. Утреннее солнце играло в пятнашки с неохотно взлетающим с земли ночным туманом. Щеки покалывало морозными иголками, дыхание клубилось паром, и Дженни с благодарностью куталась в тяжелый плащ, тепло облекавший ее плечи.

Покатый склон сменился низиной, густо заросшей травами. Приземистый кустарник замедлил бег лошадей; к их тяжелому сопению прибавилось влажное чавканье грязи под копытами. Вероятно, в летние дожди эта лощина превращалась в непроходимое болото. Каким бы маленьким ни выглядел остров, требовалось не менее дня, чтобы обехать его полностью.

Беатрис Лэнгдон, державшаяся впереди вместе с отыскивающими звериный след сыновьями, слегка поотстала, чтобы поболтать с Дженни.

— Преследование придает вкус охоте,— произнесла она, натягивая поводья.— Может быть, именно в выслеживании вепря и таится вся прелесть охоты, весь ее азарт.

— Разве дикие кабаны так опасны? — удивилась Дженни.— На фотографиях они выглядят довольно безобидными созданиями.

Беатрис Лэнгдон покровительно улынулась.

— На сегодня постарайтесь забыть об этих фотографиях, иначе к вечеру от вас останется чуть меньше, чем было утром. Вепри невероятно подвижны и в отличие от прочих животных не боятся нападать первыми. Их клыки можно сравнить с отточенной бритвой; на моих глазах кабан напрочь отсек ногу зазевавшемуся охотнику. Ваши ботинки для него не толще газетной бумаги.

Дженни посмотрела на скачущих впереди всадников.

— Почему никто не захватил ружья? — она только сейчас обратила на это внимание.

Трое мужчин были вооружены длинными пиками, кроме того, у Пауля за поясом виднелась рукоять охотничего ножа.

Беатрис, казалось, наслаждалась ее испугом.

— Мы охотимся по канонам, существовавшим в средние века. Охотник в одиночку нападает на вепря, пытаясь поразить его с помощью копья. Один бросок, и оба сражаются на равных. Практически невозможно убить кабана первым ударом; копье ломается, часто даже не ранив животное. Один бросок, и охотник должен спешиться, чтобы продолжать схватку на земле, вооружившись ножом. От ран вепрь свирепеет, и победить его может лишь мужество.

С громким смехом она отвернулась и пришпорила своего скакуна. Стремительный рывок вынес ее далеко вперед, приблизив к линии горизонта. За ней с одобрительным возгласом последовал Рэй; их силуэты быстро таяли на фоне утреннего неба. Пауль не присоединился к гонке, занятый поисками следов.

Скачущих всадников горящими глазами провожала Варда; Дженни отрицательно покачала головой, перехватив ее умоляющий взгляд.

К середине утра они сделали недолгий привал. Кабанов не было видно, но это, казалось, не слишком обескураживало охотников, из чего Дженни заключила, что преследование продолжается. Из чересседельной сумки Пауль извлек бурдюк, наполненный вином, поднял над головой и сдавил так, что струя вина брызнула ему прямо в рот. После него бурдюк взял Рэй. Дженни последовала примеру Беатрис Лэнгдон, утолив жажду с помощью серебряной кружки, которую ей любезно предложил Пауль. Молодое вино прогнало холод, однако оказалось довольно крепким, и, взбираясь на лошадь, Дженни испытывала приятную легкость в теле.

Наконец удача улыбнулась им; впереди в зарослях показалась морда вепря. Натянув поводья, Дженни сдавленным голосом окликнула Варду. Пауль, ехавший во главе группы, резко остановился и взмахом руки подал

знак Рэю, который в то же мгновение сорвался с места, приближаясь на своем черном жеребце к зверю.

Вблизи вепрь выглядел гораздо ужаснее, чем на фотографиях. Бурая шкура лоснилась под солнцем; туловище венчала крупная голова с угрожающе изогнутыми клыками; поблескивали маленькие глазки. Вместо того чтобы развернуться и бежать, как это описывается в многочисленных охотничих мемуарах, он, не раздумывая, ринулся на приближающегося всадника. Потянувшись поводья, Рэй искусно отвернулся вправо и с силой метнул копье в промчавшегося мимо зверя. Древко с сухим треском переломилось, оставив наконечник глубоко погруженным в тушу вепря. Послышался радостный возглас Беатрис: бросок был великолепен.

Животное споткнулось, но сразу же вскочило на ноги; громко сопя, развернулось к противнику. Рэй успел соскочить с коня и теперь набегал слева, когда неожиданно его сапог зацепился в примятой траве. Он упал, и вепрь, словно повинувшись команде, бросился в атаку. Дженини зажала рот ладонью, чтобы не закричать, недоумевая, почему Пауль не пытается спасти брата. Правила запрещают вмешиваться, вспомнила она.

Рэй стремительно перекатился набок; рука с ножом очертила в воздухе сверкающую дугу, благополучно миновав изогнутые клыки. Лезвие вонзилось в незащищенное горло чудовища, выпустив фонтан кровавых брызг. Накренившись, вепрь пробежал еще несколько ярдов, прежде чем силы изменили ему. Копыта его подломились, и он с шумом рухнул наземь, в агонии царапая дерн, похрипывая. Рэй поднялся на ноги и пошел к поверженному противнику. Новый взмах ножа пресек агонию.

— Браво,— Беатрис захлопала в ладоши.

Лошадь под Дженини попятилась, почуяв запах свежей крови. Подъехал Франц, чтобы забрать тушу. Рэй снова сел на своего коня и с довольным видом посмотрел на Дженини. Она с радостью улыбнулась ему.

— Здорово, правда?— голосок Варды дрожал от возбуждения.

Дженни только молча кивнула, не в силах произнести ни слова.

Добычу для Пауля они наши чуть дальше в зарослях, возле края широкой прогалины. Заметив всадников, вепрь не стал дожидаться нападения, молниеносно развернулся и понесся прямо на женщин, ехавших сзади. Ближе всех к нему находилась Варда на своем пони. Дженнни пронзительно вскрикнула.

У Пауля не оставалось времени для преследования. В отчаянной попытке он метнул копье, но острие лишь задело шкуру, оставив неглубокий порез — достаточный все же для того, чтобы животное вновь переменило направление. Ломая сучья, вепрь скрылся в зарослях у края прогалины.

Не теряя ни секунды, Пауль соскочил с седла и бросился следом.

— Его нельзя отпускать одного, — ужаснулась Дженнни. — Вепрь даже не ранен.

— Он должен убить его, — ответила Beатрис Лэнгдон, побледнев. — Это вопрос чести. Оставайтесь с Вардой.

Вместе с Рэем они на лошадях врезались в заросли и вскоре скрылись из виду, хотя еще какое-то время можно было различить их голоса, окликающие друг друга.

Для ее нервов это чересчур возбуждающий вид спорта, решила Дженнни, соскакивая с седла и с наслаждением разминая ноги. Подъехала Варда на шетлендском пони.

— Папа сказал не спешиваться без разрешения, — ее глаза были широко раскрыты.

— Уже сажусь, — успокоила ее Дженнни.

За спиной послышался тихий шорох; словно далекий гром раскатился в небе. Густая трава у прогалины раздвинулась, донеслось приглушенное ворчанье, и из зарослей, в двадцати футах от Дженнни, высунулась голова вепря. Чудовищные клыки, налитые кровью глаза... От неожиданности она выпустила из рук поводья; замерев, почувствовала, как пятится, всхрапывает ее гнедая. И в ту же секунду на нее с ревом бросилось чудовище.

Глава девятая

Все произошло в считанные секунды, хотя перед глазами, казалось, протянулась целая вечность. Движения замерли, как в замедленной киносъемке.

Беззвучное приближение вепря; Рэй, пришпоривающий своего коня; Пауль, с ужасным лицом бросающийся наперерез зверю,— все промелькнуло в одно мгновение. Крик Варды вернул Дженни способность двигаться. В отчаянном прыжке она увернулась от несущегося навстречу вепря, упала, чувствуя, как острые клыки рвут складки плаща, вспарывают кожаный ботинок. Небо, трава попеременно завертелись вокруг, отшвырнув ее наконец лицом вниз на землю, совершенно беспомощную перед новой атакой.

Кто-то подхватил ее под руку: подняв голову, она с облегчением увидела рядом Рэя, помогающего ей подняться. Подскакала Беатрис Лэнгдон, с тревогой взглянула на Дженни.

— Пауль,— слабо позвала девушка, высвобождаясь из объятий Рэя.

Однако Пауль уже приближался к ним. Левая рука была обагрена кровью, тяжелые капли падали на сухую траву. Бурая туша вепря темнела чуть поодаль; из шеи торчала рукоять охотничьего ножа. Бросок Пауля оказался удачным, но лишь взглянув на его лицо, Дженни поняла, что заставило его рисковать жизнью.

Опустившись на колено, он молча обнял ее и привлек к себе здоровой рукой. Слезы заструились из глаз Дженни, когда она уткнулась в его плечо. Никто не произнес ни слова: в них не было нужды.

К действительности ее вернул вид раны, которую вепрь нанес Паулю. Потупившись, Дженни осторожно отодвинулась: перехватив его взгляд, вспомнила, что ранена сама. Черная кожа ботинка покраснела от крови, распоротая от лодыжки до колена.

— Боюсь, мне понадобится еще несколько уроков, чтобы преуспеть в этом искусстве,— она слабо улыбнулась.

Он с облегчением рассмеялся:

— Вы были неподражаемы!

— Прирожденная охотница,— поддержала Беатрис, с уважением оглядывая рану.

— Если бы не ваше присутствие духа, мне не пришлось бы принимать поздравления,— произнес Пауль, в его глазах читалось откровенное восхищение.— Я никак не успевал перехватить этого зверя.

— Тогда будем считать,— Дженни почувствовала быстро нарастающую боль в ноге,— что половина добычи принадлежит мне.

Общий смех рассеял напряжение. Беатрис принялась успокаивать Варду, которая продолжала всхлипывать, сидя на своем пони. Франц пригнал убежавшую лошадь и с озабоченным лицом выслушал взволнованный рассказ Рэя о случившемся. Бинты, извлеченные из его седельной сумки, были наложены на раны. Рука Пауля вызывала серьезное беспокойство, тогда как Дженни отделалась неглубокой, хотя и длинной царипиной. С помощью Рэя она взобралась на лошадь. Охота окончилась. Франц захватил с собой некое подобие салазок, которые привязал позади своего коня. На первую тушу, уже привязанную к полозьям, он взвалил вторую и закрепил веревкой. Маленькая кавалькада, на этот раз предводительствуемая Рэем, направилась к замку.

Дженни была разочарована, что мясо вепря не подали на ужин.

— Очень сожалею,— извинился Рэй,— но чтобы разделать этого зверя, требуется целая вечность. Обещаю завтра же заняться им лично.

Остаток дня прошел без приключений. Варда пребывала в таком восторге от пережитого, что об уроках пришлось забыть и дать ей выходной. Беатрис и Рэй находились в прекрасном настроении, смеялись и шутили без умолку.

Общей веселости не разделял один Пауль. По дороге домой он, казалось, сожалел о недавнем проявлении чувств, хмурился и молчал. За ужином избегал взгляывать в сторону Дженни, не принимал участия в оживленной беседе.

Какая-то часть ее существа была рада этому невниманию. Столь откровенно обнаруживать свои симпатии казалось неуместным. К тому же ее отношение к Паулю было чересчур сложным, запутанным. Очень мно-

гое оставалось неясным. И между тем загадочная смерть Сюзанн, ее пребывание на острове постепенно тускнели в потоке новых ощущений, расплывались, отходя на второй план.

Уже в спальне, раздеваясь, она почувствовала странную тревогу; неуловимую и смутную, как ночь. Вопросы, теснившиеся в голове, требовали ответа, но дневная усталость брала свое. Только щека Дженнинг коснулась подушки, пришел сон — и с ним пришли сновидения. На нее смотрела живая Сюзанн: они вновь были маленькими девочками, счастливыми и беспечными.

Из темноты возникло лицо Макса. Он холодно взглянул на Дженнинг и взял за руку Сюзанн, которая с виноватой улыбкой пошла за ним. Они удалялись все быстрее и быстрее, не оглядываясь, сколько ни звала Дженнинг. Влажный туман поглотил их фигуры, заполнив холодом и одиночеством сердце Дженнинг.

Недолгий провал, и в следующий миг она снова увидела Макса и Сюзанн — стоящими на скалистом утесе. Она звала и бежала к ним, и на этот раз они не уходили. Но стоило ей приблизиться, как лицо Макса чудовищно исказилось, заколыхалось, и вместо него из мрака глянули глаза Пауля Лэнгдона. Сардническая улыбка искривила его черты.

Послышался смех Сюзанн, но, когда Дженнинг обернулась, там стояла Варда, а рядом — смеющиеся Бетрис и Рэй.

— Мне холодно, — пожаловалась Дженнинг, зябко обхватывая себя руками.

Навстречу шагнул Пауль, простирая объятия. Их губы слились.

Поцелуй был холоден, как океанский туман; казалось, он забирает силы, высасывает кровь и вместе с ней — жизнь из тела.

— Нет, нет, — Дженнинг попыталась высвободиться, но руки Пауля крепко прижали ее к кровати. Все вокруг затянули мрак и туман.

Ее пробудил собственный вскрик. Огонь в камине погас, и в комнате было холодно словно в могиле. Влажный туман, перекатываясь, вплывал в распахнутое окно, пропитывая стены промозглой сыростью. Преодолевая головокружение, Дженнинг поднялась с постели. Царапина пульсировала под повязкой, более болезн

ненная, чем раньше. Дженни тряхнула головой, однако сонливость продолжала держать ее в тисках. Пошатываясь, она подошла к окну. Порыв ледяного ветра отбросил занавеску, накрыв голову, словно намереваясь удушить ее. Дженни раздраженно отмахнулась и шагнула наружу.

Понимание происходящего пришло вместе с предательским покачиванием деревянного настила под ногой. Чувствуя, как ползет холодок по спине, Дженни отшатнулась, удерживая равновесие, оперлась о подоконник. Еще шаг, и она неминуемо сорвалась бы вниз, на камни, где нашла гибель Сюзанн. С колотящимся сердцем она захлопнула створки.

Горло перехватила невидимая рука: накануне вечером окно было закрыто. Она специально проверила защелки, перед тем как лечь в постель.

Или это все ей приснилось? Сжав ладонями виски, Дженни пыталась вспомнить и не находила ответа. Если окно было закрыто...

Она тяжело смотрела на растрескавшуюся раму, словно та могла разрешить притаившийся в глубине сознания вопрос.

Шорох за спиной, словно волчок, развернулся Дженини. Шаги. Кто-то остановился снаружи, перед дверью в спальню. Затаив дыхание, Дженни смотрела, как медленно поворачивается дверная ручка. Послышался тихий скрип, и в образовавшуюся щель хлынул поток света. Подняв над головой фонарь, в комнату заглянул Пауль Лэнгдон. Шаг по направлению к примятой постели — и он заметил замершую возле окна девушку. Их глаза встретились.

— Вы выходили из комнаты? — под его пронзительным взглядом Дженни поежилась.

— Нет, — она покачала головой. Даже для ее слуха собственный голос прозвучал испуганно.

— У Варды раскрыта дверь.

Не зная, что отвечать, она снова отрицательно покачала головой.

— Мне снился плохой сон, — как бы оправдываясь, проговорила она.

— С вами все в порядке?

— Да, благодарю вас. Только... камин погас. Я как раз собиралась разжечь его.

Пауль взялся за дверную ручку, с удивлением отдернул руку и осмотрел пальцы. В зыбком мерцании фонаря темнели бурье пятна, покрывавшие поверхность двери. Поправляя ночную сорочку, Дженни в первый раз обратила внимание на свою ногу. Растревоженная рана снова кровоточила; следы крови остались на руках.

Закрыв дверь, Пауль вернулся в комнату, подошел к Дженни.

— Садитесь,— он помог ей добраться до кресла перед камином.

Укутав ее теплым одеялом, снятым с постели, он быстро и умело развел огонь в камине. Поднялся с корточек и подошел к двери.

— Я принесу бинты для перевязки,— и, не дожидаясь ответа, бесшумно вышел.

Через несколько минут он вернулся с бинтами и кувшином теплой воды. Опустившись на колени, удалил старую повязку, швырнув ее в разведенный огонь; со знанием дела промыл и перебинтовал рану. Прикосновения его рук были поразительно мягкими. За все время оба не проронили ни слова.

Окончив перевязку, Пауль поднялся и посмотрел на Дженни:

— Теперь все в порядке?

Сильный, мужественный голос успокаивал. Хотелось опереться на его руку, впитывать живительное тепло его тела и ничего не бояться... С пугающей отчетливостью Дженни поняла, что не может этого сделать: человек рядом с ней сам являл часть ее страха. Избегая его глаз, она прошептала:

— Да.

— Спокойной ночи.— Не подавая виду, что заметил в ней перемену, Пауль решительными шагами покинул комнату.

Дженни устроилась в постели, размышила, что побудило его прийти. Подозрение, что она открыла дверь в комнату Варды? Или он беспокоился о ней и желал убедиться, все ли в порядке? Новые загадки...

Полежав несколько минут неподвижно, она снова выскоцила из-под одеяла, подошла к двери и крепко задвинула засов.

Глава десятая

С приближением весны остров преобразился. Над каменными уступами парили крикливы чайки, взмывали и опускались на ярко-голубые волны. В слепящих лучах солнца блестели мокрые от воды скалы. Погожие дни следовали один за другим.

Долгожданная поездка в город состоялась в один из таких дней.

— Осторожнее,— Рэй протянул руку, помогая Дженнни подняться на борт баркаса. Царапина на ноге все еще причиняла беспокойство, несмотря на то что истекла неделя со дня охоты. Дженнни осторожно устроилась на сиденье, и через минуту баркас был в море.

Странно было видеть остров остающимся за кормой. Три недели промелькнули словно мгновение: казалось, вся жизнь прошла в стенах замка. Остальной мир представлял теперь чужим и очень далеким. Дженнни попыталась воскресить в памяти облик нью-йоркских улиц: стальные реки автомобилей, скрип шин, звывание сирен и наводняющие тротуар толпы пешеходов.

Словно угадав ее мысли, Рэй с улыбкой заметил:

— Вам, должно быть, очень недостает городского блеска.

— Представьте себе, нисколько,— она покачала головой.— Подумать только, всего месяц назад я жила в нью-йоркском Шерри-отеле.

Он удивленно приподнял бровь.

— Вы предпочитаете дорогие отели?

Проклиная свою забывчивость, Дженнни пустилась в объяснения:

— Иногда меня тянет потратиться на роскошные апартаменты. Такая маленькая слабость...— не дожидаясь новых вопросов, она поспешила добавила:— На мой взгляд, вам больше к лицу радости света. Уверена, по сравнению с городом на острове жуткая скука.

Он меланхолично пожал плечами.

— Временами мне тоже так кажется. Когда дела обстояли лучше, я часто отправлялся развлечься на побережье: яхта доставит вас в любую крупную гавань.

Однако с некоторых пор я больше предпочитаю общество, которое предлагает остров.

Дженни с улыбкой приняла этот комплимент. Рэй был единственным из обитателей замка, кто с первого взгляда вызывал к себе доверие. Его безмятежный темперамент больше подходил уроженцу европейского юга, нежели потомку старинного северного рода.

Последние несколько дней были по-своему знаменательными. Беатрис Лэнгдон излучала радущие и дружелюбие, ее обычное сумрачное настроение заметно поправилось. Варда отличалась примерным поведением и прилежанием — столь разительным, что Дженнни начинала опасаться, достанет ли в будущем ее скромных способностей к преподаванию.

Пауль оставался загадочен, как всегда. Было заметно, что он не переставая продолжает присматриваться к новой гувернантке, однако истинная причина его интереса к ней ускользала от понимания. Особенно озадачивали отношения между дочерью и отцом. Дженнни ни секунды не сомневалась в его искренней привязанности к ребенку, и Варда, несмотря на аскетический уклад жизни в замке, отвечала ему взаимностью. За внешним обликом Сюзанн скрывалась настоящая графиня Лэнгдон. Дженнни без труда представляла ее взрослой, с надменным пренебрежением — черта, столь свойственная всем представителям семейства Лэнгдонов, — отдающей приказания служам.

— Берег, — голос Рэя отвлек Дженнни от невеселых размышлений.

Вдали темнела узкая полоска земли; по мере приближения на ней проступали светлые прямоугольники зданий. Ландшафт выглядел менее угнетающим, чем в прошлый раз.

Несколько человек, находившихся на пристани, с любопытством наблюдали, как Рэй помогает Дженнни сойти на дощатый настил.

— Если не секрет, какие у вас планы? — спросила она, ступая на твердую почву. Свою поездку она объяснила исключительно необходимостью пополнения скучного гардероба.

— А, миллион поручений от домашних, — он посмотрел на часы, — и я уже опаздываю. Давайте встре-

тимся здесь в четыре, тогда мы успеем вернуться до темноты.

— Отлично, я успею заглянуть во все магазины.

Когда Рэй ушел, она отправилась на поиски телефона, который нашелся на автобусной станции. В телефонном справочнике был всего один практикующий врач, Джордж Моррис. Он отсутствовал, но медсестра назначила Дженни прием на половину четвертого.

Следующей ее остановкой был кафетерий, в который она заходила по прибытии в город. Удача сопутствовала ей. Знакомая официантка обслуживала единственную в этот день посетительницу, пожилую леди с румяным лицом, собравшуюся уходить при появлении Дженни.

Дождавшись, пока за ней закроется дверь, Дженни подошла к стойке и заказала кофе.

— Большое вам спасибо за помощь.

Официантка неуверенно улыбнулась.

— Вы та девушка, что спрашивала, как попасть на остров?

— Да. И благодаря вам я попала туда.

Женщина отошла в дальний конец стойки и принялась протирать вымытую посуду. Покончив с чашками и столовыми приборами, молча налила себе кофе. Дженни терпеливо ждала, уверенная, что природное любопытство пересилит сдержанность. И не ошиблась.

— Все это время вы были на острове? — наконец решилась хозяйка.

Дженни с готовностью кивнула.

— Да. Замечательное место.

— Хм... — официантка допила свой кофе, ложкой помешала остаток гущи. — Теперь куда? В Нью-Йорк?

— О, нет, — Дженни удивленно взглянула на нее. — Обратно на остров. Я там работаю.

— Вот как? — ложка со звоном упала на стол.

Дженни рассмеялась.

— Не знаю почему, но вначале мне было страшно отправляться туда. Все выглядело так мрачно. Ваши рыбаки отказывались перевезти меня; даже не знаю, что я ожидала там увидеть. Скажите, — Дженни постаралась придать своему голосу беспечность, как будто вопрос только сейчас пришел ей в голову, — почему они отказывались?

Женщина покосилась на входную дверь, словно опасаясь быть застигнутой за разглашением какой-то тайны.

— Наши рыбаки не очень жалуют жителей острова.

— Одна из местных девушек дважды в неделю приезжает на остров, чтобы помочь по хозяйству,— заметила Дженнни.

— А-а, Энн Витерс. Ей не остается ничего другого; на ее попечении больная мать. Если бы не деньги, она бы ни за что не согласилась.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, что на острове действует шайка разбойников? — Дженнни нахмурилась.

— К чему мне это,— официантка пожала плечами.— Я не из тех, кто любит пересказывать чужие сплетни.

— Охотно верю,— Дженнни задержала взгляд на лице собеседницы,— но если мне угрожает опасность...

Женщина спокойно парировала ее взгляд. Поставив чашку на стойку, наклонилась ближе.

— Послушайте,— она понизила голос,— если хотите совет, уезжайте первым же автобусом из этого города. И ни в коем случае не возвращайтесь на остров.

— Почему? Что тут опасного?

— Не знаю. Никто не знает наверняка,— добавила она прежде, чем Дженнни успела задать новый вопрос.— Вы и Энн Витерс единственные, кто возвращался обратно.

Дженнни непонимающе смотрела на нее с минуту.

— Возвращались обратно? Вы хотите сказать... что вы хотите сказать?

— Только то, что сказала,— хозяйка склонилась к ее плечу и перешла на шепот.— До вас в замке работали четыре девушки, две из нашего городка и две приезжие. Первая, из городка, Лиз Коттер, попросту растаяла в воздухе. Семья несколько недель не получала от нее известий, но, когда ее отец приехал на остров, ему сообщили, что девушка уже месяц как уволилась с работы. По их словам, они полагали, что она благополучно вернулась домой. Однако не нашлось никого, кто видел бы ее возвращающейся.

— Она могла убежать,— предположила Дженнни.

— Разве что улететь на крыльях,— мрачно усмехнулась хозяйка.— В городе всего одна пристань, и никто не видел, чтобы она выходила из лодки.

— Что произошло с остальными? — Кофе остывал: темную поверхность подернули струйки пара, но Дженнине хотелось прерывать разговор на самом интересном месте.

— Сразу после этого случая в замок взяли Мэри Виттен.

— Она тоже не вернулась?

Официантка сухо рассмеялась.

— В некотором смысле да. Ее тело выбросило на берег в пяти милях от города. Рядом плавали обломки ялика. Все выглядело так, как будто она пыталась бежать с острова.

— Ужасная смерть,— проговорила Дженнини.— И остальные?

Официантка пожала плечами.

— Они были приезжие, так что никто толком не знает, что стряслось с ними. Видели, как они отплывали, но чтобы возвращаться обратно...

Дженнине задумчиво разглядывала свою чашку. Сюзанн не могла покинуть остров... Что за чепуха! Ведь я вернулась, и никто не мешал моему отъезду. Естественно, Лэнгдоны уверены, что я никуда не денусь.

Раскрыв сумочку, она достала кошелек и расплатилась за кофе. До приема у доктора Морриса оставалось совсем немного времени.

— Спасибо за предупреждение,— она поднялась со стула.

— Вы не передумали возвращаться?

Дженнине покачала головой.

— Я буду осторожной,— пообещала она удивленной официантке.

Быстро пробежав по магазинам, Дженнине сделала необходимые приобретения, громоздкие пакеты распорядилась отнести на пристань, а сама заторопилась на назначенную встречу.

Доктор Моррис оказался невысоким круглолицым мужчиной, идеально подходящим на роль Санта-Клауса. Взгляд карих глаз был проницателен, в нем читался ум. Такого человека будет нелегко обмануть, подумала Дженнине, опускаясь в предложенное кресло.

— Я хотела бы поговорить с вами.

— Конечно, конечно,—доктор Моррис закончил мыть руки, придвигнул к креслу маленький стульчик и наклонился к повязке на ноге Дженни.

— Меня интересует одна из ваших пациенток. Миссис Лэнгдон... Сюзанн Лэнгдон. Когда-то она лечилась у вас.

Доктор перестал разматывать бинт, внимательно посмотрел на Дженни.

— Мне кажется, вы должны понимать, что профессиональная этика не позволяет мне обсуждать с вами эту тему.

— Миссис Лэнгдон моя сестра, правда двоюродная. Сейчас я живу в ее замке, хотя...— она запнулась, не решаясь добавить: «хотя там не знают, кто я на самом деле».

— Понятно,—доктор снова занялся бинтами.

Уверенные движения рук, сосредоточенное лицо надежно укрывали от постороннего взгляда его мысли. Наконец он нарушил молчание:

— Что именно вас интересует?—отложив снятую повязку, предупредил: — Потерпите, сейчас будет немного больно.

Дженни вздрогнула от прикосновения к краю поддерживающей раны.

— Как она умерла.

— Недавно здесь был один господин, тоже спрашивал о ее смерти.

— Это Луи Беннер, адвокат нашей семьи. Я разговаривала с ним перед отъездом.

— Тогда вы должны знать все подробности.

— К сожалению, они неубедительны. Мне хотелось бы узнать обо всем из первых рук.

Доктор Моррис со вздохом поднялся со стульчика и подошел к шкафу с лекарствами.

— Тут нет никакой тайны. Миссис Лэнгдон погибла от ран, полученных в результате падения. Если вы жили в замке, вас не должно удивлять, что такое могло случиться.

— Но ведь можно найти и другие объяснения?.. Он отрицательно покачал головой.

— Никаких. Дело в том, что ваша сестра была не совсем здоровым человеком.—Движением руки он

остановил возражение, готовое сорваться с губ Джени. — Нет-нет, в этом тоже нет никакой тайны. Когда вы последний раз видели сестру?

Она опустила глаза, смущенная этим вопросом.

— Несколько лет назад. До того, как она вышла замуж за мистера Лэнгдона.

Какое-то мгновение он раздумывал, затем молча опустился на стульчик и начал обрабатывать рану.

— Возможно, мне не стоило бы останавливаться на вещах, которые хорошо вам известны. Миссис Лэнгдон не отличалась сильным характером. Из бесед с ней я вынес впечатление, что в детстве ее подавлял отец, человек с сильным характером. После его смерти она чувствовала себя как корабль без якоря и привязалась к Паулю Лэнгдону, видя в нем новую опору, возможно, замену отца.

Он посмотрел на Джени, отыскивая в ее лице подтверждение своих слов. Она кивнула.

— Дальнейшие события развивались следующим образом, — продолжал он. — Подобное внимание, весьма вероятно, польстило ее мужу. Ее беззащитность очаровала его, но прошло время, и ему стали очевидны причины ее столь сильной привязанности. Разочарование, и это можно понять, вызвало некоторое охлаждение. К тому же ваша сестра была чрезмерно возбудимой натурой, принимала успокоительные средства. Когда я разговаривал с ней, мне показалось, что она с очень раннего возраста пользовалась снотворным. — Он снова вопросительно посмотрел на нее.

— Я ничего не знала об этом, — Джени выдержала его взгляд. — Хотя сейчас мне это не кажется невероятным. Она все время жаловалась на бессонницу, с самого детства.

— Так, так... — он закончил перебинтовывать ногу, поднялся, подошел к окну. — Вам должно быть известно, что все психотропные лекарства обладают одной неприятной особенностью. Организм постепенно привыкает к ним, и приходится прибегать ко все более сильным дозам, чтобы добиться желаемого результата. Я пытался уговорить вашу сестру лечь в клинику, где ей помогли бы снять лекарственную зависимость, но она и слышать об этом не хотела. Мне ничего не оста-

валось, как выписывать ей, один за другим, новые рецепты.

Дженни поразило печальное выражение его лица, когда он отвернулся от окна. Бремя ответственности за чужую смерть сгорбило его плечи.

— В какой-то степени, — глухо проговорил он, — в ее гибели можно обвинить и меня. Однако врач приывает отрешаться от чувства вины, иначе он просто сойдет с ума. В ту ночь что-то разбудило вашу сестру. Невозможно точно сказать, что именно это было. Может быть, плохой сон, хотя снотворное подавляет сновидения. Она поднялась с постели и зачем-то подошла к окну. Падение через сломанное ограждение балкона было фатальным.

— Мистер Беннер говорил о небольшой царапине, — напомнила Дженни без особой надежды.

— Да, неглубокий порез на шее. Уверяю вас, он не мог вызвать смерть. Она могла пораниться сама, подравнивая ножницами прическу, например.

— Падение с такой высоты надежно скроет следы борьбы или колотые раны, — Дженни ухватилась за новую мысль.

Доктор Моррис озадаченно покосился на свою пациентку.

— Возможно... но я сомневаюсь в этом.

Дженни со вздохом посмотрела на часы. Почти четыре, нужно возвращаться. Она встала с кресла, достала из сумочки кошелек.

— Сожалею, что не смог подробнее ответить на ваши вопросы, — доктор Моррис подошел к двери. — Я уже объяснил вам в самом начале, что в этой смерти нет никакой загадки.

— Но эта царапина, — Дженни упрямо не желала признавать поражение, — так ли она безопасна?

— Абсолютно, смею вас уверить, — он терпеливо улыбнулся ей, словно недогадливой школьнице. — Если не предположить только, что это след от укуса вампира.

Он рассмеялся, довольный шуткой. Где-то в глубинах сознания прозвенел сигнал опасности: кто-то уже упоминал такую возможность. Совсем недавно...

— Какое странное совпадение, — Дженни задержала дыхание, — Луи Беннер тоже рассказывал об этом,

какие-то предания, связанные с прошлым семьи Лэнгдонов.

Лицо доктора Морриса приняло строгое выражение.

— Это была шутка, мисс Денвер,— твердо сказал он,— и не позволяйте воображению уводить себя в мифологические дебри. Смерть вашей сестры была несчастным случаем, я могу поручиться за это своей профессиональной репутацией.

— Простите,— она подала ему руку,— вы правы, я действительно чересчур впечатлительна. Спасибо за помощь, и я хотела бы просить вас еще об одном одолжении: пусть наш разговор останется между нами.

— Обещаю, хотя мне и не очень нравится его содержание.

Возле двери Дженнинг остановилась.

— Скажите, доктор, если доза снотворного была так сильна, что могло разбудить ее в ту ночь?

Он недоумевающе пожал плечами.

— Птичий крик... может быть, шум ветра. Но это в том случае, если доза действительно была сильной. Вполне вероятно, она ограничилась всего несколькими таблетками. Тогда ее мог разбудить малейший шорох, даже плохой сон.

— И проснувшись от шороха, она словно сомнамбула вышла на разрушенный балкон? Неужели нескольких таблеток достаточно, чтобы притупить чувство опасности?

По хмуруму выражению лица доктора Морриса было очевидно, что подобный вопрос не приходил ему в голову раньше. Сетка глубоких морщин прорезала его лоб. Однако на дальнейшую беседу у Дженнинг не оставалось времени: следовало торопиться на пристань.

— До свидания,— она выскользнула за дверь.

Проложенная между цветочных клумб дорожка вела на улицу. Дженнинг обошла дом, свернула за угол и... едва не столкнулась с Рэем Лэнгдоном, поднимавшимся по тротуару ей навстречу.

— Пардон...— он подхватил девушку под локоть.— Какое счастье, что вы не дожидаетесь меня на пристани. Мы оба уже порядком припозднились. У вас какие-нибудь неприятности?— он с любопытством взглянул на вывеску кабинета доктора Морриса.

Дженни покраснела, прекрасно сознавая, как виновато выглядит в эту минуту.

— Зашла перевязать ногу. Ничего серьезного. А вы как оказались тут?

— Только-только расправился с последним поручением,— с беззаботным видом отозвался он.— Если у вас больше не осталось дел, мы можем вернуться вместе.

— Да, конечно. Идемте,— она с благодарностью оперлась на предложенную руку.

По дороге к пристани она украдкой оглядывала улицу. Обычный жилой квартал: ни одного магазина, никаких вывесок, за исключением кабинета доктора Морриса. Какое поручение могло привести сюда Рэя Лэнгдона?

Несмотря на массу разумных объяснений, Дженни не покидало зловещее подозрение, что он попросту следил за ней.

Глава одиннадцатая

Пакеты с покупками уже лежали на пристани, возле борта лодки. Многие были легко узнаваемы — пластины чехлы из магазина одежды, где Дженни пополнила свой скромный гардероб; коробки и свертки из магазина игрушек, предназначенные для Варды. Внимание Рэя привлекла большая плоская коробка.

— Что там? — с любопытством поинтересовался он.— Похоже на стол без ножек.

— Зеркало,— в голосе Дженни прозвучал неожиданный вызов.— Мария делает вид, что забывает о моих просьбах, а с карманным зеркальцем следить за своей внешностью — занятие непростое.

Ей показалось, что во взгляде Рэя мелькнула озабоченность, однако он тут же рассмеялся.

— Мне трудно даже представить, какое это для вас неудобство. Ваше приобретение лишний раз подтверждает мою теорию, что красота нуждается во внимании.

— Она нуждается прежде всего в зеркале.

— Давайте заключим маленькое соглашение,— Рэй принялся перекладывать вещи в лодку.— Я помогу от-

нести зеркало в вашу спальню, но пусть это останется нашей тайной. Зачем рассказывать об этом остальным?

— Рэй, — она помедлила, подавая ему сверток, — почему в замке нет зеркал?

Этот вопрос она задавала Марии, но безуспешно Рэй ответил без колебаний.

— Каприз мамы. Она считает, что отражение в зеркале отбирает молодость. Предпочитает стариться, не наблюдая процесса. Но зеркала есть у каждого из нас — у Пауля, у мамы, у Варды. Не знаю, почему Мария ничего не сказала о вашей комнате.

Дженни промолчала. Когда погрузка была завершена, Рэй усадил ее в баркас, и несколько минут спустя они уже направлялись к острову.

Пенная борозда за кормой рассекала океан на две части, волны с шумом плескали в борта. Грэндиз-Лэндинг с его домами, пристанью превращался в узкую полоску на горизонте. Кутаясь в теплый плащ, Дженни пыталась разобраться в событиях дня. Одно было неоспоримо: Рэй лгал, отвечая на ее вопрос о зеркалах. Их не было ни в комнате Варды, ни у Беатрис Лэнгдон. Но зачем ему понадобилось это? Какую загадку скрывали зеркала?

Как напоминание об опасности, в сознании всплыл разговор с доктором. Что разбудило Сюзанн в ту роковую ночь? Что заставило ее идти на балкон? Дженни нахмурилась, вспомнив собственное пробуждение в ночь после охоты. Несколько шагов отделяли ее в тот момент от пропасти, разверзшейся за сломанными перилами балкона. Кто-то настойчиво подталкивал ее к смерти. Как до этого — Сюзанн. Но кто? И зачем?

Тяжелым туманом повис разговор с официанткой из кафетерия. Что в действительности могло произойти с девушками, работавшими в замке? Примешивалась ли к рассказу извечная неприязнь простолюдинов к белой косточке, подкрепленная вдобавок цепочкой совпадений? Об этом оставалось только догадываться. Бегство одной из служанок и несчастный случай с другой — события неприятные, но вполне объяснимые. Две приезжие девушки могли покинуть остров, не будучи замеченными местными жителями. В этом тоже нет ничего необычного.

Едва ли, отозвался тоненький голосок внутри. В Грэндиз-Лэндинг ничто не происходит незамеченным.

Мысль о вампирах выглядела слишком фантастической. Доктор Моррис был прав: нельзя позволять воображению забираться в такие дебри.

— Вы не скучаете? — голос Рэя нарушил ее размышления.

— Я думаю. Скажите, почему горожане избегают ездить на остров?

— Хо-хо, — он рассмеялся, — вижу, добрые самаритяне снова развлекали вас страшными историями о нашем замке. Если не секрет, чем они угостили вас на этот раз? Ночью мы все превращаемся в летучих мышь, а по праздникам готовим жаркое из наших служанок, я угадал?

Его искренняя веселость несколько рассеяла тяжелые мысли, роившиеся в голове Дженнинг.

— Нет. Из разговоров мне показалось, что они стараются держаться подальше от острова.

Он с пренебрежением отмахнулся.

— Их никто не приглашает туда.

— У меня сложилось впечатление, что это не единственная причина их боязни.

Рэй внимательно посмотрел на нее.

— Вы разговаривали с Луизой Дональд, — произнес он.

— Возможно. Кто она?

— Официантка в кафетерии, — он усмехнулся, заметив, как переменилось лицо Дженнинг. — Я проходил мимо и видел вас за одним столиком. Мне знакомы ее истории. Пропавшие девушки?

Дженнинг смущенно кивнула.

— Что ж, если вы так интересуетесь ими... — он переложил руль, направив баркас к показавшейся вдали пристани. — Одна из наших служанок попросту сбежала. Нам нечего было сообщить ее семье, хотя мама была уверена, что тут не обошлось без любовника. Накануне исчезновения она получила письмо. Мама и Франц подтверждают это. Так что никакой тайны. Другая девушка утонула, катаясь на лодке. Помните, я предупреждал вас о приливных волнах? Очевидно, она

решила, что знает остров лучше, чем мы. Естественно, оба случая вызвали на берегу массу слухов.

Нос баркаса мягко ткнулся в причал. Выбравшись на каменные плиты, Рэй закрепил канат, затем подал руку Дженни.

— А что случилось с двумя другими? — спросила она.

— Хм, — он приподнял брови. — Вы прослушали полный курс страшных историй. Должен разочаровать вас. Их не растерзали драконы. Жизнь на острове не отличается разнообразием, как вы могли заметить. Девушки собирали вещи и уехали. Так до них поступали многие, в особенности молодые и красивые девушки. Откровенно говоря, меня даже удивляет ваше долготерпение.

— Может быть, в нем повинно ваше обаяние? — предположила Дженни, с улыбкой принимая от него один из свертков.

— Боюсь, что мое обаяние тут ни при чем, — лицо Рэя оставалось серьезным.

* * *

Вскоре после возвращения Дженни из города тема вампиров получила неожиданное продолжение. Тихие вечера каждый из обитателей замка посвящал собственному досугу; обеденная зала пустела, все расходились по комнатам. Дженни изредка бралась за вышивание, которым ее снабдила Беатрис Лэнгдон, однако предпочтение отдавала книгам.

Библиотека замка могла удовлетворить самый взыскательный вкус: здесь было все, начиная с классической литературы и кончая специальными монографиями. Первое время каждое новое посещение приносило приятные открытия: громкие имена, редкие издания, древние, переплетенные в кожу рукописи.

С тех пор многое стало привычным; теперь взгляд подолгу скользил по переплетам, прежде чем сделать выбор. Необследованными оставались лишь верхние полки, и в один из вечеров Дженни, вооружившись переносной лестницей, решила осмотреть их содержимое.

На потемневших переплетах смутно проступали тисненые заглавия. «Вампир». Рогатые буквы зловеще изогнулись, подмяв телячью кожу. Дженни осторожно сняла книгу. «Вампир Варни, или Кровавое Пиршество. Повесть неизъяснимого ужаса». Один из чепбуков* прошлого столетия. Дженни раскрыла титульный лист. Повесть была написана в 1847 году неким Томасом Престом. Улыбнувшись, она поставила книгу обратно на полку.

Соседом «Варни» оказался «Дракула» ирландского писателя Брэма Стокера. Не нужно было обладать большой эрудицией, чтобы догадаться, что и в этой книге речь идет о вампирах. Ряд продолжала монография, принадлежавшая перу Монтегю Сammerса. «Вампир, его семья и близкие родственники» — гласил заголовок. Дженни обвела глазами полку, затем следующую... Вся верхняя секция была посвящена вампиризму.

Несколько минут она рассматривала ряды книг, потом принялась отбирать привлекшие внимание названия. Сложив стопку, которую едва смогла приподнять, она перенесла книги в спальню, заперла дверь и, устроившись возле уютно потрескивающего камина, начала читать.

Первой была история о страшном валахском князе, владевшем уединенным трансильванским замком. «На пороге стоял высокий мужчина, чисто выбритое лицо которого украшали длинные седые усы. Черный костюм, с ног до головы облекавший его фигуру, был подобен покрову ночи; лишь глаза казались темнее. Из копны волос, спадавших на плечи, вздымался крутой лоб; густые брови сходились над тонким, с горбинкой, носом... Белые, поразительно острые зубы обнажились, блеснув в улыбке, когда он протянул свою широкую руку со странно короткими пальцами. В центре ладони — удивительно! — росли короткие волоски. Длинные, острые ногти впились в мою кожу; глаза графа зловеще сверкнули...»

Дженни отложила книгу. Стая волков, повинующаяся приказам Дракулы; сам граф, обращающийся то в

---

* Дешевые массовые издания в мягких обложках, имевшие большое распространение в Англии в конце XVII — начале XIX в.

волка, то в летучую мышь или зыбкий туман,— пожалуй, для ночи это слишком мрачное чтение. Следующей оказалась монография мистера Саммерса.

«...Подчиняя своей воле темные силы природы, наделенные загадочными и пугающими свойствами... вампиры, однако, не являются демонами по сути...»

Монтегю Саммерс был ближе к современности: его труд появился в 1928 году. Тем не менее действительность и фантазия так тесно переплелись под его пером, что невозможно было отделить одно от другого. Недоверчиво просмотрев несколько глав, Дженнингс закрыла книгу.

Поразительно, но в стопке нашлись и известные имена: «Коринфская невеста» Гёте; бюргеровская «Ленора», переведенная на английский сэром Вальтером Скоттом; «Талаба» Роберта Саути и «Вампир» лорда Байрона. Пухлые томики страшных историй принадлежали перу М. Р. Джеймса, Э. Ф. Бенсона, Теофила Готье. На глаза Дженнингс попались выдержки из Бодлера, де Квинси и Фаню.

В одной из книг объяснялось происхождение вампиров: «...пришедшие вместе с князем тьмы, они сбросили с себя изначальную личину, принадлежавшую Змею, и расселились по всей Земле. Однако и теперь, для свершения недобрых деяний, многие чародеи используют ядовитое жало, сохранившееся после Великого Змея».

Лорд Байрон выражал эту же мысль несколько яснее и поэтичнее:

Оплаканный родными, в тьме ночной
Мертвец восстанет из могилы —
Затем, чтоб ужасом исполнить край родной...

Вампиры, казалось, существовали с незапамятных времен, отсчитывая свой род вместе с человеческим. О них упоминает Овидий; даже хитроумный Одиссей в своих странствиях вынужден отдать каплю крови темням умерших. Но лишь в шестнадцатом столетии вампирные легенды получают широкое распространение: наиболее зараженными в те времена полагались балканские земли — Венгрия, Албания, Греция, южные славянские страны.

Дженни оторвалась от книги, взглянула в слабеющий каминный огонь. Кто-то упоминал, что Лэнгдона происходят с Балкан. Где она могла слышать об этом? Странно, фамилия была чисто английской.

В книгах описывались различные приметы вампиров: от обязательной заячьеи губы до рыжих волос, а также излагались способы обнаружения их. Согласно одной из рекомендаций, молодой послушник должен был скакать верхом на черном жеребце через кладбище: могила, над которой споткнется конь, как правило, оказывалась жилищем вурдалака.

Чесночная головка или распятие могли защитить от восставшего мертвеца, но, к сожалению, не всегда. Помимо этих общеупотребительных средств гроб подозрительно умершего забрасывали колючими ветвями боярышника или шиповника, окропляли святой водой.

Внимание Дженни привлекла характерная особенность, отмечавшая поведение всех вампиров. Ни один не выносил вида собственного отражения и потому всячески избегал зеркал. Объяснения этого факта были самыми разными, однако равно уклончивыми. Некоторые авторы утверждали, что вампиры не имеют отражения; другие, в их числе и Монтею Саммерс, полагали, что душа, не имеющая пристанища в живом теле, легко может перейти в зазеркальный мир. Увы, понять это было сложно.

Дженни устало отодвинула стопку ветхих фолиантов и с наслаждением вытянулась в кресле. На затухающих угольях в камине подрагивали язычки пламени. Гулко завывал ветер в дымоходе. Под звук колотящейся на крыше черепицы в комнату вползал полночный туман.

Оправив постель, она еще раз проверила запоры на двери, на окнах. Затушила свечу. И долго лежала в темноте, пытаясь заснуть.

Глава двенадцатая

Пробуждение было тревожным. Комната выглядела сумрачнее и враждебнее, чем обычно. За окнами неохотно разгорался серый, облачный день.

К обеду скучные солнечные лучи пробили туман, окруживший замок, и за стенами стало заметно светлее.

Занятия кончились, и Дженнни, прихватив томик стихов, вышла во двор, надеясь, что свежий воздух поднимет ей настроение.

Темные значки слов упрямо не желали складываться в предложения, и после нескольких неуспешных попыток углубиться в чтение Дженнни наконец захлопнула книжку и, опустив ее в карман плаща, двинулась вдоль тропинки, ведущей к пляжу. Каменистый утес, преградивший путь, с опозданием напомнил предупреждение об опасных приливах. Дженнни в нерешительности остановилась.

Весеннее цветение робко завоевывало остров. Зеленые ростки трав едва виднелись в порыжевших прошлогодних зарослях; бледные почки на черных остовах деревьев поникли в прохладном дуновении бриза. Однако приближение тепла угадывалось безошибочно; пели птицы, от поблескивающих прогалин поднимался пьянящий аромат весны.

За спиной треснула ветка. Обернувшись, Дженнни увидела, как к ней быстрым шагом приближается Пауль. Его сосредоточенное лицо не предвещало приятного разговора. Дженнни молча ждала, пока он подойдет. Глупо, но в его присутствии она чувствовала себя, словно провинившаяся школьница.

— Если подняться на утес, можно увидеть весь остров,— неожиданно проговорил он, останавливаясь рядом.

Дженнни молча позволила ему взять себя под руку. Поднявшись по каменистым уступам, они оказались на узкой площадке, нависающей над морем. Остров раскинулся внизу как на ладони, омываемый глухо рокочущим прибоем.

— В хорошую погоду отсюда виден берег,— Пауль указал вдаль.

Дженнни с удивлением заметила, как смягчились его черты. Казалось, приближающаяся весна произвела в нем разительную перемену, превратив сурового графа в восторженного мечтателя. Не желая мешать ему, она принялась разглядывать простершийся вдали горизонт.

— Вы выбираете странные книги для вечернего чтения, мисс Бёрк,— он повернулся к Дженни.

— Вы заходили в мою спальню? — она вспыхнула.

— В этом не было необходимости,— он усмехнулся.— Вы оставили заметную брешь на библиотечных полках. Нетрудно было догадаться, какой предмет вас интересует.

— Мне показалось странным, что в вашем собрании книг этот предмет занимает столько места.

Какое-то мгновение он внимательно изучал ее, как бы взвешивая свою следующую фразу.

— Мне нравится ваше бесстрашие, мисс Бёрк. Присядем здесь,— он подвел ее к большому валуну.

Не обращая внимания на протесты, он скинул с плеч пальто и расстелил на камне перед тем, как предложить ей сесть. Ветер смял шарф, защищавший его шею, разметал волосы, однако Пауль, казалось, не замечал холода.

— Во время нашей первой встречи я говорил вам, что мы не совсем обычные люди,— он встал, заложив руки в карманы.— Наша семья лишь последние годы вынуждена вести такой уединенный образ жизни. Столетие назад мы владели поместьями и домами почти в дюжине разных стран. Отец моего прадеда принадлежал к роду, история которого превосходит возраст Англии. Его жена происходила из Южной Моравии. Земли, которые наследовал ее род, покрывали почти полностью Балканы. Я мог бы показать вам их карту.

Он замолчал. Утешать было бессмысленно, однако Дженни попыталась:

— С тех пор прошло много времени.

— Не так много, как может показаться,— он сухо рассмеялся.— Сейчас нам приходится продавать остатки имений в Лондоне и Новой Шотландии*. После этого у нас останется только остров, и при строжайшей экономии мы сможем спокойно прожить на нем до глубокой старости.

— Но ведь у вас есть деньги, которые остались после смерти...— она запнулась, сознавая свою оплошность и густо краснея.— Мне говорили, что ваша жена была состоятельной женщиной.

---

* Новая Шотландия — провинция Канады

Он тяжело посмотрел на нее.

— К сожалению, ее денег оказалось недостаточно,— он перевел взгляд на затянутый дымкой окей-ан.— Финансовые неудачи лишь видимая часть нашего упадка... Вы спрашивали, почему в моей библиотеке столько книг по вампирству? Это объясняется тем, что я обязан знать все о проклятии, которое угрожает моей семье. Оно уже несколько раз проявлялось в нашем роду, мисс Бёрк.

Она задохнулась от ужаса, потрясенная смыслом его слов.

— Вас это пугает? — он наклонился к ней.

Какое-то шестое чувство подсказало ей, как важно ей услышать ее ответ.

— Нет,— она с трудом пошевелила губами.— Но вы... вы шутите?

— Увы... — он печально покачал головой.

— Я всегда считала, что вампиры остались только в средневековых хрониках...

— После первой мировой войны был громкий процесс в Германии. Следующий вампир был осужден в Британии, в 1949 году. В Италии, в 1952 году, власти экстремировали труп умершей тридцать лет назад женщины. Она превосходно сохранилась, и когда на руке ей сделали надрез, из раны полилась алая кровь.

Видя ее растерянность, он успокаивающе улыбнулся:

— Я рассказываю все это лишь затем, чтобы поколебать ваше неверие. Создания, которых принято называть вампирами, существовали и существуют независимо от вашей веры в них. Их происхождение окутано мраком и множеством суеверий, за которыми трудно отыскать истину. И чтобы проникнуть в тайну, следует отрешиться от страхов и предубеждений.

Он умолк, задумчиво глядя на бушующее внизу море. Когда он снова заговорил, его голос звучал, словно на хорошо подготовленной лекции. У Дженини мелькнула мысль, что он специально готовился к этому разговору. Во всяком случае, ей очень хотелось, чтобы это было так.

— В славянских землях их называли вурдалаками или упырями. Венгерские монахи, составлявшие свои хроники, исказили это название, и появился вампир.

Он мог изменять свой облик, перевоплощаться в волка, туман, сову. Сравнение его с летучей мышью более позднее: оно возникло в эпоху колонизации Южной Америки, когда переселенцы столкнулись с настоящими кровососущими летучими мышами.

Но как бы ни называли вампиров в различных странах, в Северной Европе они появились лишь в начале семнадцатого столетия. Процессы инквизиции, охота на ведьм, изобилие страшных преданий — все способствовало их появлению. Средневековые теологи считали их демоническими созданиями, вселяющимися в мертвецов после смерти и по той или иной причине обреченными странствовать по земле. Эту веру поддерживают дошедшие до нас языческие праздники — Хеллувин, Самайн, Вальпургиева ночь, — на которые, согласно древним легендам, из потустороннего мира слетаются души умерших. И это только часть сохранившихся с незапамятных времен ритуалов, посвященных неупокоенным мертвецам. Люди придумывали их, чтобы объяснить явления, природу которых не могли понять. Но если сейчас мы способны отбросить устаревшие представления, это не значит, что вместе с ними будет отброшена и проблема вампиров. Кому понадобилось бы объяснить то, чего не существует! Не забывайте, что мозг человека — слишком прагматичная машина и никогда не будет изобретать объяснений без нужды.

Свирепый порыв ветра пронесся над утесом, словно духи острова сожалели об этом откровении. Дженни плотнее укуталась в плащ, удивляясь нечувствительности Пауля к холоду.

— Хорошо, — она совершенно оправилась от испытанного недавно приступа ужаса, — тогда каким образом вы объясняете их существование?

— Прежде всего следует заметить, — серьезно произнес Пауль, — что многие известные случаи вампиризма на деле не были таковыми. Часто истинной причиной оказывалось преждевременное погребение: похороны человека, находящегося в состоянии летаргического обморока или каталепсии. Мы знаем множество подобных случаев, относящихся к девятнадцатому веку. Что говорить о более ранних временах, когда медицинские науки были неразвиты. Иногда несчастных не

успевали засыпать землей; по воле Провидения человек пробуждался от обморока. Такое знамение ясно указывало на то, что он — вампир. Стоит ли говорить, как с ним поступали после пробуждения?

Поразительное множество слухов расползлось, порожденное человеческой завистью. Церковь стремилась упрочить свое могущество и объявляла исчадиями ада всех отступников. В каждом городе, селе были свои парии, неприязнь к которым разделял всякий житель. Если нищих старух считали ведьмами, почему не предположить вампира в безобразном мужчине, лицо которого изуродовано заячей губой? В некоторых землях для этого было достаточно обладать голубыми глазами.

— Потом пришла чума, — продолжал Пауль. — С загадочными смертями и трупным зловонием, исходящим от людей, разлагающихся заживо. В это же время наблюдается заметное усиление страха перед вампирами; симптомы чумы — истощение, слабость — сильно напоминают угасание от потери большого количества крови. Что бы ни предпринимали тогдашние доктора, человека ничто не могло спасти. В точности как в тех книгах, которые вы выбрали для чтения.

— Не совсем, — поправила его Дженнин. — Это все объяснение проявлений ложного вампиризма. Вы же утверждаете, что он реален.

Пауль кивнул, польщенный ее вниманием.

— Безусловно. Наряду с ложными проявлениями всегда существовали случаи, связанные с аберрациями, с отклонениями в человеческой психике. На судебных процессах многие обвиняемые открыто признавались в том, что они вампиры.

— Ничего удивительного, — согласилась Дженнин, — в полицию до сих пор приходят люди, взваливающие на себя преступления Джека Потрошителя. Если шизофреник тщеславен, он пытается достичь славы любым путем. В свое время на вампиров существовала... в некотором роде мода. Можно ли полагаться на такие случаи?

— Разумеется, нет, — Пауль покачал головой. — В психиатрической практике описано множество более серьезных расстройств. Есть люди с болезненной тягой к живой крови. Близко к вампиризму стоят некрофи-

лия, некрофагия. Странно, что научное название — гемофимия — почти не используется применительно к этой болезни. В литературе ее только изредка именуют псевдовампиризмом. Пааноидальное отклонение от нормальных психических реакций. В мягко выраженной форме больной воображает себя князем тьмы, возможно, мечтает о ночной жизни. Но по-настоящему подражать вампиру способен лишь безумец.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— В прошлом нашей семьи был эпизод, когда суд присяжных признал виновной в вампиризме одну из наших родственниц. Только Богу известно, в чем состояло ее преступление. Вполне могло оказаться, что она любила отрывать крылышки жукам и бабочкам и не делала из этого тайны по неосторожности. Как бы то ни было, в сердце ей вогнали свежеоструганный осиновый кол.

Не забывайте, что наша семья в те времена была богата и могущественна. Естественно, лорды никогда не пользовались любовью своих вассалов, и случай с вампиром давал законное основание такой неприязни. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. На фамильном гербе появилось пятно. Положение усугубилось самоубийством одного из кузенов казненной.

Свести счеты с жизнью в те времена считалось равносильным подписанию договора с дьяволом. С тех пор наш род приобрел зловещую славу, которая сохраняется и поныне.

— Но это несправедливо! — горячо воскликнула Джени.

— Моих предков это мало заботило, к сожалению, — он грустно улыбнулся. — Они замкнулись в своих поместьях, жили все более обособленно. Некоторые ветви семьи отправлялись в другие страны; так мы оказались в Америке. Среди оставшихся членов семейства обычными стали межродственные браки. Еще одна трагическая ошибка, допущенная по невежеству. Было несколько случаев безумия — не буйного помешательства, нет, слава Богу, — однако они серьезно ухудшили наше и без того незавидное положение. Каждой-то из моих далеких дядюшек, поверив в старые

предания, решил, что он вампир, и начал охотиться на своих крестьян. В результате его особняк спалили дотла.

Конечно,— продолжил он со вздохом,— к тому времени, как мы поселились на побережье, во всей округе не нашлось бы человека, знакомого с нашим прошлым. Но предания передавались от поколения к поколению в самой семье. И мы подходим вплотную к истории моего отца.

Дженни терпеливо ждала, пока он возобновит рассказ, понимая, как тяжело дается ему эта откровенность.

— Его главным недостатком была слабохарактерность и то обстоятельство, что ему пришлось наследовать дело, начатое дедом, суровым и решительным человеком. Ни отец, ни его брат не были рождены для сапог, в которых ходили их предки. Дела шли из рук вон плохо, и моему отцу стало казаться, что над семьей тяготеет проклятие. Погиб брат; позднее мы узнали, что это был несчастный случай, однако тогда все выглядело как самоубийство. Для отца его смерть оказалась последней каплей. Он начал пить, злоупотреблять лекарствами. Но хуже всего было то, что он полагал, будто семейное проклятие свершилось над ним самим и он — вампир.

По этой причине мы затворились на острове. Мама делала все возможное, но у нее не было ни подготовки, ни опыта в управлении поместьями. К тому же на руках у нее оставались больной муж и двое детей. Все обратилось прахом. Земли распродавались или закладывались, и к моменту смерти отца у нас практически ничего не оставалось от состояния.

Он закончил рассказывать. Несколько минут оба молчали. Дженнни задумчиво смотрела на перекатывающиеся вдали волны.

— Я сожалею,— произнес он наконец,— если эта история показалась вам слишком мрачной. Мне хотелось, чтобы вы знали ее.

— Но ведь все эти предания в прошлом,— Дженнни поднялась с каменного сиденья.— Почему они занимают такое место в вашей жизни?

— В прошлом? — он горько усмехнулся. — Эти прелодания составляют проклятие моей семьи. Кто может знать, когда оно проявится вновь? В чьих жилах течет проклятая кровь?

Его неожиданная горячность смущила Дженини.

— Это невозможно, — она порывисто взяла его за руку. — У вас прелестная дочь, и разве можно подозревать...

Она собиралась сказать: «что она не такая же, как и все?» — когда вдруг поняла, что не смеет произнести этого. Варда не была обычным ребенком, ее жизнь слишком отличалась от жизни других детей. Дженини вспомнила засов на дверях ее комнаты, требование Пауля не оставаться наедине с ней.

По его глазам она догадалась, что он прочитал ее мысли.

— Нет, этого не может быть, — умоляюще проговорила она. — Вы не позволите этим мрачным легендам вторгаться в ее жизнь. Варда отличается от остальных детей только тем, что живет не так, как они. Однако она вполне нормальный ребенок. К тому же эта болезнь не передается по наследству.

— Кто может утверждать это наверняка? — он сокрушенно пожал плечами.

Дженини лихорадочно искала слова утешения.

— Но... ведь она ничего не сделала из того...

Болезненная гримаса исказила лицо Пауля, как будто память помимо его воли подсказывала нечто ужасное. Пошатнувшись, он отвернулся от Дженини и, прежде чем она успела понять, что произошло, уже бежал вниз по тропинке, оставив ее наедине с тяжелыми мыслями.

Мгновение она стояла, глядя ему вслед. Первым побуждением было догнать его, попытаться успокоить, однако Пауль не принадлежал к породе людей, которые нуждаются в словах ободрения. Позже он сам придет к ней, а сейчас... он будет стыдиться собственного порыва. И все же Дженини была благодарна за его рассказ. На камне осталось лежать пальто Пауля. Подняв его, Дженини поспешила к туманной громаде замка. Пронизывающий ветер задувал с моря.

Глава тринадцатая

Дверь в комнату Пауля оказалась закрыта, когда Дженни вернулась в замок. Не получив ответа на стук, она поднялась к себе в спальню.

Слова Пауля неповоротливо переваливались в мозгу, рождая тревожный осадок. Он не рассказал ей всего, что намеревался. Что-то остановило его: какое-то зловещее воспоминание — неизъяснимое даже после того, как он открыл тайну проклятия, тяготеющего над семьей.

Верил ли он, что гибельное предопределение нависло над Вардой? Невероятное предположение, если рассматривать его с позиций здравого смысла. Но то, что она услышала, было лишено всякой рациональности. Слабые попытки объяснить прошлое выглядели неубедительно: мир реальности разбивался о каменные стены замка, безнадежно искривляясь в потусторонних измерениях.

Возможно, это была не Варда. Проклятие могло лежать на ком-то другом. Беатрис Лэнгдон не вызывала подозрений — безобидная как ребенок, хотя временами невыносимо высокомерная. Может быть, Рэй? Нет, представить его верхом на метле Дженни, как ни старалась, не могла. Оставались слуги. Но Пауль говорил о семейном проклятии, а слуги не были членами семьи.

В таком случае, с невеселой улыбкой подумала она, подозрение падало лишь на него самого. И тем загадочней представляла причина, побудившая его к откровенности.

Дженни подошла к окну, выглянула наружу. Так ли необоснованы ее подозрения? Таинственная смерть Сюзанн, угрюмый характер хозяина замка, необъяснимый страх рыбаков перед островом... Наблюдения последних недель выстраивались в стройную цепочку. Предположения, одно ужаснее другого, ворочались в мозгу, не вызывая ничего, кроме головной боли. Об опасности, притаившейся на острове, предупреждала Мария, писала Сюзанн. Пауль требовал от нее осторожности, по собственной воле раскрыв тайну кровавого рока, с незапамятных пор преследующего его и его

род. Пока следовали предостережения, но если действительно существовала опасность, она могла исходить только от одного человека — от самого Пауля.

Вместе со сгущавшимся за окнами вечерним сумраком в комнату медленно вползала промозглая островная сырость. В углу смутно белели срезы свежих поленьев, аккуратно уложенных на каминную решетку. Зябко поеживаясь, Дженни подошла к столу; взяв коробок спичек, с удивлением задержала взгляд на этикетке, рекламирующей «Отель де Люкс». В этой скромной приморской гостинице Дженни встретила Цинтию Бёрк и обменялась с ней именами.

Коробка не было в комнате, когда она уходила, — в этом она была уверена. Прикрыв глаза, она попыталась припомнить. Да, раньше спички хранились в маленькой металлической коробке.

Может быть, их забыла Мария? Или кто-то другой положил их преднамеренно? Кроме нее, в городе побывал только Рэй, и Дженни не могла избавиться от подозрения, что он следил за ней там. Если ему удалось узнать ее настоящее имя, не был ли этот знак еще одним предупреждением?

Разведя огонь, она спрятала коробок в карман. Если его оставили по случайности, нет смысла привлекать чужое внимание. Если нет... она уже успела привыкнуть к предупреждениям. Несколько дней назад доктор Моррис убеждал ее в беспочвенности страхов, и вот... Разговор с Паулем свел на нет все его старания. Что-то странное происходило в замке; в его угрюмых коридорах притаилась неведомая опасность. Однажды она привела к смерти Сюзанн. Теперь она угрожала Дженни.

За ужином Пауль воздерживался от разговоров, хотя Дженни постоянно ощущала на себе его взгляд. Его ответы были краткими и малозначительными. Даже непрестанная болтовня Рэя была бессильна рассеять напряжение, возникшее за общим столом. Дженни со страхом подумала, что Пауль мог пересказать остальное содержание их разговора. Возможно, они догадались, кто она, и теперь раздумывают, что с ней делать.

Перестань, твердо приказала она себе. Скоро ты будешь шарахаться от собственной тени. Потеря самообладания сейчас равносильна заигрыванию со смертью.

Люди чувствуют чужой страх, даже хорошо спрятанный, и ощущение слабости противника дарит им преимущество.

После ужина, забрав из комнаты вышивание, Дженини устроилась возле камина в гостиной. Монотонная работа успокаивала нервы. Беатрис Лэнгдон заняла соседнее кресло, и некоторое время обе занимались рукоделием, изредка обмениваясь короткими репликами. Дженини чувствовала, однако, что ее собеседнику забывает нечто большее, и оказалась права.

— Пауль передал мне, что рассказывал вам о прошлом нашего рода, — произнесла она после недолгой паузы.

Дженини улыбнулась, не поднимая головы от вышивания.

— Вы имеете в виду истории о вампирах? Довольно интересно, хотя и немного жутковато.

— Вы не принимаете их всерьез?

— Всерьез? Нет, — Дженини оторвалась от вышивания и покачала головой. — Боюсь, для этого во мне слишком мало веры.

Ее ответ, казалось, раздосадовал миссис Лэнгдон.

— Печально. Люди склонны смеяться над тем, о чем знают лишь понаслышке.

Дженини спокойно подняла на нее глаза.

— Мне следовало бы испугаться, услышав их? Я правильно вас понимаю, миссис Лэнгдон?

Пожилая леди не выдержала взгляда: опустив голову, снова принялась за рукоделие.

— Люди столетиями верят старинным преданиям, мисс Бёрк, зачастую очень умные люди. Современная наука не в состоянии объяснить многое из того, что происходит под небесами, однако все время пытается привнести свой невежественный скептицизм и тем оправдать собственное незнание.

— А вы сами, миссис Лэнгдон... — Дженини замялась, не зная, как лучше задать вопрос, — вы боитесь вампиров?

К ее удивлению, Беатрис Лэнгдон ответила не колеблясь:

— Конечно.

— И вы думаете, именно эта опасность угрожает нам на острове? — Дженни перестала улыбаться.

— Я думаю, — неторопливо отозвалась Беатрис Лэнгдон, — следует ли вам вообще оставаться здесь, мисс Бёрк. Мой сын был против вашего приезда. Без сомнения, это для вас не новость. Вы помните, какую он подготовил вам встречу, и возможно, он был прав. Вы юны и совершенно беззащитны, к тому же немного легкомысленны. В сочетании с красотой это весьма рискованный набор качеств, вы так не считаете?

— На мой взгляд, тут нет никакой связи, — Дженни смутилась собственной резкости, но ничего не могла с собой поделать. Намек на ее легкомысленность и тем более желание миссис Лэнгдон уволить ее, встревожили Дженни. Что это, забота о ее безопасности или попытка защитить жизнь обитателей замка от постороннего вторжения?

— Беззащитная красота подобна цветку, который еще не успел раскрыться, — продолжала миссис Лэнгдон, как бы в тakt своим мыслям. — Сколь сильное испытание для нестойкого характера, тоскующего по живительному теплу...

— Привет всем, — в дверях появился Рэй. — Надеюсь, я не помешал вашей беседе?

Дженни едва удержалась, чтобы не запустить в него шитьем, лежавшим у нее на коленях. Беатрис Лэнгдон вновь углубилась в себя, казалось, сожалея о ненужной откровенности.

— Я как раз рассказывала мисс Бёрк о своем восхищении ее красотой, — проговорила она, складывая вышивание.

— С самой первой встречи я пытаюсь убедить ее в том же, — Рэй улыбнулся, — однако без особого успеха.

— Попытка лучше бездействия, — миссис Лэнгдон закрыла корзинку с иглами и нитками, встала, оправляя платье.

Ничто в ее поведении не указывало на то, что всего минуту назад эта степенная леди признавалась, что боится вампиров и прочих мифических тварей.

— Оставляю поле сражения за вами, мне вредно засиживаться допоздна. Спокойной ночи, — сдержанно кивнув на прощание, она вышла из комнаты.

Дженни почувствовала разочарование. Без сомнения, миссис Лэнгдон была близка к тому, чтобы приоткрыть завесу над тайной. Туманные намеки, словно крошки для голубей, разбрасываемые обитателями замка, как всегда, обрывались прежде, чем Дженни успевала что-либо понять.

Разговор с Беатрис Лэнгдон больше всего напоминал очередное предупреждение — столь же смутное, как и предыдущие.

— У вас вид, как будто вы вот-вот приметесь грызть ногти, — Рэй подошел к жарко растопленному камину. — Надеюсь, мама не успела напугать вас своими историями. У нее их изрядный запас, с самого сотворения мира. А когда и они кончаются, у Франца всегда наготове несколько новых.

Дженни натянуто улыбнулась. Беатрис Лэнгдон упоминала слабую натуру, тоскующую по красоте и теплу. Описание очень подходило к Рэю.

— Страшные истории затем и рассказываются, чтобы пощекотать нервы, — сказала она вслух. — Безобидное времяпрепровождение, особенно если дело касается старинных фамильных преданий.

— Значит, вы выслушали всю эту чепуху о вампирах, — он нахмурился. — Чудовище Лэнгдонов. Несколько лет назад об этом случае писали в местных газетах. Я был тогда еще ребенком и хорошо помню, какая поднялась шумиха. Репортеришки соревновались, кто больше выплеснет крови на газетную страницу.

Он говорил, не отрывая взгляда от пылающих в камине сучьев. Дженни заметила, как сжались его кулаки, и в первый раз подумала, что ошибалась насчет его характера. Глядя на его руки, она не могла не видеть, как они сильны.

— Во всей их писанине не было ни слова правды, — он с силой опустил ладонь на каминную доску, заставив подпрыгнуть массивный бронзовый канделябр.

Когда он повернулся, на его губах снова играла обычная улыбка.

— Не стоит придавать значение этим сказкам.

— Я в них не верю, — Дженни начала собирать руцоделие, — вот только... мне кажется, что ваша мама собирается уволить меня.

— Об этом не беспокойтесь,—он заговорщики подмигнул ей.— Я уже решил, что не позволю вам так просто оставить остров.

Позже, укладываясь спать, Дженни вспоминала эти слова и не находила в них ничего ободряющего.

Глава четырнадцатая

С первыми лучами солнца она проснулась. В комнату вошла Мария, поставила на стол завтрак; оладьи и кофе. Словно в противоположность ярким краскам разгорающегося за окнами дня, лицо старой служанки сохраняло необычайную серьезность, почти угрюмость. Вспоминая вчерашний разговор с Паулем, так взволновавший Рэя и Беатрис, Дженни не могла удержаться от мысли, что и Марии каким-то образом известно о его содержании.

— Мария,— она остановила женщину, собравшуюся уходить,— вы давно работаете в этой семье?

— Со времени моего замужества, мисс. Уже больше сорока лет,—обыденно отозвалась служанка.

— Наверное, вы знаете все фамильные предания?— Заметив, как замерла ее собеседница, Дженни пояснила: — Ну, все эти истории о чудовищах, о тенях, бродящих по острову. Вас они не пугают?

Повернувшись от двери, Мария встревоженно взглянула на нее. Ее высокая фигурка сгорбилась, словно в ожидании удара.

— Я обещала себе больше не разговаривать с вами об этом,— она потерянно перебирала в руках подол на-крахмаленного фартука.— Вы должны уехать с острова, мисс. В ночь вашего приезда поднялась кровавая луна, и это значит, что вам грозит опасность.

— Но какая тут может быть опасность?— голос Дженни предательски дрогнул.

— Если вы не уедете, мисс, она рано или поздно встретит вас в этих стенах.

Прежде чем Дженни нашлась что ответить, Мария боком выскользнула в дверь. В коридоре послышались удаляющиеся шагки.

Последнее предупреждение, подумала Дженни, отрешенно отпивая из чашки принесенный кофе. Кому-то изрядно мешает ее присутствие на острове.

Хорошо, потребуется нечто большее, чем все эти загадочные предостережения, чтобы заставить ее уехать отсюда. Она улыбнулась. Жуткие преднарочтания, как же! Скорее всего, Мария просто не ведает, что такое смех или беспечный тон; долгая служба у Лэнгдонов ограничила ее словарный запас, сведя его к набору замогильных преданий. Увы, одиночество располагает к вере в сверхъестественное. Вчера, потрясенная рассказом и видом горящих глаз Пауля, она почти уверилась в истинности старинных легенд. Но теперь, при свете дня, они выглядели достаточно неубедительно. Упыри, вампиры... Луи Беннер, вероятно, рассмеялся бы, узнай он, как продвигается ее расследование.

Ее приподнятое настроение несколько убавилось, когда она сошла вниз, в просторную кухню, где ее ждала с уроками Варда. Снова закрались сомнения; улыбка не частая гостья в стенах, хранящих тайну загадочной смерти. Уединение накладывало отпечаток и на поведение самих Лэнгдонов, особенно — Варды. Пауль упоминал в разговоре какую-то странность, унаследованную в ее характере: нечто жуткое, имеющее отношение к старинным легендам. Конечно, это было только предположение, однако Дженни ощущала укол страха при виде девочки и тут же укорила себя, стыдясь своих подозрений.

Варда играла с куклой, которую Дженни привезла для нее из города. Умудренное лицо игрушечной леди обрамляли пряди светлых волос; среди ее достоинств, о которых много распространялся продавец, было умение ходить, разговаривать, пить и, возможно — подумала Дженни со скрываемой улыбкой, — рассказывать страшные истории о прошлом семейства Лэнгдонов. Прогнав непрошеные мысли, она подошла к столу, за которым сидела девочка. Варда приветливо поздоровалась, представив свою любимицу.

Утренние занятия доставляли радость Дженни. Варда, несмотря на замкнутый образ жизни, который была вынуждена вести, искрилась неисчерпаемым весельем. Настроение Дженни, каким бы хмурым оно ни было по пробуждении, неизменно поднималось в ее присутствии.

Пока они занимались, Мария гремела ухватами и кастрюлями возле плиты, совершенно равнодушная к их присутствию. Несколько раз на кухню заглядывал ее муж, принося припасы, о которых она просила, и помогая управиться с тяжелой утварью. Дженнин разглядывала его с обновленным любопытством; угрюмый и необщительный, Франц представлялся наиболее внушающим страх из всех, живущих на острове. Не против ли него были направлены предупреждения? Но нет, Лэнгдоны были полновластными хозяевами в собственном доме.

Франц, обернувшись, перехватил ее взгляд. По спине потянуло могильным холодком, когда Дженнин встретила его глаза: жестокие и безжизненные. Их не смягчало даже выражение преданности — не жене, а Лэнгдонам, в особенности — Беатрис Лэнгдон. Жизнь ожесточила его, притупив обычные человеческие чувства. Возможно, он тяжелее всех переживал упадок графского дома; ведь именно через него осуществлялась связь острова с побережьем, и естественно, он не мог не слышать историй, шепотом передаваемых в городе.

Одно все же было несомненно: Франц не питал добрых чувств ни к кому, кроме своих хозяев. Судьба острова стала его судьбой. Что до жены, если она хоть что-то значила для него, — для Лэнгдонов это был подарок небес; подспорье, позволявшее Францу полагаться в службе на четыре руки вместо двух.

Обеду, как обычно, предшествовала недолгая прогулка. Дженнин выводила свою воспитанницу во двор, где, расположившись у фонтана, они рисовали или читали, наслаждаясь солнцем и свежим весенним воздухом. Мария лишь изредка поглядывала в их сторону из окна кухни, выполняя тем самым распоряжение Пауля не оставлять девочку без присмотра. Однако разобрать звук голосов во дворе из-за сложной акустики замка было довольно сложно. Так же никто не мог приблизиться к играющим незамеченным.

До сих пор Дженнин не заговаривала с Вардой о ее матери, не желая тревожить детскую память неприятными воспоминаниями. Но теперь, когда прошедшие дни не принесли ничего, кроме новых загадок, она пришла к убеждению, что сможет помочь Вар-

де — действительно помочь ей — лишь в том случае, если добьется ответа на волновавший ее вопрос.

— Ты помнишь свою маму, Варда? — она постаралась придать голосу как можно больше безразличия. — Я никогда не слышала, чтобы ты рассказывала о ней.

Сдержаный взгляд, который бросила на нее Варда, наполнил Дженнин подозрением, что она коснулась еще одного негласного запрета. Ответ успокоил ее

— Помню. Она была красивая.

— И добрая?

— Да, — Варда заколебалась, затем добавила. — Только она все время волновалась.

Дженнин вспомнила слова доктора о состоянии, в котором находилась Сюзанн, о ее зависимости от снотворных и успокаивающих средств. О том же говорил Рэй. Приходилось признать, что, как мать, Сюзанн не была феей из сказки.

— Наверное, тебе было очень грустно, когда она умерла?

Варда кивнула, не отрываясь от книжки с картинками. Не получив ответа, Дженнин осторожно поинтересовалась:

— Ты помнишь, когда ее не стало?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Я спала.

— Но ты должна что-нибудь помнить, — Дженнин наклонилась ближе.

— Я не помню, — в голосе Варды слышались умоляющие нотки. Дженнин поразилась выражению ее лица, встретившись с ней взглядом. — Я спала, когда все пришли и смотрели на меня. Бабушка, папа, Мария. Бабушка плакала и целовала меня, но я не могла проснуться. А когда проснулась, мне сказали, что мама умерла.

Она заплакала.

— О, бедный ребенок, — Дженнин с горячностью обняла девочку. — Прости меня, я не хотела, чтобы ты плакала. Прости меня, пожалуйста.

К ее облегчению, природная жизнерадостность Варды одержала верх над слезами. Прильнув к Дженнин, она доверчиво прошептала:

— Мама всегда говорила, что я маленькая.

— Ну, что ты,— Дженни погладила ее по волосам,— ты уже совсем взрослая, красивая девушка.

— Я так рада, что ты приехала,— Варда уткнулась в ее плечо.— Я молилась, чтобы ты приехала и мне не было так одиноко.

Дженни почувствовала, как наступает ее очередь сдерживать слезы.

Первое, что она увидела, войдя в свою спальню, были осколки разбитого зеркала. По ее просьбе Рэй помог повесить его на стену, и некоторое время Дженни с вызовом ожидала, как к новоприобретению отнесутся остальные. Никто не проронил ни слова, но вот... прошла неделя — и зеркало лежало на полу, рассыпавшись на тысячу осколков. Дженни рассерженно потянула шнурок вызова слуг.

— Кто это сделал? — громко потребовала она, когда через несколько минут в комнату вошла Мария.

Служанка посмотрела на осколки, подняла глаза на Дженни.

— Я не знаю. Разве вы не сами...

— Нет,— оборвала ее Дженни.— Кто-то вошел в комнату, пока я отсутствовала, и нарочно... — она запнулась на середине фразы. Бесполезно кричать на прислугу: даже если Марии известно, кто разбил зеркало, она ни за что не признается.

— Ох, извините,— она смущенно улыбнулась.— Я погорячилась. Надо убрать осколки. Где можно найти щетку и совок?

— Сейчас принесу,— Мария с видимым облегчением вышла.

Через пару минут она вернулась с необходимыми принадлежностями, и обе женщины принялись собирать рассыпавшееся стекло.

Увлеченные работой, они не заметили, как в дверях появился Рэй.

— Мне показалось, кто-то кричал,— проговорил он, переступая порог. Заметив разбитые стекла и пустую раму на стене, где висело зеркало, он удивленно присвистнул: — Фью, здесь что-то обрушилось?

— Кто-то разбил мое зеркало,— раздраженно ответила Дженни,— пока я... Ой! — она подпрыгнула, уковыльвшись чем-то острым.

Рэй пересек комнату и присел рядом, помогая избавиться от занозы. На пораненном пальце выступила алая капелька крови. Рэй с непонятным восторгом смотрел на нее.

— По старинным преданиям,— он улыбнулся и поднял голову,— я должен быть зачарован этим зреющим. Запах крови должен притягивать меня,— он посмотрел ей в глаза, его улыбка стала еще ослепительнее.— Признаться, я действительно испытываю неодолимое желание поцеловать ваш пальчик.

Он поднес к губам ее руку.

В любое другое время этот жест выглядел бы не более чем невинное ухаживание. Но не сегодня. Дженнини опасливо отдернула руку.

— Извините,— она локосилась на Марию, которая продолжала убираться, не обращая на них внимания.— Я здесь только гувернантка, и вам не следует забывать об этом.

— Клянусь вам, милая леди,— сказал он,— теперь, когда я узнал, кто вы, я постараюсь не забывать об этом.

Насмешливый тон не позволял разгадать истинный смысл его слов. Мария закончила уборку и вышла из комнаты. Рэй тоже поднялся, шагнул следом. Возле двери на секунду остановился.

— Обязательно перевяжите свой пальчик,— подмигнув, словно заговорщик, он вышел.

Его слова с хрустальной прозрачностью звенели в ушах Дженнини. Было ли преднамеренным последнее замечание? Если ее инкогнито раскрыто, что собирается предпринять Рэй? Не так страшно, если он будет знать об этом один. Но если он расскажет обо всем брату... Пауль придет в ярость и вышвырнет ее с острова, в этом не может быть и тени сомнения. Она никогда не узнает тайны смерти Сюзанн.

И никогда, грустно добавила Дженнини, не увидит больше Пауля Лэнгдона.

Клочок ваты, извлеченной из ящика комода, остановил слабое кровотечение из пальца. Укол не был настолько серьеzen, чтобы нуждаться в перевязке.

На комоде лежал новый коробок со спичками. Дженнини с напряжением разглядывала рекламу «Отели де Люкс» — прибрежной гостиницы, в которой она

и Цинтия Бёрк обменялись именами. Смяв коробок в ладони, она подняла глаза к опустевшей раме, в которой висело зеркало. В первый раз она была по-настоящему испугана. Мария не напрасно нашептывала свои предостережения, сколь бы ни были стары порождавшие их мифы. Остров действительно дышал опасностью.

Глава пятнадцатая

Позже ей показалось, что Рэй не был особенно удивлен, обнаружив зеркало разбитым. Возможно, такого поворота событий он ожидал с самого начала: совет не рассказывать про зеркало остальным исходил от него.

Это обстоятельство автоматически исключало его из круга подозреваемых. Зачем было помогать, если впоследствии он собирался разрушить плод своих трудов? Но если это сделал не он, то кто? Подходящей кандидатурой была Беатрис Лэнгдон. Рэй признавался, что старая леди не питает приязни к зеркалам. Несколько натянутое объяснение, если рассуждать трезво, однако что вообще в замке подчинялось законам здравого смысла? Кто-то — отнюдь не призрак, а человек во плоти и крови — пробрался в спальню, и зачем-то разбил зеркало, подбросив очередную загадку к уже существующим.

Молчание было лучшим выходом из подобного положения. Дженни твердо пообещала себе не делиться ни с кем своими сомнениями. Если зеркало разбили для устрашения, пусть тех, кто совершил это, постигнет разочарование. Несколько обломков стекла не вынудят ее к бегству. После недолгого раздумья она не стала выбрасывать и спички, положив коробок на видное место. По-видимому, кто-то лишь проверяет свои подозрения. Пусть думает, что спичечная этикетка не имеет для нее никакого значения.

Весь день она делала вид, что ничего не случилось. Со своей стороны, о разбитом зеркале не проронил ни слова и никто из Лэнгдонов. Вернувшись вечером в свою комнату, Дженни ощутила новый приступ тревоги. Она попыталась читать, но книги оказались бессильны завладеть ее вниманием. Неспокойное ожидание

сделалось невыносимым, когда она поднялась и, взяв плащ, вышла в коридор. В гостиной было темно и пусто. Свет в кухне указывал, что Мария до сих пор занята работой; узкая полоска света выбивалась из-под дверей в студию Пауля. Никого не было видно поблизости.

С вешалки в прихожей она сняла свой плащ и, накинув его на плечи, шагнула во двор. В темной ночи сияло несколько отважных звездочек, выглядывавших в просветы тяжелых туч над головой. Дженнни присела на край фонтана, поставив рядом лампу. Вода, замерзвшая и таявшая несколько раз за минувший месяц, теперь оттаяла, хотя и продолжала сохранять зимний холодок. Дженнни задумчиво погрузила в нее пальцы и посмотрела на расплывающиеся в сумерках лица наяд. Их выражение оставалось таким же изумленным, как и в день ее прибытия. Неведомая тайна скрывалась в уголках их губ, изогнутых проницательною улыбкой. Хмурый Нептун не разделял их веселья. Его сведения недовольством брови омрачали каменное лицо.

— Возможно, ты прав, мне и в самом деле лучше уехать, — шепнула ему Дженнни. — Но это будет поражением. Я останусь и узнаю все, что мне нужно.

Наяды приветствовали ее слова взрывом беззвучного смеха.

За спиной неожиданно хлопнули створки освещенного окна в студии Пауля, залив светом каменные плиты двора. Дженнни виновато обернулась, однако Пауль не видел ее, увлеченный разговором с Рэем. Силуэты мужчин отчетливо вырисовывались на фоне окна.

Поднявшись, чтобы уйти, она остановилась, привлеченная долетевшим до слуха обрывком фразы:

— ...Я не позволю ей покинуть остров, — жестко произнес Пауль.

Дженнни бесшумно отодвинулась в тень. Говорили о ней, в этом не было сомнения. Ответ Рэя и следующее замечание Пауля прозвучали приглушенно: оба отошли от окна. Какой-то момент она боролась с укорами совести, решая, возвращаться ли в спальню или поближе подойти к окну. В конце концов победило желание проникнуть, хотя бы отчасти, в семейную тай-

ну. Крадучись, она приблизилась к стене, тщательно обогнув прямоугольник яркого света, отбрасываемого наружу.

Снова заговорил Рэй.

— ...то же, что случилось с твоей женой,— уловила Дженнини.

— Почему ты думаешь, что это был не несчастный случай? — вопрос Пауля прозвучал требовательно и жестко.

Дженнини прижалась к стене: удары сердца, казалось, были слышны в комнате наверху.

— Почему? — Рэй коротко рассмеялся.— Ты сам прекрасно знаешь.

— К сожалению,— Пауль помолчал.

Влажная кладка холодила ладони. Вдали глоху ворчали волны, разбивающиеся о скалистые угесы; совсем рядом тихо журчал фонтан. Из кухни, где находилась Мария, доносились запах свежевыпеченного хлеба.

Значит, смерть Сюзанн не была случайностью. Дженнини ощутила странное раздвоение: какая-то часть ее радовалась подтверждению давнего подозрения, другая же — едва сдерживалась, чтобы не удариться в слезы.

Она встрихнула головой, прогоняя мысли и снова вслушалась в разговор наверху.

— Если она останется, с ней произойдет то же, что и с Сюзанн,— проговорил Рэй.

— Я не позволю ей уехать,— повторил Пауль, подходя к окну

Дженнини теснее прижалась к сырой стене.

— Проклятие! — раздался голос над головой. В ту же секунду Дженнини вспомнила о лампе, забытой возле фонтана. Ровный огонек фитиля было трудно не заметить из окна; она поняла это, когда окрик повторился:

— Кто там?

Затаив дыхание, она вслушивалась в быстрые шаги наверху; с треском распахнулась дверь в коридор, и в комнате стало тихо. Дженнини повернулась и бросилась под ближайшую арку, выходящую на каменную пристань. Стук каблуков гулко отражался от массивных ступеней; плащ рвался с плеч, развеваясь, словно

королевская мантия. Ледяной ветер, бушующий вне стен, набросился на ее волосы, разметав их, стылым дыханием угрожая заморозить слезы, застилающие ресницы.

Внезапный шорох! Дорогу преградила тень, более темная, чем остальные. Дженни закричала, пытаясь ускользнуть; со страхом почувствовала, как ее руки стальными тисками сжимают чьи-то пальцы. Из темноты на нее смотрело безжалостное лицо Франца.

— Что вы здесь делаете? — потребовал он.

— Пустите меня! — она взвизгнула, забившись в его объятиях. Вид слуги больше раздражал, чем пугал ее; вдобавок нестерпимо ныли запястья там, где их сдавили его железные пальцы.

— Кто там? — под аркой возникла фигура Пауля Лэнгдона. — Это ты, Франц?

— И да, — слуга выпустил свою пленницу.

Пауль стремительно сбежал вниз. Его глаза вспыхнули, когда он увидел Дженни.

— Что вы здесь делаете? — его голос эхом отразил вопрос слуги.

Она вскинула голову.

— Я не могла заснуть и вышла подышать свежим воздухом.

— Вам, кажется, известно, что мне не нравятся ваши ночные прогулки?

— А мне не нравится, когда на меня набрасываются в темноте, а потом разговаривают, как с непослушным ребенком, — вздернув подбородок, Дженни с достоинством прошла мимо него.

Однако Пауль был не из тех людей, которые терпят подобное обращение. Перешагивая через две ступеньки, он догнал ее.

— Это не ваша лампа у фонтана?

— Разумеется, моя, — Дженни не сбавляла шага. — Или вы думаете, что ее забыл кто-то из ваших семейных призраков?

Они поднялись под арку и вместе вошли во двор.

— Значит, вы подслушивали у моих окон.

— Мне кажется, вы ищете ссоры, — Дженни взяла лампу. — Почему вы решили, что мне интересны ваши

разговоры? К тому же,— она повернулась к дому,— все окна были закрыты, когда я выходила.

Отчасти это действительно походило на правду. Но только отчасти. Спеша избежать новых вопросов, она направилась ко входной двери, не обращая внимания на Рэя, который, стоя в освещенном квадрате окна, с видимым удовольствием наблюдал разыгравшуюся внизу сцену.

— Я вынужден снова повторить свое требование, мисс Бёрк,— в голосе Пауля зазвучали гневные нотки.— Ночные прогулки опасны, пожалуйста, не забывайте об этом. И не заставляйте меня прибегать к суровым мерам.

— К каким, например? — Дженни с раздражением обернулась к нему.— Навесите засов на мою дверь и будете запирать каждый вечер, как свою дочь? Подбирайте выражения, мистер Лэнгдон. Я не ваша пленница и не собираюсь быть таковой.

Пауль побледнел, однако не произнес в ответ ни слова. В окне второго этажа захлопал в ладоши Рэй.

— Браво,— воскликнул он.— Похоже, тебе достался достойный противник, братец. Я предупреждал тебя, что в этой девице дремлет пантера.

Дженни подняла глаза, раздосадованная его глупой выходкой.

— А вас...— она задохнулась от ярости,— вас...

Не найдя слов, она с силой толкнула дверь и вбежала в прихожую, не думая ни о чем, кроме бегства от горящих глаз Пауля и громового хохота Рэя.

Глава шестнадцатая

Стоило ей вернуться в спальню, как в дверь постучали. На пороге стоял Рэй.

— Представление окончено,— Дженни попыталась захлопнуть дверь перед его носом Дружелюбно улыбаясь, он остановил ее.

— Прошу прощения, если навлёк на себя ваш гнев,— проговорил он.— С тех пор, как вы приехали, мой брат не перестает удивлять меня. Он любит вас.

Она вспыхнула от смущения.

— У вас богатое воображение, Рэй. И как всегда, оно подводит вас. Единственное чувство, которое питает ко мне ваш брат,— нескрываемое раздражение моим присутствием.

— Не обманывайте себя,— сказал он.— И позвольте дружеский совет. Любовь к Паулю может оказаться для вас небезопасна.

Она оскорблена вскинула голову.

— Вот как. Еще одно предостережение. Все только и делают, что предостерегают меня, но никто не желает объяснить, от чего. Мне надоели эти загадки.

Рэй посерезнел.

— Если вас беспокоит наше соглашение, Пауль не догадывается о нем.

— Какое соглашение?— Дженнин непроизвольно вздрогнула.

— Зеркало. Теперь, слава Богу, оно разбилось,— Рэй внимательно наблюдал за ней. В его зрачках проплывал, отражаясь, огонек настольной лампы.

Неожиданным движением он обнял ее и привлек к себе.

— Вы еще не все узнали о смерти Сюзанн,— тихо произнес он.— Будьте осторожны,— и, прежде чем Дженнин успела ответить, поцеловал ее.

Первое, что она увидела, выскользнув из объятий, был Пауль, застывший в нескольких шагах по коридору. Их взгляды встретились. Невнятно пробормотав: «Извините», Пауль прошел мимо и скрылся за поворотом.

— Досадно,— Рэй снова улыбнулся,— но я должен был поцеловать вас, чтобы наш разговор не вызвал подозрений у брата. Во всяком случае, мне поцелуй доставил удовольствие.

Взмахнув на прощание рукой, он удалился в противоположную сторону, оставив Дженнин в полном смятении у двери.

В эту ночь ей приснился Пауль. Он стоял, поджидая ее, на обдуваемом ветром утесе, однако, когда Дженнин приблизилась, отвернулся.

Тревожное чувство усилилось утром. Дженнин не покидало смутное ощущение близости развязки. Злове-

щие события сталкивались, громоздились, свивались цепью, заслоняя мрачным покровом недалекое будущее. Сам замок, казалось, вздрагивал, переполняемый недобрьими знамениями.

Однако для Дженнин оставалось загадкой, что можно противопоставить наплыву событий. Разговор, подслушанный ночью, разрешил лишь часть вопросов, породив новые сомнения. Смерть Сюзанн не была несчастным случаем.

Подозрения оправдались, и оставалось сделать всего несколько шагов к разгадке. Покинуть остров в этот момент, стоя на пороге тайны, представлялось немыслимым.

Но все настойчивее и неотвратимее ее подталкивал к бегству страх. Он не отпускал ее ни на минуту, сжимал стальными тисками сердце, лишал сил и сна. Как долго могла сопротивляться его мертвяющему дыханию одиночная девочка? И что она могла предпринять, не представляя даже, в чем состоит угроза? Довериться миссис Лэнгдон... но едва ли она станет мешать своим сыновьям. Слуги же, она видела это, были всецело на стороне хозяев замка.

Все чаще ее посещала мысль об отъезде. Но тогда останется нераскрытым тайна, ради которой она проникла на остров. Ради Сюзанн она обязана идти до конца.

Солнечный день не рассеял тревожного настроения. Произошел неприятный эпизод с куклой Варды, которую Дженнин привезла из города. Девочка была в восторге от игрушки и не желала расставаться с ней даже во время уроков.

В этот день Дженнин удивило отсутствие куклы.

— Где Бэби? — она указала на пустой стул, где обычно сидела любимица Варды.

Варда выглядела огорченной. Не поднимая глаз, она тихо произнесла:

— Бэби умерла.

— Варда, — Дженнин поразилась болезненной угрупомости, прозвучавшей в голосе ребенка, — так нельзя говорить. Куда ты ее спрятала?

— Она упала на камни и разбилась, — Варда запла-кала.

Мария, прислушивавшаяся к их разговору, вынула из деревянного ящика рядом со столом какой-то предмет и молча подала его Дженнни. Это была кукла, точнее, то, что от нее уцелело. Половины лица и одной руки не было. На другой руке отсутствовали пальцы, ноги болтались на веревочках.

Варда плакала. Кивком головы подозвав Марию, Дженнни вышла в коридор.

— Что произошло с куклой? — спросила она, останавливаясь в нескольких шагах от двери, где девочка не могла их услышать.

От прежней замкнутости Марии не осталось и следа; старая служанка была сильно расстроена случившимся.

— Молодая мисс поднялась на башню. Конечно, ей не разрешают там играть, но иногда она забывает. Кукла выпала с подоконника во двор и разбилась.

— Бедная! — Дженнни долго рассматривала искалеченную игрушку. Безнадежно было пытаться починить ее. Придется покупать новую. Однако не сразу: сначала ребенок должен отвыкнуть от прежней любимицы.

— Ее мать умерла такой же смертью, — чуть слышно прошептала Мария.

Дженнни с испугом взглянула на нее. Да, это выглядело очень похоже. Даже Варда сказала, что кукла разбилась о камни... Странное совпадение? Она подумала о несчастной девочке, запертой в комнате, такой одинокой. Неужели из болезненного любопытства она разыграла смерть матери?

Это неприятное предположение побудило Дженнни после обеда заглянуть в студию, где работал Пауль. Холодное приветствие наполнило горечью ее сердце.

— Я пришла поговорить о девочке, — проговорила она, отклонив его предложение сесть в массивное кресло, стоявшее у стола.

— У меня создалось впечатление, что вы прекрасно ладите с ней, — заметил он суховатым тоном. — Варда успевает в учебе, общение с вами благотворно влияет на ее характер. Возможно, некоторые мои действия могут показаться вам странными, однако я делаю все, чтобы моя дочь чувствовала себя счастливой.

— Я не сомневаюсь в этом, иначе бы я не пришла к вам. Но мне кажется, что мое появление лишь внешне изменило настроение Варды. У нее появилась подружка, но этого недостаточно. Жизнь, которую она вынуждена вести, отрицательно сказывается на ее здоровье.

— И что же вы предлагаете? — он бесстрастно взглянул на нее.

— Девочку нельзя оставлять на острове, — решительно произнесла Дженнни. — Существует множество приличных школ, некоторые из них относительно недорогие. Было бы дешевле обучать ее в хорошей школе, чем нанимать учителей. И наконец, я могу обучить ее только тому, что знаю сама. Придет день, и ей понадобится более опытный преподаватель.

— Вот тогда, — Пауль сложил руки с видом окончательного решения, — мы и поговорим. Сейчас, боюсь, этот вопрос стоит вне обсуждения. Позвольте мне еще раз поблагодарить вас за превосходную работу.

— Но почему? — Дженнни упрямо не желала признавать поражение. — Почему вы отказываетесь замечать тот вред, который ей наносит пребывание на острове? Если вам не безразлично ее здоровье...

— Моя дочь никуда не поедет, — повторил он. Поднявшись из-за стола, подошел к двери и распахнул ее. — Прошу извинить меня, я должен закончить деловую переписку.

Вечером, когда все собирались за ужином, разговор снова коснулся переписки.

— Я получил ответ от нью-йоркской инвестиционной фирмы, — объявил Пауль, когда ужин подходил к концу. — Группа иностранных вкладчиков собирается открыть на нашем острове курорт. Им интересно узнать наши условия.

Беатрис сдержанно улыбнулась.

— Представляю себе: орды туристов, толстяки с клюшками для гольфа и старые мегеры со слюнявыми мопсами.

— Возможно, до этого дело не дойдет, — Пауль оставался серьезен. — Я запросил неимоверную сумму. Если же они согласятся, я продаю остров.

Беатрис Лэнгдон побледнела.

— Ты не посмеешь, — гневно произнесла она, — я не позволю этого сделать.

Не обращая внимания на ее вспышку, Пауль спокойно заметил:

— У тебя нет юридического права расторгнуть сделку.

Мгновение она глядела на него в холодном молчании. Когда же заговорила снова, ее голос звучал более примирительно:

— Ну почему ты хочешь этого, объясни мне.

— Все предельно просто. Мы больше не в состоянии содержать замок. Наши доходы сокращаются с каждым годом. Новая Шотландия много меньше и, естественно, дешевле. Продав все, кроме этого поместья, мы будем жить в комфорте до конца своих дней и не придется подсчитывать все до последнего цента, как сейчас.

— В этом году положение изменилось к лучшему, — вмешался Рэй.

К удивлению Дженнин, его тоже задела перспектива потерять остров. О ее присутствии, казалось, забыли. Взглянув на лицо Пауля, она обнаружила, что его спокойствие всего лишь маска. В уголках губ пролегли глубокие складки, запавшие глаза потемнели. Решение продать остров стоило ему больших мук, чем он старался показать остальным.

— Ты говоришь о деньгах Сюзанн? — сказал он просто. — От них не осталось ни цента, все разошлось под закладные.

— Часть состояния отошла в пользу Варды, — Беатрис Лэнгдон возбужденно привстала на стуле. — Мы могли бы использовать ее деньги на правах опекунов.

— Нет, — Пауль покачал головой, — мы не можем этого сделать, ты прекрасно знаешь.

Беатрис Лэнгдон с силой ударила ладонью по скатерти. Зазвенели столовые приборы.

— Опять эта женщина! — воскликнула она. — Я никогда не верила ей. Даже после смерти она не желает делиться своими деньгами!

— Мама! — произнес Пауль. Первый раз с начала беседы он взглянул на Дженнин. — Прошу извинить нас за небольшую семейную сцену. Мы забылись. — Он укоризненно посмотрел на мать и брата.

Однако Беатрис не успокаивалась:

— Ты забываешь, что в Новой Шотландии нет замка. Нам придется жить среди людей.

Дженнин почувствовала, что это напоминание попало в цель, хотя и не догадывалась почему. Какое-то мгновение Пауль колебался. Затем, улыбнувшись, произнес:

— Я говорил с мисс Бёрк, и она считает, что Варде будет полезно на время покинуть остров. Возможно, взгляд со стороны будет самым правильным.

Беатрис ответила ему холодной улыбкой.

— Ты этого не сделаешь, — ее голос прозвучал угрожающе.

В наступившей тишине Рэй наклонился к плечу Дженнин.

— Новая Шотландия немного меньше, чем это поместье, — заметил он с безмятежным видом. — Совсем капельку. Уверен, вам там понравится.

— Вы собираетесь перевезти меня туда вместе с мебелью? — спросила она.

— О да! Вы наше самое дорогое сокровище, — он рассмеялся, глядя в потемневшее лицо брата.

Глава семнадцатая

Дженнин была удивлена, когда на следующее утро Франц вернулся из поездки в город с письмом, адресованным на имя Цинтии Бёрк. Она повертела в руках конверт, опасаясь, нет ли тут какой ошибки, однако знакомый почерк рассеял ее сомнения. Оставив Варду на попечение Марии, она поднялась к себе в комнату и распечатала конверт.

Внутри находилась короткая записка от Луи Беннерра: «Остановился в гостинице. Постарайся выбраться в город». Не было ни подписи, ни имени адресанта. Ничего, что могло бы скомпрометировать Дженнин. Тем не менее она порвала письмо на мелкие кусочки и вы-

бросила их в окно, после чего отправилась на поиски благородного семейства.

Беатрис Лэнгдон и Рэй горячо спорили о чем-то во дворе замка. Вероятно, до сих пор продолжают возмущаться намерением Пауля продать остров, решила Дженни.

При ее приближении оба разом замолчали и внимательно посмотрели на нее. Дженни не могла отделаться от мысли, что после вчерашнего разговора ее считают союзницей Пауля. С одной стороны, такое отношение льстило самолюбию, но было бы гораздо приятнее, если бы его разделял и сам Пауль.

— Боюсь, что у меня возникло неотложное дело, — произнесла она. — До вечера мне необходимо попасть в город.

— Ничего серьезного, надеюсь? — миссис Лэнгдон вопросительно приподняла бровь.

— Чисто деловая встреча, — Дженни невинно улыбнулась.

— Хорошо, я прикажу Францу. Он отвезет вас, — Беатрис с достоинством кивнула. — Полагаю, вы хотите отправиться поскорее?

— Только захвачу плащ. Благодарю вас.

Когда после непродолжительного отсутствия она спустилась на пристань, Лэнгдонов не было видно. Возле баркаса ее ожидал Франц. Перспектива второй за этот день поездки на побережье радовала его несколько меньше, чем Беатрис, однако Дженни уже успела привыкнуть к его вечно угрюмому виду и, нимало не смущаясь под его тяжелым взглядом, уютно устроилась на деревянном сиденье. Ее мысли были заняты предстоящей встречей.

Луи Беннер задумчиво прохаживался по вестибюлю, когда Дженни вошла в гостиницу. Было приятно видеть снова его знакомое, слегка озабоченное лицо; ей так не хватало его все эти недели.

— Луи! — она бросилась в его объятия. — Как я рада видеть тебя.

— Я тоже. Я уже начал бояться, что тебя заковали в цепи и держат в темнице. Дела не позволили мне выбраться раньше.

— Ты позабочился о мисс Бёрк? Я обещала помочь ей с деньгами.

Луи провел ее в противоположный конец вестибюля, где их не могли услышать.

— Да, с ней все в порядке. Кстати, я наводил справки перед тем, как приехать. Операция у ее матери прошла успешно, она поправляется.

— Приятно слышать,—Дженни присела рядом с ним на кожаный диван.

— А как продвигается твое расследование?—он бросил на нее испытующий взгляд.

— Не так успешно,—призналась она,—но и не безнадежно.

Она коротко пересказала все, что удалось узнать с момента прибытия на остров, ограничившись, насколько это было возможно, фактами, имеющими отношение к смерти Сюзанн. Не стоит взваливать на плечи Луи, подумала она, и свои личные проблемы.

Его лицо потемнело. Не прерывая, он дал ей возможность закончить свой рассказ.

— Все выглядит так,—Дженни на секунду задумалась,—что я приблизилась почти вплотную к разгадке. Единственное, в чем я нуждаюсь,—продержаться еще несколько дней.

— Это мне не нравится, ты знаешь. Мне следовало бы сразу связаться с тобой, как только Цинтия Бёрк сообщила о твоем местонахождении. Но я боялся помешать тебе.

— Ничего,—она успокаивающе коснулась его руки.—Пока я готова к опасностям, они мне не угрожают.

— Очень сомневаюсь,—Беннер нахмурился.—Думаю, тебе будет небезынтересно то, что мне удалось узнать в городе. По-моему, твое настоящее имя не представляет секрета для Лэнгдонов. По крайней мере для одного из них. Рэй наводил справки о сестре Сюзанн неделю или две назад.

— Этого следовало ожидать,—Дженни кивнула.—В прошлый приезд он ходил по пятам за мной. Но кажется, остальные ни о чем не догадываются. Сам же он довольно безвреден.

— Сказать откровенно, мне очень бы не хотелось, чтобы ты возвращалась на остров. Во всяком случае, одна. Мы могли бы поехать туда вместе, потребовать объяснений...

— Нет, Луи,— она мягко покачала головой,— это невозможно. Нас просто выставят с острова, ты же сам прекрасно все понимаешь.

— Тебя бесполезно разубеждать,— он тяжело вздохнул.— Я собираюсь остаться в городе еще на несколько дней, на случай, если тебе понадобится помочь. Ты сможешь управиться с какой-нибудь из их лодок?

— Наверное.

— Хорошо, как только ты почувствуешь, что происходит что-то неладное, немедленно уезжай оттуда. Я требую. Обещай мне.

Если Луи решит действовать по собственному усмотрению, его вмешательство не принесет ничего, кроме разоблачения.

— Обещаю,— она согласно кивнула.

— И вот еще,— украдкой оглядевшись, он вытащил из кармана маленький блестящий пистолет и сунул его в сумочку Дженнин.— Пусть это будет с тобой. Надеюсь, он не понадобится, но кто знает... Лучше иметь под рукой такую игрушку. Свинец одинаково вреден как людям, так и привидениям.

— Спасибо,— Дженнин улыбнулась, с благодарностью принимая потяжелевшую сумочку.— Мне пора идти,— она протянула на прощание руку.— Постараюсь отправить письмо или выберусь сама через несколько дней.

У входной двери она обернулась. Луи стоял возле дивана, озабоченно глядя ей вслед. Помахав ему рукой, она вышла.

По тротуару на улице прогуливался Франц.

— Что вы здесь делаете?— Дженнин не могла сдержать изумленного возгласа. Слуга должен был дожидаться ее на пристани.

— Уже поздно, мисс,— глухо проворчал он, шагая вниз по улице.— Нам нужно возвращаться.

— Как вы узнали, что я здесь? — она испуганно засторопилась следом.

Неужели Франц шпионил за ней? Тогда он мог видеть, как Луи передавал пистолет. Что можно разобрать сквозь гостиничную занавеску? Увы, Дженнни не помнила, между тем как оглядываться назад было уже поздно.

— Городок небольшой, все как на ладони. — Неодобрительные нотки в голосе слуги окончательно обескуражили Дженнни.

Близился вечер, когда они причалили к острову. Дженнни поднялась в спальню, собираясь умыться и переодеться к ужину, однако едва успела надеть сухое платье, как в дверь постучали. В коридоре стояла Мария, растерянно комкая натруженными руками передник.

— Маленькая госпожа спрашивала о вас, — произнесла она, кусая губы. — Она хочет поговорить с вами.

— С ней все в порядке?

— Да, но... — Мария медлила; забота о девочке преодолевала природную сдержанность. — Она говорит, что видела сон. Ей нужно сказать вам что-то.

Дженнни с облегчением вздохнула.

— Хорошо. Ее отец не будет знать, если я загляну к ней всего на минутку. Вы можете сопровождать меня.

Варда была в пижаме, только проснувшаяся от дневного сна. Голубые глаза серьезно смотрели на вошедших.

— Привет, малыш, — Дженнни обняла девочку. — Мария говорит, что ты видела плохие сны?

Варда отрицательно помотала головой.

— Нет, мне снился голос. Он сказал, что мама ждет тебя.

Дженнни неуверенно оглянулась на Марию, однако служанка отвела глаза.

— Твоя мама?

— Да, голос сказал, что она будет ждать тебя в западном флигеле. Ей нужно передать тебе послание.

Дженнни постаралась придать серьезное выражение своему лицу.

— Наверное, это очень важное послание?

— Так говорил голос. Еще он сказал, чтобы ты сразу шла туда.

Мысли беспорядочно заметались. Какой странный сон. Или чей-то загадочный план... но чей? Неужели Сюзанн... Она коснулась висков рукой: Боже! еще неделя — и суеверия Лэнгдонов превратятся в реальность.

— Скажи, — она наклонилась к Варде, — это был мужской или женский голос?

За спиной вздохнула Мария.

Девочка лишь пожала плечами.

— Это был ангел, — она словно объясняла известную истину. — Только ангелы могут разговаривать в снах.

Дженни обняла и поцеловала ее в щеку.

— Большое спасибо, малыши, ты очень точно передала его послание. А теперь забудь об этом, обещай.

— Обещаю, — Варда облегченно откинулась на подушку.

Возле двери ее остановил встревоженный шепот Марии:

— Никто не живет в западном флигеле.

Не отвечая, Дженни возвратилась в свою комнату. То, что западный флигель оставался необитаемым, не было для нее секретом. В своих экскурсиях Рэй объяснял, что это самая ветхая часть дома. Сидя возле тлеющего камина, Дженни размышляла над странным посланием. Было бы слишком просто приписывать его целиком воображению — хотя и богатому — Варды. Внушение во сне? В медицинских книгах рассказывалось о такой разновидности гипноза. Пациента погружают в сон, и пока он находится в бессознательном состоянии, отдают приказ, который ему предстоит выполнить по пробуждении. Кто-то мог зайти и разговаривать с Вардой, пока ребенок спал... Но кто и зачем?

Взяя со стола зажженную лампу, она выскользнула из комнаты. В коридоре было темно. Все обитатели замка собирались внизу в гостиной, предоставив Дженни превосходную возможность без помех удовлетво-

рить свое любопытство. Лучшее время было бы трудно выбрать.

Минуя мглистые переходы, она достигла заброшенного флигеля, двинулась вдоль длинной анфилады комнат. Печать запустения, дряхлости витала в воздухе, покосилась на покосившихся предметах мебели. Толстый слой непотревоженной пыли покрывал пол. Тишина и мрак... кроме них, во флигеле не было ничего. Никто не заходил сюда по меньшей мере десятилетие.

Пустынную анфиладу заключала зала, очевидно когда-то служившая библиотекой. Гигантские полки громоздились у стен, лежали в пыли на полу. Дженнин внимательно осмотрелась, отыскивая вход на чердак. Где он мог находиться, оставалось только догадываться. В дальнем углу, между повалившихся полок виднелась лестница; шаткие ступени подпирали маленькую деревянную дверь. Дженнин с сомнением покачала головой: доверять им свой вес было бы настоящим безрассудством.

Ее размышления прервал луч света, неожиданно блеснувший в щели под дверью. Подрагивая, мерцающий огонек отдался, но тут же разгорелся снова. Кто-то ходил в комнате наверху с зажженной свечой.

Сюзанн? О нет, Господи, нет, не думать об этом! Дженнин с усилием отвела взгляд от пляшущего в просветах между досками огонька. Души умерших не освещают свой путь свечками. Кто-то ходил в комнате за дверью. Кто-то во плоти, реальный, как окружающие Дженнин стены. Лестница выдержала вес незнакомца, значит, она должна выдержать и Дженнин. Из всех обитателей замка только Варда весила меньше. Подняв лампу над головой, Дженнин начала подниматься.

До двери оставалось четыре ступени, когда лестница угрожающе зашаталась. Первое впечатление ненадежности всего сооружения оказалось верным. Доски с предательским треском подломились, легко рассыпаясь под тяжестью рухнувшего вниз тела.

Глава восемнадцатая

В забытьи рождались странные грезы. Чудовище Лэнгдонов волочило Дженнин вдоль тускло освещенного коридора; от стен глухим стоном отражался его рык. Приоткрыв глаза, она различила лицо Пауля, несшего ее на руках, но тут же сознание вновь ускользнуло в бездонную пропасть, оставив лишь обрывки снов. Ее снова сжимало в могучих объятиях чудовище; острые клыки терзали нежную плоть. Из рваных ран вместе с кровью на землю сочилась сама жизнь. Дженнин отчаянно сопротивлялась, однако ничего не могла сделать с удерживающими ее руками.

— Тише, не двигайтесь. Лежите спокойно.

Она замерла. Кошмар отступил, и через какое-то мгновение Дженнин почувствовала, что в состоянии открыть глаза. Над ней снова склонился Пауль; его пальцы заботливо проверяли пульс.

— Все в порядке,— он мягко остановил ее, когда Дженнин попыталась приподняться.— Отдыхайте, я буду рядом.

Его присутствие успокаивало: на этот раз сон был безмятежен. Когда она проснулась, за окнами стемнело. Пауль дремал в кресле, которое передвинул от потухающего камина. Услышав шорох, он встрепенулся, протирая глаза.

— Как самочувствие, лучше?

Дженнин слабо кивнула, улыбаясь. Ныла левая рука; в сумраке смутно белела повязка, наложенная чуть выше локтя. Сон совершенно слетел, когда она начала ощущать остальные ушибы и ссадины.

— Похоже, вы просто неравнодушны к таким украшениям,— Пауль указал на руку.— Вам крупно повезло: ни одной серьезной царапины. Но если вы и дальше намерены нарушать все мои распоряжения,— он посерезнел,— вам стоит запастись конечностями. Я предупреждал, чтобы вы не гуляли по дому одна. Почему вы не слушаетесь меня?

— Я не гуляла,— честно призналась Дженнин.— Меня позвали.

— Позвали? — он удивленно привстал в кресле. — Кто?

— Не знаю. Кто-то ждал меня за дверью на чердачке, рассчитывая, что я сорвусь с лестницы, когда начну подниматься.

Она пересказала события, предшествовавшие падению: послание, которое ей передала Варда, путешествие по заброшенным комнатам и свечной огонек, подзывающий жертву.

— Теперь вы станете обвинять меня? — он тяжело посмотрел на Дженнину.

Она выдержала взгляд не шелохнувшись.

— Нет. Последнее время я много думала о... о разном. Однако сейчас я не могу поверить, чтобы вы хладнокровно желали моей смерти.

Его лицо оставалось непроницаемым.

— Но вы продолжаете думать, что я послужил причиной гибели моей жены, может быть, даже подтолкнул ее в ту роковую ночь?

Протянулась долгая пауза, пока Дженнину собирались с мыслями.

— Нет, что бы ни случилось, я не верю, чтобы вы были убийцей.

Теперь в глазах Пауля явственно читалось облегчение.

— Я не любил ее, это правда. Но у меня не было причин желать ей смерти. Вы... вы сумели понять меня

Она не спрашивала, почему для него так важно ее мнение. Ответ был бы очевиден. Пауль принадлежал к людям, которые стараются избегать ненужной шелухи слов. Его чувства не требовали подтверждения.

— Если вы не любили, почему вы женились на ней?

Он глубоко задумался, разглядывая сложенные на коленях руки. Казалось, эта мысль не приходила ему в голову раньше.

— Что бы вам ни рассказывали, это касалось не только денег, — проговорил он. — Долгие годы я существовал в тени этого дома. В тени руин и болезни, постигшей отца. В тени постоянной угрозы финансового

краха. В одну из деловых поездок в Нью-Йорк я по-встречал Сюзанн. Ее появление было подобно вспышке: словно в затемненной комнате резко отдернули штору. Она выглядела такой прекрасной, ослепительной. И она сразу прониклась симпатией ко мне. Я понимал, что не люблю ее, но за долгие годы, проведенные на острове, встреча с ней была самым светлым событием в моей жизни.

Он остановился и посмотрел на нее; глаза безмолвно умоляли о доверии.

— Она унаследовала огромное состояние после смерти отца. Возможно, что подсознательно это обстоятельство повлияло на меня гораздо сильнее, чем я полагал. Однако, когда я впервые привез ее сюда, я действительно думал, что с ней моя жизнь станет ярче и счастливее.— Он помолчал, раздумывая над чем-то, потом продолжал: — Действительность развеяла ожидания. Ей не хватило характера, и угрюмость острова поглотила ее. Все расстроилось с самого начала. Она поняла, что нелюбима, даже раньше, чем это понял я. И платила взаимностью. Мне кажется, поспешное замужество было призвано возместить ей недавнюю утрату отца.

Дженни с сочувствием внимала его исповеди; в памяти с болезненной ясностью возникал образ Сюзанн — такой яркой и беззащитной. В тот момент оба они, Пауль и Сюзанн, были необходимы друг другу. Случай соединил их судьбы в непрочный союз, который немедленно разрушила действительность. Слабость и инфантильность Сюзанн помешали ей с достоинством нести бремя графской короны. Потребовалось всего несколько недель, чтобы она отказалась от прежних романтических мечтаний. Но оставался Пауль, который не привык легко мириться с поражением. Поставив подпись под брачным контрактом, он продолжал выполнять его, и только смерть могла освободить его от этого обязательства.

— Мне следовало дать ей развод, — он сокрушенно развел руками.— Она была бы жива сейчас.

Он снова замолчал. У Дженнин появилась надежда, что он собирается рассказать о роковой ночи, когда погибла Сюзанн. Но он лишь повторил:

— Я не желал ее смерти.

Встав с кресла, он быстрыми шагами подошел к звонку для вызова слуг и потянул шнурок. Через минуту в комнату вошла Мария; выслушав негромкое приказание, села возле кровати в освободившееся кресло. Пауль приблизился к Дженнин и порывисто сжал ее руку.

— Я должен осмотреть чердак. Мария останется с вами, можете доверять ей.

С его уходом в комнате наступила тишина. Мария дремала, прикрыв глаза. По выражению ее лица невозможно было определить, что она чувствует, оставаясь наедине с Дженнин. Пауль сказал, что можно доверять служанке. И этим предупредил, что без необходимости незачем полагаться на остальных.

Заходила Беатрис, потом Рэй. Вежливая маска пожилой леди была бессильна прикрыть ее раздражение случившимся. Холодно осведомившись о здоровье, она порекомендовала серьезнее относиться к советам Пауля и, пожелав спокойной ночи, вышла.

Рэй был более жизнерадостен, хотя и более любопытен.

— Что вы там делали? Искали клад?

— Знакомилась с домом,— Дженнин решила не открывать истинных причин никому, кроме Пауля и Марии, которые и так уже знали достаточно.

— Вам следовало позвать меня,— Рэй улыбнулся.— Мне было бы приятно сопровождать и оберегать вас от неожиданных ловушек.

Он вышел, когда возвратился Пауль. Мария поднялась с кресла и, шаркая ногами, удалилась на кухню. Дженнин подождала, пока за ней закроется дверь.

— Что-нибудь удалось найти?

Пауль отрицательно покачал головой.

— На чердаке никого не было.

— Этого не может быть,— Дженнин приподнялась на здоровом локте.— Там кто-то ходил. Я видела огонек свечи за дверью.

Он вновь покачал головой.

— Я поднимался наверх по приставной лестнице. Туда не заходили лет десять. Всюду пыль, толстый слой, и никаких следов.

— Может быть, кто-нибудь проник снаружи? — неуверенно предположила она.

— Там всего одно окно. Ни карнизов, ни лестниц, разбитые стекла. Внизу двор: оттуда невозможно подняться.

— Но я видела, как кто-то ходил со свечой... — Пауль не отвечал, и она со вздохом добавила: — Не понимаю.

Через некоторое время он помог ей встать; поддерживая за плечи, усадил в кресло. Руки и ноги повиновались, лишь небольшая слабость сковывала движения. Вернулась Мария, принесла горячего супа и кофе.

Когда легкий ужин был закончен, Дженнини отставила поднос на столик возле камина и посмотрела на Пауля, который внимательно наблюдал за ней.

— Я думаю, мне нужно уехать.

— Почему? — он не мог сдержать своего разочарования.

— Сегодняшнее происшествие — достаточная причина.

Он попытался улыбнуться, однако улыбка получилась невеселая.

— Значит, и вас можно испугать. Я уже начал думать, что вам не знакомо это чувство.

Дженнини смущенно потупилась.

— Дело не в том, что я испугалась, — она с напряжением подбирала правильные слова. — Замок полон загадок, тайн, которые вы не хотите или не можете объяснить мне. Они будут стеной разделять нас, если я останусь. Я очень хочу верить, доверять вам, но я не в силах закрыть глаза на то, что происходит вокруг.

— Я не могу допустить, чтобы вы уехали, — твердо проговорил он. — Я не позволю вам уехать.

— Тогда вы расскажете мне, — она с вызовом подняла глаза, — расскажете все, что скрывали.

— Нет. Не сейчас, — он закрыл лицо руками.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Я люблю вас! — его признание прозвучало словно крик боли. — Разве этого не достаточно?

Оба молчали. Слова не могли вместить всех переживаний и были бесполезны в эту минуту.

Через мгновение, овладев своими чувствами, Пауль поднялся.

— Дайте мне еще один день, — произнес он. — Завтра будут разрешены все тайны, я обещаю.

Зловещее воспоминание холодком скользнуло по позвоночнику.

— Пауль, почему с острова не вернулась ни одна из девушки?

— Не понимаю, — он остановился, недоумевая. — Они все уехали. Конечно, были несчастливые совпадения: одна девушка убежала из дома, другая утонула, катаясь на лодке. — Он сдержанно улыбнулся. — Вы слишком доверяете городским сплетням.

— Возможно, но рыбаки убеждены, что ни одна из них не возвращалась обратно. Кроме двух местных, были и две приезжие девушки.

— Они все покинули остров. Им незачем было здесь оставаться.

Дженни упрямо тряхнула головой.

— Никто не видел, как они возвращались.

Минуту он молча стоял возле двери, мрачно сопоставляя услышанное с тем, что было известно ему. Его лицо потемнело.

— Ни одну из девушек? — наконец спросил он.

— Ни одну, — Дженни кивнула.

— Значит, я до сих пор ошибался, — стремительно повернувшись, он вышел из комнаты.

Глава девятнадцатая

Потянулось тревожное ожидание. Прошел час, как ушел Пауль, и одиночество стало невыносимым. Накинув халат, Дженни выскользнула в коридор и заглянула в его комнату. Погасший камин, нетронутая постель.

Вернувшись обратно, она торопливо оделась. Замок угрожающе затих, слившись с ночной темнотой. Полоска света пробивалась под кухонной дверью, доноси-

лось негромкое позвякивание посуды. Служанка удивленно оторвалась от плиты, когда Дженнини приотворила дверь.

— Вы не видели мистера... Пауля?

Мария отрицательно покачала головой.

В студии тоже не оказалось ни души, однако, пока Дженнини в нерешительности стояла на пороге, за окнами мелькнул и исчез мерцающий огонек. Кто-то пересекал двор, освещая себе путь фонарем. На ходу застегивая прихваченный из прихожей плащ, она сбежала вниз по ступеням. Огонек огибал восточное крыло замка, приближаясь к арке, за которой тропинка разветвлялась, спускаясь на океанский пляж и поворачивая в глубь острова. Каменные плиты гулко отражали постукивание каблуков; непроглядную тьму разрывал ветер, наполняя воздух вздохами, сотрясая стены.

Возле развилки огонек снова исчез. Дженнини замерла, напряженно прислушиваясь к шелесту луговых трав и зловещему скрипу деревьев. Низкие облакаклонились к земле, окутывая окрестность темным покрывалом. От холода слезились глаза. Ни проблеска, ни просвета во мраке, наполнившем мир до самых границ горизонта.

Зыбкое свечение возникло вдали. Смутный отблеск очертил силуэт человека, осторожно пробирающегося вдоль скалистой гряды, бывшей когда-то мостом между замком и ветхими останками служебной пристройки. Прежде чем Дженнини успела взглянуться, незнакомец скрылся внутри развалин.

Дорогу загромождали каменные осыпи; ноги помимо проваливались в многочисленные ямы, оставшиеся на месте вымытых пород. Клочок земли, на котором возвышались руины, словно указующий перст выдавался в бурлящий океан. Волны с шумом плескались в отвесные бока узкой полоски тверди. Местами тропинка была настолько разбита, что приходилось нащупь отыскивать безопасный путь.

Трудно сказать, что двигало ею, побуждая преследовать загадочный огонек. Если незнакомец был настроен враждебно, встреча с ним не предвещала ничего хорошего; если нет... что могло привести его ночью в забро-

шенное здание? Лишь инстинктивно Дженнини чувствовала, что как никогда близка к разгадке терзавшей ее тайны.

Яркий луч света предупредил ее о приближении незнакомца. Темная фигура выступила из каменных развалин. Высоко поднятый фонарь осветил лицо.

— Пауль! — она бросилась навстречу ему, споткнувшись, но он подхватил ее свободной рукой.

— Что вы здесь делаете? — казалось, он совсем не рад ее видеть.

— Я шла за тобой, — задыхаясь, проговорила она, счастливая тем, что вновь может опереться на его руку. Ушибы и ссадины от падения с лестницы давали о себе знать. — Вернее, за твоим фонарем. Что ты искал здесь?

Глубокие морщины пробороздили его лоб, пролегли в уголках рта. Дженнини с тревогой покосилась в сторону развалин.

— Я не заглядывал внутрь уже почти семь лет, — глухо произнес он, обнимая ее и прижимая к себе. — Но я уверен, что раньше не видел там ни одной могилы.

— О Боже, — вырвалось у нее.

Мягко поддерживая Дженнини за плечи, он отвел ее от дверей, помог опуститься на поросший мхом валун, сел рядом. Скалистый берег у ног круто обрывался в океан. Изредка ветер доносил пенные брызги.

— Завтра утром я собирался увезти Варду с острова, — проговорил он. — Мне казалось, что будет лучше, если вы узнаете обо всем после ее отъезда. Поэтому я просил вас подождать один день.

— Вы в самом деле верите этим древним преданиям?

— На Варде лежит проклятие Лэнгдонов, — его голос оставался глух и спокоен.

— О нет, это невозможно, Пауль, — она с надеждой заглянула ему в лицо. — Я не могу в это поверить.

— Вы думаете, хочется верить мне? — его взгляд был печален. — Перед смертью, в один из кратких моментов просветления, отец предупреждал меня не иметь детей. Он был убежден, что проклятие проявит-

ся в них. С самого рождения Варды я жил в постоянном страхе, что его пророчество исполнится.

Он помолчал. Дженни терпеливо ждала, пока он продолжит.

— В ночь, когда погибла моя жена, меня не было в замке. Сюзанн находилась у себя в комнате — в той самой, которую отвели вам. Перед тем как лечь спать, она приняла снотворное: ее нездоровье не было секретом для домашних.

Неожиданно она начала кричать: весь дом проснулся от ее криков. Мария добежала первой до ее комнаты: кухня расположена рядом, но было уже поздно. Сюзанн разбилась. По всей комнате виднелись следы крови; кровать и белье были пропитаны ею. Все выглядело так, будто кто-то напал на нее во сне; спасаясь, она в панике выбежала на балкон.

Дженни закрыла глаза, представив шаткие доски, скалы, клокочущий внизу океан. Казалось, к шуму волн и завыванию ветра явственно примешивается испуганный вскрик Сюзанн.

— Первая мысль Марии была о Варде, — продолжал Пауль. — Она заботилась о девочке и, конечно, хотела удостовериться, все ли в порядке с ней. То, что она увидела, заставило ее запереть комнату и дожидаться меня во дворе. Когда я вернулся, почти час спустя, она провела меня прямо в комнату Варды. Девочка спала, но ее лицо и одежда были испачканы кровью.

Когда обнаружили тело Сюзанн, на ее горле была маленькая ранка, словно от укуса. Естественно, мне пришлось рассказать обо всем матери и брату. Мы спрашивали Варду, очень осторожно, но она ничего не могла вспомнить. Казалось, ее сознание вычеркнуло воспоминание о той ночи.

— Боже мой, — прошептала Дженни, потрясенная рассказом.

— С тех пор, — проговорил Пауль, — меня не покидает ужас, вызванный этим открытием. Моя дочь унаследовала проклятие. Я прилагал все силы, чтобы помешать ему проявиться в дальнейшем. Я спал в ее комнате, запирался на ключ. Она никому не могла причинить вреда, кроме меня. Однако цель была достигнута:

она практически ни на минуту не оставалась одна. Я не позволил бы вам приехать, если бы знал, но переговоры с вами вела моя мать. Она считала, что девочке нужно образование, иначе она останется неразвитой, подобно животному.

Он тяжело вздохнул.

— Конечно, все это было напрасно. Я до последнего избегал принимать решение. На побережье есть клиника, где когда-то пытались лечить моего отца. Утром туда должна была отправиться Варда. Специально для этой поездки я нанял автомобиль, который завтра будет ждать нас в городе. К полудню я предполагал вернуться и рассказать обо всем вам.

— Вы хотите... отвезти ее туда?

— Да. Так будет лучше. Насколько мне известно, это хорошее заведение. У них есть собственные преподаватели, о девочке будут заботиться... может быть, помогут ей.

Его слова были горькой истиной; приходилось признать, что в данном положении это был единственный разумный выход. Однако при мысли о том, что ждет Варду, болезненно сжалось сердце.

— Мне тяжело подумать... — Дженини поправила полу плаща.

— Если бы только это, — неожиданно резко проговорил он.

Она удивленно посмотрела на него. Мертвенный свет вышедшей из-за туч луны отразился в его зрачках.

— Что может быть еще?

— Варда не могла совершить все это одна, — он кивнул в сторону заброшенного строения.

— Но там... — Дженини испуганно прижала руку к груди; мрачное открытие Пауля совершенно вылетело у нее из головы.

— Там был мужчина.

— Франц?.. — неуверенно предположила она.

— Слишком запутанно. Франц рассуждает на уровне животного: он попросту выбросил бы тела в океан. Нет, здесь снова проклятие, и это может быть только Рэй.

Какое-то время они сидели в молчании. Дженини была слишком ошеломлена, чтобы говорить. Наконец Пауль встал, помог ей подняться.

— Возьмите, — он протянул фонарь, — и возвращайтесь обратно. Распорядитесь, чтобы Мария разбудила маму. Я должен все объяснить ей.

— Что вы собираетесь делать?

Он мягко улыбнулся, заметив озабоченное выражение ее лица.

— Я догоною вас через несколько минут. — Решительно повернувшись, он добавил: — Идите и будьте осторожны.

Она не возражала против его желания побывать в одиночестве, наедине со своими мыслями. Потрясение, вызванное ужасной находкой, все еще было слишком сильно. Пройдет время, пока из памяти изгладятся первоначальная яркость и острота чувств.

Обратный путь оказался легче, чем она ожидала. Темнота поглотила оставшиеся за спиной руины, и можно было только догадываться, что происходит под ее покровом.

Она почти добралась до замка, когда повстречала Рэя. Его появление из мрака было неожиданным и стремительным, и, лишь ощущив прикосновение к запястью, Дженини поняла, что кто-то находится рядом. С испуганным вскриком она выпустила фонарь, послышался звон разбитого стекла, на миг вспыхнуло и погасло вылившееся на землю масло.

— Что вы там делали? — шепотом спросил Рэй.

— Я... — Дженини была слишком испугана, чтобы придумать подходящий предлог.

Он посмотрел поверх ее головы в сторону развалин, тяжело опустил глаза.

— Значит, вы видели, что находится внутри?

Ночные переживания, признание Пауля почти не оставили ей сил для сопротивления. Неодолимый страх внезапно охватил все ее существо: оттолкнув Рэя, Дженини бросилась прочь, не разбирая дороги. Она едва пробежала пару шагов, когда предательски подломился каблук, и она со всего размаха полетела на землю.

Глава двадцатая

— Рэй!

Это был голос Пауля. Дженни поднималась с колен, когда Пауль с яростью обрушился на брата. «Постой!» — единственное, что успел выкрикнуть тот, отступая под натиском.

Короткая схватка закончилась. Рэй без сознания лежал на земле; Пауль помогал Дженни подняться на ноги.

— С вами все в порядке? — с тревогой спросил он. Все еще дрожа, она кивнула:

— Да, благодаря вам.

— Я видел, как упал фонарь, и подумал, что вы споткнулись. Когда подбежал, заметил Рэя.

Оба посмотрели на неподвижное тело, распростертое на земле.

— Мы выезжаем сегодня же: Рэй и Варда должны быть помещены в клинику. Это лучшее, что я могу сделать для них... и для нас. — Он повернулся к Дженни. — Зайдите к Варде, оденьте ее потеплее и спускайтесь на пристань. Пусть Мария разбудит мою мать. Я должен объяснить ей.

Не обращая больше на нее внимания, он наклонился и без видимого усилия взвалил тело брата себе на плечи.

Мария все еще работала на кухне. Она тотчас же отправилась выполнять распоряжение, которое передала ей Дженни. Варда вначале не понимала, зачем ее разбудили, однако, услышав о предстоящей поездке, в восторге захлопала в ладоши. У Дженни разрывалось сердце, когда она помогала ей одеваться.

— Папа отвезет тебя в другой дом, — попыталась объяснить она, заметив немой вопрос в глазах девочки.

— И мы больше не вернемся?

Дженни подала ей теплое пальто.

— Не знаю. Там, на берегу, больше солнца, веселее...

Лицо Варды на мгновение омрачилось.

— А ты тоже будешь жить там?

Дженни порывисто обняла девочку.

— Мы будем навещать тебя — папа, бабушка и я. У тебя появится много новых друзей.

Беатрис уже стояла на пристани, когда Дженни спустилась вниз вместе с Вардой. Одного взгляда на лицо пожилой леди было достаточно, чтобы понять, что Пауль успел все рассказать ей. Едва сдерживая слезы, она все же нашла в себе силы отважно улыбнуться при виде внучки.

Рэй, до сих пор не пришедший в сознание, лежал на дне баркаса. Пауль связал ему руки на случай, если он очнется в дороге. Тем не менее, улучив момент, когда остальные не смотрели в их сторону, Дженни протянула ему пистолет, который захватила из спальни. Пауль молча сунул его в карман плаща.

— Зачем ты связал дядю Рэя? — спросила Варда, устраиваясь на деревянном сиденье в лодке.

— Ты все поймешь позже, — отец хмуро опустил глаза, — но сейчас ты должна вести себя, как взрослая девочка.

— Я уже взрослая.

Пауль склонился, сдержанно обнимая Дженни.

— До рассвета все будет кончено, — проговорил он.

— Я буду ждать в своей комнате.

Она подождала, пока огни баркаса не растаяли во мраке. Беатрис ушла раньше, как только Пауль отчалил от пристани. Оглянувшись, Дженни видела, как тяжело она поднимается по ступеням. За маской внешнего спокойствия, которое с завидным самообладанием сохраняла эта женщина, бушевал настоящий ураган чувств. Фамильное проклятие унесло ее мужа. Теперь она теряла сына и внучку.

Волны обдавали брызгами, ударяясь в вырубленный в скале причал. Начинался прилив. К тому времени, когда уровень воды спадет, вернется Пауль. Мысль о нем согревала, прогоняя тревожные предчувствия.

У себя в спальне Дженни развела камин, сняла с кровати одеяло и, не раздеваясь, завернулась в него, после чего забралась с ногами в стоявшее возле огня высокое кресло. Несмотря на усталость, словно свинцом налившую тело, она чувствовала, что не сможет уснуть, пока не вернется Пауль.

Прошел почти час, когда в дверь осторожно постучали. Вошла Беатрис Лэнгдон с серебряным подносом.

— Увидела у вас свет,— проговорила она,— и подумала, может быть, вы не откажетесь от чашки горячего шоколада.

— Спасибо, это будет как нельзя кстати,— Дженнин подвинула ей второе кресло.

— Вы не будете возражать, если я принесу шитье и немного посижу с вами?— голос пожилой леди был так безутешен, что Дженнин не могла отказать, хотя и предпочла бы побывать в одиночестве.

— Конечно,— ответила она.— Мы подождем Пауля вместе.

После шоколада ее потянуло в сон. Когда Беатрис вышла, она вылила обратно в кофейник жидкость, остававшуюся в чашке. Однако даже те несколько глотков, которые она успела сделать, навевали невероятную сонливость. Сквозь полудрему она слышала, как вернулась Беатрис.

— Не беспокойтесь, спите,— ласково проговорила хозяйка, останавливаясь возле ее кресла.— Я сама дождусь сына.

Дженнин встремхнула головой, пытаясь отогнать вязкую немоту.

— Нет-нет, сейчас все пройдет. Если бы вы открыли окно...

— Конечно,— Беатрис пересекла комнату, распахнула створки.

Ночной бриз ворвался в спальню; его холодное дыхание слегка освежило Дженнин, одновременно заставив плотнее укутаться в одеяло. Беатрис замерла у окна, вглядываясь в темноту. Колышущаяся в струях воздуха занавеска коснулась ее плеча.

— Из этого окна упала ваша сестра,— не оборачиваясь, проговорила она.— Я стояла тогда почти там же, где вы сидите сейчас.

Глаза Дженнин широко раскрылись. Где-то в глубинах мозга забился тревожный колокольчик, однако мысли упрямо не желали подчиняться ее воле. Туманная пелена покачивалась, мешая сосредоточиться... комната расплывалась...

— ...Она была ненавистна мне, о! — с горячностью продолжала Беатрис. — Заставляла нас вымаливать свои проклятые деньги. В ту ночь я на коленях просила ее. Она прекрасно знала, в каком безнадежном положении мы находимся, но только смеялась мне в лицо...

Шоколад, подумала Дженини. У него был странный, горьковатый привкус. Она не хотела спать, пока не выпила его. В темнеющем сознании робко шевельнулась мысль: может быть, нескольких глотков недостаточно? Я не засну, если буду сопротивляться. Изо всех сил...

— ...говорила, что мы получим деньги только через ее труп...

Туман на секунду рассеялся.

— Вы назвали Сюзанн моей сестрой, — с трудом выговорила Дженини, ощущая непривычную припухлость и неповоротливость языка. — Вы знали обо всем?

— А вам было бы удобнее считать меня выжившей из ума старухой? — Беатрис Лэнгдон рассмеялась. — Ваша подмена была раскрыта почти в самом начале. Рэй съездил в город и расспросил видевших вас людей. Ваша таинственность лишь позабавила его: у мальчика слишком легкомысленный характер. Совсем как у вас. Только глупец мог решиться в одиночку проникнуть на остров.

Волнами накатывалась мягкая пелена сна: каждый новый прилив приносил необоримый приступ сонливости; за каждым провалом следовало секундное просветление. Усилием воли Дженини выпрямилась в кресле, сфокусировала взгляд на фигуре, застывшей возле окна. Дьявольская гримаса исказила лицо Беатрис.

— Вы убили Сюзанн, — произнесла девушка.

Беатрис снова рассмеялась, ее глаза полыхнули пламенем.

— Ну нет, я вовсе не собиралась убивать эту полумнную. Она спала, когда я вернулась: наглоталась до одури своих пилюль и порошков — тех самых, которые были в вашем шоколаде. Я знала, что ее время пришло... К сожалению, она стала кричать, когда проснулась и увидела кровь. Едва понимая, что делает, безумница встала и подбежала к окну. Я видела, как она сорвалась вниз.

— Значит, Варда?.. — губы Дженини едва двигались.

Вновь наклонула всепоглощающая темнота; удушавший туман, словно ласковый ужас... Она попыталась сбросить одеяло, защищавшее ее от холода; широко раскрытым ртом вдохнула морской воздух.

— Я поднялась к ней в комнату. Мне показалось, ее испугают крики, но она спокойно спала. Я поцеловала ее, вышла из спальни...

Как глупо сопротивляться, если можно плыть, погрузившись в пушистый туман,— безмятежно, легко, успокаивающе. Розовое облачко сна, словно давно забытая сладкая вата, которую родители покупают детям в парке аттракционов, обволакивало и несло вдаль...

Веки Дженини затрепетали, открываясь.

— ...Франц позаботится о тебе, как он заботился об остальных. Пауль вернется и узнает, что ты сбежала: увы, ты любила Рэя и не желала оставаться без него. Все девушки влюблялись в него, все до единой... беззащитные глупышки... Мы будем счастливы в одиночестве; остров будет вновь принадлежать Лэнгдонам...

Вкрадчивый голос приближался, убаюкивал.

— ...когда ты будешь спать. Спи, моя девочка. Беатрис побудет с тобой, пока ты заснешь...

Глаза Дженини раскрылись еще раз, перед тем как сомкнуться снова. Погрузившись в мягкую обивку кресла, она глубоко вздохнула. Мерно вздыхалась грудь...

Глава двадцать первая

Словно издалека, из бездонной пустоты, до нее доносяся звук закрываемой двери. Пора, решительно приказала она своему телу. Я должна открыть глаза и проснуться. Немедленно!

Наконец ей удалось разомкнуть веки. Комната плыла, искажаясь, словно в разбитом зеркале. Сознание отказывалось пробуждаться. Ступни ног не чувствовали пола, бессильные помочь подняться.

Возле кресла стоял столик с серебряным подносом и кофейником. Первая попытка дотянуться до него оказалась неудачной. Со второй Дженини неловко ухва-

тила край подноса и потянула: кофейник со стуком упал на пол, забрызгав кресло и одеяло, укрывавшее ноги. Капли горячей жидкости обожгли руку.

Это был необходимый шок. Резко встяжнув головой, Дженини проснулась; неуверенно пошатываясь, поднялась с кресла. Пистолет... о Боже! Она отдала его Паулю, а до его возвращения оставалось несколько часов.

Ощущение времени странно сместилось. Как долго нет Беатрис? Несколько секунд? Может быть, минут или часов?

Она с силой хлестнула ладонью по щеке. Еще раз. Обжигающая боль привела ее в чувство. Нетвердо ступая, Дженини приблизилась к окну, оперлась о деревянную раму. Каждый новый глоток свежего воздуха постепенно прояснял мысли.

Необходимо бежать с острова. На лодке она сможет добраться до города и там дождаться Пауля. В противном случае ей придется искать укрытие где-то поблизости, что сопряжено с риском.

Ее походка обрела уверенность. Подмешанное в горячий шоколад снотворное было невероятно сильным, если даже незначительная его доза вызывала такой эффект. Но, как и все сильнодействующие средства, обладающие немедленным и мощным эффектом, лекарство так же стремительно утрачивало свою первоначальную силу. На улице от него не останется и следа.

Она не решилась зажечь фонарь. Враждебные в прошлом тени теперь были ее союзниками. В коридоре она помедлила, вспомнив о Марии. Пауль доверял ей. Позвать на помощь? Однако что они смогут противопоставить Беатрис и Францу? Нет, риск слишком велик. До возвращения Пауля ей предстоит полагаться только на собственные силы.

Движения становились ровнее и увереннее по мере того, как слабело действие снотворного. Дженини осторожно спускалась вниз по парадной лестнице, когда дорогу ей преградила Беатрис Лэнгдон, внезапно появившаяся в прихожей.

— Стойте! — с громким восклицанием она вытянула руки, пытаясь задержать девушку.

Дженни побежала, изо всех сил отпихнув ее в сторону. Из кухни выглянула Мария, привлеченная шумом, однако Дженни миновала ее прежде, чем та успела сообразить, что происходит. Еще несколько шагов, и она перед входной дверью: скрип металлических петель, легкие наполняет живительный воздух.

Она почти достигла арки, выходящей на пристань, когда навстречу ей из-под низкого свода показался Франц, с тяжелым свертком в руке направлявшийся к дому. У Дженни упало сердце. Оба застыли на месте, с удивлением глядя друга на друга.

— Франц, останови ее! — крик Беатрис разорвал звенящую тишину.

Повернувшись, Дженни бросилась к противоположной арке. Сзади закричала Мария: «Нет, Франц, не смей!» Послышались звуки борьбы; оглянувшись на бегу, Дженни видела, как Франц грубо отшвырнул повисшую на его руке жену и устремился в погоню.

Однако она уже значительно опережала его, к тому же старому слуге изрядно мешала собственная неуклюжесть. Дженни пересекла двор еще до того, как он начал бежать.

За каменной стеной расходились три тропинки. Одна упирается в заброшенное строение. Тупик. Вторая теряется в диких зарослях островного плато.

Она выбрала третью, опоясывающую скалистую громаду утеса и спускающуюся на пляж. Возможно, там — среди разбросанных по берегу валунов — ей удастся отыскать укрытие.

Однако этот путь лишил ее преимущества в скорости. Обрыв по одну сторону и отвесная стена по другую не позволяли выпрямиться в полный рост: передвигаться приходилось, склонившись к земле; ощупывая каждый дюйм скалистой поверхности, прежде чем поставить ногу. Франц, который лучше знал дорогу, нагонял. Дженни с ужасом прислушивалась к его тяжелому дыханию за спиной. Не сдерживаясь, она бросилась бежать, когда до конца спуска оставалось несколько метров. Носок туфли задел выступающий камень, и завер-

шение пути Дженин проехала на животе, обдирая в кровь колени и руки.

В следующее мгновение она снова стояла на ногах, поспешило разуваясь, чтобы было легче бежать по влажному песку. Темная гряда камней перегораживала пляж, замыкая укромную бухту возле подножия утеса. Порывы ветра рябью проносились по лужам Полоска песка, на которой находилась Дженин. сужалась с каждой секундой; уровень воды неумолимо поднимался по мере того, как она приближалась к камням.

Неожиданно она остановилась Ужасающее воспоминание вспыхнуло в мозгу. Надвигающийся прилив отрежет путь к бегству, превратив пляж в ловушку Рэй предупреждал, что скалы до последнего удерживают гигантскую массу воды, и, когда волны перехлестывают через край, на берег обрушиваются цунами.

Дженин беспомощно оглянулась назад. Та же мысль, очевидно, посетила и Франца: его неуклюжая фигура застыла в паре шагов от тропинки. Заметив колебания Дженин, он снова побежал.

Выбора не оставалось. Если ей удастся добраться до гряды, не исключено, что там можно будет переждать прилив. Теперь это была ее последняя надежда.

Пальцы левой ноги больно ударились о покрытый водой камень. Прилив доходил до бедер, затруднял движение. Цепляясь за выступы, Дженин вскарабкалась на холодный валун. Франц был уже внизу, протягивал руку. Крючковатая клешня скользнула по ноге, поймав край юбки. Дженин обессиленно перевалилась на песок по другую сторону гряды; затрещала лопнувшая материя.

Воздух обжигал легкие. Не было сил сопротивляться: так хорошо лежать на песке, в безветренном укрытии...

Волна перекатилась через нее, вернув ощущение реальности. В тот момент, когда Франц спрыгнул рядом, Дженин поднималась на ноги. Шатаясь, она сделала несколько шагов, снова упала... силы окончательно изменили ей Задыхаясь, она оглянулась на своего преследователя, с горечью сознавая, что он победил.

Однако он больше не обращал на нее внимания; широко раскрытыми глазами он наблюдал, как вода переливается через скалы. Гигантская масса прокатилась по пляжу, подхватила Дженини, закружила, понесла с собой. Она пыталась плыть, но течение было слишком сильным.

Выплевывая морскую воду, набирая побольше воздуха в краткие интервалы между волнами, Дженини отчаянно сражалась с потоком, швырявшим и переворачивавшим ее до тех пор, пока ее спина неожиданно не уперлась в гладкую поверхность скалы. Какое-то время напор воды удерживал ее, затем подхватил вновь и, словно тряпичную куклу, поволок дальше. Волны плескали со всех сторон, накрывали с головой. С каждым вдохом в легкие вливалась вода; казалось, мир состоял из одной воды.

Словно во сне до нее долетел голос Пауля:

— Дженини! — свист ветра заглушил его, — Дженини!

Она с усилием подняла голову, ударившись плечом о новый валун; уцепившись за его скользкий бок, попыталась вскарабкаться.

— Дженини!

Это был не сон. Пауль звал ее по имени!

— Сюда... — прокричала она, удваивая попытки вскарабкаться на камень.

Яркий луч света взрезал мрак, мелькнул рядом и осветил ее лицо.

— Держись! — прогремел голос.

Она не могла; руки онемели от холода.

— Скорее, — она почувствовала, что плачет.

Острые выступы врезались в ладони; волны налетали, пытаясь оторвать ее, унести в море. Не оставалось даже сил закричать: Дженини медленно соскальзывала в кипящую пропасть.

Но он был здесь; сильные руки подхватили ее, подняли из воды. Пауль плыл рядом, поддерживая ее; прочный канат был обмотан вокруг его пояса, протянувшись к лодке. Словно в тумане возникло лицо Рэя, помогающего им взобраться на борт; изумленные глаза Варды, когда Дженини безвольно привалилась к деревянному сиденью... Все остальное поглотили темнота и так долго подстерегавший ее сон.

Глава двадцать вторая

Пробуждение было настоящей пыткой. Каждая клеточка тела ныла, посыпая болезненные импульсы мозгу. Тщетно Дженини пыталась укрыться под теплым покровом сна; он избегал ее. Где-то рядом раздавались голоса.

Она открыла глаза; привычная обстановка спальни, постель. Возле камина стояли Пауль и Рэй.

— ...Она только-только заснула, — говорил Рэй, — с ней осталась Мария. Варда у себя в комнате... Привет, посмотри, кто проснулся.

Оба повернулись к ней.

Дженини слабо улыбнулась, когда Пауль подошел и взял ее руку.

— Все позади, — мягко произнес он. — Я рядом. Больше никто не посмеет причинить тебе боль.

— ...Твоя мать... — она с удивлением обнаружила, что голосовые связки не повинуются ей.

— Я знаю, — Пауль кивнул. — Когда Рэй очнулся, он рассказал мне, что я наделал. В тот вечер он тоже нашел эти могилы и искал меня, чтобы рассказать о них. Он даже объяснил твой призрачный огонек на чердаке.

— Комната мамы расположена как раз напротив заброшенного флигеля, — ответил Рэй, перехватив взгляд Дженини. — Все, что от нее требовалось, — сидеть возле окна и передвигать с места на место зажженную свечу. С чердака казалось, будто внутри кто-то ходит с фонарем.

— Мы сразу же повернули обратно, — продолжал Пауль, — но едва не опоздали. С моря было видно, как Франц гнался за тобой. Если бы мы не заметили вас и повернули к пристани... Можно сказать, что это была счастливая случайность.

Дженини устало прикрыла глаза, все еще во власти сна. Неожиданная мысль заставила ее встрепенуться.

— Ты называл меня Дженини, — напомнила она.

— Разве ты забыла, что Сюзанн боготворила тебя? — спросил Пауль. — Твоя фотография постоянно была с ней.

— Значит, ты знал все с самого начала?

Он кивнул, улыбаясь.

— Тогда зачем ты делал вид, что тебе ничего не известно? Почему меня не выгнали в первый же день после приезда?

— Там, где ты жила раньше, тоже не было зеркал? — его лицо посерезнело. — Если любовь с первого взгляда не выдумка — это именно то, что я ощутил, впервые увидев тебя. Но в то же время меня привело в ярость то, что ты приехала под чужим именем, словно частный сыщик. Я просто не знал, поцеловать тебя или вышвырнуть обратно в море.

Столь продолжительное раздумье, казалось, лишь укрепило его решение. Когда поцелуй кончился, Дженнни подумала, что он стоил всех ожиданий.

Рэй деликатно кашлянул, пытаясь привлечь их внимание.

— Мне тоже можно?

— Если твои синяки зажили, попробуй, — Пауль даже не обернулся.

Рэй бережно погладил припухшую челюсть.

— Благодарю за приглашение. На сегодня, пожалуй, достаточно.

Нерешительно поточтавшись на месте, он подошел к двери, молча шагнул в коридор. Ни Пауль, ни Дженнни не заметили, как он ушел.

Джин-Энн Депрэ

Третья женщина

*АННЕ МАРИИ ВЕЛЛС —
драгому учителю посвящается*

«The Third Woman» by Jean-Ann de Pre

© 1971 by Michael Avallone

Popular Library Edition, U.S.A

Глава первая

За окном плыл холодный ночной туман...

У. У. Джейкобс. *Обезьяня лапка*

Врата рая и ада одновременно, если такое возможно, разверзлись для Джудит Рейли коротким объявлением в «Таймс». В американских газетах рекламные предложения обычно помещаются в разделе «КУПЛЯ-ПРОДАЖА». В лондонской «Таймс» этот раздел, пестрящий самыми разнообразными — от каменщика до пэра — объявлениями, входил в рубрику «РАЗЫСКИВАЮТСЯ»*. Несмотря на стремительные перемены, произошедшие за минувшие два тысячелетия — всего год назад, в 1911-м, Чарльз Ф. Кеттеринг создал свой первый самодвижущийся экипаж, — общество не менее быстро продвигалось к сомнительным преимуществам равноправия, когда юные девушки, одинокие и самостоятельные, могли без боязни и колебаний отвечать на персональные объявления или предложения работы, помещенные на степенных и официальных страницах «Таймс».

Объявление, как и сама газета, отличалось сдержанностью и крайней официальностью тона:

«ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ, СОВЕТНИК ПРАВЛЕНИЯ
ЛОНДОНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ОТСТАВКЕ
ПРИГЛАШАЕТ ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ
НЕ СТАРШЕ 30 ЛЕТ. ЧЕЛСИ-САУТ, 77.
ОБРАЩАТЬСЯ ПОСЛЕ СЕМИ ВЕЧЕРА».

В нынешнем положении Джудит эти несколько строк были подобны божественному посланию, пусть и косвенно, но подтверждающих справедливость и незыблемость мироустройства. Говоря проще, перед Джудит Рейли высилась проблема просто катастрофи-

* Want-Ad (амер.) и Agony Column (англ.) соответственно.

ческих размеров: остаться одной, без средств к существованию в огромном Лондоне — «на мели», как говорят горожане. И все лишь потому, что театральная труппа, известная под названием «Геннези's Опера», неожиданно обанкротилась и развалилась в первую же неделю представлений в Вест-Энде*. Джарвис Геннези, антрепренер Барнумского Колизея**, не нашел ничего лучшего, как привезти на Британские острова команду американских актеров и актрис в неплохой в общем-то пьесе «Последняя дуэль любви». По причинам, которые и на смертном одре остались непостижимыми для Геннези, приторная мелодрама нисколько не встряхнула лондонскую публику. Ни завзятые поклонники «Мюзик-холла»***, ни среднее сословие добродорядочных британцев не пожелали сопереживать героям милой пасторали, столь любимой и почитаемой на сценах Америки. Джарвис Геннези, вложивший все свое состояние — до последнего доллара — в это предприятие, сполна испил унизительной горечи поражения. «Геннези's Опера» сошла с подмостков, и труппа разочарованных и голодных лицедеев вместе с рабочими сцены была вынуждена зализывать свои раны на борту судна, идущего обратно в Нью-Йорк.

Джудит Рейли намеревалась вернуться вместе со всеми, однако в последнюю минуту под влиянием какого-то неодолимого, смутного чувства решила остаться. Даже перспектива блистательной карьеры — надежда, которой она жила с тех пор, как в первый раз увидела неподражаемую Мод Адамс в «Маленьком священнике» Барри, поставленном в Королевской опере на Бродвее; волнующее ожидание, когда уютные, хотя и по-тюремному строгие стены приюта в Рутледже распахнулись перед ней в мир, — все осталось в прошлом, и Джудит без колебания сделала свой выбор. Профессия актрисы была окутана романтической дымкой: перевоплощение в другой образ, иную жизнь — даже в скоротечные часы на сцене — действовало завораживающее. К счастью, она обладала талантом воспринимать и переживать придуманный мир. Но мир вну-

* West End — район Лондона.

** Бостонская любительская труппа.

*** Здание Лондонской оперетты.

три вмешал еще большее богатство: именно его темная глубина побудила Джудит остаться, несмотря на возвращение домой ее друзей и подруг. Корнелия Рейган предлагала взять на себя ношу дорожных расходов, благодаря полученному от родителей переводу, однако Джудит вежливо отклонила помошь и белоснежным платком, словно флагом капитуляции, взмахнула на прощание судну, увозившему труппу от Саутгемптонского пирса. Перегнувшись через пароходные поручни, Джарвис Геннези послал ей воздушный поцелуй, и это была их последняя встречка. В девять лет, когда родители погибли в железнодорожной катастрофе, Джудит осталась сиротой. Театральное крушение в Лондоне отняло у нее добрейшего Геннези, заботливого, хотя порой и ворчливого, по-отцовски снисходительного.

И все же жизнь продолжалась. Двадцать один год — едва ли тот возраст, когда люди теряют надежду. Англо-шотландская кровь с бурлением разносила по телу живительные соки; свежий морской воздух приятно пьянил грудь; огромные глаза смотрели в мир, как может смотреть сама молодость. Потомки клана Рейли не признавали безвыходных положений, и Джудит с детства усвоила эту истину.

Ей не пришлось долго ждать, чтобы ощутить вкус новообретенной свободы. Объявление в «Таймс» появилось уже на следующее утро после поспешного отступления «Геннези's Опера». Пребывание Джудит в меблированных комнатах «Слокам-хауза», где Джарвис Геннези разместил свою труппу, истекало в полдень следующего дня. И хотя миссис Слокам, полная, добродушная владелица дома, не торопилась с выселением американской гостьи, Джудит не желала принимать авансы, которые не имела средств оплатить. В счастливом стечении обстоятельств утренний номер «Таймс» казался ниспосланым самим Господом Богом.

С приближением часа, указанного в объявлении, росло волнение; Джудит охватывал необъяснимый трепет при мысли о предстоящей встрече. До сих пор она не рассматривала актерское искусство как работу. Скорее, это была игра — пусть и серьезное, но увлечение. Теперь, после развала труппы, исторические изыскания выглядели как никогда привлекательными и интересными, ибо, после театра, английская старина была вто-

рой серьезной привязанностью Джудит. По правде говоря, все началось в тот день, когда отец за обедом полушутя-полусерьезно заметил: «Ты можешь гордиться своей родословной, малышка. В наших жилах течет кровь самого сэра Уолтера*, и пусть кто-нибудь посмеет пренебрежительно отзываться о твоих предках! Рейли не то имя, которое может достаться кому угодно...»

Как смеялась тогда ее мать! Однако слова отца были правдой. Несмотря на незавидное положение, Александр Рейли, простой фабричный рабочий, действительно приходился потомком сэру Уолтеру Рейли. Мимули годы, сменились поколения, но факт оставался фактом. Знатный вельможа шестнадцатого столетия принадлежал истории семьи Рейли. В доме, где росла Джудит, это родство было одиннадцатой библейской заповедью. Со временем у нее не однажды появлялась возможность убедиться в правоте отца, и с каждым разом все отчетливее представлял образ сэра Уолтера, а вместе с ним — английская история, шагавшая рука об руку с человеком, который сумел составить свою репутацию галантным жестом перед легендарной королевой. Однако сэр Уолтер был больше чем дворцовый фаворит, собственным плащом прикрывающий грязь под ногами королевы, — он был солдатом, политиком, мореходом и джентльменом в истинном смысле этого слова. Гордость за знаменитого предка, вынесенная из детства, становилась глубже с годами: возможно, ею объяснялось отчасти то нетерпение, с каким Джудит ожидала поездки за океан.

Благодаря изобретению мистера Эдисона канули в Лету газовые рожки и фонари, но старый добрый Лондон с его улицами и площадями остался таким же, как и прежде. Холодный туман, волнами накатывающийся с берегов Темзы; зыбкие ореолы огней, припавшие к булыжникам мостовой; глухие, темные ночи. Несмотря на сверкание электрических реклам, праздничное великолепие, это был Лондон, по закоулкам которого бродил Джек Потрошитель; Лондон, в камни которого вросли Тауэр, Букингемский дворец, Пикадилли-плац, Трафальгарская площадь... Биг-Бен, отби-

* Рейли, сэр Уолтер (Raleigh, 1552—1618) — английский мореплаватель, политик, поэт и историк, фаворит королевы Елизаветы

вающий часы в темноте, и запаздывающий колокол Боу-Беллза — это был прежний, не подверженный переменам город. Рыбные ресторанчики, толчея Блошиного рынка и чопорная неприступность правительственные зданий: Даунинг-стрит, Парламент, Лаймхауз, Харли-стрит, Сохо, Вест-Энд, Флист-стрит, Ковент-Гарден, Мэйфайр, Гайд-парк и... Челси. Номер 77, Челси-Саут. Мост Ватерлоо, вокзал Баттерси, знаменитая Бейкер-стрит, выносившая в своих стенах гений Шерлока Холмса; легкие кэбы с кучерскими сиденьями, расположенными сзади; зонты, накидки, защищающие от дождя, и спешащие мимо джентльмены, каждый из которых мог бы стать воплощением доктора Генри Ватсона.

Итак, остановив перед кирпичным фасадом уютной гостиницы миссис Слокам свободный экипаж, Джудит Рейли направилась по адресу в Челси. Без знания городских улиц и переулков, располагая не поддающимися дешифровке рекомендациями путеводителя Бадеккера, ей не оставалось ничего другого, как довериться во всем усатому кэбмену в шляпе с обвисшими полями, устроившемуся на странно приподнятых для американского глаза запятах. На улице смеркалось; густел промозглый мартовский туман. Колокол на ратуше пробил шесть вечера. По расчетам Джудит, часа должно было с лихвой хватить и на путешествие, и на подготовку к беседе. Втайне она желала оказаться первой претенденткой, появившейся в 77, Челси-Саут.

Номер и название дома волновали не меньше, чем знаменитый адрес Шерлока Холмса: «221Б, Бейкер-стрит». Мысль о предстоящей встрече приводила в трепет. Работать с известным ученым, бывшим советником Британского исторического общества, — подумать только! В размышлениях блекли и отступали далеко в прошлое провал «Последней дуэли любви», расставание с «Геннези's Опера» и Корнелией Рейган. Отвернувшись от проносящихся за окном улиц — со времен величного сыщика здесь многое изменилось! — Джудит попыткалась расслабиться на мягких подушках. Сумерки не позволяли любоваться пейзажем. Она нервно потерла руки, одетые в тонкие перчатки. Туман стелился по земле, скрадывая силуэты зданий: лишь тлеющий всплеск случайного фонаря указывал, что

мир за окном обитаем. Каменное эхо вторило звонким ударам копыт гнедой, тащившей повозку; успокаивающее потряхивало сиденье на неровностях мостовой.

Удобно откинувшись, она постаралась не отвлекаться чересчур радужными мыслями.

Взгляд постороннего наблюдателя, внимательный или нет, непременно отметил бы красоту Джудит Рейли. Даже здесь, среди многоликого смешения наций, населявших империю, столицей которой был Лондон, лицо Джудит привлекало внимание удивительным сходством с образом, который грифель мистера Гибсона* сделал всемирным символом красоты. Типичная молодая американка со страниц десятицентового еженедельника «Лайф». О такой внешности мечтали многие женщины, но лишь единицы обладали ею. Джудит Рейли была именно таким «идеальным» исключением.

Свежие блики играли в волнистой россыпи пышных волос; золотистые пряди выбивались из-под полей мягкой фетровой шляпки. Тонкое лицо поражало глубиной и бледностью; легко приподнятые крылья носа, полные, словно рубины губы и прямой росчерк бровей воскрешали в памяти строки, навеянные бессмертным гением Китса: «Среди красот Вселенной — блеск радостей земных». Гладкую поверхность кожи можно было сравнивать с алебастром, но больше изумляли глаза: их призрачная смена янтарного и зеленого тонов придавала загадочность взору. Выражение лица предполагало высокий рост, хотя Джудит нельзя было назвать высокой. Узкую талию стягивал кожаный пояс, терявшаяся в голубых складках тонкой шерстяной накидки, соблазнительно приподнятой на груди. Длинная, ниже колен, юбка с оборками, оставившая в виде уступки уходящей чопорности викторианской эпохи, довершала костюм, облекая материей стройные ноги. Стоило Джудит заговорить, загорались ее глаза, лицо оживало, напоминая о многочисленных рисунках мистера Гибсона. В минуты отдыха ее красоту можно было сравнить с красотой Мадонны, чарующие черты нарушило только волнение, придававшее облику колдовскую пре-

* Гибсон, Чарльз Дана (Gibson, 1867—1944) — американский художник, иллюстратор, сотрудник журнала «Life». Создатель образа «типичной американки».

лость женщины-вамп. Когда ей говорили об этом, Джудит смеялась: «Все не перестают восхищаться красотой, которой я не замечаю. Хотя должна признать, мне нравятся мои волосы».

Тем не менее собственная привлекательность не была для нее секретом, хотя это знание и не подкрепляли победы над мужскими сердцами или романтические отношения. Вид сильных, самоуверенных мужчин, теряющихся и бормочущих нечто невразумительное перед ее захватывающей дыхание красотой, убедил Джудит, что большая часть представителей противоположного пола неисправимые зануды с безнадежно испорченными манерами. Придя к такому выводу, она не стремилась к близким знакомствам. Годы, проведенные в детском приюте, и ослепительный мир сцены тем более не располагали к мимолетным увлечениям.

От белых лайковых перчаток до высоких кожаных туфель и непринужденности, которую можно заметить у пожилых актрис, Джудит Рейли представляла тип женщины, редкий для своего времени. Не придавая излишнего значения общепринятым правилам тона, она была независима и не чувствовала себя обязанной подчиняться старинному правилу, по которому девушка, повзрослев, без промедления отыскивает себе жениха, спешит обзавестись детьми и осесть в тесноте кухонных стен с тем, чтобы исполнить свое жизненное предназначение.

Джудит предпочитала следовать другим правилам. Даже нынешняя поездка в Челси больше, чем материальной необходимостью, диктовалась ее собственным выбором. Однако едва ли можно было сказать, что к этому ее побуждал набор каких-то готовых принципов: все ее существо восставало против ограничений. Джудит Рейли была рождена со свободной душой. И красотой, о которой не желала догадываться. Ибо для этого еще не пришло время.

То, что она решила остаться в Лондоне, еще ничего не доказывало. На первый взгляд это могло показаться обычным женским капризом. Но нет. И помимо familialной гордости какое-то неведомое и могучее чувство продолжало удерживать ее на земле предков. Быть может, сильная рука Александра Рейли направля-

ла ее из могилы. Столь не похоже на мягкие прикоснения матери...

Она совсем не помнила ее. Мать была одной из тех тихих и кротких женщин с милыми лицами, которые все время остаются в тени, незаметными для окружающих. Если им суждена ранняя смерть, все, что сохраняет память, — аромат их духов и отрывки колыбельных мелодий. Эмма Рейли осталась туманным пятнышком в прошлом. Словно картина, виденная давным-давно. Или паровозный гудок и перестук колес в тишине ночи. Поезд...

Джудит вздрогнула при воспоминании,приникла к окну. Вершины деревьев, слившись мрачной стеной, проносились мимо. Промелькнул огонек. Кэбмен что-то тихо напевал на своем сиденье. В вечерних сумерках гулко цокали подковы: повозка замедляла ход. Джудит закуталась плотнее в тонкую шерстянную накидку, поправила непослушную прядь, выглянувшую из-под шляпки. Без видимых причин тревожно забилось сердце. Джудит с досадой тряхнула головой: нельзя поддаваться волнению. Страх перед экзаменом, как и перед пробой на роль, способен оказаться фатальным. Увы, как ни верно подобное рассуждение, ему очень трудно последовать, особенно перед прыжком в неизвестность!

Экипаж остановился. Зловеще заскрипели рессоры. Джудит подняла голову, привлеченная движением возницы. С деревянным стуком на крыше отошла панель, показалось усатое лицо.

— Всегда на месте, мисс. Добро пожаловать.

— О... это Челси?..

— 77, Челси-Саут, не будь я 'арри 'окинс, мисс.

Типичный кокни*, с улыбкой подумала Джудит, не унывающий и не заботящийся о правильности произношения. Сойдя с подножки, она остановилась, достала с сиденья дорожную сумочку. Наплечный ремень и застежки делали ее незаменимой в поездках, где каждую минуту могли понадобиться мелочи вроде блокнота, ручки или платка — все это легко умещалось в сумке. В кошельке оставалось не более двух фунтов: в основ-

* Лондонский просторечный диалект, одна из особенностей которого — сглатывание звука «х»

ном мелкие монеты. Будем надеяться, что это не последние английские деньги, которые мне приходится видеть, с мрачной усмешкой подумала Джудит.

— Сколько я должна за проезд?

— Пять шиллингов и шесть пенсов, мисс.

Она почувствовала обжигающее тепло мужской руки, передавая монеты. Еще пенс она добавила сверху из благодарности. Харри Хокинс коснулся полей своей шляпы; его усы, казалось, тускло блеснули под фонарем, висевшим на облучке.

— Благодарю, мисс. Спускайтесь осторожнее, кругом полно камней.

— Спасибо. Я постараюсь...

— Всего хорошего, мисс. Но-о! Мрачноватое место...

Он поежился, взбираясь на свое сиденье. Полоска хлыста с треском прорезала воздух, легла вдоль лошадиной спины, и экипаж снова загромыхал по мощеной дороге, постепенно растворяясь в темноте. Кутаясь в шерстяную накидку, Джудит с недоумением оглядывала туманные окрестности, пытаясь определить, в какой стороне расположен нужный ей дом. Даже когда затихли последние отзвуки копыт, она едва ли сознавала ужасающую пустынность, свое совершенное одиночество в угрюмом соседстве невидимых в темноте особняков.

Вполне естественным было отнести прощальное замечание Харри Хокинса на счет сумерек, запоздавшей луны, но никак не самой местности.

Стоя на каменистой дороге, она обернулась к далеким огням, тускло проглядывавшим — словно сквозь мили тумана и мглы. Громэздкой горой — скорее тенью, чем осязаемым предметом — невдалеке возвышался дом. Ни звука, ни огонька не оживляло его фасад: все утонуло в извивающихся щупальцах тумана. Сердце забилось новыми предчувствиями, стоило Джудит пристальнее вглядеться в зыбкие очертания. Если Челси-Саут существовал при дневном свете, это был он. Поблизости не было видно ни одного строения: ни признака человеческого жилья. Туман, сгущавшийся всю дорогу от «Слокам-хауза», достиг апогея. В памяти ожили забытые страхи, казалось, давно оставленные в детстве. Закусив губы, Джудит шагнула к темнеющей

впереди массе. Невероятно, чтобы Харри Хокинс высадил ее в первом попавшемся месте возле дороги!

Небо над головой затянули плотные облака, тяжелым щитом заслонившие свет луны, звезд. Словно поплавок, затерявшийся в бескрайних просторах мира тьмы и тумана, Джудит пробиралась вперед, чувствуя, как с каждым шагом тают ее силы и решимость. Ее существование разрывалось в окружении безымянных страхов, казалось, все теснее смыкавшихся кольцо с каждым новым ярдом.

Сжав в руках сумочку, как будто это было оружие, она устремилась в темноту, навстречу тени, на месте которой притаился дом. 77, Челси-Саут.

Темный силуэт был совсем рядом, когда где-то вдали раздался леденящий собачий вой. Долгое, протяжное эхо пронзило тишину ночи. Казалось, взревел непроядный мрак, со всех сторон обрушиваясь на Джудит.

Контуры дома дрогнули, просели, редея и растекаясь, пока не осталось и следа тени, к которой стремилась Джудит. Новый прилив ужаса исчерпал остатки самообладания: едва сознавая, что делает, Джудит бросилась бежать, не разбирая дороги. Плотно сжатые губы не пускали рвавшийся из горла крик, слезы застилали глаза. Однако она не останавливалась, задыхалась, бежала.

Невидимый пес снова завыл, когда Джудит с размаху налетела на дверь, больно ударив руки о деревянную поверхность. Это было единственной реальностью в ирреальности последнего часа. Щупальца тумана оплетали, тянули назад в смыкающуюся темноту. Когда под каблуками зазвучала выложенная кирпичом дорожка, чьи-то пальцы вцепились в юбку, с треском лопнула материя. Споткнувшись, она не удержалась на ногах, сделала несколько неверных шагов, теряя равновесие. За спиной, где-то совсем рядом, не стихал пронзительный, болезненный вой, разрывавший тишину вселенной.

К счастью, теперь перед ней была дверь. Пальцы торопливо ощупали толстые доски. Дверной молоток, скорее... о Боже! Прямо перед ней блеснул свет. Слева от двери, в одном из окон. Чье-то лицо, озаренное сиянием длинной свечи, выглянуло наружу. В короткое

мгновение, в котором слились радость и изумление, Джудит рассмотрела его выражение. Лицо не призрака, не мертвеца... но лишенное всего человеческого. Безмолвная гримаса злобы, словно потустороннее отражение в темном стекле.

Потрясение было чрезмерным. Искаженное свечным пламенем лицо; туманные сполохи; вой пса — словно напоминание о баскервильском мастиффе; потранный костюм и сердце, угрожающее выскочить из груди. Джудит в изнеможении опустилась на ступеньки. Пальцы коснулись оконного стекла, где, как дьявол в бутылке, плясало, гримасничало отражение человеческого лица. Даже закрыв глаза, чтобы не видеть большие безумного уродства, она не могла избавиться от картины, словно калейдоскоп проносившихся в памяти. Из мрачной глубины на нее смотрело прекрасное женское лицо, обрамленное длинными, черными как смоль волосами. Бледная кожа. Прелестные черты и глаза... безжизненно запавшие, словно у мертвеца.

И ничего больше.

Глава вторая

Однажды в детстве, когда розовый куст во дворе родительского дома в Спрингфилде представлялся раскидистым деревом малышке Джудит, она неосторожно упала, играя, с крыльца. Отец, читавший в комнате воскресную газету, услышав плач, выбежал и подхватил дочь. С того случая прошло шестнадцать или семнадцать лет, но Джудит не забыла то внезапное головокружение, задержку дыхания и боль, огненным обручем сдавившую грудь. И столь же ясно память хранила тот удивительный комфорт, ощущение безопасности, которое она испытала в объятиях теплых, любящих ее рук. Это было самым ярким воспоминанием об отце, которое не стерли прошедшие годы. Позднее, в приюте или в трупке под отеческой опекой Джарвиса Геннизи, она не испытывала ничего похожего — тем более по отношению к мужчине. Любовь, нежные переживания были до сих пор не знакомы Джудит.

Казалось, время повернуло вспять на пороге особняка в Челси-Саут. Образы прошлого сменяли один дру-

гой: проносились окутанные туманом, бесцветные, едва узнаваемые. И тем отчетливее в сознание вторгался реальный мир, с шорохами и шумами вокруг.

Полуобморочное состояние притупило ощущение страха, притушив флюиды безумия, летевшие от зажженной свечи, из кольца обступившего крыльцо мрака. Привалившись плечом к тяжелой дубовой двери, Джудит со странным спокойствием прислушивалась к происходящему внутри. Панический ужас исчез. Смолкло завывание пса. Остались лишь мертвящая тишина и зыбкие струйки тумана, извивающиеся под ногами.

В доме раздались шаги: кто-то приближался к двери. Щелкнул замок, и сильные руки подхватили Джудит, увлекли в освещенную прихожую. Тусклое мерцание металлических пуговиц или, быть может, украшений обрисовывало темный силуэт мужчины. Резкий, исполненный достоинства голос требовал ответа. Сухость и официальность тона, столь неуместные в данную минуту, неприятно поразили Джудит. Однако рядом стояло человеческое существо, отворившее двери посреди мрака ночи.

— Что происходит? Кто вы?
— Извините... там огромный пес... я испугалась его воя...

— Понятно. Похоже, что он гнался за вами.

Слова беспорядочно слетали с губ Джудит. Взявшая девушку за плечи, мужчина ввел ее в дом. Входная дверь захлопнулась за спиной, и теплый воздух, словно дыхание камина, всколыхнул застоявшуюся в венах кровь. Голос владельца особняка выдавал чистокровного англичанина: отрывистый островной акцент острым ножом рассекал его речь, придавая чеканность. Джудит перевела дыхание и огляделась. Близость незнакомого мужчины, лицо которого все еще скрывалось в тени, угнетала ее. Рядом с ним она ощущала себя незначительной, совсем маленькой. Сильные руки, даже сквозь шерстяную накидку, продолжали твердо и чуть болезненно сжимать ее плечи.

Она вздернула подбородок.

— Я приехала по объявлению в «Таймс», насчет работы...— она замялась.— Меня зовут Джудит Рейли.

Какое-то мгновение тень молчала. Негромкий, удивленный смех коснулся слуха Джудит.

— Вы шутите.

Оставив его слова без внимания, она продолжала:

— Надеюсь, у вас не принято держать гостей на пороге. Если вы намерены проэкзаменовать меня...

— Но вы же совсем ребенок! — в голосе осталось одно удивление.

— Мне уже двадцать один год, — негодующе возразила Джудит. — Это достаточный возраст.

Тень насмешливо поклонилась, или так только показалось в полутьме.

— В самом деле? Вы выглядите значительно моложе. Однако, идемте. Если вы позволите... пожалуйста, сюда. У нас неполадки с электричеством, так что приходится обходиться свечами. Позвольте представиться, Джейфри Морхауз, эсквайр. К вашим услугам, мисс Рейли.

— Благодарю, вы очень любезны.

— Думаю, для дел лучше всего подойдет студия. Там как раз разведен камин. В каменных зданиях этот дьявольский туман просто непереносим.

Зыбко освещенным коридором они вышли из прихожей. Джудит с трудом поспевала за быстро шагавшим эсквайром: словно легкая тень за великаном. Пару раз она едва не налетела на него в темноте. Хозяин дома остановился, протянув руку, нашупал бронзовую дверную рукоять, повернул — и яркая полоса света хлынула в коридор, открыв проход в просторную залу, обитую массивными дубовыми панелями. Краем глаза Джудит заметила большой овальный портрет на стене перед входом. Изображение скрывал полумрак, лишь смутно отблескивала рама, украшенная позолотой. Хозяин дома галантно отступил, пропуская спутницу, и Джудит с благодарностью скользнула мимо.

Вероятно, такое же чувство испытала Алиса, шагнув в Зазеркалье. Высокая сводчатая зала принадлежала совершенно другому миру: здесь властвовал дух ушедших эпох. Живая история пропитывала древние стены, наполняя воздух ощущением тревожного беспокойства. Очарование седой старины, столь характерное для исторических романов, даже намеком не нарушало сумрачного покоя залы. Светлые краски умерли, уступив извечному натиску подземных стихий вселенной.

Пока Джудит изумленно осматривалась, Морхауз деловито пересек студию, обогнул громадный, сбитый из двухдюймовых досок стол и, остановившись возле камина, повернулся к гостье.

— Выбирайте любое кресло, мисс Рейли, и располагайтесь со всеми удобствами. Я ожидаю приезда других претендентов, так что постараемся решить как можно скорее, стоит ли отказывать им. Вы согласны?

Джудит кивнула, почти машинально. Джейфри Морхауз, лица которого она так и не успела рассмотреть, со скрещенными на груди руками замер по другую сторону стола. Словно в полусне она опустилась в огромное кресло, развернутое к пылающему камину. Поднимались и опадали теплые волны; потрескивающие в огне сучья разбрызгивали яркие искры. Но самым ошеломляющим было убранство залы:

Как будто из старинных преданий восстал рыцарский замок. Необъятный дубовый стол, за которым свободно могли разместиться король Артур и все его рыцари, занимал центр выложенной каменными плитами комнаты. Лишь возле камина гранитную мозаику нарушал небрежно брошенный ковер. Прикрепленная цепями к массивным потолочным перекрытиям свисала гигантская люстра, потухшие лампы которой угрюмо отражали языки пламени. Палицы, алебарды, боевые топоры, голова дикого вепря и тяжелые щиты, украшенные переплетением геральдических узоров,— словно неведомые твари притаились на стенах. Казалось, их контуры ожидают и угрожающе шевелятся под пристальным взглядом. Джудит прикрыла глаза ладонью и отвернулась. Здесь, в самом сердце Лондона, было неожиданностью встретить подобную залу. Даже стромодные книжные шкафы, выстроившиеся в каре напротив стены с камином, не могли рассеять враждебную атмосферу феодального замка. Холодный страх и жестокость пронизывали воздух, заставляя поеживаться и склоняться к живительному теплу языков пламени.

Стенные подсвечники, наклоненные к центру залы, благодаря искусному расположению, вносили свою лепту в иллюминацию, разгоняя зловещий сумрак по углам и под потолком. Перекрещенные наподобие ме-

чей тени довершали обстановку древнего рыцарского обиталища.

Впечатление, которое произвела на Джудит зала, не осталось незамеченным.

Смею уверить вас, мисс Рейли,— голос Джейфри Морхауза был холоден, без следа недавней улыбки,— прочие помещения вы найдете более привычными. Гостиные, комнаты для занятий, спальни. Ничего необычного. Эта комната единственная отделана согласно моим вкусам и желаниям. Итак, если вы соизволите показать мне ваши рекомендательные письма..

Ей пришлось оторваться от созерцания обстановки, чтобы встретить его взгляд. Выпрямившись в полный рост, со скрещенными на груди руками, Джейфри Морхауз живописно возвышался над столешницей чудовищного стола. Темные, внимательные глаза не отрываясь смотрели на девушку; лицо выражало величественную надменность. Во всяком случае, таким было первое впечатление Джудит, если первое впечатление может быть верным.

— Я очень сожалею, мистер Морхауз, но в данный момент у меня нет никаких письменных рекомендаций. В колледже я специализировалась по курсу английской литературы, история была моим вторым предметом. Дело в том, что фамилия Рейли...

Она уже готовилась упомянуть титул знаменитого предка — такое родство, по ее расчетам, упрочило бы шансы на успех, — но замолчала, озабоченная внезапной переменой в поведении хозяина дома. Глухое проклятье слетело с губ Джейфри Морхауза. Опустив руки, он вышел из-за стола и быстро, почти угрожающе, приблизился. Взгляд темных глаз потяжелел, остановившись на стройной фигуре гостьи. Джудит чувствовала, как мучительно краснеют ее щеки, обмерло сердце. Еще никогда ей не приходилось быть объектом столь пристального внимания. И тем труднее было предложить подобное поведение со стороны джентльмена, каким казался Джейфри Морхауз!

— Что, черт возьми, с вашим костюмом?! — в восклицании эсквайра явственно простутили свирепые нотки. — Или, по вашему мнению, только в таком виде можно рассчитывать на получение места?

— Ох... — все разом встало на свои места. Завывания пса, туман, зыбкие очертания дома и прелестное лицо безумной в темном стекле у двери. — Это туман... — она снова умолкла. — Я услышала вой пса и побежала. К двери подошла женщина...

Лицо Джейфри Морхауза окаменело, но лишь на мгновение. Странная перемена произошла в стоявшем перед Джудит человеке: на губах его появилась неуверенная улыбка. Пожав плечами, он повернулся, возвращаясь к противоположному концу стола.

— Весьма сожалею о том, что вам пришлось пережить. Один из наших соседей, Элберт, держит пса и в туманные ночи спускает его с цепи. Предосторожность, не вызванная, по счастью, необходимостью. Расстояние между нашими домами значительное, однако вой этого зверя способен нагнать страху. Что касается вашего костюма, приношу свои искренние извинения. Обычно над дверью горит фонарь. Подозреваю, что подол вашего платья зацепился за куст роз: за ними ухаживает моя экономка. — Взгляд его стал немигающим. — Относительно женщины у дверей должен сказать, что скорее всего вы ошиблись. Кроме экономки и моей жены, в доме нет других женщин. Диккенс взяла выходной, чтобы проводить своих родственников в Сохо, и вряд ли вернется раньше десяти. Что до моей жены — она не покидает верхних комнат. Инвалидная трость — ее единственный способ передвижения. Без посторонней помощи ей не сойти с лестницы. Так что скорее всего вы ошиблись. Возможно, тут виной погода. Английский туман способствует воображению; для многих писателей он был источником вдохновения.

Джудит не видела причин спорить с ним. Вопрос о работе висел в воздухе, и успех во многом зависел от настроения стоявшего перед ней человека.

Он выглядел слишком молодым для ученого, успевшего создать себе имя, тем более уйти в отставку. Высокий рост; элегантный, изящного кроя твидовый костюм с застежками эдвардианской эпохи*; бордовый галстук и белоснежный воротничок рубашки, — он вы-

* Эдвардианский костюм — предшественник русских вицмундиров чистровской эпохи, для которых характерно обилие металлических пуговиц, соединенных плетеными нитяными петлями.

глядел сошедшим с портрета знатным вельможей. Зловещая тень заслоняла лицо, на котором мерцали жесткие, немигающие глаза. Прямой, классический нос и тонкая полоска рта... были лишены жалости.

— Вернемся к нашим делам, мисс Рейли, — спокойное замечание нарушило цепь ее впечатлений. — Вам еще предстоит убедить меня в ваших способностях. Мне нужен опытный секретарь для реферирования трудов по истории и геральдике королевских династий Британии. Что бы вы ни говорили о своей квалификации, я вижу, что вы американка. Пожалуй, для кандидата на предлагаемую мной работу это наименее ценное качество. Вы так не считаете?

Его вопрос прозвучал прямым отказом. Пощечиной. Джудит негодующе выпрямилась, привставая в кресле перед тем, как ответить. Холодная надменность эсквайра переходила всякие границы. Даже если не принимать во внимание прием, оказанный у дверей. С какой стати она должна терпеть оскорблений?

— Если вы полагаете, что для меня не существует разницы между секирой и алебардой, вы глубоко заблуждаетесь, мистер Морхауз, — звенящим голосом отчеканила она. — На стенах этой рыцарской залы не найдется ни одного предмета, который я не назвала бы вам. Если вы не желаете экзаменовать меня, то не потому ли, что вы один из тех имперцев, что до сих пор не могут простить американцам их разрыва с метрополией?

Казалось, неожиданная вспышка ошеломила его, но прошла секунда, и уголки его тонкого рта вновь дрогнули в улыбке. Только сейчас Джудит рассмотрела его лицо: словно величественный профиль с одной из монет, хранящихся в витринах Британского музея. Ему вполне подошли бы ратные доспехи из висевших по стенам. Густые черные волосы слегка вились, однако на висках проглядывала благородная седина. В глубине души Джудит была вынуждена признать, что в жизни не встречала более красивого мужчины.

— Рыцарская зала? У вас есть чувство юмора, мисс Рейли. *Mot juste*^{*}, справедливо замечено. Итак, против огня существует единственное средство — сам огонь.

* Верно, в самом деле (*фр.*).

Скажите мне, какой смысл вкладывают летописцы в староанглийское *bodykin*?*

Несмотря на раздражение, Джудит не могла удержать улыбки.

— Ваш вызов трудно назвать достойным, мистер Морхауз. Естественно, в колледже мне приходилось раскрывать Шекспира. И даже перечитывать его по несколько раз *Bodykin* не что иное, как кинжал.

— Неплохо. Ваш ответ вселяет в меня надежду мисс Рейли. Теперь поговорим об особых трона, не могли бы вы так же коротко, чисто по-американски, назвать их династии?

Джудит кивнула, не без гордости.

— Плантагеныты, Тюдоры, Стюарты, Йорки, Ланкастеры, Нормандская ветвь, Ганноверы — она с удовольствием, словно ослепительный жемчуг, бросала в него имена. — Саксонские короли. Даны и теперь Виндзорская династия. Да, мистер Морхауз, я хорошо знаю предмет. Пусть это будет нескромностью, но лучшего секретаря вам не найти.

— Я уже начинаю верить в это, моя дорогая мисс Рейли, — его глаза сверкали в сполохах озарившего комнату пламени. — Могу я поинтересоваться, чем вызвано ваше увлечение: согласитесь, для дочери звездно-полосатого флага это достаточно необычные знания?

— Нисколько, — Джудит поразилась горячности своего возражения. — Меня всегда привлекала история. Как привлекала она Шекспира и многих других. И то, что я женщина, еще не значит...

— Об этом я не сказал ни слова.

Замечание прозвучало неожиданно сухо и жестко, почти как предупреждение. Джудит замерла, в очередной раз забыв упомянуть о своем родстве с сэром Уолтером Рейли. Кажется, в этом больше не было необходимости. Джонни Морхауз вышел из-за стола, направляясь к двери. По собранности и сосредоточенности, с которой он двигался, можно было заключить, что решение принято. Однако Джудит обманывалась, полагая, что знает, каково это решение. Сердце потяжело застыло в груди. Она с тоской вздохнула.

* Шило (англ.)

— Если вы вызовете экипаж, я буду очень призательна вам, мистер Морхауз.

Он обернулся возле двери, нахмурившись. Продольные морщины на лбу придали его лицу еще более зловещее выражение. Глаза смотрели с недоброю ходячностью.

— Зачем вам понадобился экипаж, мисс Рейли?

— Ну... — она замерла, не смея поверить.

Снова он рассматривал ее с присущим ему мрачноватым интересом. Пуговицы на твидовом сюртуке, мерцавшие в сумраке прихожей, теперь сияли, словно начищенные медали. Он выглядел словно король, сошедший с фамильного портрета.

— С Божьей помощью, — произнес он, — я согласился испытать ваши знания. Сейчас я собираюсь повесить на двери объявление для остальных претендентов, что место уже занято. Должен признаться, вы заинтриговали меня. В вашем возрасте трудно предположить интерес к подобным вещам и тем более — знания.

— По-моему, вы тоже не слишком похожи на историка в отставке, — в порыве счастья отважилась Джудит.

На лице Джеффри Морхауза не дрогнул ни один мускул.

— К сожалению, годы проходят быстрее, чем нам того хотелось бы. И чем полнее мы используем отпущенное время, тем больше радости получаем от жизни. Болезнь моей жены требует постоянного внимания и заботы, этим объясняется мой уход из Исторического общества. Моя работа... — Он замолчал, словно решив, что сказал достаточно. Темные глаза снова впились в Джудит. — Мы не обсудили условия вашей работы. Жить вам предстоит в этом доме. Надеюсь, вы не будете возражать. У меня нет четкого графика работы, поэтому вы все время должны находиться рядом. Вас это устраивает?

— Если это необходимо...

— Это необходимо. Отдельная комната, общий стол. Диккенс — превосходный повар и отличная домоправительница. Уверен, что вы поладите. Ей нравится заботиться о красивых и молодых. Ваше жалованье будет десять фунтов в неделю. Этого достаточно?

— Десять фунтов... — по любым меркам это была удача.

Джудит едва могла говорить. При таких деньгах она в две недели заработает на дорогу домой. Она смущенно потупилась.

— Не стоит благодарности. Я выжму из вас все до последнего пенса. Кстати, вы пользуетесь пишущей машинкой?

Она отрицательно покачала головой, чувствуя, как в сердце шевельнулась искорка страха. Однако хозяин дома лишь улыбнулся, взявшись за дверную ручку.

— Хорошо. От стука у меня болит голова. Технический прогресс проходит вне стен этого дома, и для меня скрип пера предпочтительнее грохота шестеренок. Но учтите, что вам предстоит много писать под диктовку, разбираясь в моих заметках и составлять мне аудиторию, когда очередная глава будет близка к завершению. Итак, все оговорено. Позвольте мне ненадолго отлучиться, и когда я вернусь, то постараюсь исправить столь нерадушную встречу. Думаю, нам не помешает глоток вина и легкий ужин.

С этими словами он скрылся в коридоре. Звук удаляющихся шагов затих. Джудит не находила себе места от возбуждения. В ожидании обошла залу, рассматривая развешанные по стенам доспехи, наслаждаясь теплом камина и размышляя об удаче, выпавшей ей в чужой стране. Хотя Лондон не был для нее чужим. Ей нравились его остроконечные шпили, узкие улицы — несмотря на холод, туман, завывания псов и странные лица в ночи.

Как странно!

Был ли игрой воображения этот призрак в ореоле свечи? Последствием потрясения, испуга? Каким же сильным должно быть потрясение, чтобы видеть несуществующие лица. Невероятно. И все же...

Продолжая размышлять над этой загадкой, Джудит обошла залу, прикоснулась к столешнице, окинула взглядом доспехи на стенах. Их угрюмый вид и воинственность отталкивали, напоминая о хозяине дома. При всей своей мрачности и надменности Джейфри Морхауз не был лишен обаяния — странное качество, если не сказать больше. Однако он был согласен дать ей ра-

боту, чего же еще? Какой смысл раздумывать о свершившемся?

Сполохи пламени плясали на стенах, отбрасывая уродливые тени на предметы мебели и до неузнаваемости искажая силуэт клыкастой головы вепря на противоположной стене. Джудит задержалась возле книжных шкафов. Их содержимое впечатляло не меньше, чем выбор, которому было подчинено все собрание. Невзирая на разнообразие титулов, переплетов, золоченных тиснений, на полках не было места для книг, так или иначе не связанных с историей Британии. Тома по геральдике, соколиной охоте, рыцарским посвящениям теснились бок о бок с мемуарами и биографиями коронованных особ со времен основания островной империи. Казалось, замерли стрелки часов. Джудит как зачарованная рассматривала открывшееся ей богатство. Кончики пальцев коснулись источенного переплета, с усилием извлекли обветшавший, пропитанный пылью веков фолиант. «Richard, Coeur-de-Lion»*. Отважный герой крестовых походов. Для Джудит он воплощал романтический образ короля-воителя; защитника, который даже после поражения в сражении с Саладином...

До ее слуха донесся необычный звук.

Подняв голову от пожелтевших страниц, она огляделась. Беззаботное потрескивание пламени в камине; тихий шелест ветра за окнами — ее окружала спокойная атмосфера, неотделимая от самой обстановки дома.

Однако несмотря на это, она отчетливо слышала постороннее присутствие. Едва уловимый шум. *Том-том*. Негромко, но различимо. Она перевела взгляд на дверь. Створки плотно прикрыты. Джейффири Морхауз не возвращался. С каким-то непостижимым ритмом постукивание продолжалось, нарастало. Теперь Джудит могла определить, откуда оно исходит.

Звук раздавался над ее головой. Из-за массивных перекрытий, поддерживавших потолок залы. Второй этаж. *Том-том-том*. Постукивание сместились к углу, помедлило, и память Джудит услужливо подсказала разгадку. Конечно же!

* Ричард Львиное Сердце (*фр.*)

« деревянная трость — ее единственное средство передвижения »

Сердце Джудит устремилось к невидимой обитательнице верхнего этажа. Бедняжка. Судя по болезненно медленному перемещению звуков, ходьба для нее представляет настояще мучение. Помимо воли Джудит попыталась представить себе, как может выглядеть жена Джеффри Морхауза. По надменности его характера естественно предположить, что он остановит выбор на женщине красивой, безукоризненного происхождения, как и он сам. Хотя грубо предполагать наверняка. В памяти неожиданно всплыл Тод Фербанкс, симпатичный моложавый мужчина с которым она познакомилась два сезона назад, на репетиции «Спасенного грешника» в Нью-Йорке. Тод выглядел великолепно, словно ковбой с сигаретной рекламы, и Джудит была до глубины души поражена, встретив однажды за кулисами его жену и обнаружив что миссис Фербанкс представляет собой маленькое, круглое существо, совершенно лишенное женской привлекательности.

Том том-том

Постукивание неожиданно прекратилось. Джудит напряженно вслушивалась, но ничего не происходило. Вероятно, миссис Морхауз проделала свой путь к креслу или постели и наконец села.

Выбросив из головы мысли о несчастной женщине, Джудит вернулась к страницам «Ричарда Львиное Сердце», но тут же встрепенулась, охваченная новой тревогой. Принять предложение переночевать в доме в то время, как все ее вещи остались в гостинице «Слокам-хауз»! Два кожаных саквояжа и вся одежда. Без смены белья, туалетных принадлежностей оставаться попросту невозможно. И это теперь, когда благодаря розовым кустам, посаженным перед входом, ее юбка превратилась в лохмотья!

Кажется, он говорил, что экономка возвращается в десять. Диккенс. Так он ее называл^{*}. Странное имя* для домоправительницы. Может быть она еще и хромает?

С внезапной решимостью Джудит захлопнула книгу и, поставив ее на полку, направилась к двери. Нет, так

* Dickens — черт, дьявол (англ.)

нельзя — она должна сообщить, что уходит. Завтра будет достаточно времени, чтобы уладить все формальности. Интересно, что он думает о ней? Ведь она ничего не сказала о своем прошлом. Пожалуй, правильно, что она ни словом не упомянула о «Геннези's Опера». Джудит виновато понурила голову. Ей было прекрасно известно, как в некоторых кругах общества относятся к актрисам, было бы неосмотрительно с первых же шагов рисковать доверием — пусть даже настоящего английского джентльмена. Мистер Морхауз может оказаться британцем старой закалки: прошло чуть более десяти лет, как завершилась эпоха королевы Виктории, и хотя теперь трон занимал монарх либеральных взглядов, Джордж Пятый, время, как и сами люди, мало переменилось.

Возможно, где-то в глубинах мозга дремлет загадочная сила, позволяющая читать на расстоянии мысли, и стоит людям о чем-то подумать вместе, как образ обретает плоть и кровь. Как бы то ни было, Джудит совершенно растерялась при виде открывающейся двери и входящего Джейфри Морхауза. Подобно сомнамбуле вытянув перед собой руки, он с улыбкой протягивал ей ворох платья, в котором ее взгляд безошибочно угадал чисто дамские принадлежности.

— Прошу извинить меня, — произнес он своим обычным тоном. — Я подумал, что вам потребуется кое-что из одежды, чтобы остаться на ночь. К счастью, у вас с Оливией почти одинаковые размеры. Вы можете пользоваться этими принадлежностями, пока мы не перевезем ваши вещи.

— Оливия... — прекрасное имя утратило часть своей красоты, когда она повторила его.

— Да. Моя жена.

— Спасибо... я очень признательна...

— Ни слова больше. Утром Диккенс отправится за вашими вещами. Вам нет необходимости выезжать, так как с завтрашнего дня начинается ваша работа. Вы готовы?

— Это очень любезно с вашей стороны...

— Отлично. Как вы относитесь к легкому ужину? Благодаря вам у меня появился свободный вечер. Место занято, никаких бесед с претендентами.

Он снова улыбнулся, придержал дверь, подавая ей руку. Как в тумане, прижимая к груди ворох превосходной одежды, Джудит Рейли позволила проводить себя из гигантской рыцарской залы. За спиной радушно потрескивал камин — теплый родник во мраке ночи. Темный силуэт Джеффри Морхауза задержался в дверях, и Джудит снова различила слабое постукивание трости, начинавшей новый мучительный переход в комнате наверху.

Том-том-томп.

Шум смолк, когда Джеффри Морхауз с силой захлопнул двери. Взяв Джудит под локоть, он повел ее вдоль длинного узкого коридора с качающимися в мерцании свеч деревянными стенами. Где-то впереди, словно часовей на границе мрака и полутени, мертвенно поблескивал бронзовый канделябр.

В особняке было тихо, как под сводами Вестминстерского аббатства: лишь эхо шагов глухо отражалось от пола.

Сердце Джудит затрепетало.

Вечер продолжался долгим и томительным путешествием в неизвестность. К необычному возбуждению примешивалось чувство страха. И ощущение нереальности происходящего.

Таинственный смысл наполнял величественные черты человека, шагавшего рядом. Для Джудит он был неотделим от ночи. Как тень, которая скрывается от испепеляющего сияния дня.

И это было очень странное чувство, если не сказать больше.

Глава третья

— ...Бренди, мисс Рейли? Бокал вина?

— Благодарю вас, чая вполне достаточно. Восхитительный аромат. Ростбиф был просто превосходен. Должна признаться, что я проголодалась сильнее, чем думала.

— Тогда не стесняйтесь. Диккенс будет довольна, когда узнает, что вы хвалили ее поварское искусство. Для Челси-Саут она абсолютно незаменима. Не знаю, что бы мы делали без нее.

— Семьдесят семь, Челси-Саут. Очаровательное название для дома. Я с нетерпением жду завтрашнего дня, чтобы осмотреть его при дневном свете.

— Боюсь, вы будете разочарованы.

— Почему?

— Это не туристическая достопримечательность, мисс Рейли, хотя и трудно сказать, почему. Ведь дом стоит здесь уже несколько столетий. С времен правления королевы Елизаветы, если быть точным. Вначале это была обычная комбинация дозорной башни и замка. Одному Богу известно, что повидали с тех пор эти стены. Прежде чем их успели восстановить, залатать бреши, строение пришло в полный упадок. По моим сведениям, где-то в середине прошлого столетия замок купил отставной капитан флота Ее Королевского Величества — королевы Виктории, разумеется, — и переустроил его под жилой дом. После его кончины наследников не нашлось, и дом переходил из рук в руки, пока его не приобрел мой покойный отец, Персиваль Морхауз, богатый коммерсант из Бристоля. Я был рожден в этих стенах. В тысяча восемьсот семьдесят пятом. Отец вскоре умер, оставив мне солидное состояние. Через полгода сердечный приступ унес мать, и Челси-Саут остался в полном моем распоряжении. Рыцарская зала, переоборудованная в студию, единственная сохранила атмосферу и обстановку прошлого. Увы, снаружи дом представляет собой унылое нагромождение плит, этажей и шпилей, как и остальные строения в этой части Лондона. Важное преимущество, хотя и не архитектурное, — уединенность. Ближайшие соседи находятся более чем в пятистах ярдах на север.

Дом окружает небольшая роща, есть даже озеро. Своего рода сельский оазис в каменных дебрях города. Не хватает лишь стойла с лошадьми для охоты. Но это небольшая потеря. Книга, над которой нам предстоит работать, съедает все мое время. И было бы обидно оставить ее незавершенной из-за глупого падения с лошади, — он улыбнулся.

— Наши судьбы удивительно похожи, мистер Морхауз.

— Почему вы так думаете?

— Мои родители тоже умерли, когда я была совсем ребенком. И вы напрасно сокрушались о беге лет

во время нашего разговора в студии. Ваш возраст можно назвать цветущим.

— Я не собирался вводить вас в заблуждение.

— Если год вашего рождения — тысяча восемьсот семьдесят пятый, то сейчас вам только тридцать семь лет. Начало жизни для человека вашего положения.

— Моего положения? Интересно. Каким же вы представляете меня, мисс Рейли?

— Я не уверена, что наше короткое знакомство...

— Нет-нет. Прошу вас, говорите.

— В вас чувствуется настоящий джентльмен. С головы до кончиков туфель. Меня поражает ваша забота о большой жене. Возможно, когда-нибудь она сможет поправить свое здоровье...

— Не стоит обманывать себя, мисс Рейли. Оливия останется калекой до конца своих дней.

— Но с тростью...

— Трость? Ах да. Скорее надежда, чем действительная опора. Оливия никогда не будет ходить снова, как ни печально это сознавать. А теперь... освежим память? Небольшой экскурс в историю?

— Как вам угодно, мистер Морхауз. Вы необычайно великодушны.

— Мое великодушие мы обсудим позже. Итак, приступим. Назовите мне имя несчастной леди, правление которой длилось всего девять дней. Естественно, многие историки предпочитают не ставить ее в ряду коронованных особ, однако я придерживаюсь на этот счет иного мнения.

— Джейн. Леди Джейн Грей. Династия Тюдоров. Фактически это единственная королева по имени Джейн во всей истории Британии.

— Превосходно! Хороший ответ, мисс Рейли.

— Благодарю. Не будете ли вы любезны подать мне чайник? Изумительный вкус. В такую погоду чай согревает лучше камина.

— Вот ваш чай, а я налью себе бренди. Отличный «Наполеон». Другие сорта не идут ни в какое сравнение. Для бренди «Наполеон» такая же величина, как наш красавец «Титаник» для мирового флота. Настоящий Гулливер среди лилипутов, и будьте уверены, он покажет себя, когда отправится в свой первый круиз из саутгемптонских доков.

— Об этом плавании пишут все газеты, повсюду рекламные плакаты. Должно быть, это действительно замечательное судно.

— Не сомневайтесь. Британия по праву носит титул владычицы морей. Это признают даже ваши соотечественники, мисс Рейли. Прошу вас, не обижайтесь на мои слова. Должен сказать, что вы не перестаете удивлять меня.

— Я забыла упомянуть одно важное обстоятельство, мистер Морхауз.

— В самом деле? Очередной сюрприз?

— Думаю, да. Речь идет о моей фамилии. Это не простое совпадение. Я действительно принадлежу к роду Рейли. Мои предки по прямой линии восходят к сэру Уолтеру Рейли. Отец всегда гордился этим.

— Невероятно, вы снова удивляете меня!

— Мне казалось, что вам следует это знать.

— Вы хорошо сделали, что рассказали. Теперь я в состоянии сопоставить ваш выдающийся интерес к британской истории и чисто американское происхождение. Однако, очень жаль...

— Жаль?

— Да, сэр Рейли так и не добился короны. Судьба несостоявшихся королей мало кого интересует. Отныне вся его слава осталась в складках плаща, брошенного им к ногам Елизаветы.

— О!

— Надеюсь, я не задел ваших чувств?

— Нет-нет. Если бы я могла узнать причину болезни миссис Морхауз...

За стеной послышался шум. Зашуршали крахмальные оборки юбок. Кто-то тяжело ходил по рыцарской зале. Лицо Джейфри Морхауза посерезнело. Сняв с шеи белоснежную салфетку, он встал из-за стола.

— Диккенс уже вернулась. Я выйду предупредить ее о вашем присутствии, пока она не ушла на кухню.

Он торопливо покинул комнату, оставив Джудит в одиночестве. Уютная обстановка гостиной, где был накрыт ужин, разительно контрастировала с гигантскими размерами студии. Хотелось закрыть глаза, отдохнуть.

Разговор принес новую пищу для ума, однако при этом ни на дюйм не приоткрыл завесы над чувствами,

двигавшими хозяином Челси-Саут. Несмотря на воспитание и манеры, его поведение продолжало оставаться загадкой. Казалось, под блестящим вицмундиром скрываются два разных человека. Стоило одному из них произнести имя жены — с любовью и нежностью, как немедленно лицо второго превращалось в застывшую маску. Холодный взгляд обретал зловещее выражение, делая непривлекательными мужественные черты эсквайра. И все же этот час можно было назвать одним из счастливейших в жизни Джудит. Еще никогда общение с мужчиной не доставляло ей такого удовольствия. Джеффри Морхауз был сама обходительность.

В глубине комнаты, возле небольшой ниши с фарфоровыми напольными часами, стояла кухонная тележка со снедью. Ее содержимого более чем хватало для скромного ужина. Помимо так понравившегося Джудит ростбифа и сэндвичей с розовыми ломтиками ветчины, поверхность тележки загромождали блюда с зеленью, фруктами, бесчисленные вазочки с желе и джемами. Нижнее отделение занимал поднос с яблочным пирогом, восхищавшим своим видом и размерами. Кулинарные таланты Диккенс превосходили все ожидания. Пьянящий аромат чая, заваренного по старой традиции в фарфоровой посуде, витал над всем этим великолепием. После плотного ужина в гостинице миссис Слокам Джудит с удивлением обнаружила, что может съесть что-то еще, когда Джеффри Морхауз любезно предложил ей кресло. Даже поддерживая беседу, она не переставала пробовать одно за другим новые блюда. Возможно, непомерный аппетит объяснялся непривычностью обстановки, однако, как результат, Джудит со стыдом чувствовала, что переела.

Джеффри Морхауз очаровывал манерами. Сопротивляться его обаянию не было ни сил, ни желания. И все же что-то едва определимое смущало Джудит. Разделенные поверхностью стола, они беседовали о всевозможных вещах, удобно устроившись в глубоких, с высокими спинками, креслах из красного дерева. В первый раз за вечер Джудит получила возможность внимательно рассмотреть загадочного владельца особняка в Челси. Удлиненный овал лица, прямые брови; карие глаза, казавшиеся черными в неверном свете свечей. Их загадочное мерцание странно противоречило

произносимым словам. Глаза тихо торжествовали, когда Джейфри Морхауз приносил извинения за временные неудобства с электричеством. Эту неестественную двойственность подчеркивало зрелище его рук. Изящные, словно выточенные из белого мрамора, они могли бы сделать честь любому анатомическому музею. Каждый мускул, сухожилие отчетливо проступали под кожей, рождая мысль о нечеловеческом совершенстве. Сильный, мужественный голос продолжал звучать в ушах Джудит, возвращая вновь к событиям вечера.

Чем объяснялась та необычная раздвоенность, так поразившая ее во время беседы? Холод и жар кипели в груди сидевшего перед ней человека, непостижимо влияя на его поступки. Смутное подозрение мелькнуло, как тень, и тут же исчезло. Разгадка, если она существует, придет позже, а пока... Джудит смущенно взглянула на аккуратную стопку белья, уложенного на красную оттоманку возле ниши. Легкая краска залила щеки. Удивительно, как быстро он догадался о ее проблемах! В действиях мужчины подобная предусмотрительность выглядела просто пугающе.

В коридоре послышались приглушенные голоса, шум шагов. Распахнулась дверь, и на пороге возник Джейфри Морхауз. Рядом с ним стояла невысокая, почти на голову ниже своего хозяина, полная женщина. Седые волосы были собраны в пучок на затылке; мягкое, широкое лицо прорезала тонкая линия рта с поджатыми губами. Маленькие глазки смотрели выжидающе. С тревожным чувством Джудит поднялась со своего сиденья. Болезненно перехватило горло, словно в ожидании чего-то недоброго.

— Позвольте представить,— голос Джейфри Морхауза звучал с нарочитой торжественностью,— Диккенс. Мисс Джудит Рейли.

Джудит молча кивнула.

Было что-то устрашающее в спокойном облике пожилой дамы рядом с Морхаузом. Лицо домоправительницы разгладилось, легкая улыбка тронула уголки губ, когда Джудит направилась навстречу. Спазм прошел, оставив неприятную сухость в горле.

— Рада вас видеть, Диккенс,— поспешило проговорила она.— Мистер Морхауз говорил о вас.

— Не сомневаюсь,— ворчливо отозвалась Диккенс.

— Итак, формальности соблюдены,—вмешался Джеффри Морхауз.—Оставляю вас до утра, мисс Рейли. Диккенс покажет вашу комнату. Спокойной ночи.

Порывисто повернувшись—Джудит уже успела привыкнуть к стремительности его движений,—он скрылся в коридоре. Женщины остались вдвоем в гостиной.

Диккенс, не отрываясь, продолжала разглядывать гостью. Хмурые морщинки исчезли, сменившись отчали удивленным выражением. Курносый нос, полные щеки—у домоправительницы было ничем не примечательное лицо типичной англичанки.

Неровное освещение придавало молчанию зловещий оттенок.

— Надеюсь, мы будем друзьями, Диккенс,—отважилась Джудит.

Негромко рассмеявшись, пожилая леди прошла в комнату. Поведение ее полностью переменилось.

— Вы просто чудо, мисс. Такой красоте можно только завидовать!

— Позвольте мне поблагодарить вас за комплимент...

Диккенс фыркнула.

— Это чистая правда. Ваша молодость тому подтверждение. Никогда не подумала бы, что такое дитя способно увлечься делами трона и королями, от которых без ума хозяин. Сомневаюсь, чтобы кроме него кто-то еще интересовался ими.

— Если бы мои увлечения были другими, я не нашла бы работу.

— Да, это в характере хозяина. Предусмотрительность во всем. Настоящий джентльмен. За двенадцать лет я не припомню ни дня, когда он заслуживал бы упрека.

— Он много рассказывал о вас, хвалил ваше поэтическое искусство. Могу присягнуть, что ужин был замечательный.

Диккенс протестующе взмахнула рукой. Обойдя кресло, она осмотрела аккуратную стопку белья, понимающе кивнула. С одобрением, как показалось Джудит.

— Думаю, мы поладим, мисс. Ваше прелестное лицо и голосок словно капли бальзама для моего старого

го сердца. Идемте, я покажу вашу комнату. Видит Бог, это не дворец, но тут уж ничего не поделаешь. Идемте, скоро одиннадцать, время видеть вторые сны.

Джудит послушно отправилась следом за пожилой леди, которая, достав откуда-то длинную розовую свечу, зажгла ее с помощью кремня, лежавшего на полочке в нише, и, дав фитилю время разгореться, повела девушку вдоль длинного коридора. Угловатые тени, колыхаясь, скользили по стенам, оклеенным точно такими же обоями, как и в гостиной. Диккенс шумно пыхтела впереди, необычайно величественная в черной, до пят, юбке и свободном свитере, ниспадавшем с округлых плеч.

Усталость тяжело навалилась на Джудит. Полнота впечатлений и долгий вечер в особняке на Челси-Саут истощили ее силы. Диккенс была права, когда говорила о снах.

Коридор неожиданно оборвался широкой квадратной дверью. Диккенс остановилась, переложила в другую руку свечу и взялась за бронзовую ручку. Однако тут же, словно повинуясь какой-то внезапной мысли, обернулась и посмотрела на Джудит. На полном лице было написано недоумение.

— Вы ведь американка, мисс?

— Да, из Бостона. Вы когда-нибудь были в штате Массачусетс?

Диккенс передернула плечами.

— Ни разу, если мне не изменяет память. За всю жизнь не выезжала дальше окраины Лондона. Сама я из Брайтона.— Она помолчала.— Странно, что вы американка. Хозяин не очень жалует вашу страну, прошу прощения.

— Вот как. А он не говорил почему?

— Нет, мисс. Хотя он многое не любит рассказывать. Давайте-ка устраиваться. Утром будет время для разговоров.

— Как вам угодно, Диккенс.

Когда они вошли в комнату, Джудит на мгновение вспомнила хозяина дома. Интересно, чем он занят сейчас? Однако мысль исчезла, как только Диккенс поставила свечу на высокий шифоньер, в овальном зеркале которого, подрагивая в зыбком освещении, отражалась обстановка. Экономка деловито занялась приготовле-

ниями: застелила массивную кровать в центре комнаты; проверила узкое окно и переложила белье в ящиках шифоньера. Джудит осмотрелась. Гм... возможно, Диккенс и не преувеличивала. Комната не напоминала дворец, хотя места было более чем достаточно. Помимо кровати здесь были внушительный деревянный комод, секретер в углу, несколько стульев с прямыми спинками и... да, между креслом и стенным шкафом для одежды скромно расположился крохотный *water closet**. Постельное белье пахло крахмалом, на комоде лежали сложенные полотенца. Диккенс казалась удовлетворенной своими приготовлениями. На стенах не было никаких украшений. Ни одной картины. Только древнего вида обои бледно-розового цвета. В нескольких местах бумага отошла от стены.

— Ну вот,— промурлыкала Диккенс,— полный порядок. Вы можете переставить мебель, как вам будет удобнее. Моя комната в противоположном конце коридора. Рядом с гостиной. На случай, если вам понадобится помощь. Завтрак в восемь. Если проспите, на кухне найдется чашка чая и бутерброда. Вы скоро освоитесь с распорядком, при ваших способностях я не сомневаюсь в этом, мисс.

Джудит улыбнулась.

— Вы молодец, Диккенс. Ради Бога, не обижайтесь, но весь вечер я ломала голову над одним вопросом.

— Каким же?

— Ваше имя. Оно настоящее?

Экономка с достоинством выпрямилась, скрестив руки на дородной груди. В тусклом мерцании свечи ее фигура выглядела живописно. Перехватив встревоженный взгляд девушки, она добродушно рассмеялась:

— У хозяина достаточно мрачный юмор, мисс. С того самого дня, как я имела неосторожность признаться в любви к романам мистера Диккенса, он не желает называть меня иначе. Пусть это послужит вам наукой; с мистером Морхаузом следует держать ухо востро.

— Мне тоже нравится Диккенс. Особенно «Большие надежды» и...— Спохватившись, Джудит замолчала.

* Умывальник (англ.).

ла. Для литературных обсуждений было неподходящее время.— Но у вас есть настоящее имя. Какое?

Экономка решительно покачала головой.

— Это неважно. Хозяин зовет меня Диккенс, и пусть будет так. Не обижайтесь, мисс.

— Я не обзываюсь, что вы...

— Господь вознаградит вас за вашу кротость. Ну...— экономка снова окинула взглядом комнату.— Мне пора.

Она направилась к двери, потирая руки.

Глядя ей вслед, Джудит не могла удержаться еще от одного вопроса. Молодость легко нарушает барьеры, которые представляются неодолимыми в более зрелом возрасте.

— Диккенс?

— Да, мисс.

Экономка обернулась в дверях, удивленно приподняв брови.

— Насколько серьезна болезнь миссис Морхауз, вы не знаете?

Диккенс помедлила, покачала головой. Однако это не было отказом. Ее лицо приняло печальное выражение.

— Несколько лет назад с ней произошел несчастный случай, мисс. Большего я не могу рассказать, но что касается здоровья бедняжки... ей уже никогда не быть такой, как прежде. Травма плохо сказалась на ее голове,— Диккенс неопределенно покрутила пальцем у лба.— Хозяин отдает ей все свободное время.

— О, мне так жаль.

— К вашей работе это не имеет никакого отношения, мисс,— Диккенс неожиданно улыбнулась.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Диккенс.

Дверь мягко затворилась, оставив Джудит Рейли одну в комнате. Мысли и впечатления вечера разноцветной каруселью вертелись в голове. Она устало присела на край кровати, поднесла руку к глазам. Подавив зевок, почувствовала, как хочется спать. Недавнее прошлое представлялось теперь чем-то зыбким и ирреальным.

ным. С трудом верилось, что еще лишь вчера она была безработной актрисой, выброшенной на мель, в буквальном смысле слова, в Лондоне. Ее теперешнему положению можно было позавидовать. Секретарь у известного ученого, состоятельный, посвятившего все помыслы книге об истории королевских династий. Грядущая слава и безнадежно больная жена на руках.

Некоторая неопределенность нисколько не заботила молодую американку, поселившуюся в старинных стенах 77, Челси-Саут. Будущее представлялось безоблачным, и не имело смысла загадывать далеко вперед. Она совершенно выбросила из памяти странную встречу на пороге дома. Туман, завывания пса и женское лицо в окне — все эти призраки уснули в глубинах мозга.

Спасительное забвение не изгладило, однако, обрата Джеффри Морхауза. Казалось, этот человек прочно обосновался в воспоминаниях. Мысли вновь возвращались к несчастной леди, занимавшей покой на втором этаже. Постукивание трости, словно потусторонний мотив, продолжало звучать в уголке мозга.

Лицо Диккенс, полное, добродушное, — как у феи из детских снов. Даже если они не станут друзьями, в ней всегда можно будет найти союзника.

Устало улыбаясь собственным мыслям, Джудит поднялась с кровати, принялась расстегивать пуговицы белой сорочки. Тонкая материя ласкала кожу. В комнате было тепло, несмотря на сырость и холодный туман, практически полностью затянувший окно.

Свеча на шифоньере догорала. Неясные блики дрожали на стенах, обстановка призрачно проступала в полумраке. Ни звука не нарушало тишину дома; даже птицы, казалось, перестали петь в саду.

Из стопки белья Джудит выбрала пижаму.

Вечер завершался столь же необычно, как и начался. Новое открытие венчало исход дня, однако Джудит уже ничему не удивлялась. Происходящее в доме несло на себе печать фатальной определенности. И обреченности. Все платья и предметы Оливии Морхауз — ночная рубашка, пижама — идеально подходили к ее фигуре. Выбирай Джудит сама, она не смогла бы лучше подобрать размеры.

Глава четвертая

Кошмар пришел с темнотой.

Комната погрузилась во тьму, единственная свеча давно погасла. Металлическими щипцами, которые оставила Диккенс, Джудит затушила фитиль; облачившись в роскошную пижаму, свернулась в уютной постели. Словно воды Стиksа, мрак поглотил дом до основания. Тишина лишь усиливала непроницаемость ночи. Глухо вздыхал в каминной трубе ветер, однако его стечения были бессильны потревожить Джудит. После напряженного дня она уснула, едва коснувшись щекой подушки. Усталость оказалась могущественнее пустых страхов. Даже игра в трех спектаклях подряд в турне «Геннези's Опера» не истощала ее до такой степени, как сегодняшнее приключение в Челси, перевернувшее с ног на голову всю ее жизнь, ее привычки. Актерская работа была для нее более увлечением, чем серьезным занятием. С Джейфри Морхаузом все обстояло иначе. Воспоминания о нем, его слова продолжали волновать ее, даже когда тело умоляло о сне. Едва распустив тугой узел волос, рассыпавшихся по плечам, она спала, прильнув к мягкой пуховой подушке.

Комната безмолвствовала. Время остановилось для нее; тонкий овал лица бледным пятном вырисовывался во мраке. Ни шороха в тишине; стих шепот тумана за окнами дома. Далекие огоньки мерцающей сетью покрыли улицы Лондона. Челси-Саут, словно туманный остров, погрузился в бескрайнюю темноту ночи.

Джудит спала.

В ее мечтах проносились отряды рыцарей, короли посыпали полки на битву. Со скрежетом скрещивались мечи; свистели стрелы; над морем железных шеломов реяли гордые штандарты. Неслись звуки боевых труб, и над зубчатыми стенами замка взметывались копья, украшенные яркими вымпелами. Прекрасные дамы рожали причудливо расшитые платки к ногам рыцарей, и удар гонга возвещал о начале турнира. История прошлая и современная, заговоры и падения трона проходили перед глазами под перезвон церковных колоколов.

Закрытый двор королевского замка, где краски испанских шелков затмевают английское кружево. Окруженная нарядной толпой, Джудит Рейли провожает эсквайра Морхауза, готового выехать из подъемных ворот, как когда-то юный Айвенго навстречу богатству и славе. Волшебная страна грез окружила девушку, не жившуюся в белоснежных простынях. Прелестная мечтательница, которая не желает пробуждаться среди мрака и сырости унылейшего из миров. Лишенного красок и радости. Счастья.

Однако она проснулась.

Какая-то сила разбила чары, оборвала путешествие в страну грез. Крадучись, едва уловимо, зловещее нечто вторглось в волшебный рай. Неразличимое вначале, как далекий шелест или плач ребенка в чаще. Пенистый вал, обрушившийся на прибрежные скалы.

Совсем тихо вначале.

Звук нарастал, прорывая барьер подсознания, сокрушая вдребезги сны о блистательных рыцарях и принцессах. Словно пушечное ядро разметало стены комнаты, взорвав воздух осколками боли и страдания.

Ледяным сквозняком проползший по спине ужас...

Открыв глаза, Джудит приподнялась на постели. Мужественные рыцари, величественные замки остались по ту сторону пропасти. Ее окружала непроглядная темнота. Напряженный слух пытался отыскать причину, вырвавшую ее из сна.

Тревожно забилось сердце, когда мрак вновь вскользнула потревоженная тишина. Джудит с трепетом почувствовала, как ее обволакивает пелена звука. Сомнений не было.

Где-то плакала женщина.

Тихий, грудной голос, полный боли; слова неразличимы, соединенные в протяжный глухой стон. Джудит тряхнула головой, пытаясь прогнать звук, но тщетно. Комната пропиталась им, словно дымом. Едким, удушающим. Всхлипывания не умолкали, нарастая: казалось, их источник находится совсем рядом — за стеной. Окно, угол — и вот она, стена за изголовьем. Плач становился сильнее; мир раскалывался, исторгая из вселенной чувств остальные звуки.

Неприятно пересохло во рту, язык непослушно царапал небо. Словно потревоженный зверек билось

сердце. Что делать? Невидимая женщина продолжала плакать. Пронизывающий, зловещий звук, истончавший нервы. Джудит зажала руками уши, чтобы не слышать; однако безмолвный мрак, поглотивший комнату, был еще отвратительнее. Почти бессознательно она попыталась спрятать голову под подушку. Не было сил подняться, выбежать в коридор за помощью. Неужели никто в доме не слышит этот жуткий стон? Кто-то обязан слышать!

Внезапно, как по волшебству — Джудит не уловила момент, когда это случилось, — рыдания смолкли. Нисходя до едва различимых всхлипов, плач сменился жалобным шепотом и бормотаниями, затихшими, когда Джудит, недоумевающая и ошеломленная, приподнялась на кровати. Наступившая тишина ужасала не меньше, чем зловещие звуки, предшествовавшие ей. Женщина — была ли то несчастная в верхних покоях? — перестала плакать.

Дрожа всем телом, Джудит откинулась на подушки, подтянула одеяло к подбородку. Ужас держал сердце влажными, цепкими пальцами. Ощущение беспомощности нагнетала пришедшая на смену возбуждению неподвижность. Она стиснула зубы, пытаясь унять неприятную дрожь. Угрюмая тишина... о Боже! Что происходит в доме, если живое существо обречено рыданием изливать безысходность?

Вновь, помимо воли, в памяти возникло прелестное лицо, отразившееся в темном стекле возле входа. Может быть, это была она? Оливия Морхауз? Но его уверения...

«...позверьте, без посторонней помощи она не может спуститься по лестнице...»

Слова, образы, ужасающие предположения лавиной проносились в мозгу, бесчувственные к рождающей ими боли. Как несправедливо устроен мир, если прекрасный вечер обречен на такое завершение...

Внезапно, перестав дрожать, она насторожилась. Отвратительное, отупляющее ощущение нового, большего страха червем проползло по спине. На губах замер готовый сорваться крик. Кто-то или что-то стояло возле кровати. Непонятный шорох, движение встревожили ее? Или всего лишь шелест ветра за стеной? Медленно, едва осмеливаясь дышать, Джудит выгляну-

ла из-под спасительного одеяла. Повернула голову, отыскивая глазами источник шума.

И словно заглянула на дно адской бездны. На нее смотрел призрак. Жуткое, невероятное видение. Вскрик, начавшийся в горле и готовый слететь воплем ужаса, прервался, остановленный стремительным взмахом руки, которая зажала ей рот и отбросила обратно на подушку. Глядя перед собой расширившимися глазами, Джудит не сделала даже попытки сопротивляться. Страх отнял последние силы. Тонкое, бледное лицо над ее изголовьем, болезненно озаряемое высоко поднятой свечой, принадлежало женщине, которая встретила ее на пороге дома.

Рука, зажимавшая рот, была теплой и влажной. Джудит не шевелилась, лишь глаза мерцали, излучая крик боли и ужаса. Прекрасное, странно застывшее лицо гостьи приблизилось; длинные черные волосы заплясали в призрачном освещении. Широкие, полные губы раскрылись. Словно сквозь туман донеслись слова:

«...не сделаю тебе ничего плохого... только не позволяй им убить меня...»

Прекрасное лицо принадлежало безумице. Об этом говорили глаза. Их обжигающая пронзительность. И лишенный живых интонаций, бесцветный голос.

«Они убьют... если никто их не остановит. Они больше никогда не услышат ее...»

Бледная маска почти касалась лица Джудит. В огромных зрачках плясали безумные огоньки, ожившие в свечном пламени.

Беспамятство, такое желанное, не приходило — напрасно Джудит молила о нем. Кошмар продолжался.

«...ты была в Ковент-Гардене в тот вечер? — тихий, мелодичный голос, поражающий странным отсутствием интонаций, зазвенел в ушах Джудит. — Помнишь ариозо Лакмэ*... ты должна была слышать ее... ты прекрасна... прекрасна, но ты умрешь... красота смертна, как и уродство...»

Безжалостная рука сдавила горло. Джудит встрепенулась, открывая глаза: дремавший инстинкт вырвался из оков испуга. Она попыталась перекатиться, подтя-

* «Лакмэ» — опера французского композитора Лео Делиба (1893, Париж, первая премьера).

нуть колени, чтобы ударить безумное лицо, искаженное тихим, радостным смехом. Пальцы призрака, обрели невероятную мощь, словно тисками сжав горло. Комната, мерцающий сумрак, бледная свеча закружились в беспорядочном танце, клонясь и опрокидываясь навстречу стремительно надвигавшемуся беспамятству.

«...нет-нет, не бойся... только не позволяй им убить меня, как это было с ней... Обещай мне...»

С поразительной быстротой рука отпустила горло. Послышался неясный звук, шепот, и пламя свечи погасло. Комната погрузилась в темноту, и стал отчетливо слышен шум шагов в коридоре. Не испытывая ничего, кроме радости избавления, Джудит скатилась по противоположную сторону кровати; прижалась к стене, укрываясь от призрачной гостьи.

Стук в дверь заставил затрепетать в надежде сердце, однако ужасы ночи еще не кончились. Властный голос Джейфри Морхауза требовал отворить. Но если он находился за дверью... куда могла скрыться женщина? Он должен был встретить ее, и в этом случае дверь была бы открыта...

Не обращая внимания на окружающий беспорядок, Джудит подбежала к двери, сдвинула засов и столкнулась лицом к лицу с хозяином дома, одетым в парчовый халат поверх полосатой пижамы. Казалось невероятным, что она не бросилась ему в объятия — таким облегчением было видеть его. Тайна и ужас продолжали витать в воздухе даже после ухода полночной гостьи. Куда она могла скрыться? В комнате не осталось никаких следов ее пребывания.

Мужественное лицо Джейфри Морхауза несло на себе отпечаток прерванного сна. Возможно, этим обстоятельством объяснялась грубоность его тона.

— Кто у вас в комнате? — раздраженно потребовал он. — Если вы провели в дом мужчину, да поможет вам Бог, но не я, мисс Рейли!

Джудит была слишком испугана, чтобы возмутиться несправедливостью обвинения. Страх остаться одной в комнате оказался сильнее чувства стыда.

— Пожалуйста... входите... зажгите свечу.

— Я слышал чей-то голос, — он прошел в комнату. — От ваших криков проснулся бы и мертвый. К счастью, Диккенс не разбудить и пушечным выстрелом, а

миссис Морхауз приняла снотворное... Черт, что здесь произошло? — он остановился возле кровати.

Пламя свечи открыло беспорядок, царивший в комнате, и мертвеннюю бледность лица его новой секретарши, ее непослушно подрагивающие губы. Изумленно оглядевшись, он, казалось, утратил часть прежней суровости. Взгляд темных глаз потеплел, но лишь на мгновение. Привычка властвовать во всем одержала верх над чувствами.

— Вы выглядите так, словно увидели призрак, мисс Рейли.

— Я видела женщину, мистер Морхауз. В этой комнате. Она подошла к моей постели, когда я спала. Со свечой в руке. Не знаю, как и зачем она пришла. И вышла отсюда, не замеченной вами...

Невероятно, но в комнате отсутствовал даже намек на вторую дверь. Казалось, ночная гостья прошла сквозь стену. Джудит почувствовала, что не может сдержать приступа смеха — безрадостного, на грани истерики. По всей видимости, Джеффри Морхауз не был новичком в обращении с людьми, пережившими сильное потрясение.

— Ну-ну, здесь никого нет. Успокойтесь, мисс Рейли. Все позади. Думаю, небольшой разговор рассеет вас.

— Наверное, вы правы...

— Садитесь в это кресло, пожалуйста. Я с интересом выслушаю вашу потустороннюю историю. Обещаю не делать никаких выводов или предположений, пока вы не закончите рассказывать.

Последнее замечание прозвучало снисходительно.

— Я действительно видела эту женщину, — Джудит вспыхнула от возмущения. — Мое нервное состояние тут ни при чем, если вы полагаете...

— Нет-нет, что вы, — он выглядел удивленным, однако продолжал сохранять доброжелательный тон. — Я намерен внимательно слушать. Хотя виной всему может оказаться поварское искусство Диккенс. Поздний ужин тяжело сказывается на пищеварении и способен порождать, так скажем, неприятные сновидения.

— Это был не сон, — коротко отрезала Джудит.

— Тогда кошмар. Прошу вас, продолжайте.

Он остановился возле шифоньера, облокотившись на него левой рукой. Джудит присела на постель. Стаяясь унять дрожь в голосе, она пересказала все, что случилось. Таинственный плач, доносившийся с верхнего этажа, затем из-за стены и совсем рядом, когда в комнате появилась безумная женщина со свечой. Упоминание о странных предостережениях гостьи заставило Джеффри Морхауза удивленно приподнять брови.

Закончив рассказывать, Джудит неуверенно взглянула в лицо стоявшего напротив человека. Ни тени сочувствия невозможно было прочесть в ответном взгляде. Хозяин особняка казался настроенным весьма скептически.

— Вы не верите, — глухо проговорила она.

— Вашему объяснению, не более.

— Вы полагаете, что все это мне приснилось?

Пожатие плеч было красноречивее всяких слов.

— Вы можете предположить что-то другое? «Рыдания за стеной; прекрасное существо, — я цитирую ваши слова, — со свечой в руке проникшее в вашу комнату; бессвязные бормотания о каком-то заговоре» — все это звучит, как бред сумасшедшего, мисс Рейли. До сих пор я очень рассчитывал на ясность вашего мышления, равно как и на превосходное знание английской истории. Что мне прикажете думать теперь?

Джудит медленно покачала головой. Мелькнувший образ был еще слишком ярким и ужасающе живым, чтобы представляться вымыслом. Но тогда... куда она могла исчезнуть? Это казалось необъяснимым.

Она попыталась разобраться в собственных мыслях.

— Мне не хотелось бы задевать ваших чувств, но возможно ли, чтобы миссис Морхауз спустилась вниз под влиянием какого-нибудь кошмара...

Джеффри Морхауз выпрямился, заложив руки в карманы халата. Его брови гневно сошлись на переносице, взгляд темных глаз похолодел. Тем не менее, когда он заговорил, голос звучал спокойно и взвешенно.

— Моя жена не спускалась вниз уже долгих три го-да. Если бы она оказалась в вашей комнате, я счел бы это чудом. Хотя моих слов, возможно, недостаточно для вас. Завтра утром, после завтрака, я познакомлю

вас с Оливией. Вы сами убедитесь, что даже внешне она не походит на женщину, описанную вами. Теперь же смею уверить, что, кроме меня, Оливии и Диккенс, в Челси-Саут нет никого больше. Что я должен сказать еще?

— Вы могли слышать этот плач. Как будто кому-то было очень больно.

— Ничего похожего я не слышал, мисс Рейли.

— Извините... этот сумасшедший вечер...

Джеффри Морхауз с усилием улыбнулся, шагнул навстречу. Перед ней был прежний радушный хозяин.

— Разумеется. Ложитесь спать, мисс Рейли. Завтра нам предстоит много работы. С вашим появлением я как никогда настроен завершить «Венценосцев Британии».

Джуэйт несмело улыбнулась.

— Значит, я не уволена?

Тихий смех не позволил разобрать ответные слова Морхауза. Повернув массивную бронзовую ручку, он открыл дверь.

— Надеюсь, вы докажете свою незаменимость, мисс Рейли. Я редко ошибаюсь в людях и не склонен придавать особого значения их фантазиям или снам.

— Благодарю вас.

— Не стоит. Мне было приятно убедиться, что вещи Оливии пришли к вам впору. В этой пижаме вы просто обворожительны. Спокойной ночи, мисс Рейли. И приятных сновидений.

Прежде чем неожиданный комплимент вызвал краску у нее на щеках, он вышел, затворив за собой дверь с уже знакомой стремительностью. В смущении Джуэйт поднялась с постели, замкнула дверь и еще раз проверила засов. Недавние события обескураживали своей нелогичностью, ирреальностью.

Оставив свечу догорать на шифоньере, она с приятным ощущением безопасности вернулась в постель. Завтра утром следует поговорить с Диккенс: возможно, ей что-нибудь известно о загадочной гостью. Пожалуй, это единственный способ выяснить, что было сном, а что — явью. Предстоящая встреча с миссис Морхауз рассеет многие подозрения. Несчастная женщина, обреченная страдать в неподвижности...

Если бы не туман! Или немного лунного света вместо свечи! Она могла бы отчетливее рассмотреть черты лица загадочной незнакомки. Туман обманывает и порождает обман, как заметил хозяин дома. Многие писатели черпали в нем инфернальное вдохновение: населяли промозглый сумрак своими фантазиями. Что ж, такое объяснение вполне возможно. Возможно все — в том числе и женщина, исчезающая без следа из запертой комнаты...

Джудит постаралась не думать о ней. Расслабившись, подтянула теплое одеяло до подбородка, устало прикрыла веки. Однако мозг продолжал бодрствовать. Как и чувства.

Ожидание сна наполнило образы новой силой и красками. Вспыхнули воспоминания, и вновь в ночном мраке кривлялось и танцевало призрачное лицо; неслось приглушенное эхо стенаний; неизъяснимая печаль смотрела из глубины прекрасных глаз...

Печаль... и безумие.

Глава пятая

Утренние часы принесли новые впечатления, волнующие и разочаровывающие, забыть которые Джудит была не в силах. Прошедшая ночь отпечаталась в памяти прикосновением страха и тайны, которых не смог изгладить пасмурный рассвет, пробудивший особняк в Челси-Саут. Казалось, вместе с брезжущими первыми лучами в атмосферу дома вторглось нечто особенное, загадочное, незабываемое. Неведомый мир, не похожий на все виденное ранее, глянул в затянутые белесым сумраком окна.

После утреннего туалета, переодевшись в бывшее на ней накануне платье, Джудит еще раз осмотрела комнату. Как и вчера, не было даже намека на потайной выход. Единственную возможность давала массивная входная дверь. Смутное предчувствие шевельнулось в груди, несмотря на уверения Джейфри Морхауза. Однако сомнения недолго владели сердцем: дневной свет оказался губителен для ночных страхов. Джудит ощущала себя посвежевшей, словно рожденной за-

ново после отдыха, и нескольких минут у окна было вполне достаточно, чтобы поднять ее настроение.

Рваные нити тумана, словно паутина, покрыли местность. Сразу за домом начиналась густая роща, заслонявшая дальний вид и участки соседей. Густая стена деревьев протянулась, насколько хватало глаз, затемняя разгоравшийся в лучах солнца горизонт. Ели, дубы, вязы выстроились по гребню покатой возвышенности, которая опоясывала особняк. Прямо под окном находилось небольшое патио*; каменный пол слагали разноцветные плиты различной формы. Легкие плетеные стулья, выкрашенные белой краской, стояли вокруг стола такого же цвета, опиравшегося на металлические ножки. Ухоженная изгородь из высоких, похожих на папоротники растений, завядших в суровом климате, отделяла дом от соседства рощи. Из окна было затруднительно определить природу растений.

Когда Джудит наконец спустилась вниз, настала очередь изумляться великолепию самого Челси-Саут. Коридоры и переходы, которые вели в нижнюю часть здания**, в тусклом утреннем свете выглядели совсем иначе. Пламя свечей набрасывало на стены и потолки покров мрака и тайны. Теперь же, при дневном освещении, пусть и не столь ярком в этот ранний час, атмосфера враждебности, окутывавшая дом накануне, рассеялась. На бумажных обоях стен простили мягкие цветочные узоры. Балки, потолочные перекрытия, выдававшиеся по углам и в полумраке над головой, рождали приятное ощущение уверенности и комфорта.

Полы коридоров без всякого видимого порядка чередовались от дубовых досок до каменных плит. Вековая давность пропитывала воздух и стены здания: казалось, их спокойствие ничто не может нарушить. Спускаясь по винтовой лестнице, продолжение которой уходило глубоко в полумрак верхних этажей Челси-Саут, Джудит испытывала необычную легкость. Да, при свете дня все выглядело совершенно иначе.

* Внутренний дворик.

** Архитектура особняка предполагает разные уровни в пределах одного этажа. Подобное устройство можно наблюдать в церкви: амвон и ризница приподняты над молельным залом.

Через всю прихожую до дубовой входной двери тянулась ковровая дорожка. Темно-каштановый узор и сочные древесные тона приятно ласкали глаз. Слева стояли высокие старинные часы. В глубине прихожей, под массивной аркой виднелся вход в студию, чуть поодаль — еще одна крепко сколоченная дверь. На стене рядом поблескивала тяжелая позолоченная рама, заключавшая овальный портрет. Джудит пообещала себе, что рассмотрит его при первой же возможности. В нынешнем положении было бы по меньшей мере бес tactно бродить по дому с праздным видом завсегдатая картинной галереи. В дальнейшем, когда улягутся первые впечатления, будет достаточно времени удовлетворить свое любопытство.

При всей независимости характера, Джудит отчетливо различала ту грань, которая отделяет свободу поведения от заурядной невоспитанности. Сиротский приют, актерские годы в Бостоне научили ее, как подобает вести себя настоящей леди.

Старинные часы внезапно ожили. Серебряный колоколец отозвался глухим мелодическим боем. Восемь ударов, и Джудит с облегчением вспомнила про утренний распорядок. Благодаря стремительному провалу «Генезис Опера» у нее не осталось ни средств, ни возможности обзавестись собственными часами. К тому же общественное мнение твердо сходилось на том, что хорошеньким женщинам незачем беспокоиться о времени суток. Даже актрисам, жизнь которых подчинена расписанию. Наручные часы только-только входили в обиход в далекой Америке, где не последнюю роль в их распространении сыграл колоритный облик мистера Ричарда Дэвиса*. Именно его настойчивость свела на нет стойкое предубеждение против «излишне женственных», как считалось тогда, украшений. Однако Джейфри Морхауз, по-видимому, не носил наручных часов. Разумно было предположить, что он предпочитает традиционные хронометры на золотой или серебряной цепочке, которые носят в специальном кар-

* Дэвис, Ричард Хардинг (Davis, 1864—1916) — американский писатель и журналист, военный репортёр. Способствовал популяризации идеи наручных часов.

манчике жилета. Устойчивость привычек или еще одна любопытная деталь в поведении хозяина дома?

— А, вот и вы.

Спокойный голос за спиной заставил Джудит резко обернуться.

Возле входа в студию стоял Джейфри Морхауз. В сравнении с прошлым вечером он казался значительнее и выше, однако эта перемена никак не отразилась на его манере держаться — училиво, с легким оттенком снисходительности. Темные волосы разделял аккуратный пробор, на лице застыла приветливая улыбка. Этим утром он надел темно-синий костюм из тонкой материи; вчерашний галстук заменил алый шейный платок, повязанный вокруг горла и выступающий из-под высокого воротничка белоснежной рубашки. Сердце Джудит затрепетало, но она лишь сдержанно улыбнулась. Облик хозяина дома не допускал излишней чувствительности.

— Доброе утро, мистер Морхауз.

Взгляд темных глаз задержался на ее фигуре. Невозможно было понять, о чем он думает: мысли Джейфри Морхауза были так же трудны для толкования, как и его поступки. Его слова развеяли возможное недоумение.

— Ваша пунктуальность представляется мне хорошим предзнаменованием. Диккенс, должно быть, передала вам, что завтрак подают ровно в восемь?

— Да, она говорила.

— Отлично. И вы поймали ее на слове. — Он склонился в полушутливом поклоне, протягивая руку по направлению к двери под аркой. Глаза поблескивали с каким-то внутренним удовлетворением, которое он не желал ни с кем делить. — В гостиной накрывают для небольших трапез. Однако вы убедитесь, что завтрак в Челси-Саут представляет собой нечто грандиозное. Прошу вас, мисс Рейли.

Почти не задумываясь, она шагнула вперед. Джейфри Морхауз посторонился, пропуская ее. Зашуршали оборки юбок, задевших его.

— После завтрака, — без всякого выражения проговорил он, — мы поднимемся наверх, и я познакомлю вас с моей женой. Думаю, она вам понравится. Что касается ее, то положение, в котором она обречена про-

водить дни, требует хотя бы незначительной перемены обстановки. В любом случае, вы сможете сами убедиться, что ваше ночное приключение почерпнуто из области фантазии.

— Я буду рада, если...

Она замерла на пороге комнаты. Блеск хрустальной посуды, тяжелые портьеры на стенах, лепной орнамент потолка сверкали великолепием. Густота и непроницаемость красок, искры стекла величественно переливались под сводом столовой залы. За всю жизнь Джудит не приходилось видеть подобной комнаты. Даже среди театральных декораций. Переступив порог, она словно совершила путешествие во времени. В центре залы возвышался прямоугольный стол восемнадцатого столетия, за которым когда-то проводили часы досуга, разговаривая и сверкая драгоценными украшениями, благородные рыцари и их дамы. Старая добрая Диккенс деловито сновала чуть поодаль, переставляя и разнося блюда на серебряных подносах. В своем черном платье и старомодном переднике она выглядела, словно пришелец с другой планеты. Или как самый настоящий диккенсовский персонаж.

Джудит со смущением ощутила провинциальную простоту своего американского платья, столь чуждого великолепию старинной британской обстановки.

— Садитесь, где вам понравится, — прошелестел над ухом голос Морхауза, — хотя я предпочел бы, чтобы вы заняли место напротив меня, в противоположном конце стола. Мне кажется, это настроит нас на нужный лад перед предстоящей работой. Вы не забыли об этом, мисс Рейли?

Джудит молча кивнула.

С ее места за длинным, уставленным сверкающими приборами столом Джейфри Морхауз казался сказочным королем, устраивавшим пиршество в своем загородном дворце. Обилие блюд и роскошная сервировка выгодно отличали эту раннюю трапезу от унылого окружения, в котором предстал вчера дом. Яркие краски стола и блики бокалов потеснили серые булыжники мостовой, фонари и бурье лужайки, пропитанные туманом. Все было так замечательно. И необычно.

— Попробуйте лосося,— произнес Джеффри Морхауз, снимая сверкающую серебряную крышку с огромной кастрюли.— Считается, что вы не побывали в Англии, если не завтракали свежим лососем...

Джудит послушно приняла предложенную порцию. Ошеломленная изысканностью обстановки, она не находила слов, словно сквозь дымку воспринимая происходящее.

Столовая зала сверкала и переливалась, как настоящий мираж. Или чарующий сон. Казалось чудом, что она не просыпается и продолжает видеть его.

* * *

— Ливви, ты уже встала? Я обещал познакомить тебя с новым секретарем...

Джудит в очередной раз не могла скрыть своего изумления, когда Джеффри Морхауз проводил ее в покой хозяйки особняка Челси-Саут. Если столовая зала выглядела столь внушительно, то спальне Оливии Морхауз могла бы позавидовать и королева.

Долгое восхождение по винтовой лестнице, с тяжелыми перилами из красного дерева и мягким ковром на ступенях, вполне соответствовало открывшемуся великолепию.

В богато убранной постели, спиной опираясь на белоснежные подушки, полулежала женщина, приветливо смотревшая на Джудит.

— ...Это мисс Рейли, дорогая. Она будет помогать мне в работе над книгой. Должен добавить, что ее знание предмета выше всяких похвал. Такое трудно предположить, если принять во внимание ее возраст!

— Джеффри, ты несносен. Не обращайте на него внимания, мисс Рейли. Он очень мил, несмотря на свою чопорность. Подойдите ближе. Дайте взглянуть на вас...

— Ливви, мы не хотели бы утомлять тебя. Я намереваюсь приступить к работе с сегодняшнего дня.

— Только послушайте его. Пожалуйста, Джефф, раздвинь шторы. Спасибо, ты так любезен...

Оживленное сопрано Оливии Морхауз, тихое, мелодичное, принадлежало настоящей леди, с колыбели воспитанной в аристократических традициях. Джудит

особенно остро почувствовала собственную незначительность. Изысканность обстановки, гобелены на стенах и гигантское трюмо, в зеркалах которого отражались дверь и массивная кровать под пологом; пушистые ковры на отполированном полу и тонкие, почти прозрачные занавески, колыхавшиеся по бокам стрельчатых, доходящих до потолка окон,— все это подавляло своей помпезностью. Необычной была не столько роскошь, сколько сам стиль, в котором поддерживался дом.

Джудит ощущала себя шагающей по яичным скорлупкам: очень тонким, изящным и дорогим. Словно ее поселили в стеклянном замке, где одно неосторожное движение грозит катастрофой. Ощущение было тем неприятнее, что ей никогда не приходилось испытывать его раньше.

Тишину комнаты не нарушали даже звуки беседы: казалось, что воздух от пола до потолка полон невидимых хлопьев гагачьего пуха.

Она едва осознавала, как Джейфри Морхауз, раздернув шторы на окнах — в комнате стало заметно светлее, — возвращается, чтобы подвести ее к глубокому, с высокими подлокотниками креслу рядом с постелью. Теперь она сидела на одном уровне с продолжавшей рассматривать ее женщиной. Во взгляде не было ни любопытства, ни угрозы. Однако Джудит ничего не могла поделать с неожиданно охватившим ее волнением. Выпрямившись, насколько это было возможно, она положила на колени ладони, стараясь успокоить неприятную дрожь.

Джейфри Морхауз остался стоять за спинкой кресла, где Джудит не могла его видеть. Со странным чувством облегчения она подняла глаза на женщину, лежавшую на постели: Оливия Морхауз, если это была она, ничем не напоминала безумное видение прошлой ночи. Перед Джудит была красивая женщина с точечными чертами лица и кроткими, поразительно мягкими манерами. Подобную утонченность можно встретить в картинах китайских мастеров или же в представлениях японских актеров. Хрупкое тело Оливии Морхауз утопало в кружевах пижамы, голова казалась большой; но это было только первое впечатление. Длин-

ные, очень светлые волосы были уложены в тяжелую диадему, венчавшую продолговатое, грациозное лицо.

Укрытые толстым стеганым одеялом, контуры ног были едва различимы и неподвижны. Лишь беспрестанное движение тонких аристократических рук выдавало внутреннее состояние лежавшей. Ее карие глаза — дружелюбные, как и голос, и столь же холодные, как и манера держаться, — вблизи странно затуманивались время от времени набегавшей пеленой. Нигде не было видно ни трости, ни иного предмета, на который Оливия Морхауз могла бы опереться при передвижении.

— Вы знаете, мисс Рейли, я думаю, что Джейфри прав. Вы еще так молоды, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Не будет ли нескромным, если я спрошу о причинах, побудивших вас искать работу?

— О, нисколько, миссис Морхауз. Я решила оставаться в Лондоне, потому что мне понравился город. Объявление вашего мужа появилось как раз в тот момент, когда у меня подходили к концу мои сбережения. Понистине, это был перст судьбы для меня.

— Понимаю. — Взгляд карих глаз скользнул с лица Джудит поверх кресла, где стоял Джейфри Морхауз. — Если ты собираешься изнурять нашу гостью работой, Джейф, тебе придется держать ответ передо мной. Как восхитительно видеть столько независимости в таком юном создании!

— Да, дорогая, — ровным голосом отозвался Джейфри Морхауз.

Глаза Оливии снова остановились на Джудит; улыбка озарила ее бледное лицо подобно лучу солнца. Какое-то мгновение живительное излучение пронизывало все ее тело.

— Могу я просить вас о снисхождении, мисс Рейли?

— Конечно. — Джудит почувствовала, что щеки ее краснеют, как от комплимента.

— Пожалуйста, мне будет очень приятно, если вы станете называть меня Оливией. А я буду звать вас Джудит. Джейф сказал мне ваше имя. Мы еще не настолько состарились, чтобы, обращаясь друг к другу, прибегать к чопорным титулам. Вас не обидела моя просьба?

— О нет, напротив, — с поспешностью согласилась Джудит.

На вид Оливии Морхауз было немногим более тридцати, если не меньше. Болезненная бледность не позволяла точно судить о ее возрасте. Про себя Джудит решила больше никогда не затрагивать в разговоре болезнь хозяйки Челси-Саут.

— Прекрасно. Значит, мы договорились, — миссис Морхауз вновь просияла улыбкой. — Думаю, вам понравится в нашем доме. Джефф...

— Да, дорогая.

— Мне нужно отдохнуть... немного. — С побелевшим лицом Оливия откинулась на подушки, закрыла глаза. — Приходите еще, Джудит. В любое время. Но сейчас мне необходимо отдохнуть. Я так устала... — голос слабел, так что Джудит приходилось угадывать слова по движениям губ. Казалось, хозяйка особняка засыпает у нее на глазах. Под натянувшейся кожей проступили глубокие тени и выпуклости костей. Почувствовав на плече прикосновение руки Джеффри Морхауза, Джудит послушно поднялась с кресла. Эсквайр подошел к постели; наклонившись, нежно поцеловал жену в лоб. Джудит отвернулась, понимая, что она лишняя в этой сцене.

— ...Спасибо, Джефф. Ты очень добр...

— Отдыхай. Я загляну к тебе после чая.

Оливия Морхауз что-то прошептала в ответ. Ее супруг выпрямился, с непроницаемым лицом приблизился к Джудит и, взяв ее под локоть, вывел из комнаты. Осторожно, словно вход в святилище, закрыл за собой дверь.

В спокойной тишине коридора он остановился; тонкая морщинка прорезала его лоб. Джудит почувствовала укол совести.

— Надеюсь, мы не повредили ей ранним визитом? Она такая милая...

— Нет-нет, — торопливо проговорил он, — нас ждали.

— И она всегда так быстро устает?

Джудит запнулась, смущенная. Возможно, об этом не следовало говорить так открыто. Вымученный, тихий смех разрядил ее виноватое молчание.

— Так быстро? К сожалению, да. Это проклятие Ливви. Разумеется, причиной всему несчастный случай с ее ногами, но я никогда не понимал этих молниеносных переходов от возбуждения к полнейшему изнеможению, как, например, сейчас.— Он повернулся, направляясь к лестнице.— Постарайтесь больше не думать об этом. Идемте. Я с нетерпением ожидаю начала нашего союза. Так поразившая ваше воображение студия, думаю, вполне подойдет для наших занятий.

Он протянул ей руку, увлекая вниз по ступеням. Джудит молчала. Хотя было понятно, что последнее замечание Джейфри Морхауза относится к монографии о британских династиях, его выражение «наш союз» неприятно задело ее своей двусмысленностью. Глупая мысль, впрочем, если принять во внимание, что он уже женат и любит свою жену.

Однако он был привлекателен, его манеры — настоящего джентльмена — очаровывали, и Джудит не могла не замечать этого.

— Мисс Рейли?

Они шли вдоль длинного, тускло освещенного коридора.

— Да, мистер Морхауз?

— Прошу вас, не надо жалеть меня.

— Но я...

— Не нужно оправдываться. Вы тоже женщина. Хорошо воспитанная и, очевидно, сентиментальная юная леди. Я повторяю, мне не нужна жалость. Я не только не принимаю ваше сочувствие, но и не позволяю его. Вы понимаете? Это условие.

— Да, понимаю.

— В вас больше здравого смысла, чем я ожидал. Предлагаю обратить все ваши помыслы к древним королям и их потомкам. Сегодня ваша память подвергнется основательному испытанию.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Морхауз.

Ответ развеселил его. Всю дорогу вниз он продолжал смеяться, и его смех невеселым эхом отражался в ушах Джудит Рейли. В безрадостном отклике стен слышалась уязвленная гордость и мучительная боль переживаний. Чувства, угнетавшие хозяина Челси-Саут, — страдание ли за больную жену или что-то другое — было невозможно постичь в одно утро. И быть

может, не удастся постичь никогда. Натура этого человека была слишком сложна, чтобы раскрыться без остатка в коротком знакомстве. И тем более для этого было недостаточно тех немногих часов, которые Джудит провела в обществе Джейфри Морхауза.

Старинные часы в прихожей пробили десять, когда Джейфри Морхауз распахнул перед Джудит двери в рыцарскую залу. Словно зачарованная она перешагнула порог в мир спящего средневековья. Воля создателя залы поработила ее, затмив светлый горизонт зловещей тенью Джейфри Морхауза.

— Вы готовы, мисс Рейли?

Он повернулся к ней, непомерно высокий в архаичном убранстве залы. Джудит постаралась не обращать внимания на комок, возникший в горле.

— Да, мистер Морхауз.

— Хорошо. Полагаю, нам следует начать с чего-нибудь необычного. Устраивайтесь поудобнее за столом, пока я подберу вам работу...

В эту минуту жребий был брошен.

Глава шестая

Гора фолиантов, которую Джейфри Морхауз возводил на огромном столе в рыцарской зале, к середине дня понемногу начала оседать, приобретая обозримые очертания. Хозяин Челси-Саут с головой погрузился в работу. Усадив Джудит Рейли в удобное кресло за гигантским столом и поручив ей разбираться в книгах, он удалился в противоположный конец залы, где расположился за громоздким подобием парты, составленной из двух объемистых тумб, накрытых чудовищного размера дубовой доской. Восковые свечи по бокам освещали прямую спину Морхауза, склонившегося над рукописью. Его рабочее место находилось по правую руку от Джудит. Со стены напротив грозно оскалилась морда вепря; матово поблескивали щиты и доспехи, развешанные вокруг. Слабо потрескивал камин; угли мерцали, готовые вновь вспыхнуть. В комнате было тепло и уютно. Отсутствие электрического освещения, так и не исправленного, в избытке восполняли расставленные по углам канделябры и стенные свечи, отбрасывающие

сыавшие мягкие полукружья на холодные плиты пола. Несмотря на непривычность обстановки, Джудит чувствовала себя превосходно. Для чтения и занятий эта исторгнутая из течения времени зала была идеальным местом. Каждая секунда под ее сводами отсчитывалась в глубь истории.

Письменные принадлежности, которыми хозяин Челси-Саут снабдил свою новую секретаршу, состояли из стопки линованной бумаги и полудюжины остро заточенных карандашей. Сам он вооружился старинным гусиным пером. Непостижимым образом это приспособление не выглядело архаичным в его тонкой, изящной руке, хотя в состоятельных кругах британской столицы уже входили в употребление чернильные ручки, изобретенные мистером Уотерманом. Разумеется, Джейффи Морхауз мог позволить себе тысячу таких ручек! И все же более естественным он выглядел при свете свечи с длинным гусиным пером, поскрипывающим в руке. Грозное окружение доспехов, газовые рожки и старинного вида приборы удивительно дополняли его облик. Как и роскошная обстановка дома, ее владелец также принадлежал ушедшей эпохе.

Инструкции, которые Джудит получила перед началом работы, были краткими и исчерпывающими.

— Мне нужно, чтобы вы подыскали один-два колоритных или, скажем, просто запоминающихся эпизода из жизни каждой монаршей особы. Это необходимо, чтобы составить сильное предисловие к первой из серии моих книг. Немного горячей крови оживит сухость изложения. Вы улавливаете мою мысль, мисс Рейли?

— Кажется, да. Вам необходимы сочные, но малоизвестные факты,— она позволила себе сдержанно улыбнуться.— Нечто вроде случая с Авраамом Линкольном, который отпустил бороду по просьбе маленькой девочки, написавшей ему письмо. Однако наши случаи должны быть из британской истории, разумеется.

Пролегшая между бровей морщинка на его лице разгладилась.

— Да, именно это от вас и требуется. Такой поиск займет львиную долю вашего времени. На случай, если потребуется моя помощь, я буду рядом, за своим сто-

лом. Не стесняйтесь спрашивать, если возникнут какие-нибудь затруднения.

— Обязательно, мистер Морхауз.

— Договорились. Прошу вас, приступайте.

Резко развернувшись на каблуках, он вернулся на свое место в углу залы, между тем как Джудит, в последний раз подумав о странной фигуре хозяина Челси-Саут, с жаром атаковала скопившуюся на столе груду фолиантов. Работа увлекла ее, и очень скоро она затерялась среди выцветших букв и пыльных страниц.

Разбираться в старинных книгах было нелегким занятием: ветхие тома слежались, некоторые потеряли переплеты, уголки страниц. Джудит осторожно прошмыгивала их, отвлекаясь лишь для того, чтобы перенести на бумагу интересующие ее подробности. Прошло совсем немного времени, и перед ней лежал внушительный список карандашных набросков. Сумрачную тишину залы нарушало лишь потрескивание камина да царапающий звук пера, доносившийся из угла, где расположился Джейфри Морхауз. Время летело незаметно.

Благодаря давнему интересу к английской истории, задача оказалась несложной, даже захватывающей. Читать и разбираться в действиях королевских особ для Джудит было таким же удовольствием, какое для многих пожилых леди, здравствующих ныне, представляет просмотр свежих сообщений газетной светской хроники. Работа углубляла ее собственные представления о прошлом, к тому же было приятно узнать, что, помимо ореола славы, британские монархи обладали чисто житейскими слабостями и привычками.

Список подробностей из их жизни, казалось, можно было продолжать до бесконечности. Некоторые из них оказались неожиданными, и таким находкам Джудит радовалась особенно.

Генрих V торжественно оттачивал свой меч, прежде чем отплыть во Францию. Генрих II и Томас Беккет помимо теплых, дружеских отношений были известны и тем, что охотно уступали друг другу своих фавориток. Так продолжалось до тех пор, пока религиозные споры не развели друзей по браждающим лагерям: один из них так и остался королем, в то время как другой перешел в лоно церкви. Вильгельм Завоеватель получил венец в 1078 году, когда был воздвигнут лон-

донский Тауэр. Первоначально башня служила королевской резиденцией и крепостью, лишь позднее превратившись в легендарную тюрьму, где первой сложила голову на плахе такая знаменитая фигура, как Анна Болин. Анна допустила серьезный просчет, недооценив Генриха VIII. Елизавета I утратила большую часть волос еще до того, как ей минуло тридцать лет, и, чтобы скрыть это прискорбное обстоятельство, была вынуждена привбегнуть к помощи накладок и париков. Собранная ею коллекция была поистине впечатляющей. Королевская карета Эдуарда VII перевернулась прямо напротив входа в Регентский парк. Леди Джейн Грей была обезглавлена в 1554 году после девятидневного царствования на английском престоле. Мария I, наследница дома Тюдоров, получила прозвище Кровавая Мэри.

Время неумолимо спешило вперед.

Странно, в студии отсутствовали часы. Хотя отсутствовала и необходимость сверяться с ними. Сосредоточенность Джейфри Морхауза, занятого рукописью, не потерпела бы вмешательства извне, будь то стук ходиков или любой посторонний шум. Он казался целиком поглощенным работой. Как и Джудит Рейли. Оба напоминали библиотекарей или архивариусов, чья жизнь посвящена единственной цели — чтению книг и поиску знаний. Сухо потрескивал камин в унисон поскрипыванию пера и карандаша, шелесту переворачиваемых страниц.

Едва уловимый, чужеродный звук нарушил гармонию: глухое постукивание возникло прямо над головой. Джудит подняла глаза к сводчатым перекрытиям. Звук повторился, на этот раз громче — знакомое *томп-томп*, — словно трость, постукивающая по доскам пола. Джудит покосилась в сторону Джейфри Морхауза. Он должен был слышать звук, однако его аристократический профиль оставался непотревоженным; склонившись над рукописью, он продолжал писать.

То, что вчера она приняла за постукивание трости Оливии Морхауз, было вызвано, очевидно, иными причинами. Комната хозяйки дома располагалась в восточном флигеле, и едва ли, даже если допустить такое, больная женщина могла так удалиться от своей спальни. Джудит вновь испытала прилив необъяснимой тревоги. Кто мог производить этот странный шум? И было ли это постукиванием трости?

Рабочее настроение не возвращалось; затаив дыхание, она прислушивалась к ударам над головой. *Томп*, пауза, снова *томп*. Ритм подчинялся определенной закономерности.

Больше она не могла выдержать. Неужели, кроме нее, никто не замечает постукивания? Она сдержанно кашлянула. Кашлянула еще раз, чуть громче, и на этот раз действие возымело эффект. Джейфри Морхауз выпрямился в своем кресле, повернув голову; прядь черных волос упала на лоб. Его лицо, озаряемое камином, выражало недовольство.

— Да, мисс Рейли?

— Вы ничего не слышите? — с любопытством спросила она.

— Что именно я должен слышать?

— Ну... шум, — внутренне опасаясь, что может задеть болезненный для него предмет, она указала на треугольный свод готического потолка. — Кто-то ходит наверху с тростью...

Он поднял глаза к потолку. Джудит выжидающе смотрела на его лицо. На нем не дрогнул ни один мускул.

— Нет, это только кажется, — просто ответил он. — Здание очень старое; деревянные надстройки соседствуют с каменным основанием, и подобное соседство создает порой необъяснимые звуки. На крыше отстает черепица, скрипят половицы, сквозняк — в их шорохах можно вообразить что угодно, — он пожал плечами. — Как вы могли убедиться сегодня утром, Оливия не в состоянии покинуть восточный флигель без посторонней помощи. Мы же находимся сейчас в главной части дома.

— Наверное, вы правы... — Джудит запнулась, смушенная, непроизвольно напрягая слух и пытаясь снова различить постукивание. Удивительно, звук исчез. Наступившая тишина плотно впиталась в уголки здания. — Мне следует привыкнуть.

— Несомненно.

— Извините, что отвлекла вас, мистер Морхауз.

— Ничего. Как продвигается ваша работа?

— О, — она просияла, радуясь перемене темы, — на мой взгляд, очень неплохо. У вас обширная библиотека, так что, несмотря на мое знакомство с историей,

я узнала много нового о дворцовых курьезах. Как ни печально, все короли и королевы прежде всего были простыми смертными.

— Да, — он кивнул с грустным видом. — Отважные сюзерены и преданные вассалы...

Он устало откинулся на спинку кресла, устало прикрыл ладонью глаза. Помедлил, собираясь с мыслями. Джудит с интересом наблюдала, как из внутреннего кармана пиджака он извлекает золотой хронометр с крышкой, откидывающейся при нажатии пальца. Одна из загадок Джейфри Морхауза была разрешена: он обходился без наручных часов. Вероятно, хронометр был фамильной реликвией. Такой массивной цепочки и обильной россыпи бриллиантов, сверкавших, словно капли росы в лучах солнца, ей еще не доводилось видеть. Спрятав часы, Джейфри Морхауз коротко улыбнулся.

— Четверть первого. Мы потрудились изрядно. Как вы смотрите на чашку горячего чая?

— С удовольствием.

— Отлично. Тогда загляните на кухню и поторопите Диккенс. Не задерживайтесь. Диккенс сама принесет чай, когда приготовит. Прошу извинить мне отсутствие звонка для вызова слуг, но я предпочел ничего не менять в этой комнате.

Джудит поднялась со своего места, чувствуя, как от долгого сидения затекли ноги. Можно было надеяться, что хозяин Челси-Саут останется доволен ее работой. Словно угадав, о чем она думает, он задержал ее взмахом руки.

— Могу я взглянуть на ваши заметки, мисс Рейли? Мне будет полезно удостовериться, что вы на верном пути. В такой работе нам не следует пересекаться.

— Конечно. Я буду польщена, мистер Морхауз...

— Хорошо. Давайте их сюда и отправляйтесь распорядиться насчет чая.

— Сейчас.

Собрав непослушными руками бумаги, она прошла в противоположный угол студии, протянула ему исписанные листки. Легкая дрожь пробежала по телу, когда тонкие пальцы Джейфри Морхауза коснулись ее ладони. Трудно было противиться магнитическому воздействию этого человека, одновременно чарующего

и загадочного. Передав стопку бумаг, она повернулась и, пока за ней не закрылась дверь, явственно ощущала, как его глаза провожают ее. Гордо выпрямив спину, она покинула рыцарскую залу с грацией, подобающей настоящей леди. Из головы совершенно вылетело воспоминание о постукивании, мешавшем во время работы.

В мечтательном настроении она прошла коридором до кухни. Радостные предчувствия теснились в груди, сердце волновало доселе неведомые струны. Странно, она даже не догадывалась, что происходит с ней. Ее жизнь переменилась так быстро и неожиданно, что не осталось времени принять новое чувство: ощутить состояние, которое называют влюбленностью.

Дом притих, словно кладбище. Диккенс была занята на кухне. Стоя на каменном полу, она отчищала разделочную доску, которую оперла о стол и, периодически окатывая ее горячей водой, с ожесточением натирала намыленной щеткой.

— Добрый день, Диккенс. Мистер Морхауз просил подать чай в студию.

— Хорошо, мисс. Полагаю, на вас тоже готовить?

— Если... да. Сегодня было много работы.

— Умм-ф. Хозяин превращается в черта, когда усаживается за свои книжки. Вам можно только почувствовать, мисс. Сейчас все будет готово.

— Спасибо, Диккенс.

Протянулась небольшая пауза. Запах грубоватого хозяйственного мыла, желтый брускок которого лежал на полке, и пар, поднимавшийся от горячей воды, приятно щекотали ноздри, принося ощущение чистоты и благополучия.

— Вы хорошо себя чувствуете, мисс?

— А? Да, спасибо, просто превосходно, Диккенс. Почему вы спрашиваете?

— Не знаю. Мне показалось, у вас странный цвет лица. Может быть, вы заболели? Ближайший доктор живет в миле от дома, телефона нет. А это значит, слу-чись что, и старая добрая Диккенс полезай на облучок и кати улаживать неприятности. Кстати, вы напомнили мне, что после обеда я должна забрать и привезти ваши вещи.

— Мне очень неприятно, что вам приходится беспокоиться. Вы могли бы привезти их, когда вам будет удобно.

— Гм. Значит, с вами все в порядке?

— Абсолютно. Мне пора возвращаться. Он такой удивительный человек, ваш хозяин, и миссис Морхауз...

Было так естественно доверить Диккенс свои мысли и чувства. Разговаривая с этой полной, добродушной женщиной, которая столь сердечно приняла ее с момента первой их встречи, Джудит могла не задумываться над сказанным.

— Говорите, мисс. Вы что-то хотели сказать.

— ...она такая замечательная. И красивая. Настоящая леди. Я влюбилась в нее с первого взгляда.

— Она достойна вашей любви, мисс Рейли. Но сейчас мне пора готовить чай. Поговорим попозже.

На обратном пути, отойдя от кухни, Джудит не могла устоять перед искущением. Тихий коридор со старинными ходиками все еще скрывал свою тайну. Овальный портрет под стеклом в рамке. Контуры его тускло отсвечивали в нескольких шагах от входа в рыцарскую залу. Затаив дыхание, Джудит на цыпочках прокраалась по ковру, устилавшему каменные плиты, и остановилась перед портретом. По традиции тех лет украшения располагали почти под самым потолком, оставляя большую часть стен свободными, и рассмотреть изображение можно было лишь вблизи. Из комнаты, где находился Джейфри Морхауз, не доносилось ни звука. Повинуясь обжигающему любопытству, Джудит подняла глаза.

Красота изображенной женщины казалась невероятной. Краски и кисть неизвестного художника передали ее с поразительной точностью. Розовая свежесть лица, темные локоны, улыбка, напоминавшая улыбку Джоконды,— все это могло принадлежать живому существу. Пыль веков еще не успела потеснить краски. Платье на женщине было обычным для начала века, когда в моде еще оставались викторианские кружевные воротнички и пышные манжеты. Стекло, закрывавшее холст, выглядело необычно для масляного письма. Портрет был четырех футов высотой и почти трехши-

риной: темные краски приковывали внимание. Джудит с изумлением рассматривала изображение.

Леди перед ней ничем не напоминала Оливию Морхауз, госпожу Челси-Саут.

Неуловимая угроза, исходившая из темных глаз, принадлежала недавнему прошлому. Это казалось невероятным, странным. Если бы она могла доверять своим чувствам... Портрет обладал поразительным сходством с призрачной гостьей: лицо, искаженное свечным пламенем, полночные страхи... Джудит тряхнула головой, прогоняя воспоминания.

Нет, нет. Это невозможно.

И все же портрет принадлежал загадочной незнакомке.

Чем объяснить это совпадение?

Безнадежны попытки проникнуть в тайну, где уликами предстают сны и призрачные видения в окнах. Мысли возникали, путались, сбивались. Новые предчувствия тревожно вползали в сердце. Джудит поежилась, словно от холода. Для размышлений было не самое подходящее время. В студии ожидал Джейффири Морхауз, и задерживаться дольше было бы неразумным.

Оставив в полутемном коридоре портрет, она поспешила к двери в рыцарскую залу. Загадки рано или поздно разрешаются, иногда сами собой — необходимо только терпение.

— А, мисс Рейли.

— Диккенс сейчас принесет чай.— Запыхавшись, она опустилась на свое место за гигантским столом. Джейффири Морхауз повернулся от камина, где длинной кочергой перемешивал угли. Его мужественное лицо казалось отлитым из бронзы в сверкании огня. Джудит почувствовала, как подпрыгнуло сердце; на столе перед креслом лежали ее заметки, аккуратно сложенные стопкой.— Надеюсь, вы нашли интересными мои поиски...

— Отбросьте дурные предчувствия, мисс Рейли. Пока вы отсутствовали, я еще раз возблагодарил собственную проницательность, позволившую мне дать вам работу.

— Вы считаете... — она не смогла сдержать охватившей ее радости. Теплой волны, захлестнувшей все ее существо.

— Я считаю, что вы идеально подходите к той задаче, которую я поставил перед собой. Быстрота восприятия, свежесть мысли позволяют вам без труда вникнуть в суть дела. Ваши заметки превосходны. Да, превосходны.

— Очень рада слышать это, мистер Морхауз.

— Я ничего не преувеличиваю. У вас талант настоящего исследователя. Думаю, скоро мы будем понимать друг друга с полуслова.

— Я уверена в этом!

Ее излишняя горячность, кажется, удивила Морхауза, однако он ничем не проявил своих чувств.

— Хорошо. После чая мы вновь приступим к работе. Вам придется дополнить список королевских при чуд. Вы не утомились?

— Нисколько. Я готова работать хоть всю ночь.

— Этого не потребуется, во всяком случае сегодня. Любопытно, я всегда думал, что американцы склонны отдать пальму первенства кофе перед чаем. У вас, я вижу, чисто британские привычки.

— Нет, я всегда предпочитала чай. Кофе мне не нравится. Мистер Морхауз...

— Да?

— Я не могла не обратить внимание на этот чудесный портрет в прихожей. Восхитительные краски. Эта женщина приходится вам... я хочу сказать, что, очевидно, портрет написан...

Она не могла удержаться, чтобы не спросить о картине, так поразившей ее мысли. Но еще поразительнее была метаморфоза, происшедшая с лицом Джейфри Морхауза. Мертвенная бледность сделала бесстрастными, словно маска, его черты; подбородок потяжелел; темные глаза стали глубже. Его голос звучал ровно, почти механически:

— Это Торелли. Итальянская школа. На континенте сходят с ума от его полотен. Картина написана несколько лет назад. Нет, я не знаю, кто изображен на ней, хотя должен признать, что именно из-за красотки я и попросил Торелли уступить портрет мне. Боюсь, я переплатил старому мошеннику... — он неожиданно замолчал, на его губах появилась неуверенная улыбка.

ка.— Интересно, вы так же хорошо разбираетесь в живописи, как и в английской истории, мисс Рейли?

Джудит виновато рассмеялась.

— К сожалению, за исключением карикатур в «Панче» и шедевров великих, мои познания в европейской живописи весьма ограничены.

— Это даже неплохо,— коротко проговорил он.— Европейцы — неисправимые романтики. Старый, радующий глаз реализм похоронен, и лучше не встречаться с их новыми творениями.

Склонив голову, он снова повернулся к камину. Джудит приняла этот жест как окончание дискуссии. На счастье, в этот момент в студию вошла Диккенс с серебряным подносом, на котором стояли чашки с блюдцами и большой дымящийся чайник, накрытый узорчатой салфеткой. Джудит приветливо улыбнулась ей, однако в голове беспрестанно кружились одни и те же мысли, сталкивались и рассыпались, не получая ответа. Удастся ли когда-нибудь приподнять завесу тайны, окружавшей Джейфри Морхауз? Возможно, что нет. Какие-то черты его облика навсегда останутся скрытыми мраком, необъяснимыми, мучительными...

Мучительными. Это было именно то слово. Та сторона его характера, которая вновь и вновь проскальзывала в разговоре.

Джейфри Морхауз производил впечатление измученного человека.

Измученного своим прошлым. Или, быть может, неотвратимым будущим?

Какие воспоминания терзали его и кто был повинен в непрекращающейся пытке? Женщина на портрете?

Возможно, это было единственным напоминанием об утраченной любви, об умершем чувстве.

Вполне вероятно, что незнакомка промелькнула в его жизни задолго до того, как он повстречал Оливию Морхауз. Сейчас было нелегко об этом судить, и покров тайны не станет яснее, если этого не пожелает сам Джейфри Морхауз. Как бы то ни было, не следовало злоупотреблять его терпением.

Несмотря на внешнюю холодность, он очаровывал Джудит.

— Вы предпочитаете чай с сахаром? — голос Джейфри Морхауза, словно магнит, вырвал ее из водоворота грез.

По комнате плыл душистый аромат, тихо позвякивали блюдца.

Сидя возле камина, Джудит с благодарностью приняла предложенную чашку. Обстановка, комфорт — все казалось чудесным сном.

От которого она не желала пробуждаться.

Глава седьмая

Вечером, когда туман тяжелым облаком опустился на Челси и его окрестности, электрическое освещение по-прежнему оставалось неисправленным. В коридорах и комнатах особняка номер 77 горели свечи. Из окна спальни, куда Джудит поднялась после того, как Джейфри Морхауз завершил составление примечаний к первым главам книги — работа, занявшая всю оставшуюся часть дня, — было хорошо видно, как гаснут один за другим огни фонарей в волнах накатывающего с Темзы тумана. Несмотря на приближение весны, лондонская погода была по-зимнему холодной. Ранние сумерки, густой туман и размытые очертания ландшафта больше подходили к декабрьским вечерам. Стена деревьев, окружавшая дом, едва проглядывалась из окон.

До сих пор Джудит ограничивалась созерцанием, не отваживаясь выходить наружу, — упущение, которое она собиралась исправить следующим же утром. Джейфри Морхауз казался доволен ее успехами, и сознавать это было приятно. Присутствие владельца Челси-Саут переменило весь мир: рядом с ним Джудит не замечала угрюмых стен, не обращала внимания на смутные предчувствия и страхи. Зловещий оскал головы вепря больше не приводил ее в смятение; студия целиком — со сверкающими доспехами и оружейной коллекцией от палиц до двуручных мечей — стала удивительно привычной и знакомой.

Диккенс прилагала все старания, чтобы гостья чувствовала себя как дома. Вернувшись поздно вечером, она привезла два кожаных саквояжа с вещами и теплую записку от миссис Слокам, в которой добрая жен-

щина желала ей удачи. Счастливая тем, что вновь может распоряжаться своим гардеробом, Джудит хотела сразу же вернуть взятую у Оливии Морхауз одежду. Ее остановила Диккенс, предупредившая, что леди уже отдыхает. Джудит сочувственно подумала, какой однокой должна чувствовать себя в этой роскоши хозяинка дома. Однако иметь такого мужа, как Джейфри Морхауз... При этой мысли ее симпатии заметно поубавились. Все же было трагично видеть молодую и красивую женщину безнадежно больной.

Ужин в сказочно убранной столовой был еще одним плюсом в пользу Диккенс. Изящная сервировка на редкость гармонировала с аппетитным видом самих блюд. Индейка, молодой горошек, картофельное пюре, нежное, как сметана, и великолепный йоркширский пудинг. Джейфри Морхауз отличался меньшим красноречием, чем в прошлый вечер, и Джудит воочию убедилась, какую дань берет тяжелая работа. Его красивое лицо выглядело усталым, и он едва не порезал палец, разделявая индейку. Когда часы в прихожей пробили семь, Джудит отчетливо осознала, что находится в доме всего лишь сутки. Тем не менее казалось, что она прожила в Челси-Саут всю жизнь: столь многое переменилось в ней за это короткое время. Благодаря сердечному отношению Диккенс и благосклонности хозяина дома, она чувствовала себя легко с ними. Даже беседа с Оливией Морхауз каким-то образом сыграла свою роль. Американка по воспитанию, Джудит Рейли без труда вошла в чисто английскую атмосферу старинного дома.

— Сегодня вечером меня не будет, — сообщил Джейфри Морхауз за десертом. — Вы оставетесь предоставленной себе самой, мисс Рейли. В доме есть библиотека, которую можно использовать и как комнату для игр. Вы найдете богатый выбор: хорошие книги, доска для игры в дартс, пасьянсы. Диккенс непрерывно играет в шахматы. Если вы заметили, я не рассматриваю Диккенс в качестве обычной прислуги. Она может по собственному усмотрению посещать библиотеку, когда захочет.

— Благодарю. Думаю, я найду чем заняться.

— Я не рекомендовал бы вам выходить на улицу. В таком тумане руки не разглядишь возле лица. И как

я уже говорил, местность вокруг Челси-Саут довольно пустынна. Мне не хотелось бы, чтобы вас по ошибке задержал какой-нибудь из констеблей. Надеюсь, вы понимаете. С началом работы ваша помощь необходима мне так же, как и помочь Диккенс. Я весьма доволен вашими познаниями.

Джудит вспыхнула. Потупившись, молча разглядывала бокал с вином, не находя слов. Однако Морхауз продолжал, словно не замечая ее смущения. Голос звучал спокойно и ровно:

— Оливия легла спать, так что дом в вашем полном распоряжении. Утром, после завтрака, мы продолжим работу.

Джудит почувствовала, что должна что-то ответить. Недавний комплимент все еще согревал щеки.

— Могу я узнать, какие дела заставляют вас покидать дом в такую погоду? — едва договорив, она сейчас же пожалела о своем вопросе.

На мгновение он замер; глаза предупреждающе вспыхнули. Губы тронула язвительная улыбка.

— Нет, и не пробуйте, — произнес он с насмешливой суворостью. — Некоторые стороны моей жизни остаются тайной для других.

— Извините. Я совсем не собиралась...

— Выпытывать? Вы это хотели сказать?

— Нет, не совсем. Просто существуют вопросы, которых мне не следует задавать.

— Сегодня, мисс Рейли, я готов простить вам все что угодно. Даже нескромный вопрос о моих делах. Ваши труды заслуживают этого снисхождения.

— Вы очень добры.

— Напротив. И со временем вам не раз придется убедиться в этом.

На его лице появилась странная улыбка. Джудит встревожило загадочное обещание.

— Вы выглядите взволнованной, — заметил Джеффри Морхауз.

— Разве? Я ничего не чувствую.

— Но вас расстроил мой ответ, ведь так? — наставлял он.

— Да, — беспомощно согласилась она.

— Могу я узнать, почему?

— Мне трудно объяснить... в Америке все обстоит несколько иначе.

— Может быть, вы попытаетесь объяснить мне эту разницу?

Он подался вперед, не сводя с нее глаз. Джудит вновь испытала чувство, близкое к отчаянию, однако овладела собой, подняла голову, натянуто улыбаясь. Джейффи Морхауз был хозяином положения.

— Перед тем как приступить к работе, каждый работник получает указания и твердо знает, что должен предпринимать в случае...

— Достаточно,— раздраженно прервал он.— Заканчивайте свой десерт.

Джудит не решилась возражать.

В дверях кухни показалась Диккенс с вазой, наполненной орехами и фруктами. По легкой усмешке можно было догадаться, что она застала окончание беседы. Полное лицо экономки дышало счастьем, словно ничто так не радовало ее, как застольные перебранки.

При виде столь беззастенчивой веселости Джудит еще ниже склонилась к тарелке с йоркширским пудингом, мстительно вонзая в него ложку.

* * *

— Еще партию, мисс?

— Не знаю, что и сказать, Диккенс. Когда-то я считала, что неплохо играю в шахматы. Но шестой проигрыш подряд! Если так пойдет и дальше, на моей карьере можно поставить крест.

— Гм. На вашем месте, мисс, я бы не сильно расстраивалась. Моя карьера началась задолго до вашего рождения. Несколько раз я побеждала даже хозяина!

Комната для игр представляла собой еще один уютный уголок Челси-Саут. Ее обстановка была во многом неожиданна: два покрытых зеленым сукном стола сиротливо стояли посреди просторной, приземистой залы, окруженные выстроившимися вдоль стен стеллажами. Переплетенные в тисненную золотом кожу, теснились творения великих романистов прошлого. Видное место занимали работы Платона, Гомера, Ламетри, Джорджа Беркли и, конечно же, Лейбница. Рядом со Стивенсоном, Чосером, Диккенсом(!) стояли совсем

недавно приобретшие известность Герберт Уэллс, Оскар Уайльд, Ибсен и Марк Твен. Джудит поразилась размерам и содержимому полок. Похоже, Джейфри Морхауз не отдавал явного предпочтения ни одному направлению литературы, если не считать книг по генральдике и королевской историографии, однако в целом библиотека не производила впечатления случайного собрания имен и названий. Все страницы в томах были аккуратно разрезаны; помимо этого, имелись и другие признаки, что их читали.

Несколько удобных кресел и стрельчатые зарешеченные окна, обращенные к восточному крылу дома, дополняли обстановку. В углу, скрытые тенью портьеры, находились потемневшие от времени, старомодные клавикорды. В неровном мерцании свеч комната выглядела чарующе: эффект, который Джудит не могла представить в безжизненном и ярком электрическом освещении. Вероятно, поэтому Джейфри Морхауз предпочитал канделябры и стенные свечи.

— Какая прелесть! Мистер Морхауз играет на пианино?

Диккенс с утомленным видом укладывала шахматную доску. Поддерживать в идеальном порядке огромный дом было нелегкой обязанностью. Джудит ощущала, как в груди шевельнулось нечто похожее на добрую зависть по отношению к экономке.

— Естественно, иначе оно бы тут не стояло. Куда приятнее, чем нынешние плясуньи из мюзик-холлов. Впрочем, он играет одну классику, если я не попрошу сыграть что-нибудь, что нравится мне. «Мама Макри» или отрывки из Лаймхауза*...

— А мне нравится Стивен Фостер.

— Фостер? — курносый нос Диккенс предпринял попытку наморщиться, но безуспешно. — Сомневаюсь, чтобы я слышала его.

— Обязательно слышали! «Лебединый ручей», «Мой дом Кентукки», «Спящая красавица»**.

* Лаймхауз — район на северном берегу Темзы, часть лондонского Ист-Энда, где расположены многочисленные театры и выставки.

** Названия песен американского композитора Стивена Коллинза Фостера. Наиболее известные «Swanee River» or «The Old Folks at Home» (1851) и «My Old Kentucky Home» (1853).

— А-а, янки? — казалось, недоразумение разрешилось к удовольствию экономки. — Его должен знать хозяин. Его конек знать то, чего не знают остальные.

Захлопнув шахматную доску, она подошла к полкам. Как ни рискованно было показаться назойливой, Джудит не преминула развить интересующую ее тему.

— Давно они женаты, Диккенс?

Диккенс остановилась, задумчиво подняла глаза к потолку.

— По моим подсчетам... в июне исполнится пять лет. Да, примерно так.

— И миссис Морхауз все время была... больна?

— По правде говоря, почти с самого начала, — Диккенс вздохнула. — Однако не так давно, чтобы я забыла те дни, когда она могла свободно передвигаться без посторонней помощи. Если я не нужна вам больше, мисс, я пойду спать. Уже поздно.

Круглые часы на стене напротив двери показывали половину десятого. Достаточно позднее время после напряженного дня.

Устало ссугулившись, экономка направилась к выходу. Джудит почувствовала расположение к этой по-жилой англичанке, без лишних слов исполнявшей свои обязанности и ни на что не жаловавшейся. Такие люди вызывают уважение к себе делами.

— Спокойной ночи, мисс. Не забудьте погасить свечи, когда будете уходить. В старых домах пожар вспыхивает, словно коробок спичек.

— Диккенс...

— Да, мисс? — экономка обернулась, вопросительно приподняв брови.

— Если вас не затруднит, пожалуйста, называйте меня Джудит.

— Очень мило с вашей стороны, — Диккенс выглядела одновременно польщенной и удивленной, — но я не могу позволить себе нарушить установленный порядок. Как бы хорошо ни складывались наши отношения, между нами должна оставаться дистанция. Я буду звать вас мисс Джудит, если вы не против.

— Мне будет приятно, Диккенс

— Ну уж... Спокойной ночи, мисс... мисс Джудит.

Джудит с улыбкой проводила взглядом ее тяжеловесную фигуру. Наверное, в эту минуту ее посетила безумная мысль. Почему бы и нет? Она одна в доме — Диккенс ушла к себе в комнату, Оливия Морхауз давно спит, а хозяин особняка странствует где-то в лондонском тумане. Неожиданное любопытство потянуло Джудит к тем уголкам дома, где она еще не была. На сегодня достаточно наводящих скуку игр и книг. Что плохого, если человек желает осмотреть место, где ему предстоит жить?

Охваченная трепетом, прекрасно сознавая всю дерзость своего намерения, Джудит тщательно загасила одну за другой свечи, оставив последнюю возле двери. Когда комната погрузилась в темноту, она взяла подсвечник вместе со свечой: полки, столы за спиной растворились в обстановке, длинные тени протянулись по потолку.

Это было странное ощущение. Словно⁷ призрак скользить в тишине дома. Однако она была не в силах отказаться от своего намерения, как не могла преодолеть загадочное влияние — магнетизм, исходивший от личности Джеффри Морхауза.

Желание разгадать тайну, окутывавшую этого человека, побудило ее вторгнуться в ночь. Костер страстей бушевал в груди, сердце билось в предчувствии неизвестности.

* * *

Старинные часы в прихожей пробили десять. Их похожий на гроб футляр сиротливо вырисовывался во мраке. Глухие удары колокольца похоронным звоном разносились по дому, за стенами которого миллионами лапок крался по сырой земле туман; невидимый ветер стонал в кронах деревьев, голых ветвях кустарника.

Внутри дома, по винтовой лестнице медленно поднималась молодая женщина; темный силуэт скользил, преследуя ее, по ступеням.

Она шла настороженно, объятая сомнениями... и страхом.

Глава восьмая

...Верно, верно... я всегда был излишне чувствителен! Но почему вы решили, будто я сумасшедший?

Эдгар Аллан По
История, рассказанная сердцем

Тишина и мрак пронизали дом до основания. Вкрадчивый шелест тумана поглотила серая мгла, уплотнившаяся за окнами. В самом движении теней, отбрасываемых свечой, чудилось что-то потустороннее и зловещее. Мерно отстукивали старинные часы в прихожей. Изогнутые перила, словно шипящие змеи, препрятсвовали путь к отступлению.

Поднявшись по лестнице, Джудит оказалась в длинном коридоре, который вел к спальне Оливии Морхауз. Нет, этот путь не годится. В этой части здания она уже побывала при свете дня. К тому же существовал риск разбудить хозяйку особняка, что было бы совсем некстати. Она настороженно всмотрелась в сумрачный провал по левую сторону от нее. Этажом выше в этом месте находилась ее комната. Но здесь коридор неожиданно раздваивался, уходя под прямым углом в глубь дома. Крайне нехарактерная для монументальной архитектуры деталь: словно кто-то желал укрыть от посторонних глаз эту часть постройки. Если предчувствия были справедливы, то разгадку всех тайн следовало искать здесь. Странное ощущение, если не сказать больше. В чем крылась причина такой уверенности? Тревожно забилось сердце. Высоко подняв над головой свечу, Джудит шагнула в темный прямоугольник за балюстрадой. В слабом мерцании открылся постайной коридор.

Толстый ковер покрывал пол; на голых неокрашенных стенах не было никаких украшений: седая старина Челси-Саут, казалось, проглядывала сыростью и мхом через их щели. Упадок и разложение выглядели противостоящимо после кричащей роскоши комнат, но не они привлекали внимание. Джудит сделала еще шаг. Отблеск свечи выхватил из темноты дверь, футах в двадцати. Короткий коридор обрывался так же вне-

запно, как и начинался. Грубо обтесанные, тяжелые доски были под стать рыцарской зале: их крепость могла бы устоять под натиском средневекового тарана. Джудит заколебалась, неуверенная, стоит ли идти дальше. Со стороны ее прогулка выглядела не столь безобидно, как она старалась себе представить. Предосудительным было и то, что она совершила ее украдкой, рискуя злоупотребить доверием хозяев Челси-Саут. Какой смысл узнавать тайну, не предназначенную для посторонних глаз? Решительно сжав губы, она повернулась, чтобы уйти.

Необъяснимая сила удержала ее на месте. Потустороннюю тишину нарушил знакомый звук; неясным отголоском отзывались сырье стены. Словно могильное эхо повисло над домом.

Томп... томп-томп...

Постукивание, которое Джудит слышала в студии. Но теперь оно раздавалось совсем рядом — за дощатой дверью. На расстоянии вытянутой руки. Джудит шагнула вперед; покачнулась, и пламя свечи отбросило уродливый силуэт — словно гигантская летучая мышь скользнула по направлению к двери. Страх, сжавший сердце, поощрял воображение: собственная тень представляла адским исчадием.

Настойчивый стук не прекращался. Содрогаясь от отвращения, Джудит отступила; зацепив каблуком ковер, пошатнулась и больно ударила плечом о стену. Свеча чудом не выпала из рук. С губ сорвался приглушенный крик, прежде чем она успела опомниться. Поздно — ее присутствие было обнаружено: с тем же успехом можно было ударить в гонг. Не помня себя от ужаса, Джудит развернулась и выбежала из коридора к спасительной лестнице. Как сквозь туман, она различила, что постукивание прекратилось. Как будто кто-то выключил звук. Внезапно.

Послышался скрип дверных петель, приглушенное восклицание и звук шагов за спиной. Объятая страхом, она не смела обернуться. Сердце замерло в груди, когда чьи-то грубые руки схватили и развернули ее. Темный силуэт угрожающе склонился над ней, заслонив пламя свечи. Джудит попыталась кричать, но ее губы сжали теплые и сильные пальцы.

— Что вы тут делаете? Отвечайте!

Она принялась вырываться из цепких объятий. Джейффи Морхауз выпустил ее, словно что-то нечистое, гадкое. Удерживая двумя руками свечу, она отступила, со странным облегчением узнавая в нападавшем хозяина особняка. Глубоко вздохнув, коснулась горла рукой. Язык отказывался повиноваться. Бешено колотилось сердце под обжигающим взглядом Морхауза.

— Я...

— Да, вы! — его голос был полон раздражения и сарказма, хотя он и старался говорить спокойно. Джудит еще не приходилось видеть его в такой ярости. Тяжелые ботинки, бриджи и белая рубашка с закатанными рукавами выглядели зловеще посреди ночи. Струнами натянулись сухожилия его кисти, когда он перехватил запястье Джудит, удерживая ее от бегства. — Как вы собираетесь объяснить вашиочные хождения, вы... — он не закончил; тряхнул головой и выжидающе уставился на нее, ожидая ответа.

Джудит с усилием сглотнула комок в горле.

— Мне послышался шум... очень странный, словно постукивание трости, и мне захотелось узнать...

— Ну конечно! — оборвал он. Отпустив ее запястье, он выпрямился в полный рост на фоне двери. Ни звука не доносилось из-за массивных досок. Лицо хозяина дома, потеряв всякую привлекательность, наполнилось сатанинской злобой. — Вам постоянно мерещатся постукивания. Возьмите себя в руки, мисс Рейли!

— Но я действительно слышала, уверяю вас...

Не решаясь поднять глаз, она тем не менее не собиралась сдаваться.

— Да, вы могли слышать шум, — его голос внезапно смягчился, рокочущие нотки сменил природный британский акцент. — Ничего удивительного, глядите, — проговорил он, оборачиваясь. — Эта дверь ведет в мою мастерскую. Сейчас вы ничего не слышите? Вы ничего не слышите? — повторил он с напряженным лицом.

Джудит покосилась через его плечо. В коридоре царила тишина, нарушаемая лишь звуками их спора. Глаза Джейффи Морхауза требовали подтверждения. Перехватив двумя руками подсвечник со свечой, Джудит кивнула:

— Нет, мистер Морхауз. Сейчас я ничего не слышу.

— Вот видите! Прошу извинить мою резкость, но ваше появление оторвало меня от работы. С наступлением темноты Челси-Саут становится небезопасен для прогулок. Прогнившие перила, отошедшие доски: можно упасть и разбиться... — он помолчал, болезненная тень промелькнула по его лицу. — Что касается моего хобби... я создаю деревянную копию Букингемского дворца. Боюсь, на эту работу уйдет лет сто моей жизни, но результат того стоит.

— Когда-нибудь я с удовольствием взгляну на ваше произведение.

— Когда-нибудь... возможно, — согласился он.

Взял ее под локоть, он вывел Джудит из коридора на лестницу. Сияние свечи образовывало ореолы вокруг их голов.

— А теперь, мисс Рейли, идите спать. Вы должны быть довольны работой, что мы сделали за день.

— Спокойной ночи, мистер Морхауз.

— Спокойной ночи, и еще раз извините мне резкость тона, — он убрал руку и указал на верхний этаж, где находилась комната Джудит.

— Ничего, я заслужила это. Странно, но я даже не слышала, как вы вернулись.

— Вы и не могли слышать. Я воспользовался запасным выходом, рядом с кухней. Наружные стены не проницаемы для звука. Короткие прогулки под дождем освежают, я часто выезжаю в такие вечера, чтобы отдохнуть. Порой следует развеяться, отрешиться от всех... — голос слабел, словно усталость мешала Морхаузу говорить.

Джудит почувствовала инстинктивное желание прикоснуться, погладить его по щеке. Она вовремя спохватилась. Заметил ли он ее движение? Она не могла сказать.

— Всего хорошего, — она улыбнулась. — Сегодня вечером вам больше не придется волноваться из-за меня. Обещаю. Извините, если я злоупотребила вашим терпением. Дом просто очарователен...

— Да, особенно днем, — он казался погруженным в собственные размышления.

Джудит начала подниматься по ступенькам. Свеча догорала, но все еще давала достаточно света.

— Мисс Рейли, — мягко позвал он.

Она обернулась, свободной рукой придерживая юбку, и вопросительно посмотрела на него. Облокотившийся о перила, он казался персонажем, сошедшим с батального портрета в Национальной галерее. «Улыбающийся кавалер» или «Отважный лейтенант». Таким он запомнится ей. При свете свечи.

— Да, мистер Морхауз?

— Вы верите в существование Бога?

Странный вопрос, еще более странный в столь поздний час, в необычной обстановке старинного дома. Но вера никогда не выбирает ни времени, ни места. Для нее важно не оттолкнуть протянутую руку. Джудит ответила просто:

— Да.

Протянулась томительная пауза, пока Джейфри Морхауз внимательно всматривался в ее лицо.

— Мне приятно слышать это, мисс Рейли. Благодарю вас за искренность. Кто верит в Бога, обычно молится. Помолитесь за меня, мисс Рейли. Мне так нужна молитва от чистого сердца. За упокой моей бессмертной души.

— Я... я не понимаю,— она и в самом деле ничего не понимала.

— В этом нет нужды. Спокойной ночи, друг, и сонмы ангелов пусть оберегают твой покой...

Прежде чем ей стал ясен смысл произнесенных слов, он уже скрылся в темном коридоре, очевидно, вернувшись в свою мастерскую. В смятении, к которому примешивалась изрядная доля радостного изумления, Джудит поднималась по лестнице. Как необычны были его прощальные слова! Напомнить лирическое обращение Горацио к Гамлету, бессмертные строки Шекспира в пожелании спокойной ночи...

Романтический вихрь пронесся в душе Джудит. Поблудить такого замечательного человека...

Сердце перестало биться, когда она поняла, что происходит с ней. Томная агония любви атаковала ее со всех сторон. Безнадежные мечтания, ведь Джейфри Морхауз связан узами супружества. Перед Богом. Женатый джентльмен, женатый на неизлечимо больной леди, калеке...

Когда она добрела до комнаты, глаза застилали слезы, не позволявшие различить что-либо, кроме радуж-

ного мерцания свечи. Едва сдерживая рыдания, она за-
перла дверь и бросилась на постель. Все ее чувства на-
ходились в смятении.

* * *

Беспокойный сон перенес ее в фантастическую страну грез, где среди ярко зеленеющих крон золотыми искрами сверкает солнце. Вновь на благородном коне летел Джейфри Морхауз, бесстрашный и гордый. Кольчуга пылала тысячей блесток, двуручный меч молнией взрезал небо над головой.

Блеск оружия затмил безмятежное счастье, наполнившее Джудит. Она пригнулась в поисках защиты, бросилась бежать по траве. Стена вековых сосен заслонила солнце, и только меч в руках человека, которым она восхищалась и которого боялась, продолжал сверкать. Неумолимое лезвие клонилось вслед Джудит. И движение его вселяло ужас.

Почему он хотел ранить ее?

Во сне, как и наяву, она не находила ответа.

Глава девятая

Когда утром Джейфри Морхауз не появился за завтраком, Джудит поинтересовалась у Диккенса о причинах его отсутствия. Перевезенный из «Слокам-хауз» гардероб позволил переменить одежду: прежние юбка с блузкой легли на дно одного из саквояжей. Прекрасно сознавая, сколь важно для нее одобрение хозяина Челси-Саут, Джудит была глубоко разочарована, не увидев его на привычном месте во главе стола. По случаю третьего дня пребывания в стенах особняка, она надела длинное платье с застежками и белоснежным воротничком, как нельзя лучше гармонировавшим с ее пышными золотистыми волосами. Даже Диккенс отметила ее цветущий вид — цветущий, именно так она выразилась. Но Джудит, проведшая мучительную ночь, была полна неудовлетворенности, свойственной человеку, который не желает мириться с роковой неизбежностью. Вид пустого кресла действовал угнетающе.

— Где он может быть, Диккенс?

— Работает. Полчаса назад он заглядывал на кухню, перехватил чашку чаю с сэндвичами. Не волнуйтесь за него; сядьте, поешьте. Вам не помешает чуть-чуть поправиться, мисс Джудит. Быть тонкой как хворостинка, может быть, и модно, но по-моему...

— Диккенс! Вы решили перекормить меня!

— Это вам только кажется. Ешьте спокойно; я скажу, когда будет достаточно. И не бойтесь подливать кленовый сироп, с пухлыми щечками вам куда как лучше...

В сердечной атмосфере Джудит без труда расправилась со своим завтраком. Расстроенные чувства не мешали требовать свое молодому организму. Погода за окнами обещала быть чудесной. Ни облачка тумана, ни дымки на горизонте. Чистое небо и легкий ветерок, покачивавший ветви деревьев. В первый раз за все время окрестности Челси-Саут были видны при дневном свете. Типично британский ландшафт с ухоженными лужайками, на которых уже пробивалась молодая зелень. Природа оживала после зимнего упокоения.

— Мистер Морхауз просил вас зайти в студию, когда вы закончите завтракать, мисс Джудит.

— Снова горы книг и королевские причуды, — Джудит вздохнула.

— Должно быть, это очень увлекательно. У меня никогда не хватало терпения для такой работы. От чтения сильно устают глаза, наверное, стоит купить очки...

Налив чашку чаю, Джудит положила сахар и с отсутствующим видом принялась помешивать его ложкой. Экономка присела напротив, с улыбкой глядя на девушку. Казалось, сама обстановка располагает к разговору.

— Скажите, Диккенс, по-вашему, мистер Морхауз счастливый человек?

— Мне трудно понять, что вы под этим подразумеваете, мисс Джудит.

— Мне тоже. Иногда он кажется таким отрешенным, занятым лишь своими мыслями. Словно что-то гнетет его. Вы понимаете?

Диккенс кивнула.

— Да, хозяин порой бывает мрачнее тучи, но не беспокойтесь, мисс Джудит, он неплохой человек.

— Я знаю, но... — она смущенно замолчала.

Как прямо сказать о том, что волнует сердце? Совет необходим, но как переступить собственную робость? Было невероятно трудно решиться. Между тем лицо экономки посерезнело, наполнилось грустью. Наклонившись, она ласково коснулась руки Джудит. В голосе звучала материнская забота.

— Постарайтесь не думать ни о чем, кроме работы, мисс Джудит. Забудьте обо всем остальном. Мужчине с большой женой достаточно хлопот и ни к чему обзаводиться новыми. Не обижайтесь, но только слепой не заметит, что происходит с вами. Будьте осторожнее в своих чувствах, их так легко ранить.

Поднявшись из-за стола, она вернулась на кухню, и Джудит с благодарностью приняла ее уход. Пунцовый румянец прилил к щекам, и, как ни участливы были слова Диккенс, Джудит со стыдом спрятала лицо в ладонях.

Боже мой, неужели это так заметно?

Поспешно покинув кресло, она буквально вылетела из комнаты. Скорее окунуться в работу и забыться! Хотя, похоже, каким бы высоким ни было жалованье, пребывание в этом доме обходится ей значительно дороже.

И все же дорога по полутемному коридору к рыцарской зале была полна надежд и трепетной радости, что отличает влюбленность. Новая встреча после короткой разлуки. С замирающим сердцем Джудит Рейли повернула дверную ручку и вошла в комнату, где ее ожидал Джеффри Морхауз.

* * *

— Входите, входите. Я уже начал думать, что не увижу вас.

— Я только из-за стола. Диккенс подготовила восхитительные пирожные.

— Других у нее не бывает. Вы готовы к работе?

— Да, разумеется.

— Хорошо. Как видите, я решил встать пораньше и, пока вы завтракали, успел набросать тринадцать страниц в дополнение к вашим вчерашним заметкам. Мне хотелось бы, чтобы вы переписали их своей рукой.

кой. Мои каракули невозможno читать. У вас хороший почерк?

— Мне всегда казалось... да. Начинать прямо сейчас?

— Да. Я вошел в ритм и не собираюсь его терять. Создание книги — невероятное чувство, очень жаль, что я так поздно пришел к этому. Пока вы переписываете, я посмотрю библиотеку. К моему удивлению, о королях и королевах можно писать бесконечно. Весь проект займет несколько больше времени, чем я предполагал.

— Я тоже так думаю.

— Разве я обещал что-то иное, мисс Рейли? Итак, берите заметки и приступайте. Я буду на своем месте. Как обычно.

Протянув пухлую стопку мелованной бумаги, он повернулся и быстрым шагом прошел к своей парте в углу залы. Снова горели свечи, несмотря на серый рассвет, проникавший через узкие стрельчатые окна. Джудит, как автомат, подошла к выдвинутому из-за дубового стола креслу. Карандаши, чернильница с ручкой и чистая бумага дожидались ее. В мозгу отчаянной дробью, ритмично и гулко, пульсировали разносящие ток крови удары сердца. Словно колокол судьбы ее глупым романтическим мечтаниям. Любовь!

Он даже не взглянул на нее, когда она вошла в залу. Не обратил внимания на ее новое платье и разговаривал, как с впавшей в немилость служанкой. Вел себя так, как будто не было вчерашней встречи на лестнице.

Словно она придумала все ради собственных ребячих фантазий.

Со слезами, сбегавшими по ресницам, она села в кресло и разложила бумаги. Кабанья голова на стене осклабилась, неприятно поблескивали клыки.

Казалось, отвратительная тварь смеется над ней.

Какая-то струнка оборвалась глубоко в сердце.

Слезы застилали глаза; неровный почерк петлял, слова сливались в сплошное водянистое пятно, в котором уже ничего невозможno было разобрать. Старинные часы в прихожей пробили девять, но для Джудит время остановилось.

Первое разочарование в любви бывает самым сильным и самым болезненным.

* * *

Следующие два дня были полностью посвящены работе, в которую Джейфри Морхауз, казалось, ушел с головой. Долгие часы, занятые нескончаемой перепиской и разбором древних саксонских хроник, Джудит проводила за громоздким дубовым столом в окружении боевых регалий, развешанных по стенам. Разговоры, если и возникали, не затрагивали никаких тем, кроме будущей книги. Для Джудит было легче молча выслушивать требования, коротко отвечать на немногочисленные вопросы и все время держаться в стороне от хозяина дома. Похоже, он едва замечал происшедшую в ней перемену, занятый своими делами. Даже за чаепитием они касались исключительно исторических проблем. «Венценосцы Британии» продвигались глава за главою. С момента первых заметок Джейфри Морхауз заметно продвинулся в осуществлении проекта. Оба жили в напряжении, заряженном вопросами, поисками ответов, выписками из толстых томов и перепроверками сведений, приносившими необычайное удовлетворение. В некотором смысле их новый стиль общения казался ниспосланным свыше для самолюбия Джудит. Иначе она бы просто не смогла остаться в Челси-Саут. Раскрывшийся цветок любви, сорванный у самого основания, упокоился под тяжелым доспехом израненной гордости и боли. Она избегала новых переживаний. Пусть даже ценой собственного чувства.

Ночи были мучительны в своей безысходности. Лежа в кровати с открытыми глазами, она вслушивалась в темноту, страшась снова различить знакомое постукивание. Несмотря на уверения Джейфри Морхауза, она видела нелогичность его объяснений. Рыдающие стоны незнакомки не повторялись. Все выглядело кошмарным сном, не более. Невыносимыми стали ежедневные трапезы наедине с хозяином дома. Видеть его каждый день постепенно стало мучительной обязанностью, оправдывать которую не могло никакое жалованье. Смешанное чувство любви и горького сожаления охватывало ее всякий раз в его присутствии. Хотелось коснуться его, сказать ласковые слова с любви, но она сдерживала

лась. Двойственность его натуры, с которой ей пришлось столкнуться, подавляла и приводила в замешательство. Джудит не могла решиться. Хотелось оставаться рядом и в то же время хотелось уйти. Она любила и ненавидела. Плакала, когда он уходил, и радовалась, встречая его снова. И все время, пока длилась схватка чувств, над полем битвы витала неясная тень Оливии Морхауз. Тень, о которой невозможно было забыть, но которая возникала лишь в бое часов, возвещавших обед,— когда Диккенс, накрыв стол, с подносом в руках направлялся к винтовой лестнице. Миссис Морхауз, казалось, почти не покидала своей спальни. Даже в теплые, солнечные дни, ставшие обычными с наступлением весны.

Во время одного из кратких просветов в работе, когда Джеффри Морхауз отсутствовал по своим загадочным делам, Джудит решила навестить миссис Морхауз. Визит вежливости был их единственной встречей, если не считать случая, когда ей пришлось сопровождать хозяина особняка и дожидаться его в коридоре. Он сразу же вернулся, и Джудит лишь мельком успела заметить усталое и милое лицо, улыбающееся вслед. Дверь закрылась, и посещение закончилось с извинениями, что «у Ливви сильная мигрень. Ее не следует тревожить. Как-нибудь в другой раз».

Сейчас появилась возможность исправить это упущение. Подавляя беспокойство, с улыбкой, которой не чувствовала, Джудит осторожно постучалась в дверь спальни Оливии Морхауз.

— Войдите,— послышался знакомый мелодичный голос.— Я уже давно встала...

Внезапное удивление и радость, промелькнувшие на ее лице, подсказали, что хозяйка дома ожидала кого-то другого. Возможно, Джеффри Морхауза или Диккенс.

Джудит смущенно замерла на пороге, подыскивая подходящее объяснение, однако оно оказалось излишним. Оливия Морхауз, одетая в шелковую пижаму, розовая лента сплела светлые волосы в тугой узел, с усилием приподнялась на подушках, указав гостью на кресло рядом с постелью. Джудит поспешила помочь, и бледное лицо осветилось благодарностью.

— Как хорошо, что вы выбрали время заглянуть ко мне, Джудит! Помните, вы обещали называть меня Оливией?

— Конечно. Такое милое имя.

— В самом деле? Как, впрочем, и другие цветочные имена,— Оливия Морхауз неожиданно улыбнулась, и солнце снова засияло на ее лице, привыкшем к тени.— Вы прелестно выглядите, я говорила вам это в прошлый раз?

Джудит кивнула, стараясь не выдать волнения, охватившего ее при виде несчастной женщины, обреченной на прозябание в своих покоях, словно мышь в бедной деревенской церквушке. Поразительно, но Оливия Морхауз, казалось, владевшая всем, из-за болезни не могла распорядиться и крохотной долей своей власти. Неведомое предопределение еще при жизни уготовило ей преисподнюю. Даже яркий солнечный свет, проникавший через богатые драпировки окон, рассыпавший золото и блеск в роскошной обстановке спальни, был бессилен скрасить ужас ее положения.

— Как продвигается ваша работа? Надеюсь, Джефф не слишком перегружает вас?

— Нет-нет,— поторопилась уверить ее Джудит.— Ваш муж лучший из всех работодателей, каких мне приходилось встречать.

— Вы можете сравнивать?

— Полагаю, что да. Хотя у меня и не слишком богатый опыт.— Обсуждать с Оливией Морхауз карьеру актрисы было бы нехорошо, у нее могло сложиться превратное впечатление. Чтобы избежать нежелательных расспросов, Джудит предпочла сменить тему.— Мне так понравился Челси-Саут, в него можно просто влюбиться!

Оливия Морхауз откинула голову на подушки. Тихий голос звучал необычно беззащитно и доверительно. Словно журчащий ручей внезапно иссяк, превратившись в спокойную струйку.

— Да, наверное. Джефф всегда мечтал о таком доме. Вы видели студию? Круглый стол короля Артура, совершенная копия,— она помолчала. Тонкие изящные пальцы нервно теребили уголок одеяла.— Бедный Джефф. Боюсь, мое существование для него настоящая чьтка. При всем его долготерпении... очень нелегко

ухаживать за калекой. Особенно за молодой. Это напоминает перст судьбы.

— Вы не можете так думать, — Джудит искала и не находила слов утешения. Впрочем, они были не нужны.

Оливия Морхауз встряхнула головой. В глазах заиграли странные огоньки. Словно на пустынном морском берегу зажегся маяк.

— Пожалуйста, расскажите мне об Америке. Моеей мечтой было увидеть ее, но теперь об этом нечего и думать. Как восхитительно было бы отплыть на «Титаник» в Нью-Йорк! Первый рейс великана в город-великан. Смех, шампанское. Изящные леди и джентльмены вдоль поручней кричат и размахивают руками...

Джудит с жалостью слушала ее. Несмотря на роскошную обстановку и воспитание, в хрупкой женщине перед ней осталось многое от нерастраченной живости, детской веселости. Ее сердце дрогнуло, когда она начала рассказывать о родном Бостоне, о штате Массачусетс — обо всем, что могло заинтересовать женщину вроде Оливии Морхауз. Подробности моды и традиции. И все время, пока она рассказывала, в ее сознании навязчиво вертелась одна странная деталь, которой не находилось разумного объяснения.

Нигде в комнате — ни возле постели, ни рядом с креслом — не было видно трости, на которую при ходьбе могла бы опереться Оливия Морхауз. Ее место было в спальне, но где? Почему не там, где ее удобно достать рукой?

Было бы бестактно задать этот вопрос Оливии, тем более интересоваться несчастным случаем, сделавшим ее калекой. Больные люди обижаются, когда кто-нибудь пытается приподнять завесу над их частной жизнью. И Джудит не собиралась нарушать рамки приличий. Однако беседа заронила в ее сердце тяжелое ощущение, от которого было трудно избавиться. Челси-Саут выглядел теперь совсем другим в сравнении с тем, каким она представляла его раньше. Тревожным и загадочным было все, что окружало Оливию Морхауз и уютную комнату на втором этаже дома номер 77. И это было необъяснимо.

Всего лишь птичка в золотой клетке?

Была ли ею Оливия Морхауз?

Едва ли Оливия обладала большим, чем просто красотой.

Непрошеный мотив старой песенки всплыл в памяти Грустные, тихие слова, которые в начале века повторяло целое поколение:

She's only a bird in a gilded cage
A beautiful sight to see,
You may think she's happy and free from care
She's not though she seems to be
'Tis sad when you think of her wasted life,
For youth cannot mate with age,
And her beauty was sold
For an old man's gold,
She's a bird in a gilded cage *

Конечно, Джейфри Морхауз не мог назвать стариком, однако песня не шла из головы весь остаток дня — долго после того, как Джудит покинула Оливию Морхауз, бессильно откинувшись на подушки своей королевской кровати.

И все же, подобно старику в песне, Джейфри Морхауз обладал несомненным богатством. Владелец такого особняка не мог быть беднее, чем Крез.

Во всяком случае, не намного!

Глава десятая

Резко захлопнув пухлый, пропыленный том, Джейфри Морхауз с обреченным видом швырнул его на огромный деревянный стол, за которым Джудит Рейли прилежно переносила на чистые листы последнюю порцию морхаузовских заметок Унылую тишину залы

* © 1900 Shapiro, Bernstein and Von Tilzer

Она лишь птичка в золотой клетке
Пестрое оперенье,
Кажется, нет у нее забот
Но это обманчивое впечатление
Печально видеть, как тратит она свои годы,
Старость не спутник для юных,
Но ее красота продана,
И золото уже отсчитал стариk,
Она лишь птичка в золотой клетке

(Слова Артура Ж. Лама музыка Гарри фон Тилцера)

нарушало негромкое потрескивание то обращающегося в угли, то вспыхивающего вновь камина. Расточаемое им тепло было излишним — на улице стояла необычайно мягкая для марта погода. Яркий солнечный свет вторгся сквозь забранные решетками окна, позолотив ряды доспехов лучами. По возвращении в Челси-Саут Джейфри Морхауз немедленно вызвал Джудит в рыцарскую залу для продолжения работы. Едва препоручив ей свои записки, он устремился к вороху книг и рукописей, которыми была завалена его парта и большая часть стола. Очевидно, в шкафах и на полках их нашлось порядком, чтобы не отрываться от переписывания как минимум еще два года.

После нескольких часов сосредоточенных занятий, когда оба напряженно трудились, не прерываясь ни на секунду, первым не выдержал Морхауз. Приближалось время чаепития, и Джудит, отодвинув кресло и расправив затекшие мышцы, чувствовала, что готова отдать полжизни за чашку ароматного напитка, приготовленного Диккенс. От предвкушения пощипывало язык.

— На сегодня, полагаю, достаточно, — объявил он, возвышаясь над грудами сваленных книг — Чертовски неблагодарная работа!

— Я так не думаю, ведь мы занимаемся ею. Из меня скоро получится настоящий писатель. Удивительно каким тяжелым может казаться иногда карандаш или ручка.

— Готов подтвердить ваши слова, — он улыбнулся, доставая из кармана часы. Вежливая, в меру суховатая улыбка. Джудит все еще не освободилась от угнетенного состояния духа, однако не могла не отметить, как элегантно он выглядел в своем темно-синем сюртуке и таких же брюках, сшитых у Севиля Рой*. — Должен сказать, что мы продвигаемся успешно. Я почти разделялся со всеми саксонцами. Бог мой, вы когда-нибудь задумывались, сколько у них королей, имена которых начинаются на букву «Э»? Эгберт, Этельвульф, Этельболд, Этельред I, Эдвард Седой, Эдгар Миролюбивый, Эдвард Мученик...

* Аристократическое ателье в Лондоне

— Не забудьте об Альфреде Великом,— заметила она, неожиданно уступая его настроению.— И об Ательстане. Они нарушают монополию буквы «Э».

— Действительно! Остается только гадать, как им удалось родиться с такими именами. Может быть, их так назвали просто от скуки?

Они рассмеялись вместе. Их голоса слились в унисон, и под сводами студии пробежало негромкое эхо. Джудит не могла не почувствовать, как теплая волна отозвалась в ее сердце, когда Джейфри Морхауз обошел стол и остановился рядом. Перестав смеяться, он внимательно посмотрел на нее своими темно-кариими глазами.

— Приятно видеть улыбку на вашем лице. Вы очень привлекательная женщина, мисс Рейли.

Снова! Он говорил с ней, как прежде, когда встретил ее на лестнице. Тот же ласкающий слух голос, доверительные интонации. Она одернула себя. Руки трепетали, пришлое положить их на колени, сплетя пальцы. Трудно было поднять глаза, когда он разговаривал так.

— Пожалуйста, мистер Морхауз... ваши комплименты... вы заставляете меня краснеть.

— Вы запрещаете мне говорить правду?

— Нет, но я не знаю, что ответить. Вы влиятельный человек...

— Вот как? — его голос снова обрел язвительную надменность, хозяин дома словно обращался к служанке. Джудит ненавидела этот тон — оскорбительный и... жестокий.

— Хорошо, мисс Рейли, — продолжал он отрывистым голосом. — Тогда расскажите мне, как вы провели время в мое отсутствие. Вы уже видели сад? или розы Диккенс? Они превосходны, когда цветут, скоро начнется их сезон.

Джудит с благодарностью приняла перемену разговора. Просветлев, подняла глаза. Джейфри Морхауз стоял, держа в руках высокую свальную формы вазу, рисунок и пестрота которой часто привлекали внимание Джудит. Как-то он сказал, что это этрусская древность, завоеванная кем-то из крестоносцев Ричарда Львиное Сердце. Сейчас он рассматривал ее, поворачивая в руках, словно бочонок с пивом.

— Нет... я еще не осматривала достопримечательностей. Но я навестила Оливию... миссис Морхауз. Мы поболтали с ней.

— О? Это звучит интересно.

— Бедняжка. Ей очень тяжело.

— Да,— его тон показывал, что он не желает разговаривать на эту тему.— И о чем же беседовали две леди?

— О, о многом. Америка, «Титаник», моды и обычай моей страны. Что значит быть женщиной в самом центре прогресса.

— Прогресса?— эхом повторил он, презрительно фыркнув.— Это безбожное электричество до сих пор не функционирует. На мой взгляд, газовые рожки и свечи гораздо экономичнее. Индустриальная революция не что иное, как пустой звук. Меня вполне устраивает правление Георга Пятого.

Джудит с серьезным видом кивнула.

— Все это так, мистер Морхауз, но конные повозки и экипажи эдвардианской эры переживают, вероятно, последние дни. В Америке автомобили стали уже привычным явлением. Мистер Генри Форд...

Хозяин дома продолжал невозмутимо улыбаться. Джудит замолчала, видя, что его бесполезно в чем-либо убеждать. Тело, душа и мозг этого человека принадлежали прошлым эпохам. Возможно, седой древности. Он был человеком вне своего времени.

— Ливви хорошо себя чувствовала сегодня?

— Да, мне показалось, что совсем неплохо. Очень приятный собеседник. И очень тепло отзывалась о вас.

Джеффри Морхауз кивнул, с легким беспокойством во взгляде.

— Вы не знаете всего, что произошло, мисс Рейли. Болезнь Оливии отчасти объясняет мое уединение. Я больше не мог заниматься проблемами исторического общества, когда с ней случилось несчастье. Она была певицей, имела успех. В Ковент-Гардене она участвовала в оперном репертуаре. Под сценическим именем Оливии Далль. Вам стоило услышать ее, чтобы оценить ее искусство. У нее был замечательный голос.

Джудит не сразу нашлась что сказать от изумления.

— Значит, миссис Морхауз была актрисой? Какое совпадение!

— Совпадение? Не понимаю, мисс Рейли.

Он нахмурился, перестав вращать пальцами вазу. Его недоумение казалось неподдельным.

— О, извините, — пробормотала Джудит с неожиданным смущением, которое не смогла бы объяснить, даже если бы захотела это сделать. — Мне следовало бы сказать вам с самого начала, что я тоже была актрисой... — Наскоро пересказав свою короткую карьеру, она завершила рассказ описанием грандиозного провала «Генезис Опера» на лондонской сцене. Удивление, становившееся все заметнее на его лице, наконец успокоилось, сменившись иронической усмешкой.

— Сцена — и вы? — в его голосе было недоверие.

— Да, — внутренне она похолодела от его вопроса. — Надеюсь, вы не считаете, что для женщин это...

Он почти не слушал ее, снова сосредоточившись на вазе, которую осторожно поворачивал пальцами. Джудит, недоумевая, смотрела на него.

— Сцена, — тихо проговорил он. — Театр. Арена, где мы играем страх, надежду, возвышенные мечты. Почему бы и вам не принять участие? Весь мир — огромный балаган, и если это не так, значит, мой друг Шекспир сильно заблуждался. А мы, униженные смертные, бездарные актеры...

Неожиданно и совершенно необъяснимо он замолчал, поднял вазу и с силой швырнул ее в противоположную стену. Вместе с раскатившимся грохотом во все стороны брызнули осколки. Стремительно повернувшись на каблуках, Джейфри Морхауз, не оглядываясь, вышел из комнаты. Тяжелая дверь захлопнулась за ним, словно подъемный мост надо рвом. Гулкое эхо отразилось под старинными сводами студии.

В комнате воцарилась тишина.

Джудит Рейли, побледнев, осталась сидеть в кресле, потрясенная неожиданной вспышкой хозяина Челси-Саут. Измученный человек, еще раз уступивший изнуравшим его демонам.

Казалось, они пожирали его живьем.

Что толкнуло его на подобный поступок? Человек-загадка, переполненный противоречиями. Ей никогда не разгадать его тайны.

Возможно, даже разгадка ее не принесет избавления от кошмара.

Но почему?

Джудит не знала. Медленно поднявшись с кресла, она собрала бумаги, над которыми просидела весь день. Чаепитие было безнадежно испорчено. По крайней мере на сегодня.

Разбитое вдребезги настроение, казалось, лежало вперемешку с черепками на каменном полу самой большой залы Челси-Саут.

Когда кончится это безумие, если ему суждено закончиться?

Возможно, ему не будет конца.

Джудит поежилась от этой мысли. Мир за окном помрачнел, словно в рассказах Эдгара Аллана По. Мертвые сосны, леса, населенные призраками и феями, и дома с роковыми проклятьями... о нет!

Лучше вспомнить Марка Твена или сэра Вальтера Скотта. Романы надежды вместо отчаяния. Жизни, а не смерти. Любви, а не ненависти...

Камин потух, и серые тени протянулись от оконных решеток. В воздухе стало холоднее. Сохраняя невозмутимый вид, Джудит вышла из залы и длинным коридором направилась в заднюю часть дома. Старинные часы в прихожей пробили четыре.

* * *

Некоторое время она провела во дворе дома, наслаждаясь спокойствием мраморного патио, расположенного под ее окнами. Тенистую сторону Челси-Саут обрамляли вьющиеся побеги плюща, на ветках живой изгороди набухли почки. От прохладного ветерка защищал вязаный свитер, надетый поверх блузки. Выбросив из головы случай с вазой, Джудит погрузилась в созерцание ландшафта за домом. Пологий склон зеленеющей травы упирался в плотную стену деревьев на горизонте. Из патио они казались выше, чем из окна спальни.

Уютно расположившись в белом плетеном кресле, обращенном к роще, Джудит прикрыла глаза. Легко было вообразить шумящую вокруг вечеринку, честу Морхауз, принимающих гостей. Да, это была самая настоящая сельская Англия. Она улыбнулась; грезить наяву не было в ее привычках.

Едва брезжившее солнце склонялось на запад, изредка заслоняясь серыми облаками. Без покрова тумана вид Лондона был прекрасен. Удивительно, сколько красоты и очарования мог скрывать туман. Теперь была видна даже крохотная малиновка, припавшая к карнизу окна спальни. Где-то далеко раздавался лай пса, напомнивший ей о первом вечере в Челси-Саут. «...Проклятый пес Элберта...» В ушах звучал голос Морхауза. Элберт, имя, достойное древних саксонских королей!

Откинув голову, она посмотрела на небо. Бездонная глубина манила и зачаровывала. Тихо шелестел бриз, игравший золотистыми волосами, задевавший подол юбки.

Полное, дородное лицо Диккенс, материализовавшееся перед глазами, закрыло часть голубого фона. Ее появление было столь неожиданным, что Джудит вздрогнула от испуга.

— Прошу прощения, мисс Джудит...

— Вы меня напугали. Я совсем не слышала, как вы подошли.

Экономка кивнула, складывая на груди руки. Уголки ее губ тронула неуверенная улыбка.

— Наверное, у меня легкая походка.

Джудит улыбнулась.

— Меня снова зовут?

— Видите ли... хозяин куда-то уехал, а в гостиной его дожидается молодой джентльмен. Честно говоря, он приходится мне племянником, так что я могу поручиться за его манеры, хоть он и адвокат. Он привез какие-то бумаги для мистера Морхауза, но хозяина нет, и я хотела, чтобы вы составили ему компанию.

Джудит, сдва удерживаясь, чтобы не рассмеяться, коснулась ее руки.

— С удовольствием. Так он ваш племянник? И к тому же адвокат мистера Морхауза? Сильная комбинация.

Расплывшись довольной улыбкой, Диккенс направилась к стеклянной двери на террасу. Джудит последовала за ней.

— Джеймс мой единственный родственник. Сын покойной сестры, упокой Господи ее душу,— экономка вздохнула.— Вылитый портрет.

— Джеймс, вы сказали?

— Да. Джеймс Денем, славное имя. Его отец погиб в англо-бурской войне.

— О, мне жаль...

Еще до знакомства Джудит с приязнью подумала о Джеймсе Денеме. Каким бы он ни был, у них было много общего. Как и она, молодой адвокат был сиротою. И этим вызывал сочувствие и расположение. Родственные узы с Диккенс лишь усиливали симпатию.

В противоположность чувствам, которые Джудит испытывала по отношению к Джону Морхаузу, эсквайру. Потеряв в раннем возрасте мать и отца, он не производил впечатления осиротевшего. Совершенно. Это определение просто не шло к нему.

О хозяине Челси-Саут было невозможно думать как о сироте.

Глава одиннадцатая

Справедливости ради стоит заметить, что почтенная домоправительница нисколько не напоминала покойную сестру. Когда Джудит появилась в гостиной, вид Джеймса Денема, если это был он, напрочь опроверг все теории об обязательном сходстве людей, принадлежащих к одной фамилии. В обстановке роскошной комнаты с паркетным полом, мягкой мебелью и широкими окнами, завешенными кофейного цвета драпировками, он казался удивительно чужеродным. Словно лев, которого пригласили к вечернему чаю, но попросили вести себя тихо, как мышка.

— Мисс Рейли?

— А вы, полагаю, Джеймс Денем.

— Боюсь, что так. Моя добрейшая тетушка Би еще не утомила вас рассказами о своем племяннике Джеймсе?

— Мне кажется, она гордится вами.

Его улыбка угасла, лицо приняло печальное выражение.

— Именно этого я и боялся. Признаюсь, что я обожаю свою тетушку, однако прошу вас не придавать значения всему, что она рассказывает о своих племянниках. Особенно о Джеймсе Денеме, молодом стряпчем.

— О! И почему же?

— Она уже пожилой человек, к тому же расположенный к мечтаниям. Вам будет нелегко выбирать зерна из плевел.

Оба рассмеялись. Джеймс Денем галантно предложил ей кресло, сам устроился рядом. Их разделял изящный чайный столик. Мерно тикали часы на каминной полке. Джудит с любопытством рассматривала нового гостя. Его облик вносил приятное разнообразие в сумрачную суровость, характерную для общения с хозяином дома. Если молодые англичане, все как один, походили на Джеймса Денема, Соединенное Королевство могло не беспокоиться за свое будущее.

Высокого роста, сухощавый, он производил впечатление человека недюжинной силы. Стойкую фигуру облекал темно-коричневый твидовый костюм. Черные кожаные ботинки, тщательно завязанный галстук бежевого цвета и белоснежный платок, выглядывающий из нагрудного кармана, делали его облик неотразимым. Сравнение со львом не было пустою игрой слов. Беспрестанное движение — не нервозность, нет — выдавало скрытую энергию. Сходство усиливала каштановая грива волос, ниспадавших на лоб. Чисто выбритое лицо, словно маска из бронзы, покрывал густой загар. Несмотря на обычность черт, он был поразительно хорош, этот Джеймс Денем. Прямой нос, большой рот, глубоко посаженные, проницательные глаза. По всему он более походил на человека, предпочитающего свежий воздух улиц, нежели на клерка, запертого за партой в офисе.

— Жаль, что вы не застали мистера Морхауза, мистер Денем. Если я могу чем-нибудь помочь, я буду рада.

— Нет ничего проще, мисс Рейли. Я принес деловые бумаги и оставлю их у вас.

— Что-нибудь передать на словах?

— Ничего. Старина Джеффри знает, что с ними делать. Пусть пораскинет мозгами!

Столь неожиданное восклицание заставило Джудит удивленно приподнять брови, в то время как Джеймс Денем не отрывал от нее глаз, обескураживающие проницательных и восторженных. Подобное восхищение граничило с грубостью.

— Прошу прощения, мистер Денем?

— За что? — с горячностью возразил молодой человек. — Я слышал, признаюсь, что Джейффи нашел себе помощника для своего хобби — милая старая Англия и ее рыцари. Тетушка Би даже говорила мне, как вы привлекательны. Однако это все равно что сказать о Сикстинской капелле, что это симпатичный образчик итальянского зодчества! Вы просто красавица, миледи.

— Мистер Денем!..

— Да? Вы собираетесь рассердиться за то, что я открыл вам правду? Боже, неужели в ваших колониях живут одни слепые, если еще никто не говорил вам об этом?

Сказать, что слова молодого человека не тронули Джудит, было бы несправедливо. Словно пара бостонских закатов на ее щеках запылал румянец. Смузеню потупившись, она безуспешно подыскивала предлог, чтобы прекратить поток его комплиментов. В этот момент она особенно остро почувствовала свое положение в доме. Из затруднения ее вывел тихий голос Денема:

— Кажется, меня снова занесло. Простите. Одна из причин моих неуспехов в обществе дам. Говорить, что думаешь. Дурная привычка для адвоката.

— Ваши извинения запоздали, — Джудит вздернула подбородок, всем существом ощущая его восхищение. — Теперь я могу понять, против чего предостерегала ваша тетушка. Вы позволяете себе вольности, недостойные джентльмена, Джеймс Денем.

— Вольности? Бог свидетель, что у меня и в мыслях не было этого! Если кто и позволяет себе нечто подобное, так это Джейффи. Спросите-ка его, как он распоряжается моими деньгами. Очень сомневаюсь, что вы найдете его поведение джентльменским!

Джудит воздержалась от каких-либо замечаний, решив перевести разговор в более безопасное русло.

— У мистера Морхауза интересная работа. Мне нравится здесь, мистер Денем. К тому же ваша тетушка делает все, чтобы я чувствовала себя как дома.

— Неудивительно. Мне не так часто приходилось иметь дело с американскими леди, но, глядя на вас, я начинаю раскаиваться в этом.

Она покачала головой, улыбаясь. Племянник Диккенс был полной противоположностью Джейфри Морхаузу. Словно ночь и день, белое и черное.

— Вы неисправимы, Джеймс Денем.

— Согласен, но против этого существует противоядие.

— И какое же?

— Зовите меня Джеймс, а я буду называть вас Джудит. Клянусь, меня нисколько не обидит такая фамильярность.

— Но, мистер Денем...

— Джеймс, вы забыли, Джудит.

Она сдалась. Было невозможно противостоять обаянию этого человека.

— Ну хорошо, пусть будет Джеймс.

— Спасибо, Джудит. Видите, как все просто К чему тратить время на пустые формальности.

Про себя она улыбнулась Джеймс Денем был более американцем, чем мог бы предположить Типично американская прямота, привычка сразу брать быка за рога В этом смысле он ничем не отличался от заокеанских первопроходцев.

— Вы давно знакомы с мистером Морхаузом, Джеймс?

Услышав свое имя, произнесенное без принужденности, он просиял; придинувшись, облокотился о столик. В глазах прыгали озорные искорки.

— Пожалуй, с тех пор, как мы бросались снежками в студенческом городке Кембриджа. Для учебы я был еще слишком молод, однако это не мешало мне подрабатывать, убирая общежития. Джейфри старше меня на десять лет, но это не такая уж и большая разница. Когда тетушка Би стала его домоправительницей, я получил наконец свой диплом, он попросил меня представлять его интересы в суде... В общем, все как в романах Диккенса. Маленький мальчик, играющий в снежки, и благодетель, принимающий его на работу. Строго в соответствии с классическим сюжетом.

— Как интересно. А миссис Морхауз?..

Его лицо неожиданно нахмурилось. Впрочем, замкнутое выражение почти тотчас сменил мягкий, почти извиняющийся взгляд. Видеть его озабоченным было необычно.

— К сожалению, я не могу обсуждать с вами ничего, что бы затрагивало Оливию Морхауз. Этическая словесность, которую я бессилен переступить. Адвокатский кодекс и прочая чепуха.

Джудит всхихнула.

— Надеюсь, вы не подумали...

Он небрежно махнул рукой, в глазах по прежнему блестело искреннее восхищение.

— На вашем месте я выбросил бы из головы всякие мысли о старине Джейфри. На его совести немало прекрасных вещей, загубленных неосторожным прикосновением. Оливия могла бы стать известнейшей певицей, если бы не бросила сцены, выйдя замуж за Джейфри. Ну и конечно... о, прошу извинить меня. Совсем забыл про бумаги, которые прислал.

Уловка молодого адвоката была очевидной. Прервавшись на середине фразы, он подошел к длинному столу из красного дерева, где лежал черный деловой портфель, накрытый модной темно-коричневой шляпой. После короткой манипуляции с металлическими застежками в его руках оказалась стопка исписанных бланков, которые он, вернувшись, с шелестом выложил перед Джудит. На его лице играла широкая улыбка.

— Вот они. Проследите, чтобы Джейфри просматривал их. Мне необходима его подпись до конца недели.

— Обязательно. Но вы собирались что-то сказать, Джеймс, перед тем как вспомнили о бумагах?

Улыбка стала еще шире.

— Ничего. Наверное, я немного ревнив, если путаюсь в словах от волнения. Однако я льщу себя надеждой, что мой греческий профиль и непринужденность произведут на вас должное впечатление, моя милая Джудит Рейли.

Она вздохнула, беспомощно отвечая на его улыбку. Почему с ним все кажется таким простым, несложным?

— Джеймс Денем, — проговорила она, — вы самый легкомысленный из всех адвокатов, которых я знаю.

— Что делать. Но в адвокатской мантии я весьма представлен. И несметно богат, моя дорогая леди

Вам известно, что мой годовой доход оценивается в пять тысяч фунтов стерлингов?

— Вы первый, кто говорит мне об этом

— Какая непредусмотрительность. Но почему вы так небрежно отзываетесь о состоянии, которое готово лежать у ваших ног?

— О.. вы нахал, Джеймс!

— Из ваших уст я с радостью грущу любое прозвище, — неожиданно серьезно произнес он — Но только от вас.

На это трудно было что-либо ответить. И Джудит решила промолчать.

* * *

Позже, когда он уехал, воспользовавшись экипажем, который ожидал его на дороге перед домом, Джудит все еще продолжала переживать их разговор. Час оказался слишком малым отрезком, чтобы вместить чувства, вызванные его посещением. Прощаясь возле двери, он с силой пожал ее руку. Кожа сохранила теплое прикосновение его пальцев. Выглянувшая из кухни Диккенс успела лишь сказать ему «до свидания», и через минуту он исчез. Перестук копыт затих вдали по дороге.

— Он всегда такой, Диккенс?

— Какой, мисс Джудит?

— Энергичный, улыбчивый. Очень обаятельный. Наверное, так приятно иметь молодого и предприимчивого племянника.

— Он гораздо старше вас, моя девочка. В июле ему будет двадцать семь лет. Но вы правы, Джеймс замечательный мальчик.

— Должна признаться, что мне он понравился. Мы только познакомились, но уже называем друг друга по имени!

— В этом весь Джеймс, — Диккенс горделиво вскинула голову, словно павлин, распустивший перья. — От начала и до конца. С каблуков и до шляпы.

Джудит не могла не согласиться с таким чистосердечным одобрением, пусть даже оно исходило из уст любящей тетушки. В унылом однообразии Челси-Саут

Джеймс Денем промелькнул, как огненный метеор. В его обществе она вновь ощутила себя женщиной. Женщиной, а не библиотекарем. И это было восхитительное чувство.

* * *

Джеффри Морхауз вернулся поздно вечером, пропустив ужин. Когда Джудит зашла в студию, чтобы забрать книги для чтения, то застала его сидящим за партой, погруженным в бумаги, которые оставил Джеймс. Услышав ее удивленное восклицание, он едва обернулся. В полумраке залы его фигура выглядела печально и немножко зловеще.

— Я вернулся, мисс Рейли. Спасибо, что оставили мне бумаги.

— Их передал мистер Денем.

— Вы с ним разговаривали?

— Да. Он дожидался вас в гостиной, потом уехал.

— Так-так. И как он вам показался?

Он неожиданно повернулся в кресле, и Джудит поразилась бледности его лица. Он выглядел на несколько лет старше, совершенно измученным. В зрачках мерцал тусклый огонь.

— Не знаю... он очарователен. Вы хорошо себя чувствуете, мистер Морхауз? У вас усталый вид...

Он помотал головой, словно пытаясь прогнать назойливую муху. Когда он заговорил, голос был ровным и безжизненным. Лишенным всяких эмоций, кроме усталости и, возможно, досады.

— Со мной все в порядке, мисс Рейли. Думайте о работе. История успокаивает. По крайней мере, там все в прошлом, все решено и закончено.

— Но...

— Не беспокойтесь. Отправляйтесь спать, мисс Рейли. С реки снова поднимается туман, будет холодная ночь. Укройтесь потеплее.

В недоумении она подошла к двери, оглянулась. В сумраке залы он казался подземным божеством, размышляющим над уделом Вселенной. Черный правитель.

— Спокойной ночи, мистер Морхауз, — тихо сказала она.

Он словно не слышал ее, уткнувшись в документы, которые занимали его, когда она вошла. Удивленная изменчивостью его настроений, Джудит покинула студию, затворив за собой дверь.

Джеффри Морхауз навсегда останется для нее загадкой. С горечью приходилось признать это. Между ним и людьми возвышалась неприступная стена, преодолеть которую было невозможно. Даже ей.

И так будет всегда, кто бы ни пытался.

Она поднялась в комнату, захватив горящую свечу. В зыбком освещении скакали тени, уродливые змеи струились по лестнице.

Снаружи доносился шелест дождя, тяжелые капли ударяли в окна и стены Челси-Саут. Дождь и туман, о котором говорил Джеки Морхауз, казались зловещим сочетанием.

Дрожа от холода, Джудит поднималась по ступеням.

* * *

Комната встретила настороженной темнотой. Даже свеча, поставленная на шифоньер, не могла разогнать скопившиеся в углах тени. Что-то необычное, жутковатое чудилось в пляске ее огонька. Шум ветра, дождь за стеной производили впечатление неповоротливого монстра, пытающегося вскарабкаться вверх, пробраться сквозь поросшие мхом щели. Облачившись в пижаму и затушив свечу, Джудит легла в постель. Прикосновение простыни было чужим и холодным. Ночь пришла словно месть за спокойствие прошлых дней. Напоминание кошмара.

Тяжелая пелена мрака заслонила комнату; шуршали капли дождя, косо ударявшего в стекла. Зловещее предупреждение сил тьмы.

Глава двенадцатая

Первым признаком, что в комнате что-то произошло во время сна, было легкое пощипывание в горле. Джудит пошевелилась, но ощущение не исчезло, наоборот, стало сильней. Теперь оно заслоняло все

остальные чувства. Джудит попыталась вздохнуть и инстинктивно уткнулась в подушки от резкой боли в легких. Яростный, горящий спазм наполнил грудь страданием. Стало трудно дышать. В пробуждающийся сумрак сознания впился запах гари. Едкие дымы и языки пламени рвались из глубин сна, озаренные ярким, обжигающим сиянием... Словно спальня превратилась в раскаленную топку.

Увы, это был не сон!

Комната походила на адское полотно, созданное чьим-то разрушительным гением. Палитра красок вмещала лишь красный цвет со всеми его полутонаами и оттенками. Зрелище было ужасающим. Пока прояснялся испуганный взгляд и окружающая обстановка принимала четкие очертания, Джудит уже знала, что не спит. На смену снам пришло воплощение кошмара.

В багровой полутиме метался огонек свечи, выхватывая бледные черты лица из ночных фантазий. Реальность оказалась страшнее кошмара. Женщина перебегала вдоль стен, размахивая зажженной свечой в руке, поджигая занавески, обои, мебель, и каждая новая вспышка озаряла ее инфернальным пламенем. Черные, ревущие языки стлались по полу, вытягиваясь и пожирая картину разрушения. В призрачных сполохах кружилась безумная незнакомка. Словно колдунья или демон из мрачного подземелья. Разгневанный призрак, выскользнувший из-под покрова тьмы.

Несмолкающие рыдания наполняли комнату. Безумные, жалкие всхлипы, исполненные губительного ритма. Незнакомка, танцующая в отблесках костра, казалось, не замечала замершую в постели девушку. Все ее существование лотила адская работа. Рыдания разносились по комнате в унисон с пламенем.

Джудит не могла пошевелиться. Ужас, охвативший ее, не позволял отвести глаз от фантасмагорической сцены. В отчаянии она вспомнила о запертой двери. О Боже... нет, это невозможно! Если воображение винно в безумии... В этот момент она увидела трость. Длинная, прочная палка с резиновой набойкой на конце. И реальность происходящего с ледяной неотвратимостью предстала перед глазами.

Безумица, прихрамывая, металась по комнате. Знакомое постукивание пронизывало стену дыма и огня.

С расширенными от страха глазами Джудит отпрянула к изголовью, кутаясь в бесполезное одеяло, запрокинула голову...

И закричала. Изо всех сил.

Мир багровых сполохов и клубов пламени промелькнул, заглушаемый шумом пожара. В сумасшедшем биении пульса исчезла женщина с тростью и свечой. Краски померкли.

Джудит Рейли потеряла сознание.

* * *

Пробуждение было невероятным, подобным новому сну. Джудит не шелохнулась, боясь его потревожить. Казалось, ниточка счастья растает при первом же движении век. Безмятежный покой окружал ее, как когда-то в детстве; она снова ощущала себя маленькой девочкой, засыпающей в своей кроватке. Теплые простыни ласкали кожу, одеяло подтянуто до подбородка. Атмосфера чистоты и уюта. Исчезли ночные страхи, запах дыма и блики огня. Словно пустынный остров вypрос вдали от безумного мира. Лежать на песке, наслаждаться шепотом прибоя. Земной шар может вращаться без нее. Джудит блаженно потянулась.

- «...Тебе ничего не угрожает. Не бойся. Все кончено. Боже, как я был безрассуден. »

Голос казался знакомым. Глубокий, чувствительный баритон Джейфри Морхауза. Но с кем он говорит? Почему шепотом?

«Джудит? Ты проснулась? Пожалуйста, выслушай меня...»

Тихий, умоляющий голос. Или это ей снится?

«.. Прошу тебя Мне необходимо объяснить Мод больше не потревожит тебя Никогда. Я принял решение. Джудит?»

Мод?

О ком он говорит?

Джудит с усилием открыла глаза. Далекий остров растворился в бездонных глубинах сна. В поле зрения возникли незнакомые предметы обстановки, Сабля над полкой камина, рыцарские доспехи на тумбe из красного дерева в углу. Джейфри Морхауз, в халате, со всклоченными волосами, сидел на краю постели, глядя

на нее с озабоченным лицом. Она находилась в его комнате, наедине с ним...

Прежде чем это открытие улеглось в сознании, вернулись прошлые страхи. Пожар, безумный танец и незъяснимый ужас, сметающий все на своем пути.

Она тихо заплакала, закрывшись руками. Дрожь сотрясала тело, жалобные всхлипы казались отзывами дождя, падающего за окнами Челси-Саут. Рука Джейфри Морхауза нежно коснулась ее запястья. Сильное, успокаивающее прикосновение. Она продолжала плакать, и он не мешал ей. Достаточно, что он находился рядом, чтобы вновь обрести уверенность в себе. Безумное видение исчезло. Навсегда ли?

— ...Тебе нужно выплакаться, — медленно, подбирая слова, проговорил он. — Я получил по заслугам, подвергая тебя такой опасности. Однако кто мог предположить подобное? Последнее время она была так послушна... Я не должен был играть жизнью людей. Когда ты сможешь слушать, я попытаюсь рассказать о проклятии дома Морхаузов. Да, в Челси-Саут есть свой фамильный призрак. Несчастная сумасшедшая, существование которой тяжелее, чем смерть...

Сквозь слезы, еще не понимая, о чем он говорит, Джудит прошептала, словно маленькая девочка:

— Кто она?

Ответ не был неожиданным. Другого объяснения не существовало.

— Сестра Ливви, — с грустью в голосе произнес Джейфри Морхауз. — Мод Далль.

— Сестра?

— Да! — повторил он с внезапным ожесточением. — Несчастный, сумасшедший лунатик. И самое страшное, что такой ее сделал я!

Джудит вжалась в подушки, глядя на искаженное мукой лицо. Новые загадки, на которые нет ответа. Нужно так много узнать. Где теперь эта женщина? Где Диккенс? И что сама она делает в чужой спальне!

Однако для расспросов не было времени, как и для щепетильной гордости или смущения. Она поняла это в одно мгновение. Джейфри Морхауз был слишком измучен, чтобы придерживаться этикета.

Требовать соблюдения этикета было уже поздно.

Хозяин Челси-Саут словно угадал ее мысли. Пропник в ее сомнения и страхи.

— ...На счастье, мы услышали крики. Диккенс и я. Мы успели вовремя, чтобы не допустить... — он умолк, нахмурившись. — Не стоит и говорить, что от комнаты осталось одно пепелище. Вы проведете эту ночь здесь. Для меня приготовлена другая комната. Мод заперта в своей спальне Диккенс привязала ее к кровати и дала выпить снотворное. Она больше не причинит вреда никому, в том числе и самой себе. Боже, каким кошмаром это было для тебя...

Джудит села на постели, подтянула колени к подбородку, взглянула ему в лицо. Сухие глаза и волевой рот. В его мужественных объятиях она чувствовала себя, как в детстве, когда покойный Александр Рейли подхватил ее, упавшую с крыльца, на руки.

— Мистер Морхауз... — гортань едва повиновалась ей. — Я больше не плачу. Расскажите мне о Мод. Я хочу знать.

— Хорошо, — угрюмая улыбка осветила его лицо. — Однако теперь, мисс Рейли, вы можете называть меня моим христианским именем. Мы оба прошли ту границу, когда соблюдают формальности.

Как объяснить мягкий, горячечный трепет, что охватил ее? Казалось, губы не в съестоянии вымолвить имя, которое он требовал от нее. Надежда, обретшая воплощение. Сбывались ее тревы, свидетелями которых были мотчаливая комната и погашенная свеча. То, что представлялось игрой для Джеймса Денема, не было таковым сейчас. Джейффири Морхауз был серьезен, как сама жизнь.

— Джейффири, — выдохнула она, ощущая вкус его имени.

— Джудит, — тихо произнес он.

Он коснулся ее руки, прежде чем начать рассказывать. Джудит не отодвинулась. Негромкий, чарующий звук голоса захватил ее.

* * *

— . . . Несчастье с Оливией было для меня полнейшей неожиданностью. Мы собирались в Ковент-Гарден

на представление «Аиды». Если бы Ливви осталась на сцене, она стала бы примадонной. Хотя что теперь говорить об этом? На площадке лестницы, возле самого входа, ее каблук провалился в щель между плитами — она потеряла равновесие. Я находился слишком далеко, чтобы подхватить ее. У Мод, которая в тот вечер была вместе с нами, рассыпались бусы, и я помогал собирать их, когда все случилось... Бог мой, я как сейчас это вижу. Ливви в длинном вечернем платье, словно тряпичная кукла, падает, ударяется о ступени. Мод кричит...

Джеффри Морхауз замолчал, захваченный ожившими воспоминаниями, вновь переживая их на глазах Джудит. Он с грустью улыбнулся, когда она погладила его руку. Справившись с чувствами, он продолжал рассказывать. В ровном мерцании настольной лампы, накрытой матовым стеклом, его лицо казалось пепельно-серым.

— Мод видела, как все произошло. От ужаса она виала в беспамятство. Позднее, когда ее осматривали доктора, все они пришли к одному и тому же заключению. Ее угнетало чувство вины за то, что она заставила меня собирать рассыпавшиеся бусы вместо того, чтобы помочь жене подняться по лестнице. От этих мыслей она потеряла рассудок. Превратилась в неподвижного зомби. Состояние каталепсии, когда больной практически не реагирует на внешние раздражители. Теперь все позади.

Первое время ей была необходима трость, ноги восстановились полностью, но осталась привычка опираться на что-нибудь при ходьбе. Не знаю, чем это вызвано, и думаю, лучше не мешать ей.

Он пожал плечами и вздохнул. Парчовый халат натянулся на широкой спине.

— Естественно, я не находил себе места после несчастного случая. Блестящая карьера Оливии, ее жизнь были разрушены в одночасье. Осталась немощная калека, обреченная до скончания дней лежать в постели с неизлечимой травмой позвоночника. Без надежды на выздоровление. Что касается Мод... в ее жизни не нашлось друга, способного взять на себя часть бремени. выпавшего на ее долю. Она была одинока, как старая дева. И тогда я принял решение. В нарушение закона

я оставил ее дома, не стал отдавать в клинику для душевнобольных. Знакомым я сообщил, что отправил ее в швейцарский пансионат на излечение. Однако все время она находилась здесь. В маленьком чулане под лестницей Я был вынужден лгать, когда говорил, что там моя мастерская. Это ее жилище, где она может существовать, не видя света дня. Вначале я тешил себя надеждой, что к ней вернется рассудок, однако ее состояние лишь ухудшалось с годами. Это было настоящее безумие!

— В тот вечер, когда я приехала — удивленно прошептала Джудит

— Да, это была она. Выбралась из комнаты поиграть. Кто знает, что происходит в ее голове? Люди, теряющие рассудок, становятся похожими на детей. Живут собственными фантазиями. Я запер ее, перед тем как открыть входную дверь. На какое-то мгновение мне показалась абсурдной вся затея с объявлением. Ведь придется гораздо тщательнее охранять секрет. Раньше она жила в своей спальне, но ее гунализм заставил меня подыскать ей более надежное помещение. Ничего удивительного, что она до смерти испугала тебя. Зрелище не из приятных.

— Она рыдала, когда я проснулась, и потом эта свечка, невнятные угрозы

Его глаза сузились, впившись в ее лицо

— Что она говорила? — голос звучал жестко. Почти сердито

— Обычный набор, — Джудит задумалась, вспоминая. — Кто-то хочет убить ее, Ковент-Гарден, ария Лак мэ о, Джеффри, не смотри на меня так! Я понимаю, как ужасно это чувствовать.

Хмурое выражение исчезло, он покачал головой, неуверенно улыбаясь

— Это действительно тяжело. Едва ли кому дано испытать

— Но я это чувствую. И думаю, что очень благородно с твоей стороны заботиться о ней. Не каждый мужчина решится содержать в доме помешанную сестру жены

— Возможно, ты в чем-то права, — его глаза пристально изучали ее лицо. — Когда я сказала, что тростью пользуется Ливви, я предполагала, что воспитание не

позволит тебе прямо спросить ее об этом. Мой расчет оправдался.

— Спасибо, Джейфри. Однако у меня и в мыслях не было... Скажи, ведь Диккенс знала обо всем с самого начала?

— Разумеется. Мод нужно было кормить, одевать, заботиться о ней. Диккенс превосходно справлялась со своими обязанностями. Я уже говорил, что она незаменима для Челси-Саут.

— Ей можно доверить тайну. Я даже не подозревала, что она что-то скрывает. Не хочу быть любопытной, Джейфри, но каким образом Мод покинула мою комната незамеченной? И как вошла сквозь закрытую дверь?

Он болезненно вздрогнул; тревожное выражение вновь исказило его черты.

— Потайной ход. Дом старинной постройки, и каждая эпоха наложила свой отпечаток. До того вчера я не знал, что в твою спальню ведет еще одна дверь. Когда Мод побывала у тебя, я осмотрел стенные панели и обнаружил полость за одной из них. Скрытые полозья позволяют бесшумно отодвигать ее в сторону. Не зная секрета, невозможно ничего заметить. Мне стало страшно, когда я подумал, что безумница могла поранить тебя. С этого дня я запирал ее в комнате

Джудит удивленно приподняла брови. Если Мод была заперта.

Заметив ее сомнение, он поспешил объяснить:

— Сегодня я был взволнован. Вел себя как последний идиот. Эта выходка с вазой в студии... Когда я вернулся вечером, то забыл запереть ее.

— Не расстраивайся, прошу тебя. Невозможно все держать в голове. Скажи, кто-нибудь еще знает о ее убежище? Может быть, Джеймс Денем?

Пальцы Джейфри Морхауза судорожно сомкнулись на ее руке. Странно блеснули зрачки.

— Нет, ему ничего не известно. Этот молодой мошенник никогда не поймет моих чувств, а выслушивать его возражения я не намерен. Однако теперь мне ясно,

как можно исправить ошибку. Мод действительно нужно отправить в Швейцарию. Бедная Оливия, да простит мне Господь,— она даже не знала, что ее сестра рядом. Я просто не мог позволить им встретиться, пока Мод находится в таком состоянии. Ты понимаешь меня, Джудит? Кто знает, может быть, лишь «Венценосцы Британии» удерживают меня самого от безумия?

Его интонации стали умоляющими, прерывистыми, словно не лорд огромного поместья, а беспризорный мальчишка жаловался на свою судьбу. Сердце Джудит разрывалось от жалости, тянулось к нему. Весь мир внезапно сжался до размеров крохотного куска сушки, где были только они вдвоем. Два странника, встретившихся в темноте.

— Не надо, Джеффри, или я заплачу...

— Джудит...

Его пронзительный взгляд растаял во мраке, когда оба, не задумываясь, упали друг другу в объятия. Губы слились в чувственном поцелуе. Джудит плыла над бездной, удерживаемая его руками. Вселенная канула в туманное безумие.

— ...О, Джудит... как я хотел обнять тебя... целовать... касаться волос...

— Джеффри, Джеффри...

Имя мелодией любви дочосилось сквозь сумрак.

— Я люблю тебя, Джудит, я...

— Джеффри, не надо... пожалуйста...

— Ты сводишь меня с ума... Я умру, но не отдам тебя никому!

Невероятные слова: ревущий поток его страстей смешался, соединился с ней; грохотал подобно раскатам грома.

Словно она утонула в водовороте любви и страсти.

Отошли в небытие сумасшедший призрак, женщина наверху в спальне. Не осталось ни тайн, ни сумеречных теней, одна лишь радость наполняла существо.

Рядом был Джеффри Морхауз, и он говорил волшебные слова. Говорил, что любит ее. Джеффри Морхауз эсквайр. Против его любви был бессилен весь мрак Вселенной.

Глава тринадцатая

Утро походило на продолжение сна. Ни туманный рассвет, ни потусторонние страхи прошедшей ночи не могли омрачить счастливое настроение. К Джудит Рейли пришла Любовь. Опутанная ее волшебною паутиной, она не задумывалась о зловещей тайне, открытой ей Джеффри Морхаузом. Безумица, запертая в каморке под лестницей, больше не тревожила мыслей. Темные воды Стикса поглотили прикованную к роскошной постели Оливию, еще не вдавшую о перемене в чувствах ее мужа. Джудит испытала легкое раскаяние, словно она была повинна в этом.

В это утро мало что останавливало ее внимание. Даже обугленные, растрескавшиеся стены собственной спальни, куда она поднялась переодеться для завтрака, не умерили ее беззаботной восторженности. Сердце пело, когда она снимала с плеч халат, который оставил ей, уходя накануне, Джекфри Морхауз. Воспоминания о мгновениях, проведенных в его объятиях, прогнали всякое ощущение вины. Любовь всегда осеняет, затмняет недостатки — свои и любимых.

Приглушенный бой старинных часов в прихожей возвестил начало завтрака. Джудит торопливо переоделась, в нетерпении от предстоящей встречи. Взбила гребнем золотистые пряди волос, покружила перед овальным зеркалом шифоньера. Внешний вид в эту минуту значил гораздо больше, чем все секреты и потайные ходы Челси-Саут, вместе взятые.

В приподнятом настроении Джудит прошла коридор, спустилась по лестнице. Она словно плыла, едва касаясь каблуками туфель покрытых ковровой дорожкой ступенек. Воздух был прозрачен и полон счастья, как будто весь мир улыбался ей.

Когда она вошла в столовую, место во главе стола, которое обычно занимал Джекфри Морхауз, было пусто. Диккенс расставляла прибор для Джудит. И снова беспечное настроение не придало значения суровому выражению лица домоправительницы. Она была слишком счастлива, чтобы заметить перемену, происшедшую в их отношениях.

— Доброе утро, Диккенс.

— Доброе утро, мисс.

— Я раньше всех? Или мистер Морхауз..

— Хозяин в студии. Я отнесла ему чай.

Неприветливый тон озадачил Джудит, но она неверно поняла его причину.

— Я очень сожалею о том, что произошло ночью Вам пришлось пережить не меньше, чем мне. Все так печально...

— Ешьте, а то еда остынет,— пряча глаза, проговорила Диккенс.— Я делала не больше того, что мне вели. Сейчас я приготовлю вам чай.

— Диккенс!

Поведение домоправительницы было необъяснимым. Она вела себя словно слуга, знающий свое место. Вынужденные, сухие ответы, лицо без улыбки. В сердце шевельнулось недоброе предчувствие.

— Да, мисс?— Диккенс стояла в дверях кухни, нетерпеливо перебирая руками подол передника и всем видом показывая, что ее дожидается работа.

— Вы снова не называете меня по имени,— обиженно произнесла Джудит.— Я действительно сожалею о том, что вам пришлось вынести этой ночью. Вы спасли мне жизнь. Вместе с Джоф.. с мистром Морхаузом. Диккенс, в чем дело? Почему вы хмуритесь?

— Я не хмурюсь, мисс.

— Вы разговариваете со мной так, как будто мы больше не друзья. Если я чем-то обидела вас, скажите. Я хочу знать, что случилось?

Холодный, проницательный взгляд, которым одарила ее Диккенс, еще больше усилил недоумение. Домоправительница смотрела на нее, как на низшее существо. Недостойное даже презрения.

— Не мне судить ваши поступки, мисс, хотя безразвественно для молодой леди принимать ухаживания женатого мужчины. А ему — забывать о большой жене, прикованной к постели. Мне стыдно за вас, мисс Джудит Рейли, и больше я ни о чем не хочу разговаривать с вами!

С этими словами она повернулась и промаршировала через открытую дверь на кухню, оставив молодую женщину, неподвижно сидящей в кресле. Казалось, об-

рушился мир и похоронил под обломками сверкающие лучи счастья.

Приподнятое настроение, радовавшее с момента пробуждения, угасло. Вид приготовленных блюд вызывал отвращение. Обвинение продолжало отдаваться эхом в ушах, пылали щеки. Слезы застилали глаза, когда она, отодвинув стул, спотыкаясь, устремилась прочь из столовой. Счастливые воспоминания утра превратились в настоящее мучение.

Диккенс была права. Ее слова напомнили ей, что она совершаet грех. Нарушает заповедь, установленную для живущих под этим небом, и не может рассчитывать на прощение. Правда была столь ужасающей, что рядом с ней меркли страхи ушедшей ночи. Джудит Рейли любила человека, связанного узами супружества с прекрасной и беспомощной женщиной. Сознание этого обстоятельства походило на удар грома в безоблачном небе.

Не разбирая дороги, в слезах, она поднималась по винтовой лестнице, смутно представляя, куда и зачем идет.

* * *

— Оливия, можно войти?

— Джудит! Как мило, что вы нашли время заглянуть ко мне. У вас перерыв в работе?

— Я сейчас спускаюсь в студию. Мне захотелось поговорить с вами.

— Ловлю вас на слове. Присаживайтесь, пожалуйста. Вы выглядите прекраснее с каждой новой встречей. Сегодня погожий день, не правда ли! Я слышу, как поют птицы. Иногда так хочется улететь с ними. Жаль, что у людей нет крыльев...

Слушая мелодичное щебетание Оливии Морхауз, Джудит с удивлением спрашивала себя, что привело ее в комнату жены Джеффри Морхауза? Слова Диккенс обжигали сильнее адских пожарищ; само воспоминание о событиях прошлой ночи превратилось в мучительную пытку. Судный день, если он существует, не мог бы придумать казни ужаснее. Сидя в мягком кресле, она всматривалась в лицо лежащей в постели жен-

щины. Какой беспомощной и беззащитной выглядела Оливия Морхауз. Под аккуратно нанесенным слоем косметики проступали восковые, поразительно хрупкие черты. Щеки окрашивал неестественный румянец.

— ...но что можно противопоставить судьбе? Течение жизни не повернуть вспять, как бы этого ни хотелось. Как движется ваша работа, Джудит?

— Замечательно. По моим оценкам, мы уже приближаемся к середине книги.

— Приятно слышать. Значит, Джейфф заканчивает свой проект. Вы очень помогли ему, Джудит.

— Вы листите моему самолюбию.

— Уверяю вас, это правда. Я давно не видела его таким целеустремленным и энергичным.

Джудит прикусила нижнюю губу

Несмотря на внешнюю легкомысленность характера, продолжительная болезнь и связанная с ней неподвижность придали проницательность суждениям Оливии.

— Что-нибудь случилось, Джудит?

— Нет, ничего особенного.

— Вы хотели что-то рассказать мне? Умоляю вас, не скрывайте.

Печально было сознавать неведение, в котором пребывала хозяйка Челси-Саут, ни на секунду не догадывавшаяся о существовании сестры, всего в двух шагах от ее спальни. Не подозревавшая о перемене, постигшей ее мужа. Странная неуверенность охватила Джудит. Она никогда не сможет сказать Оливии Морхауз: «Я люблю Джейффри. Дайте ему свободу, чтобы мы были счастливы».

Это выглядело бы насмешкой. Что могла она, Джудит Рейли, предложить такому человеку, как Джейффри Морхауз?

— Джудит?..

Нежно произнесенное имя выхватило ее из бурлящего потока мыслей. Оливия Морхауз внимательно смотрела на нее с постели.

— Пожалуйста, скажите, зачем вы зашли?

Джудит натянуто улыбнулась, вопреки леденящему отчаянию, которое вторглось в душу.

— Вам, наверное, покажется странным, но мне просто захотелось сказать, как я счастлива быть рядом с вами. Ваши отношения с мистером Морхаузом так трогательны. Превозмогать страдания и во всем оставаться настоящей леди, до кончиков ногтей. Мне хотелось бы хоть наполовину быть похожей на вас... я не обидела вас? Я не хотела причинять вам боль...

Удивление, отразившееся на лице Оливии Морхауз, не могло скрыть мимолетной тени удовольствия, затуманившей взгляд. Даже столь неуклюзий комплимент доставил радость бедняжке. Ее руки нервно поигрывали уголком одеяла.

— Ваши слова заставили меня покраснеть, Джудит... хотя так приятно узнать, что кто-то восхищается тобой.

— Я отвечаю за каждое слово, — упрямо повторила Джудит, пожимая протянутую руку. Улыбка Оливии была искренна и чиста, и в этот момент Джудит отчетливо поняла, что навсегда потеряла Джейфри Морхауза. Она не вправе украсть даже частицу того, что принадлежит Оливии.

— Наверное, вы уже разгадали мою маленькую тайну? — шепот больной был грустен. — Я так люблю Джейффа. Его любовь — единственное, что дает мне силы жить, просыпаться каждое утро. Мне кажется, я умру, если потеряю его.

— Вы никогда не потеряете его. Не представляю, как такое возможно.

— Благослови вас Господь, — лицо Оливии просияло, глаза ожили радостью. — Этим утром вы принесли немного солнца в мою комнату. Вы заставили меня волноваться от счастья!

— Мне так приятно...

— Спасибо вам, Джудит.

— Мне пора в студию, — она поднялась с кресла, ощущая необычную опустошенность в груди. Улыбнулась, хотя и не испытывала радости. — Я загляну к вам позже, обещаю.

— Не забудьте о своем обещании. *Au revoir**, Джудит.

* До свидания (фр.)

— A bientot*, — Джудит выскользнула из уютной комнаты.

Прощание на французском облегчило расставание, привнеся ауру ирреальности в сцену, разыгранную двумя женщинами. Она не сказала Оливии, что дни ее пребывания в Челси-Саут можно перечесть по пальцам. Было невозможно дольше оставаться наедине с Джейфри Морхаузом. Покинуть особняк значило потерять Любовь. Диккенс была права когда обвиняла ее. Но помимо любви существует понятие чести. И гордости.

Теперь ей было известно все, что она предполагала узнать.

Оливия Морхауз безрассудно влюблена в своего мужа.

Без него она умрет.

С тоскою она подумала о Джейфри Морхаузе. Ему придется смириться с потерей. Бедняжка... Но пусть это послужит ему уроком, как бы болезненно он ни переживал их разрыв. Небеса не прощают дурных поступков, и плата за грех — раскаяние.

* * *

В студии раздраженно звучали голоса спорящих, когда она открыла дверь. С запоздалым испугом она отметила, что уже десять часов: ее визит к леди Морхауз затянулся. Мерцали темные рубиновые блики на стариных доспехах от падавших в окна лучей; привычная полутьма залы сгустилась под сводом. Уныло оскалилась голова вепря над потухшим камином. Возле гигантского круглого стола замер Джейфри Морхауз: резко обернувшись, он взглянул на Джудит со смешанным чувством досады и удовольствия. Его глаза блеснули: единственный признак того, что он помнит о прошедшей ночи. Совершеннейшей неожиданностью было присутствие в рыцарской зале Джеймса Денема. Молодой адвокат с насмешливым полуупоклоном привстал из глубокого кресла. Широкая улыбка играла на его губах. В противоположность угрюмому лицу хозя-

---

* До скорой встречи (фр.)

ина Челси-Саут. Стоя на пороге залы, Джудит кожей ощутила напряженную атмосферу в ней.

— ...She walks in beauty like the night*, — процитировал Джеймс Денем в своей обычной легкой манере. — Доброе утро, Джудит.

Морщины на лбу Джейфри Морхауза прорезались еще глубже.

— Входите, входите, мисс Рейли. Вижу, что вы уже знакомы с мистером Денемом. Что избавляет меня от необходимости представлять вас. Стремительный молодой человек! Однако, что можно ожидать от обитателя Харли-стрит**. Законники тем и отличаются от обычных людей, что без должного уважения относятся к закону. Не так ли, Джеймс?

Очевидно, это был очень своеобразный намек, что дела не следуют обсуждать в присутствии леди.

— Не беспокойтесь, старина, — рассмеялся адвокат, — в нашей профессии иногда полезно пренебречь условностями. И серьезные корпорации порой совершают промашки. Насколько мне известно, Ллойд редко переоценивает возможности своих клиентов; тем более непонятно его желание вложить деньги в эту тонущую развалюху. Почему ты отказываешься страховать здание, Джейфри?

— Компания Ллойда из Лондона? — Джудит вошла в комнату, и Джейфри Морхауз проводил ее к креслу. Рука на мгновение задержалась на плече, когда он усаживал ее напротив Джеймса Денема. Ощущение близости его тела, слабый аромат твида и чистоты дрожью пробежали по телу. Как нелегко будет исполнить то, что она решила!

— Прошу прощения за то, что отвлекаю вас от работы, — Джеймс улыбнулся. — Джейфри рассказывал мне о ваших успехах. Примите мои поздравления, Джудит. Искренне восхищен вашими талантами.

В разговор вмешался хозяин дома, неожиданно резко и раздражительно. Вежливые слова не соответствовали уничтожительному тону.

* Начальная строка стихотворения Байрона «Прекрасная, она идет, подобно тьме ночной.»

** Улица в Лондоне, где находятся адвокатские конторы

— Хорошо, что выбрал время зайти пораньше, Джеймс. Однако я не меняю своих решений. Ты получил ответ и теперь не будешь ли так любезен оставить нас с мисс Рейли и не мешать моей работе? Пока можешь выпить чашку чаю и поболтать со своей дорогой тетушкой. Уверен, Диккенс будет рада тебе.

Молодой адвокат поднялся: его взгляд, обращенный на эсквайра, был полон решимости, но это выражение исчезло когда он с обезоруживающей улыбкой повернулся к Джудит.

— Заметьте, сколь неблагодарная профессия быть адвокатом. Краткость беседы сравнима с тронным приемом. Пока, Джейффи, и будь добр, разберись со своими бумагами. Время не ждет.

— Обязательн^о, Джеймс. Всего хорошего.

— До свидания, Джудит. Вы прекрасны, как всегда. Ну, я иду...

Заложив руки за спину, Джейффи Морхауз отвернулся к камину, тяжело наклонил голову. Джеймс Денем, захватив черный портфель и шляпу, вышел из залы.

При звуке закрывающейся двери Джейффи Морхауз оторвался от созерцания засыпанной золой каминной решетки. Обернувшись, он с сияющим лицом устремился к Джудит.

— Иди же ко мне,—тихо, но властно приказал он.—Ты так долго заставила ждать меня..

— Джейффи, пожалуйста...

— Иди ко мне.

Его голос стал тверже, громче. Глаза блеснули.

В одно мгновение решимость Джудит Рейли была смята и уничтожена. С тихим рыданием она бросилась в его объятия.

С жадной радостью. Без сожаления.

Глава четырнадцатая

Крепко сжимая Джудит в объятиях, он целовал ее с горячечной неистовостью. Обжигающие губы касались ее глаз, шеи, щек. Она не сопротивлялась: пронесущиеся желания потеснили недавнее раскаяние. Бе-

седа с Оливией Морхауз потерялась в глубинах памяти вместе с обвиняющим взглядом Диккенс. Сильные руки хозяина Челси-Саут вмещали весь мир, и в этом тесном кругу было место только двоим. Теперь Джудит в полной мере почувствовала смысл затертого клише: «...Она стала узницей любви».

- Джейфри, так нельзя! Не здесь...
- Почему?
- Мы ведь работаем над книгой...
- К черту книгу!
- Диккенс может войти...
- Пусть видит силу моей страсти. Любовь моя!
- Джейфри, я очень люблю тебя, но...
- Что «но»? Между нами не должно быть недомовок, Джудит. Слова не разъединят нас...

Она снова целовал ее. Жаркие волны страсти охватывали тела, глаза заволакивал туман. Комната качалась, расплываясь в очертаниях. Бешено колотилось сердце, словно желая вырваться из груди

Наконец ей удалось разжать его объятия. Отступив на шаг, он выпустил ее. Джудит с болью смотрела ему в лицо. Красивый, элегантный, до мозга костей джентльмен.

Хозяин для Диккенс и муж Оливии Морхауз...

— Что с тобой происходит, Джудит?

— Я должна признаться, Джейфри...

— Что твое опоздание было умышленным? — он улыбнулся. — Чтобы вскипятить мои чувства. К счастью, пока я еще владею ими. Как получилось, объясни мне, что этот мальчишка фамильярничает с тобой? Обращается только по имени, какой нахал! Далеко пойдет, помяни мое слово.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла. Обошла стол и остановилась по другую сторону. Джейфри Морхауз, нахмурившись, двинулся следом, но Джудит остановила его движением руки. Что-то в выражении ее лица заставило его подчиниться. Струящийся через окна свет озарял стройную фигуру Джудит. Морхауз замер в тени: лишь одинокий луч падал ему на лицо. Глаза в недоумении смотрели на нее, ожидая объяснения необычного поведения.

— Джудит, что происходит? — прошептал он. —
Объясни, ради Бога!

— Я изменилась, Джейффи. Еще утром я чувствовала себя иначе, не думала ни о чем, кроме того, что было между нами ночью...

— Ничего не было, — оборвал он. — Кроме объятий. Это что, страшное преступление?

— Да, — твердо проговорила она, чувствуя, как сжимается сердце. — Ты женат на Оливии. Я заходила к ней перед тем, как прийти сюда. Она любит тебя, Джейффи, не может жить без тебя. Мы не вправе жертвовать ее любовью.

— Жертвовать ее любовью? — его голос перешел в яростное рычание. — Я жил с ней все время, заботился о ней — да, она замечательная женщина, — но она никогда не будет для меня настоящей женой! Ты понимаешь? Несчастный случай отнял у нее не одну способность ходить: он отнял у нее то, что делает женщину счастливой. С ней я больше не чувствую себя мужчиной! Боже, неужели мне нужно вдаваться в физиологические подробности?

Его откровенность неприятно поразила Джудит. Сама судьба смеялась над чувствами, и тем более неотвратим был разрыв.

— О, Джейффи, — прошептала она, — как это тяжело... для нее и тебя. Для всех нас. Но ты не можешь бросить ее ради меня. Когда ты так необходим ей. Она умрет, если ты оставишь ее.

— Замолчи, — приказал он. — Не нужно повторять мне, что я обязан делать. Мне нужна ты, твоя любовь, теплое тело, которое можно сжимать в объятиях.

— Но ты не сможешь развестись с Оливией!

— Развод? — он запрокинул голову, и дьявольский хохот сотряс комнату. — Что ж, всему свое время. Когда-нибудь мы поставим ее перед выбором, а пока нам ничто не мешает. Ты любишь меня, и я знаю это. Почему ты противишься счастью? Разве плохо, когда двое любят друг друга?

— Джейффи!

— Тебя ужасает, что ты нужна мне как женщина? Я еще никого не любил так сильно, даже Оливию.

У нее всегда была собственная жизнь, карьера, друзья... — он запнулся, слишком поздно осознав горячность своих уверений. — Джудит, постарайся понять меня, — его голос дрогнул.

— Мне очень жаль, Джейффи, — она с удивлением прислушивалась к срывающимся с губ словам. Слезы высохли; бушевавший в груди огонь затих, рассыпавшись горсткой пепла. — Я вынуждена просить тебя о расчете. Завтра утром я покидаю Челси-Саут.

— Но, объясни, почему? — прогремел он, обходя стол.

Она попятилась, и выражение ее глаз вновь остановило его. Когда она заговорила, тон ее был холоден и бесстрастен.

— Я больше не хочу работать над твоей книгой. Ты понимаешь? Чем скорее я покину дом, тем будет лучше для нас обоих. Наша встреча не принесла нам ничего, кроме несчастья, и я не желаю усугублять его.

— Джудит, — в его голосе зазвучала угроза, — я даю тебе время подумать. Сегодня не будет никакой работы, я разрешаю тебе выходной. Но мое предложение остается в силе. Мод заперта в своей комнате, и скоро отправится за границу. Пожалуйста, Джудит, ты должна поддержать меня. Я люблю тебя...

— Я знаю, — шепотом ответила она. На глазах неожиданно выступили слезы. Боль и отчаяние разрывали каждую клеточку тела. — И тем хуже для нас с тобой. Я верю тебе, но должна уехать.

— Джудит!

— О, не мучай меня, разве ты не можешь оставить меня в покое! — выкрикнула она, заливаясь слезами. — Ты похоронил достаточно людей!

Он замер перед ней со сжатыми кулаками. Бледное лицо странно померзело, потеряло подвижность. Тонкая жилка билась на левом виске, судорожно подергивались губы.

— Прекрасно, — полузадушенным голосом проговорил он. — Идите к себе в комнату, мисс Рейли. Я подсчитаю размер вашего жалованья и утром рассчитаю вас. Полагаю, остаток дня у вас уйдет на то, чтобы собрать вещи...

Она не стала дожидаться, пока он 'закончит'. Силы иссякли, и железные обручи, сдавившие сердце, прорвались, словно плотина перед сметающим все на своем пути потоком. Тяжелый стон слетел с губ, и, прежде чем она успела опомниться, ноги сами развернули ее и вынесли из комнаты. Джейффи Морхауз остался наедине с тенями, среди тускло мерцающих доспехов.

Призраки прошлого, мучительные мысли ожили, когда она поднималась по лестнице. Слова, роковые слова перекатывались в мозгу с рокотом океанского прибоя. Глупые сны и грезы разбивались об изрезанный скалами берег. Отчаяние переполняло Джудит.

Горели щеки, звенело в ушах, когда она, тяжело дыша, преодолевала устланные ковром ступеньки. Вся нежность, которую она испытывала к Джейффи Морхаузу, ушла бесследно. Он разрушил ее, разбил на куски, как разбил этрусскую вазу в рыцарской зале.

Джудит не ощущала ничего, кроме безмерного раскаяния.

Чувство, достойное падшей женщины — слишком безысходное, чтобы объяснить его. Ни в каком словаре, даже в уличном сленге не отыщется слово, которое могло бы передать состояние Джудит.

Она чувствовала себя ребенком, потерявшим родителей.

* * *

До вечера она не выходила из комнаты. Собрала саквояжи, проверила запор на двери и лежала с открытыми глазами на кровати, отсчитывая оставшиеся часы ее пребывания в Челси-Саут. Когда в притихшую комнату вполз вечерний сумрак, она даже не позаботилась о том, чтобы встать и зажечь свечу. Время потеряло смысл, протянувшись нескончаемой нитью, отделяющей прошлое от рассвета будущей жизни.

Поднимался Джейффи Морхауз и стучал в дверь, умоляя впустить его. Не добившись ответа, он удалился, сердито топая по коридору. Даже голос Диккенс, упрашивавшей забрать с порога поднос с едой, не сдвинул Джудит с места. Тихие извинения оставили ее равнодушной. Она не испытывала ни голода, ни жажды

мести: хотелось лишь одного — чтобы ее не тревожили до утра, когда Челси-Саут и все, связанное с ним, забудется и уйдет далеко в прошлое. Воспоминания о хрупкой калеке, беспомощно лежащей на своей постели, не приносили ничего, кроме горечи.

О потайном ходе она не беспокоилась. Джейфри Морхауз уверял, что забил его досками для безопасности. Мод Далль заперта в комнате, но к чему сейчас думать о ней? За недели, проведенные в Челси-Саут, она заработала достаточно на обратный билет в Штаты. Возможно, денег хватит, чтобы оплатить место на борту выходящего в свой первый круиз «Титаника»? Пусть это будет не люкс, но память о путешествии сохранится на всю жизнь.

Интересно, завершит ли свою книгу Джейфри Морхауз...

Она тряхнула головой, присев на постели. Нет, не стоит даже в мыслях заново переживать прошлое. Непрерывно глазами неожиданно возникло улыбающееся лицо Джеймса Денема. Племянник Диккенс занимал в ее памяти гораздо больше места, чем мог бы рассчитывать после двух незначительных встреч. В жизни происходята порой необъяснимые вещи.

Тени на полу комнаты удлинились настолько, что пришлось, хоть и с неохотой, подниматься и зажигать свечу. В воздухе стало прохладнее. Джудит плотнее укуталась в шаль из ангорской шерсти. Подарок ко дню рождения, когда труппа «Геннези's Опера» играла в Нью-Йорке. От Корнелии Рейган? Странно, она не могла вспомнить, как ни старалась. Лица из прошлого представляли неуловимыми, затертыми.

В зеркале на комоде она осмотрела свое отражение: бледное лицо, покрасневшие от слез глаза. Она со вздохом ущипнула щеки, чтобы вернуть им румянец. Тщетно. Она снова вздохнула, скользнула взглядом по комнате, с удивлением отмечая, что книги, принесенные вчера из студии, все еще лежат на полке. Три тома первого издания «Геральдики древних родов»*. Вся история благородных семейств и их домов. Она часто задумывалась, течет ли голубая кровь в жилах самого

---

* Вымышленное издание.

Морхауза. Хотя он не говорил об этом, было несомненно, что какая-то связь существует. Возможно, он сам или кто-то из его предков был произведен в рыцари.

Предмет ее поисков отыскался на сто тридцать седьмой странице второго тома. Гравюра в точности воспроизводила узор, нанесенный на один из щитов в студии. Такой же герб украшал стену спальни. Вне всякого сомнения, это был он — булава и широкий меч, перекрещенные на фоне звездного поля. По лезвию меча и утолщению булавы бежали скругленные латинские буквы:

Carpe diem

Ниже, староанглийской вязью было указано имя:

MOREHOUSE.

Даже если бы Джудит не знала латыни, под рисунком помещался перевод изречения, поставленного во главу угла основателем семейства Морхаузов: «Собирай (радости) дня». И следом — короткое объяснение: «Этот гедонистический принцип взят Хорасом Морхаузом...»

Джудит с горечью отбросила на кровать книгу. Сколь подходящий девиз для Джейфри Морхауза! Философия жизни, призывающая срывать цветы ради наслаждения. Именно то, что он проповедовал в студии! Какая насмешка над чувствами!

Глаза вновь наполнились слезами. Когда же утихнет боль, или раны, нанесенные любовью, неизлечимы? Несправедливый мир. Она с мрачной решимостью вытерла глаза. Оправила постель. За окном стутились зыбкие тени. Наступила ночь.

Она потушила свечу, легла. Несколько часов, и она вырвется из стен этого неуютного дома, оставит в прошлом издевательский девиз и грустные воспоминания. Пусть ее отъезд будет напоминать бегство, все же это будет путь к свободе и спасению. Бегство от жестокости сладкой жизни.

К сожалению, долгий путь лежал через нескончаемую ночь, которую предстояло пережить. Кошмар минувших дней возобновлялся и угрожал с новой силой. Новыми ужасами, несшими на себе отметину Каина...

Глава пятнадцатая

.. Ее похоронили с почестями, подобающими герою...

Ги де Монассан Останки

Она пробудилась в кромешной темноте с тревожным ощущением, что прошлые страхи вернулись. Потусторонний кошмар, живший в воспоминаниях, снова поднимался внутри нее. Присев на постели, она обвела комнату расширявшимися глазами. Недобрые предчувствия, беспокоившие сон, казалось, материализовались и наполнили мрак сонном невидимых призраков и чудовищ. Что-то разбудило ее.

Но что?

Она прислушалась в надежде уловить шорох или звук, вызвавшие ее пробуждение. В зловещей тишине раздавались только удары сердца, ужас словно ватой заложил уши. Где-то далеко скрипнула дверь. Или это была половица? Джудит напряженно взглядалась в темноту, однако безрезультатно. Предметы обстановки расплывались на фоне поврежденных пожаром стен. Привидения, лешие, домовые — все страхи детства, казалось, ожили и столпились вокруг кровати.

Сбросив одеяло, она торопливо подбежала к шифоньеру, зажгла свечу. Неуверенно обвела взглядом дверь, стены. Безжизненная пустота комнаты заставила острее ощутить беспредельный ужас, у gnездившийся внутри. Обоняние единственное подсказывало правильный ответ. Запах. Едва уловимый запах дыма вырвал ее из объятий сна. Кошмар вполз в комнату в виде облачка дыма. Длинные, похожие на змей щупальца извивались в щели под дверью, сочились поверх косяка. Неровные трещины между перекрытиями потолка были полны седых струек, обволакивавших деревянную поверхность, стекавших вниз по стенам. Горела комната Оливии, расположенная этажом выше.

Открытие, каким бы ужасающим оно ни было, вернуло Джудит способность двигаться. Дым достиг ноздрей, заставив кашляться. Жар в комнате становился непереносимым. Торопливо нащупав запор, она рас-

пахнула дверь и выбежала в коридор. Впереди, ближе к лестнице, сумрак озаряло красноватое свечение, на перилах и покрытых ковром ступенях плясали неровные тени. Со слезами на глазах, задыхаясь, она преодолела винтовой пролет и была вынуждена отступить перед языками пламени, рванувшимися к ней из раскрытой двери. Коридор был объят пламенем. Пышущая жаром преисподняя встречала ее у спальни Оливии Морхауз.

Укрываясь шалью, она пробежала вдоль стены огня, шатаясь, ввалилась в дверной проем. За спиной с треском рассыпалась искры, шипели и обугливались потолочные балки над головой. Однако страшнее пожара была картина, открывшаяся внутри. Джейфри Морхауз, одетый в вицмундир, украшавший его в первый вечер, склонился над роскошной кроватью. Одна нога в тяжелом ботинке упиралась в пол, другая, согнутая в колене, попирала кровать. Мощная спина напряглась, руки яростно двигались, вдавливая бледное лицо Оливии в подушки. Беспомощно взметнулась слабая кисть, пытаясь остановить безумца, но сил несчастной женщины было недостаточно, чтобы совладать с чудовищными объятиями. Хозяин Челси-Саут душил свою жену.

Безучастный к шуму огня и языкам пламени, подбирающимся к кровати, он продолжал сжимать горло своей жертвы. Умоляющие вскрики бьющейся, извивающейся в его руках женщины не ослабляли его хватки. В этот момент Джейфри Морхауз выглядел исчадием ада, выбравшимся на землю, чтобы сеять разрушения и смерть.

— Джейфри, не смей! — Джудит бросилась на него, забыв про собственный страх, забарабанила по широкой спине.

Откуда-то снизу, из объятых огнем этажей донесся пронзительный крик. Мод. Несчастная сумасшедшая, запертая в комнате. Пламя пожара добиралось до нее, угрожая превратить в горстку пепла. Тайна Челси-Саут исчезнет в яростном вихре.

— Джейфри, опомнись! Внизу Мод...

— Нет! — его громовой голос напоминал рычание Преисподней — Я должен уничтожить все до последнего камня!

Тонкие пальцы Оливии конвульсивно сжались на его запястье от напряжения побелели фаланги — се кунда, и жизнь покинула их. Изящные, аристократические руки бессильно упали поверх одеяла.

— Боже что ты наделал! — Джудит в ужасе отшатнулась. Комната закружила перед глазами, покачнулся пол. Джудит с трудом удержалась на ногах, начала отступать к двери. Кошмар, преследовавший ее с первого дня, как она ступила на порог Челси-Саут, теперь угрожал ее жизни. Вокруг зловеще смыкалась пурпурная темнота, прорезываемая вспышками пламени. Джейфри Морхауз медленно поднимался с постели

— О Боже, Джейфри... ты ничем не искупишь вины...

— Мне не нужно искупление! — хриплый, срывающийся голос был голосом обреченного. Стоном, исшедшим из холодной могилы. Джейфри Морхауз приблизился к краю бездны и с безумной усмешкой смотрел вниз, глухой к мольбам Джудит. Яркие сполохи огня оттеняли его громоздкую фигуру, тускло мерцали серебряные пуговицы вицмундира. В коридоре за спиной трещали обугливающиеся половицы.

Протянув руки, он двинулся к Джудит, и в этот миг произошло невероятное. Неведомая сила оттолкнула ее, и черная тень преградила дорогу Джейфри Морхаузу. Хозяин особняка с рычанием бросился на непрощенного противника. Жесткие пальцы схватили воротник незнакомца, рванули, разворачивая и подтягивая его к себе. Перед изумленными глазами Джудит мелькнуло загорелое лицо Джеймса Денема. Молодой адвокат поднял локоть, обороняясь; уклонившись от прямого удара, выбросил вперед сжатый кулак. Застигнутый неожиданным ударом, Морхауз пошатнулся и разжал пальцы, но уже через мгновение два темных силуэта вновь кружили по комнате, сражаясь с невероятным ожесточением, словно от исхода схватки зависела судьба вселенской. Джудит Рейли, ошеломленная, попятилась в затянутый щимом коридор; запнувшись, переступила порог и потеряла сознание в море огня и серы.

Она уже не видела, как противники клубком катались по комнате, разбивая в щепки жалкие остатки мебели, падая и ударяясь о стены. Она не видела, как взметнулся и опустился кулак Джеймса Денема, и Джейфри Морхауз, раскинув руки, исчез в клубах огня, занимавшегося в спальне. С приглушенным вскриком он растворился в багровом сиянии, ставшем его надгробием и могилой.

Все, что сохранила ее память — две сильные руки, приподнимающие ее с пола; головокружительное ощущение, что ее куда-то несут; тихий шепот Джеймса Денема, склонившегося над ней. Потом был долгий переход задымленными коридорами, грохот обваливающихся позади балок и обугленные перила винтовой лестницы. Словно сквозь волшебный туман из прихожей долетел звон часов, отбивающих время. Фантасмагорический мир «Алисы в Стране Чудес» ожил в готовых обрушиться стенах.

Последнее, что видела Джудит, был перевернутый овальный портрет в прихожей, переливающийся в сверкании пламени. Прекрасные черты за стеклом принадлежали Мод Далль. Картина Торелли, о которой говорил Джейфри Морхауз, была обманом, как и многое из его слов... Портрет и его безумный оригинал остались внутри дома. Свежий, пьянящий воздух проник в легкие. Джудит закашлялась, тяжело переводя дыхание. Откуда-то издалека слышался взорваный голос Джеймса Денема:

— Джудит, ответь мне... Джудит.

Она не могла говорить. Надвигалась темнота, заслоняя все чувства, отключая их одно за другим. Не осталось ни дыма, ни пламени, ни ужасов покинутого кошмара. Усталость неодолимо овладевала телом, обещая блаженные сновидения.

— Джудит, пожалуйста!.. — хриплые, умоляющие просьбы не задерживались в сознании. Спасительная мгла поглотила ее, оберегая от новых потрясений. Она не видела озабоченного лица Джеймса, стоящего на коленях рядом с ней, на сырой от росы траве. Не видела Диккенс, украдкой осеняющую ее крестным знамением.

На месте, где когда-то находился 77, Челси-Саут, теперь высился столб пламени. Яркие языки выбивались из черных провалов окон, раскрытых дверей. Дождь искр сыпался в гемнеющее над пожарищем небо. Ландшафт озаряли сумеречные, зыбкие сполохи.

— О, Джеймс... — всхлипнула Диккенс, поглаживая золотистые волосы Джудит Рейли, лежащей на руках племянника. — Небеса прокляли этот дом... к утру не останется даже пепла...

Джеймс Денем внимательно всматривался в лицо потерявшей сознание девушки.

— Пусть горит, — проворчал он. — Прибежище дьявола. Кто мог подумать, что старина Морхауз потеряет рассудок. Если бы ты не послала за мной... — он передернул плечами.

Диккенс печально опустила глаза.

— Хозяин... и мисс Оливия... — она не смогла продолжать.

Джеймс Денем повернулся в сторону пылающего особняка. Пламя озаряло мужественные черты его лица. Он медленно покачал головой, ничего не ответив пожилой женщине, застывшей рядом.

На фоне холмистой равнины догорали останки вековой крепости. В языках пламени умирали эпохи. С грохотом рушились балки и потолочные перекрытия, проваливались старинные стены. Ночной бриз разносил по траве седые хлопья пепла.

Джеффри Морхауз разделил судьбу своего жилища, и силы мрака торжествовали победу.

Глава шестнадцатая

Холодный, сырой туман за окнами и бледное мерцание уличных фонарей действовали успокаивающе. Ночь еще не кончилась, и ужасы последних часов не окончательно покинули Джудит. Полный покой после мучительных переживаний был сладок и невыразимо приятен. Пылающие воспоминания о Челси-Саут остались глубоко в подсознании, когда она очнулась в кабриолете Джеймса Денема. Молодой адвокат перевез ее в свою квартиру на Харли-стрит, где также находил-

ся и его офис. Невероятным наслаждением было вновь видеть его лицо. И Диккенс заботливо поправлявшую теплый плед и шепчущую слова утешения. Челси-Саут был обречен. Лондонские пожарные, как всегда, опоздали. Из соседей же никто не проявил интереса к полночному зареву на горизонте: не появился даже загадочный Элберт со своим громадным псом. Она пыталась не думать о внезапном сумасшествии Джейфри Морхауза и трагической гибели его жены. Что до бедной Мод Далль, оставалось надеяться, что безумие помешало ей понять собственный ужасный конец. Труднее было заглушить в памяти жуткое эхо криков из ее комнаты. Джеймс Денем решил отложить до утра встречу с полицией и разговор о странных событиях в 77, Челси-Саут

Его квартира на Харли-стрит — в вымощенном камнем квартале, беэмоловном в этот глухой час, — была пристанищем в бурю. С помощью Диккенс Джудит поднялась по гранитным ступеням в прихожую, удивительно уютную в отличие от Челси-Саут. Все трое почти не разговаривали, пока не расположились в гостиной с окнами на затянутую туманом улицу. Джеймс Денем включил свет, и взгляду предстала удобная обстановка просторной комнаты: бумажные обои на стенах, мягкие кресла. Джудит с наслаждением села, вытянула ноги и закрыла глаза. Это было восхитительное, пьянящее чувство. Страхи и тайны остались за порогом.

— Тетушка Би, — послышался мягкий голос Джеймса Денема.

— Да, Джеймс?

— Я думаю, нам всем не помешало бы немного чаю. Хотя, может быть, лучше подойдет бренди...

Джудит открыла глаза и слабо улыбнулась. Джеймс выжидающе смотрел на нее.

— Чашка чая звучит замечательно, — проговорила она.

— Отлично. Что ты скажешь, тетушка Би?

— Дайте мне десять минут, — радостно отозвалась Диккенс, — и все будет готово. Должна заметить, что вы оба, молодые люди, выглядите как трубочисты. —

Она заторопилась из комнаты, оставив полуоткрытой дверь.

Джудит и Джеймс с улыбкой переглянулись. Слова Диккенс были правдой. Их лица покрывала сажа, а халат Джудит был измят и выпачкан травой, словно ее волоком тащили по полю. Твидовый костюм Денема постигла не менее печальная участь: от левого рукава остались одни лохмотья, недоставало пуговиц. Правая штанина болталаась, порванная до колена. Вид пришедшой в негодность одежды нисколько не смутил его, напротив, вызвал новый приступ смеха. Улыбаясь, он весело подмигнул ей, хотя его глаза продолжали сохранять серьезное выражение.

— Она права. Мы и в самом деле смахиваем на трубочистов. Однако мне кажется, что мы могли бы умыться и привести себя в порядок чуть позднее. Если, конечно...

— Я чувствую себя превосходно,— твердым голосом заявила Джудит — Во всяком случае, сейчас.

— Хорошо. Я тоже думаю, что лучше сразу обсудить все детали. Каким кошмаром это было для тебя.

Джудит кивнула.

— Джеймс, вы спасли мне жизнь. Смогу ли я чем-нибудь отблагодарить вас?

— Это мы обсудим позднее, мисс Рейли,— с обычной легкостью отмахнулся он.— Прежде всего вам следует благодарить тетушку Би. Ее весь вечер не покидало чувство, что что-то должно произойти. И она не ошиблась. Если бы она не приехала ко мне...

Джудит сдержала нервную дрожь, пробежавшую по телу.

— Стоит мне только подумать, что могло бы быть, не окажись рядом вас... но почему он сошел с ума?

Джеймс Денем задумчиво покачал головой, опустился в кресло напротив. Его поведение обрело сосредоточенность, словно он находился в зале судебных заседаний. Властные, торжественные интонации появились в голосе, когда он заговорил.

— Мне многое известно о Джейфри Морхаузе и о его прошлом. Правдивое признание не в его стиле. Возможно, что-то он и мог рассказать, чтобы объяснить

присутствие в доме Мод Далль. Признаюсь, до последнего времени для меня это было тайной. Как адвокат Джейфри, я и предположить не мог, что он решится примерить на себя роль Господа Бога.

— Может быть, это и привело его к безумию?

— Вполне вероятно,— мрачно согласился Денем.— Несколько лет назад Оливия Морхауз была обворожительной, талантливой певицей. Восходящей звездой. Если бы она не вышла замуж, она стала бы оперной знаменитостью. К сожалению, она пожертвовала карьерой, но, что еще хуже, она оказалась плохой женой. О мертвых не принято говорить дурного, однако я не раскрою большого секрета, если скажу, что со временем супружество превратилось в настоящую пытку для старины Джейфри. Тщеславная, избалованная успехом, Оливия была окружена многочисленными поклонниками и друзьями, вела жизнь, полную развлечений, и вскоре имя ее мужа стало нарицательным в лондонском обществе. Развязка была неизбежна. Движимый безумной ревностью, он толкнул Оливию с лестницы... То, что произошло с ней, не было несчастным случаем, и вся вина лежит только на нем.

Джуит безмолвно слушала. Зловещее открытие проливало новый свет на странное поведение Морхауза, на угрюмую надменность его характера.

— Да,— продолжал Джеймс Денем,— все произошло именно так. И Мод Далль была единственным свидетелем преступления. Пережитое потрясение свело ее с ума, между тем как старина Джейфри, в рассказании, поклялся до конца дней ухаживать за Оливией. Естественно, ему пришлося позаботиться и о Мод. С ней была сопряжена опасность, которая могла бы погубить всю его будущность. В Англии правосудие немилосердно карает мужей, причинившихувечьяженам. Не забывай, что король Георг всего лишь преемник королевы Виктории.

Джейфри Морхауз жил в постоянном страхе, но у него не было выбора. Только укрыв единственного свидетеля от посторонних глаз, он мог рассчитывать на относительную безопасность. В конце концов жуткая тайна отняла у него рассудок.

— Каждое утро просыпаться в страхе, что кто-то разгадал твой секрет... Несчастный,— Джудит вздохнула.

— Такая жизнь стоила ему всех душевных сил. Несколько лет постоянного напряжения. Беспомощная жена, не поднимающаяся с постели. Сумасшедшая Мод, к которой в любую минуту может вернуться рассудок: старина Джеффри был вынужден уйти из Исторического общества, чтобы неотлучно находиться рядом и присматривать за ней. Его книга была способом предотвратить собственное надвигающееся безумие. Несмотря на атмосферу роскоши, он сильно нуждался в средствах, и книга была бы неплохим подспорьем, когда бы увидела свет. Помнишь, в тот день, когда мы впервые встретились, я принес бумаги? — ослепительная улыбка озарила его загорелое лицо. — Это были векселя, подтверждающие залог дома под банковскую ссуду до тех пор, пока доход Челси-Саут не позволит выкупить его обратно. Хотя, если честно, страховка Ллойда была бы только предлогом, чтобы осмотреть дом.

— Куда же он тратил деньги?

— Когда человека гложет такая тайна, ему необходимо развеяться, забыться. Джейффи Морхауз играл, и играл азартно. На свое несчастье, он был никудышным игроком. В Лондоне достаточно баров и казино, где открыты рулетка, покер, ломберные столы. Бедняга, должно быть, прошелся по всем.

Теперь становилась очевидной причина поздних отлучек хозяина Челси-Саут. Его загадочные вечерние дела.

— Как ты узнал об этом?

Денем криво усмехнулся, указывая рукой в сторону приоткрытой двери.

— Тетушка Би. Она обо всем догадалась, однако не решалась судить наверняка. Пока не появилась ты и буквально перевернула вверх дном весь этот улей своим очаровательным вторжением.

— Я? — Джудит была искренне поражена. — Но у меня и в мыслях не был...

— Разве это так важно? Твое появление было спасительным для рассудка Морхауза, и он ухватился за тебя, как утопающий за соломинку. Его трудно винить. Хотя мое положение несравненно лучше, должен признаться, что ваша красота, мисс Рейли, сводит с ума и меня.

— Джеймс, пожалуйста,— она даже не вспыхнула, настолько привычными стали его легкомысленные манеры,— будь посерьезней.

— Я серьезен, как никогда,— в его голосе зазвучали оскорбленные нотки.— Ты полюбила Джеффри Морхауза, и он — еще один камень к грузу его неудач — полюбил тебя. Представь его состояние. Калека-жена, ее безумная сестра, за которой необходимо ухаживать и само существование которой заключает в себе угрозу — Бог мой, это картина из романов Шарлотты Бронте. Ему просто как воздух нужна была женщина. Ее любовь, теплые объятия, губы. Неудивительно, что, не имея возможности легально добиться развода с Оливиией, он желал видеть тебя своей любовницей.

На этот раз Джудит вспыхнула от стыда. Пунцовый румянец залил щеки, она опустила глаза. Казалось, Джеймс Денем был недоволен ею. Выпятив подбородок, он внимательно смотрел на нее. Слова ранили, словно лезвия ножей, вонзающихся в мишень.

— Джеймс... — прошептала она,— ты все знал...

— Тетушка Би,— произнес он без всякого выражения.— Она не любопытна, однако не может не замечать того, что происходит под самым ее носом. Благодаря ее проницательности я оказался в Челси в нужную минуту. Она видела, что хозяин совершенно потерял голову от отчаяния. Твой отъезд означал для него крушение всех надежд. Вероятно, впав в полубезумное состояние, он и затеял этот поджог. На обгорелых останках не остается следов насилия, так что смерть Оливии сошла бы ему с рук. Заодно он избавился бы и от Мод. Тебя он спас бы из огня, как и тетушку Би. Он был очень привязан к ней. Кстати, где же она? Несужели, чтобы вскипятить воду для чая, требуется столько времени?

Неожиданно поднявшись, он прошел мимо ее кресла, и Джудит на мгновение ощутила теплую волну от его близости. За короткое время Джеймс Денем занял постоянное место в ее сердце, и после событий ночи оно полностью принадлежало ему. За фасадом веселой непринужденности скрывался настоящий мужчина. Сильный и отважный, без тени легкомыслия.

— Джеймс...

— Да? — он обернулся, не доходя до двери. На секунду их взгляды встретились. Это было мгновение, когда сбрасываются маски, уходит прочь ненужное кокетство. Джеймс Денем был человеком, умеющим вызвать доверие.

— Прости меня, Джеймс. Жаль, что так получилось. Я впервые попала в такой роскошный дом и, наверное, вообразила себя чуточку леди. Загадочный хозяин, словно герцог Синяя Борода из старинных книжек, доспехи, запах средневековья. Я потеряла голову, когда забыла, что на самом деле никакая не леди, а обычная девушка, к тому же американка из Бостона...

— Не говори ничего, — он не двигался, стоя возле порога. — Ты ничем не хуже и, может быть, даже лучше многих женщин, которых я знаю. Твоим предкам может позавидовать каждый, и в жилах у тебя самая настоящая голубая кровь. Не нужно обманывать себя, Джудит...

— Джеймс... Джеймс... — в мозгу болезненно билось воспоминание о птице, запертой в золотой клетке.

Она не могла говорить, со странной дрожью ожидая приближения Джеймса. Сильные пальцы коснулись ее щеки, и она приникла к широкой груди, растворяясь в объятиях.

За его спиной, в дверях медленно вырастала оборванная фигура. Обожженные черты лица, потерявший форму мундир и потусторонний блеск запавших, лихорадочных глаз принадлежали призраку, ибо только бесплотный дух мог преодолеть стену огня, бушевавшего в спальне Оливии Морхауз.

Ее испуганный взгляд заставил Джеймса Денема стремительно обернуться. С приглушенным восклицанием он выпрямился и замер рядом с Джудит.

На пороге комнаты с револьвером в руке стоял Джеффри Морхауз. Почекневшие от копоти, израненные пальцы сжимали смертоносно поблескивающее оружие. Его вышитый вицмундир превратился в лохмотья, всклоченные волосы падали в беспорядке на лоб, по вискам струился холодный пот. Полубезумная усмешка, искривившая губы, не предвещала ничего хорошего. О чаепитии можно было больше не думать.

Джеймс Денем первым нарушил затянувшееся молчание.

— Джеймс, старина. Как приятно видеть тебя целым и невредимым. Проходи, присаживайся. Вижу ты так и не выбросил свой старый «Веблей»*. Отличный револьвер...

Хаотическая, бессмысленная тарабарщина, слетавшая с его языка, имела единственную цель — отвлечь внимание, дать шанс на спасение им обоим. Однако Джудит не могла даже пошевелиться. Глаза Морхауза прожигали ее насквозь, лишая способности двигаться.

— Я вернулся, — в глухом голосе Джеффри Морхауза не было ничего, кроме решимости и угрозы. — Из самого пекла. Через другой потайной ход... в комнате Оливии. И в обратную дорожку я собираюсь прихватить вас. К раскаленным угольям, где всех нас будут поджаривать за наши грехи! Я люблю тебя, Джудит, и никто не смеет отнять то, что принадлежит мне. Идем вместе в преисподнюю!

Ствол «Веблея» поднялся, нацелившись в грудь замершей в кресле девушки. С дьявольским хохотом хозяин Челси-Саут взвел курок. Металлический щелчок отозвался погребальным колоколом.

Джудит закрыла глаза и начала шептать про себя молитву. Пусть смерть будет внезапной и легкой. Внезапной и легкой. Больше она не думала ни о чем.

— Джеймс! — голос Джеймса Денема с гулом отразился от стен. — Побойся Бога, дружище...

— Бога? — прорычал Морхауз. — Нет никакого Бога! Если бы он был, он не обрек бы меня на такие муче-

* Знаменитый «бульдог» — пистолет Мартича Холмса.

ния. Не унывай, Джеймс, я намерен убить и тебя. Ты ненадолго переживешь свою любовницу. То, что ты вывел оба мне, заставляет меня поступить так. Никто не смеет чернить славное имя Морхаузов!

Carpe diem.

Собирай радости дня. И наслаждайся ими.

Джеффри Морхауз до конца оставался верен семейному девизу.

Стук сердца становился невыносимым, помертвевшая кожа неприятно холода. И Джудит молилась, чтобы смерть пришла скорее и без мучений.

Глава семнадцатая

Выстрел не прогремел.

Когда Джудит открыла глаза, она увидела побелевшие суставы пальцев, сжимавших рукоять револьвера. Необъяснимая причина заставляла Джекфри Морхауза медлить.

Его взгляд утратил лихорадочный блеск, замерев на лице Джудит. Оскорблена гордость и любовь засвертились под неподвижной маской, однако их тут же поглотило вернувшееся безумие. Указательный палец на спусковом крючке напрягся, и в этот момент Джеймс Денем, не заботясь о собственной безопасности, прыгнул вперед, выставив перед собой руки.

Только вмешательство Случая спасло его от ужасной смерти. В дверях за спиной Морхауза бесшумно возникла дородная фигура Диккенс с подносом, заставленным чашками и вазочками с печеньем, с дымящимся чайником, накрытым узорной салфеткой. Очевидно, происходящее в комнате не укрылось от ее глаз, потому что уже в следующее мгновение, с силой размахнувшись, она обрушила свой груз на руку хозяина, державшую оружие. Сосредоточенно присевший, он заметил ее приближение, лишь когда обжигающий кипяток из опрокинутого чайника залил ему руки.

Брезев от боли, он разжал пальцы и, пощатываясь, отступил назад, рыча, словно раненый лев. Упавший на пол револьвер подскочил, перевернулся, и оглушитель-

ный выстрел потряс қомнату. Тяжелая пуля с треском засела в толстых досках потолка. Джеймс Денем с быстрой кошки бросился на Джейфри Морхауза: зазвенели осколки посуды, захрустело рассыпавшееся печенье, и оба противника выкатились в прихожую, сцепившись в смертельной схватке. Не обращая внимания на всхлипывания осевшей у косяка Диккенс, Джудит вскочила с кресла и подбежала к выходу. Сердце бешено колотилось. Теперь опасность угрожала Джеймсу. Она слишком хорошо помнила чудовищную силу хозяина Челси-Саут.

Бессмысленно было кричать и тем более пытаться разнять их. Словно два диких животных, не поделивших добычи, они катались, наносили и отражали удары в полутемной прихожей. Наградой в поединке была свобода для одного и смерть — для обоих. Тени и тусклое освещение не позволяли разглядеть лица сражающихся. Две одинаковые жуткие фигуры сминали одна другу перед ошеломленным взглядом Джудит. Когда мужчины сражаются, женщинам остается страдать. В комнате плакала Диккенс.

Где-то вдалеке за окном послышался шум экипажа; резиновые колеса подбрасывало по брускатке. Звук исчез и исчез в ночной тишине — спокойный контраст схватке в прихожей. Переплетение рук, глухие падения тел, тяжелое дыхание, сотрясавшее воздух, не прекращались ни на секунду, однако сражение неуклонно следовало к своему завершению. Джудит больше ощутила, чем увидела решающий взмах: раздался приглушенный выдох, и тут же одна из фигур, вскочив с пола, прихрамывая, устремилась вниз по ступеням. С грохотом распахнулась входная дверь, и в мерцании уличных фонарей мелькнула и скрылась в тумане широкая спина Джейфри Морхауза.

Раздумывать было некогда. Опустившись на колени, Джудит приподняла голову лежащего на полу Денема, плача, позвала по имени:

— Джеймс, Джеймс, ты в порядке? О, Джеймс, ответь мне...

Словно маяк, освещавший темное побережье, сверкнул луч лампы, и рядом остановилась Диккенс.

Свет, упавший на лицо Денема, отразился в его открытых глазах.

— Джеймс Денем,— умоляюще проговорила Диккенс,— ты ранен?

— Тетушка Би, я чувствую себя превосходно,— он улыбнулся, несмотря на тонкую алуу струйку возле уголка рта.— У старины Джейффи отменный удар, спятил он или нет.

— Он убежал,— всхлипнула Джудит.

— Пусть его бежит, бедный дьявол Скотланд-Ярд отыщет его. Можно, я буду пить чай прямо здесь? Очень удобно. Думаю, скоро такой способ войдет в моду.

— Джеймс, как не стыдно,— укоризненно нахмурилась Диккенс, и Джудит рассмеялась сквозь слезы. Голова Джеймса Денема приятно согревала колени, его прикосновения давали ощущение надежности и уюта. Впереди было еще много времени, и Джеймс, кажется, понял это. Он со вздохом сел, потянул алонью затылок, после чего позволил обеим женщинам поднять себя и увести в комнату. Очевидно, что досталось ему больше, чем он старался показать, однако он только отмахивался от заботливых ухаживаний и улыбался. В его присутствии мир для Джудит Рейли, столь мрачный и пугающий недавно, обрел радость и краски. Кошмар отступил, на этот раз — безвозвратно, и она наслаждалась своими новыми ощущениями.

Диккенс задумчиво покачала головой.

— Бедный хозяин. Ужасно видеть его таким, что ждет его теперь? Никто ведь не поможет ему.

Джеймс Денем утешительно коснулся ее руки.

— В этом нет твоей вины, тетушка Би. Никто не виноват в том, что произошло с ним. Джейффи зашел чересчур далеко, и во всем мире не найдется человека, который был бы способен помочь ему.

Джудит вздрогнула, отгоняя ожившие воспоминания.

— Надеюсь, он найдет себе место под солнцем,— проговорила она.— Он много страдал, пусть и заслужил свои страдания.

Диккенс зновъ перекрецъ ила ее, когда идиллическую картину нарушил голо племянника. Удивленно приподняв брови, он указал на осколки посуды и поднос на полу.

— После того, как вы открыли новое применение чайных подносов, тетушка Би, не будет ли безрассудством с моей стороны просить вас приготовить немногого чая? В мою чашку, пожалуйста, добавьте одну ложку бренди.

Пожилая женщина поднялась, с интересом взглянула на Джудит и бесшумно вышла из комнаты. Какое-то мгновение молодые люди молча смотрели друг на друга. Под пристальным взглядом Джеймса Джудит потупилась.

— Джудит...

— Пожалуйста, Джеймс, не говори ничего сейчас

— И чего же я не должен говорить, скажите на милость? — в его голосе звучала прежняя непринужденность. Однако она не могла скрыть его истинных чувств.

— То, что собирался сказать. Все произошло так стремительно, неожиданно...

— Моя милая мисс Рейли, — беззаботно проговорил он, — я просто собирался предложить вам, раз уж вам придется провести остаток ночи в холостяцкой квартире, к тому же вы относитесь к женщинам, которые нуждаются в постоянной заботе... в общем, мне кажется, что тетушка Би вполне подойдет в качестве шафера на вашем венчании в Иствикском соборе... вы наверняка слышали о нем, там потрясающе громкий орган и колокола.

— Вы... шутите, — она почувствовала, как заливаются румянцем щеки.

— Джудит, милая, — прошептал он.

— Джеймс...

Слова больше не были нужны. Он наклонился к ней, поцеловал в губы. Растворившись в его объятиях, она ощущала себя словно корабль, отыскавший на конец тихую гавань. Джудит Рейли нашла свое призвание, главную роль своей жизни. Быть женой Джеймса Денема. Миссис Денем.

— Я люблю тебя, Джудит, — совершенно серьезно проговорил он — Моя дорогая американка.

Уютная комната, озаренная ярким светом, обставленная дорогой британской мебелью, выглядела беседкой в глухом лесу, где она и Джеймс блуждали, словно дети, ищающие света и тепла. Сколько приятно было найти себя не выпадающей из окружения, такого непохожего на американское и такого близкого.

— Я буду всегда любить тебя, Джудит. Только дай мне этот шанс.

— Позволь мне открыть тебе маленький секрет.

— Какой?

— Я верю тебе.

— Думаю, тебе не придется раскаиваться. Мы, Денемы, известны тем, что умеем держать слово, — он счастливо улыбнулся.

— Милый...

Они разжали объятия, услышав в коридоре нарочито громкие шаги Диккенс. Переглянулись и как безумные расхохотались одновременно. Любовь дарит радость, если любят чистые души. В жизни влюбленных пробило четыре утра.

Время ежедневного чаепития, и в этом не было ничего необычного. Во всяком случае, на взгляд Джудит.

Душистый напиток без привкуса мрачных теней и кошмаров, способных отравить чудесное творение Диккенс.

Милая Диккенс. Джудит почувствовала необыкновенную нежность к этой немногословной пожилой женщине.

— Ну, молодые люди, — проворковала домоправительница, бесшумно опуская на стол серебряный поднос. — Устраивайтесь поудобнее, я налью вам чаю. Надеюсь, мы все заслужили небольшой отдых.

— Да, — блаженно сощурился Джеймс Денем. — По такому случаю, полагаю, не мешало бы соблюсти добрую английскую традицию. Первую чашку оставляют для тех, кто в пути.

— И еще одну — за удачу, — поддержала Джудит, не сводя глаз с молодого человека. — Как это делают в Америке.

— Замечательная страна Америка,— с горячностью воскликнул он.— Я навсегда обязан ей лучшим подарком в моей жизни!

— Каким же?— Диккенс удивленно приподняла бровь, расставляя чашки и блюдца.

— Джудит Рейли, разумеется,— как подобает честному и добропорядочному англичанину, ответил Джеймс Денем,— каким же еще?

Глава восемнадцатая

А две недели спустя Лондон и весь цивилизованный мир замерли в волнующем ожидании. Компания «Вайт стар лайнз» завершала последние приготовления к первому рейсу лучшего из своих пароходов — «Титаника». Саутгемптон — Нью-Йорк. Новейший океанский лайнер высился в саутгемптонских портовых доках словно скала, приковывая к себе взоры обитателей эпохи Прогресса. Праздничное оживление царило повсюду. Имя «Титаника» уже успело превратиться в легенду. Миллионные вложения, сверхсовременная оснастка и необъятные размеры выделяли его среди других кораблей, когда-либо бороздивших морские просторы. В лондонских кругах в те дни это была единственная и исключительная тема для разговоров. 10 апреля «Титаник» отправлялся в рейс во всем своем великолепии. Самые смелые из газетчиков решались на предположения, что мощный левиафан побьет рекорд скорости, пересекая Атлантику. Однако их надежды блекли и отступали на второй план в сравнении с могучим зрелищем самого судна. Название как нельзя лучше подходило ему. Это действительно был титан, и сердце каждого англичанина наполнялось гордостью при мысли, что на флагштоке «Титаника» развевается флаг его родины. То было время гигантов. Прекрасное время.

Пребывая во власти пьянящих чувств, Джеймс Денем не мог выбрать лучшего подарка для своей молодой супруги; исторический круиз по Атлантике должен был стать сюрпризом для мисс Джудит Рейли, ныне миссис Денем. С улыбкой Джеймс представлял себе, каким восторгом загораются ее глаза при виде

двух билетов первого класса, небрежно брошенных на стол в канун отплытия «Титаника». Однако мечтам его было не суждено сбыться. Незримый перст Судьбы, Его Величество Случай или же просто непредусмотрительность разрушили планы Джеймса Денема. Все его попытки, уговоры оказались безрезультатными. Напрасный труд: билеты на рейс были расписаны по меньшей мере за месяц до отплытия, и лишь узкий круг избранных обладал правом в последний момент вступить на борт детища мистера Исмая.

Потерпев неудачу, но не пав духом, ибо его супружеству едва исполнилась неделя, Джеймс Денем был вынужден в последнюю минуту объявить миссис Джудит Рейли Денем, что его сюрприз провалился. Теперь, когда деловые обязательства приведены в порядок и до возвращения находятся в надежных руках, они с Джудит могут отправиться в путешествие на менее известном судне, и вместо Нью-Йорка почему бы вначале не посетить латиноамериканские страны? Завтра из Ливерпуля отплывает океанский лайнер: какое-то время их маршрут совпадает с выходящим на четыре часа раньше из Саутгемптона «Титаником». Плыть бок о бок с этим величественным гигантом...

— Милый, — ласково остановила его Джудит, — что может быть важнее того, что мы вместе? К тому же газеты подняли столько суматохи вокруг этого парохода... Признаться, меня не сильно огорчает, что на него не осталось билетов.

Тут Джеймс Денем прервал ее продолжительным поцелуем. Он был влюблен в свою молодую супругу.

— Вы прелесть, миссис Денем. Кто-нибудь говорил вам об этом?

— Только вы, мистер Денем.

Так сложились обстоятельства, и вместо путешествия в Нью-Йорк на «Титанике» счастливая чета выбрала безмятежный круиз вдоль берегов Латинской Америки. Перед отъездом Джеймс Денем побывал в Скотланд-Ярде и сделал официальное заявление по поводу таинственного пожара, разрушившего часть особняка на Челси-Саут. Поиски Джейфри Морхаза не принесли результатов, и больше ни Джудит, ни Джеймса не

вспоминали о нем. Имя его осталось прираком в прошлом.

Молодые супруги с радостью перевернули новую страницу в своей жизни. Впереди их ожидало будущее.

Как это было всегда.

Для миссис и мистера Денем.

Всегда будет время для путешествия на «Титаник».

Когда тысячетонная машина лайнера отвалила наконец от причальных мостков Саутгемптона, напутствуемая шумными возгласами провожающих, на борту ее находился пассажир, чье присутствие, несомненно, удивило бы Джудит и Джеймса Денем. На нижней палубе, среди обладателей билетов второго класса стоял высокий, отталкивающей наружности мужчина, опаленное лицо которого практически полностью скрывали недавно отпущеные борода и усы. Джейффри Морхауз совершил невозможное. Неведомыми путями, используя вымышленную фамилию, он приобрел билет. Трудная дорога к спасению. Власть закона и память отступали перед далекими берегами Америки. Однако в глубине души продолжали жить образы прошлого: словно ток крови, в мыслях его скользило лицо Джудит Рейли.

И все же Америка притягивала возможностью новой жизни. Под новым именем. Шанс начать все сначала. Начать новую жизнь. Он с горечью прочел в лондонской «Таймс» короткое сообщение о бракосочетании в церкви святого Марка мисс Джудит Рейли из Бостона и Джеймса Денема, лондонского эсквайра. Теперь все осталось позади. С громоздким багажом нечего делать за океаном. Прошлое мертвое, и ничто не в силах воскресить его.

Опершись о поручни тесной палубы второго класса, он угрюмо смотрел, как тает вдали берег Саутгемптона. Суматоха и оживление вокруг не трогали его: для Джейффри Морхауза человечество более не имело ни лица, ни голоса. Он слился с толпой, чтобы скрыться. Возможно, стать другим человеком. Обрести другие мысли, другие чувства. Тогда появятся силы отбросить прошлое. Без остатка.

Агонию разлуки, расставание, жалость.
И ледяной ужас.

«Титаник» покидал гавань, четыре огромные трубы величественно возносились в небо.

Джеффри Морхауз ощущал странное умиротворение и спокойствие.

Наконец он обрел мир внутри себя.

Глава девятнадцатая

У южного побережья Ньюфаундленда гигантский айсберг, более ста футов высотой, вспорол необъятную скорлупу «Титаника». Потоки забортной воды, сметая непроницаемые переборки, в несколько минут разместили и уничтожили творение человеческих рук. Океанский лайнер, один вид которого заставлял замирать сердца, потрясавший воображение мощью, — вестник новой эры Науки и Технического Прогресса — медленно погружался на дно.

Захлестывая турбины, разрывая стальные перекрытия, через палубы перскатывались ледяные волны; врывались вовнутрь бесславного детища инженерного гения.

В морскую бездну уходил целый мир: сминался, распадался на части, уступая натиску неподвластной стихии.

Гигантские валы разбивали старый порядок вещей.
На трон вступала Смерть... и небытие в вечности.

Утром 15 апреля, во вторник, траурные заголовки газет известили о катастрофе, равной которой не знал — и, возможно, никогда больше не узнает — мир.

Несколько скорбных строк, свинцовой тяжестью подмявших страницы «Нью-Йорк таймс»:

ЧЕТЫРЕ ЧАСА СПУСТЯ, ПОСЛЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С АЙСБЕРГОМ ЗАТОНУЛ «ТИТАНИК» 866 ЧЕЛОВЕК СПАСЕНЫ ПАРОХОДОМ «КАРПАТИЯ»; ОКОЛО 1250 ПОГИБЛИ, МИСТЕР ИСМАЙ ЖИВ, МИССИС АСТОР ВОЗМОЖНО ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

866 спасенных. Возможно, их окажется больше. Первые сообщения редко бывают точными. Слишком мало времени, чтобы проверить факты.

Почти тысяча человеческих душ вырвана из ледяной могилы. И более тысячи несчастных завершили свой земной путь.

Однако оставались спасенные. Сотни и сотни избежавших мертвящих объятий ледяной бездны.

Джеффри Морхауза, бывшего хозяина Челси-Саут, не было среди них.

Джозеф Шеридан Лефандю

**Комната в гостинице
«Летучий дракон»**

«Комикс в поэзии: „Летучий дракон“», СПб. 1872.

Автор перевода с английского не установлен.

© Вторая русская редакция, 1992, А. Бутузов.

Глава первая НА ДОРОГЕ

Обильный событиями 1815 год ознаменовался двумя замечательными переменами, произшедшими в моей жизни. Мне только исполнилось двадцать три года, и я получил крупное наследство, в основном в ценных бумагах, отошедших мне после скоропостижной кончины двоюродного дядюшки. Первое падение Наполеона открыло континент для английских туристов, желавших расширить свой кругозор заграничным путешествием; к их оживленной гурьбе присоединился и я после того, как военный гений Веллингтона отстранил маленькое препятствие в виде *стадней**.

На почтовой карете я ехал из Брюсселя в Париж: по той же самой дороге, я думаю, по которой несколько недель назад проходила союзная армия. Невозможно представить себе, сколько еще экипажей неслось в одном со мной направлении. От края до края вдоль дороги тянулась пыльная пелена, поднятая нескончаемым потоком упряжек. То и дело навстречу попадались возвращающиеся экипажи, запряженные измученными, пыльными лошадьми. Для этих терпеливых тружеников наступили поистине тяжелые времена. Казалось, весь мир пустился на перекладных в Париж.

На последнее обстоятельство мне следовало бы обратить особенное внимание, но, занятый мыслями о Париже и о том, что ожидает меня впереди, я совсем не задумывался о происходящем в пути. Примерно в четырех милях от одного живописного городка — название которого я забыл, как, впрочем, и назначения мно-

* В 1814 году свергнутый Наполеон I (1769—1818) предпринимает попытку восстановить свое правление и возвращается в Париж из пожизненной ссылки на Эльбе. Поражение при Ватерлоо через три месяца после возвращения завершает сто дней его правления.

гих других, более замечательных городов, через которые я мчался сломя голову,— и за два часа до заката мы увидали перед собой потерпевший крушение экипаж.

Карета чудом не перевернулась: съехав к обочине, она стояла, угрожающе накренившись на правый бок. Ямщик и форейтор в высоких ботфортах суетились вокруг лошадей, а двое слуг, по-видимому, ничего не смысливших в подобных делаах, пытались им помочь. Выглянувшая из окна кареты хорошенъкая дамская шляпка на мгновение помедлила, наблюдая за их потугами, и этого оказалось достаточно, чтобы я решился принять роль сострадательного самаритянина. Остановив свой кабриолет, я поспешил соскочил на землю и вместе со слугой принялся поднимать завалившуюся упряжку. Увы! на хорошенъкую шляпку была наброшена густая черная вуаль, и я не успел ничего разглядеть, кроме узора на кружеве, как незнакомка опять скрылась.

Почти немедленно в окне появился сухощавый, болезненного вида старик. Несмотря на жаркий день, его шею и нижнюю часть лица скрывал плотный черный шарф, размотав который, он разразился благодарственной тирадой на французском языке. Одновременно он галантным жестом приподнял шляпу, открыв моему взгляду безукоризненный черный парик.

Кроме боксерского искусства, я, как и многие британцы того времени, не мог похвастаться большими знаниями, однако в числе их находился французский язык. Итак, я ответил по-французски — надеюсь и полагаю, что правильно. После усердного обмена поклонами голова старика скрылась, и скромная, хорошенъкая шляпка снова появилась в окне.

Должно быть, незнакомка слышала, как я говорил со своим слугой; она поблагодарила меня по-английски с таким милым произношением и таким сладким голоском, что я сильнее прежнего проклял черную вуаль, положившую преграду моему романтическому любопытству.

В память мне врезался своеобразный герб, нарисованный на дверцах кареты. На золотом поле был изображен красный журавль; птица стояла на одной ноге, другой сжимая камень в когтях. Если не ошибаюсь, это

эмблема бдительности. Вокруг были еще украшения, которые я не запомнил.

Изыщное обращение путешественников, одежда их слуг, богатый дорожный экипаж и герб, щит которого окружал витиеватый вензель, служили мне ручательством их дворянского происхождения.

Смею вас уверить, что незнакомка вовсе не показалась мне менее интересной по этой причине. Удивительное обаяние заключает в себе титул! Я не говорю о его влиянии на снобов или нравственных холопов. Знатный титул имеет сильное и естественное влияние на любовь. С понятием о знатности сопряжена мысль о высшей утонченности. Небрежное и мимолетное внимание сквайра сильнее влияет на сердце хорошенькой скотницы, чем долгие годы искренней преданности честного Доббина. Что делать, если так несправедливо устроен мир!

Однако в случае со мной было повинно более могущественное чувство. Я был недурен собой, изрядных шести футов роста. Зачем незнакомке понадобилось благодарить меня? Разве муж — я решил, что старик был мужем таинственной красавицы, — не поблагодарил меня за двоих? Мне было приятно думать, что незнакомка сделала это ради меня. Мне даже показалось, что она с любопытством разглядывает меня из-под своей вуали.

Она укатила в облаке пыли, поднятой колесами, по золоченой лучами солнца, а молодой человек провожал ее пламенным взором и глубоко вздохнул, когда расстояние между ними стало увеличиваться.

Я строго запретил ямщику перегонять карету, но велел не терять ее из виду и остановиться, где бы ни остановилась она, у станции или гостиницы. Скоро показался городок, и экипаж, за которым мы ехали следом, притормозил у дверей «Прекрасной звезды», старой покойной гостиницы. Путешественники вышли из кареты и скрылись в дверях дома.

Мы также подъехали медленным и степенным шагом. Я вышел из кабриолета и с равнодушным видом начал подниматься по ступенькам. При всей моей тогдашней дерзости я не желал спрашивать, в какой комнате остановились приезжие. Я заглянул в комнату направо от входа, потом в другую, налево. Нигде не было тех, кого я искал.

Я поднялся по лестнице. Одна из дверей неширокого коридора была отворена. Войти с самым невинным видом было для меня сущим пустяком. В комнате, куда я попал, кроме меня находилось только одно живое существо — прелестная обладательница шляпки, в которую я влюбился. Поднята ли досадная вуаль, я решить не мог: незнакомка стояла ко мне спиной и читала письмо.

С минуту я молча рассматривал ее, со смутной надеждой, что она обернется и тем самым позволит мне увидеть ее черты. Не тут-то было! И все же небеса были благосклонны ко мне. Сделав шаг или два, она подошла к столу у стены, над которым висело большое зеркало в потускневшей золотой раме.

В этот момент я с легкостью мог бы принять его за картину: в глубине стеклянной поверхности отражался портрет молодой женщины редкой красоты. Она стояла, погруженная в чтение письма, которое держала тонкими пальчиками. По-видимому, оно поглощало все ее внимание.

Лицо красавицы, несколько удлиненное, имело выражение грустное и кроткое. Тем не менее в нем отражалось нечто неуловимое, свойственное горячим натурям. Нежные черты и сияющая белизна лица могли не опасаться соперничества. Глаза были опущены, и я не мог рассмотреть, какого они цвета, зато вдоволь насладился созерцанием длинных ресниц и изящно выгнутых бровей. Незнакомка продолжала читать. Вероятно, в письме содержалось исключительно важное сообщение: мне еще никогда не приходилось видеть такой неподвижности в живых существах — передо мной словно застыла статуя. Наверное, мне следовало ретироваться так же тихо, как я и вошел, прежде чем мое присутствие будет замечено. Однако ноги мои как будто приросли к полу. Промедление оказалось губительным: незнакомка подняла голову.

Огромные, темно-синие глаза остановились на моем отражении в зеркале с выражением надменности, и путешественница, поспешно опустив вуаль, повернулась ко мне. Странно, но мне показалось, что она полагает, будто я не видел ее лица. С напряженным вниманием я следил за малейшим ее движением, словно жизнь моя зависела от того, что произойдет.

Глава вторая

ЗАДНИЙ ДВОР «ПРЕКРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Смелость изменила мне; я начал подозревать, что мое появление в этой комнате просто дерзость. Обращение незнакомки рассеяло всякие возможные сомнения. Тот же мелодичный голосок, который мне довелось услышать на дороге, холодно заметил по-французски:

— Вы, вероятно, не знаете, что эта комната не общая.

Со низким поклоном я пробормотал какое-то извинение и попятился к двери.

Должно быть, у меня был очень смущенный вид, потому что незнакомка, почувствовав всю неловкость моего положения и, вероятно, желая смягчить его, прибавила:

— Однако, я рада слuchaю еще раз поблагодарить вас, милостивый государь, за ту помощь, которую вы оказали нам сегодня.

Меня ободрили не столько слова, сколько тон, которым они были произнесены. Признаться, ее ничто не обязывало показывать, что она узнала меня, и тем более — во второй раз изъявлять благодарность. Все вместе несказанно льстило моему самолюбию при том, что любезность следовала непосредственно за легким укором.

Умолкнув, она быстро повернулась к двери в соседнюю комнату: мне показалось, что за стеной зазвучали чьи-то шаги. Почти одновременно послышалось брюзжание глухого, слегка гнусавого голоса; очевидно, говоривший отдавал приказание слуге, приближаясь к нашей комнате. Голос принадлежал старику в черном парике, который час назад разговаривал со мной на дороге.

— Прошу вас, уходите, — умоляюще обратилась коме дама, указывая рукой на дверь, в которую я вошел.

Отвесив глубокий поклон, я отступил назад и затворил за собой дверь. После чего в совершенном восторге сбежал по лестнице и бросился на поиски хозяина гостиницы.

Описав ему комнату, из которой только что вышел, я признался, что она мне понравилась, и выразил желание занять ее.

— Весьма и весьма сожалею,— был ответ,— но ваше требование невыполнимо, так как эта комната и две смежные с ней заняты...

— Кем?

— Знатными господами.

— Но кто же эти знатные господа? У них должно быть имя или титул.

— Несомненно, но в Париж теперь стремится такая вереница путешественников, что мы больше не спрашиваем ни званий, ни фамилий — просто обозначаем их номерами комнат, которые они занимают.

— Надолго они остановились?

— Боюсь, что и на этот вопрос я не смогу вам ответить. Пока продолжается такая чехарда, у нас ни угла не останется пустым даже на минуту, и когда они съедут, мне неинтересно.

— Как жаль, мне так хотелось занять эти комнаты! Они пришли мне по вкусу. Одна из них, должно быть, спальня?

— Точно так, сударь. И заметьте, редко кто берет номер со спальней, если не намерен ночевать.

— Свободные номера у вас еще остались?

— Конечно, две комнаты к вашим услугам. Только что освободились.

— Я беру их.

Очевидно, путешественники, которым я оказал помощь, намеревались остановиться в гостинице на некоторое время, по крайней мере до утра. В мечтах я уже представлял себя героем романтического приключения.

Заняв свободный номер, я выглянул в окно и увидел перед собой задний двор. Деловито сновавшие конюхи снимали сбрую со взмыленных и усталых лошадей, выводили из конюшен свежих и запрягали. Множество различных экипажей — и собственные кареты, и род повозок, подобно моему кабриолету заменяющих старинную перекладную, — стояли тут, ожидая своей очереди. Суетливо пробегали взад-вперед слуги, другие бродили в бездействии или, смеясь, болтали

между собой: картина была забавна и полна оживления.

Между экипажами я различил дорожную карету и одного из слуг знатных господ, которыми в настоящий момент так сильно интересовался.

Вмиг я сбежал по лестнице и направился к черному входу: очень скоро и меня можно было увидеть на неровной мостовой двора, посреди вышеописанной картины, в шуме и гаме, неразлучными с подобного рода сборищами.

Солнце клонилось к западу, и его золотые лучи озаряли красноватые кирпичные трубы надворных построек. Две бочки на высоких жердях, служившие голубятнями, полыхали жаром. Естественно, вечернее освещение всему придает живописный характер, и внимание зачастую привлекают предметы, совсем не красивые в сером утреннем свете.

После непродолжительных поисков я оказался у цели. Лакей запирал на ключ дверцы кареты, предусмотрительно снабженные замком для полной безопасности. Я остановился рядом, притворяясь, что рассматриваю изображенного на дверцах красного журавля.

— Красивый герб, — заметил я ненароком, — верно, принадлежит какому-нибудь знатному роду?

Лакей обернулся, опуская ключи в карман, и ответил, слегка наклонив голову и улыбаясь насмешливо:

— Вполне возможно.

Нисколько не смущаясь, я немедленно вкатил ему дозу известного средства, которое благотворно влияет на человеческий язык — развязывает его, я хочу сказать.

Лакей вначале покосился на луидор, оказавшийся у него в руке, потом с непрятворным изумлением взглянул мне в лицо.

— Вы щедры, сэр.

— Не стоит благодарности... Кто такие дама и мужчина, которым принадлежит эта карета? Если вы помните, я со своим слугой помог вам на дороге.

— Он граф, а ее мы называем графиней, хотя я не знаю, жена ли она ему; может статься, она его дочь.

— Где они живут?

— Клянусь честью, понятия не имею.

— Не знаешь, где живут твои господа?! Но, верно, тебе известно о них хоть что-нибудь, кроме имени?

— Так мало, что и говорить не стоит, сэр. Извольте видеть, меня наняли в Брюсселе в самый день отъезда. Камердинер графа, Пикар, тот много лет уже у него в услужении и должен знать все, но он все время молчит: раскрывает рот только для того, чтобы передать приказания. От него невозможно ничего добиться. Сейчас мы едем в Париж — может быть, что-нибудь удастся выведать. А пока я знаю не больше вашего, сэр.

— Где этот Пикар?

— Пошел к ножовщику наточить бритвы. Не думаю, чтобы он разохотился до разговора.

Скудная то была жатва за мой золотой посев. По-видимому, лакей говорил правду: если бы ему что-то было известно, он не стал бы дорожить чужими семейными тайнами.

Вежливо распрошавшись с ним, я вернулся к себе в номер и, не теряя ни минуты, вызвал своего камердинера. Несмотря на то, что он приехал со мной из Англии, родом он был француз — преполезный малый, сметливый, расторопный и, конечно же, посвященный во все хитрости и уловки своих соотечественников.

— Входи, Сент-Клер, и закрой-ка дверь. Мне необходимо узнать все о парочке, что занимает комнаты над нами. Вот тебе пятнадцать франков: отыщи слуг, которым мы помогли сегодня на дороге; пригласи их поужинать вместе и потом явись ко мне с подробным отчетом обо всем, что касается их господ. Я только что разговаривал с одним из них, но он ничего не знает и откровенно признался в этом. Другой, имя которого я запамятовал, служит камердинером у графа и знает про него все. Его-то ты и должен выспрашивать. Само собой, я интересуюсь почтенным стариком, вовсе не его молодой спутницей — заруби себе на носу! Ступай и без подробностей не возвращайся.

Подобное поручение вполне согласовалось со вкусами и наклонностями моего достойного Сент-Клера. Вероятно, вы уже заметили, что я привык обращаться с ним с той фамильярностью, которая встречается в старых французских водевилях между господином и слугой.

Что он посмеивается надо мной исподтишка, в этом я был уверен, однако манеры он сохранял безукоризненно вежливые и почтительные.

После нескольких смышиленых взглядов, кивков и многозначительного пожатия плечами он скрылся за дверью. Выглянув в окно, я удивился, увидев его уже во дворе: с такой невообразимой быстротой он помчался вниз. Вскоре я потерял его из виду среди шеренг экипажей.

Глава третья

СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ В БРАЧНОМ СОЮЗЕ

День тянется нескончаемо, когда одинокий человек пребывает в лихорадке ожидания; минутная стрелка часов движется так же медленно, как прежде двигалась часовая стрелка, между тем как часовая стрелка утратила даже иллюзию движения. Страдалец зевает, барабанит пальцами какую-то дьявольскую зорю, смотрит в окно, приплюснув к стеклу свой красивый нос, свистит мелодии, ему ненавистные,— словом, не знает, чем себя занять, и как тут не пожалеть о том, что плотный обед в три перемены блюд невозможно позволить себе более одного раза в день. Законы пищеварения, рабами которого мы все являемся, отказывают ему в этом способе утешения.

Однако в те времена, к которым надлежит отнести мой рассказ, ужин еще представлял собой довольно существенную трапезу, и час его приближался. Оставалось три четверти часа, которые я совершенно не знал, чем заполнить. Правда, я прихватил в дорогу три развлекательные книжки, да читать-то нельзя в известном расположении духа. Раскрытый роман лежал рядом с тростью и пледом на диване, и мне было безразлично, чем завершится невинный флирт его действующих лиц: с убийственным хладнокровием я отнесся бы даже к тому, если бы их всех разом утопили в бочке с водой, которая виднелась во дворе под моим окном.

Несколько раз пройдясь взад-вперед по комнате, я остановился, вздохнул, посмотрелся в зеркало, поправил высокий белый галстук, завязанный по всем правилам искусства. Надел жилет цвета буйволовой кожи и голубой фрак с узкими и длинными, как птичий хвост, фалдами и золотыми пуговицами; носовой пла-

ток я смочил одеколоном (в то время не имелось огромного множества разнообразных духов, которыми нас позднее наделила изобретательность парфюмеров). Я причесал свои волосы, которыми очень гордился, и расчесывание их находил приятным занятием. Увы! на месте темных, густых кудрей теперь пробиваются лишь несколько десятков совершенно белых волосков, окаймляющих гладкую и розовую лысину. Однако, пожалуй, будет лучше предать забвению это оскорбительное для моего самолюбия обстоятельство. Довольно того, что тогда я мог похвальиться обилием темно-каштановых выущихся волос. Оделся я с величайшим тщанием. Достав из дорожного саквояжа самую модную шляпу, я водрузил ее на свою голову чуть набекрень, как носили все тогдашние щеголи. Пара светлых лайковых перчаток и трость, скорее похожая на палицу — они лишь год или два как вошли в употребление в Англии, — довершили мой костюм.

Смешно сказать, но все эти старания клонились только к тому, чтобы пропастировать по двору или постоять на лестнице «Прекрасной звезды»: это был способ поклонения восхитительным глазкам, увиденным в первый раз в этот вечер, но забыть которые я уже не мог никогда! Мои мечты согревала смутная надежда, что эти очаровательные глаза заметят безуокуризенный наряд их поклонника и не оставят его без внимания.

Пока я заканчивал туалет, на улице совсем стемнело; исчез последний отблеск солнца на небосклоне, водворились сумерки, которые стали постепенно стущаться. Пребывая в мечтательном настроении, я растворил окно и тотчас же обнаружил, что являюсь свидетелем беседы жильцов наверху. К сожалению, разобрать, что они говорили, я не мог.

Мужской голос поражал тем, что звучание его было одновременно глухим и гнусавым. Разумеется, я без промедления узнал, кому он принадлежит. Отвечали тем сладким голоском, который — увы! — оставил в моем сердце неизгладимый след.

Говорили с минуту, не более, потом мужской голос расхохотался, как мне почудилось, с сатанинскою злобой; и я перестал различать его — старый граф, видимо, отошел от окна.

Ответы собеседницы звучали отчетливо, однако их приглушало расстояние между нашими покоями.

Междуд граffом и граffиней, очевидно, не происходило ничего, что изображало бы спор или раздраженное выяснение отношений. Дорого я дал бы, чтобы у них случилась ссора — ужасная ссора — и я выступил бы в роли покровителя и защитника оскорбленной красавицы! Как назло, насколько я мог судить по тону голосов, долетавших до меня, разговор принадлежал самой мирной супружеской чете на свете. Незнакомка запела. Нужно ли объяснять, что пение доносится гораздо явственнее, чем беседа? Я отлично слышал каждое слово. Голос, если не ошибаюсь, можно было отнести к числу пленительных меццо-сопрано: к драматической чувственности в нем примешивался легкий оттенок насмешливости. Решаюсь привести грубый, но точный перевод слов:

Смерть и любовь в брачном союзе
Таятся, выглядывают из-за угла,
Рано поутру иль в позднюю пору
Они поджидают жертву свою

Страстный ли вздох испепелит обреченного,
Холод ли смерти овеет его,
Ему не дойти — притаившись в засаде,
Смерть и любовь наблюдают за ним

— Довольно, дорогая! — вдруг произнес старческий голос со строгостью.— Надеюсь, вы не намерены развлекать своим пением конюхов и трактирных слуг на дворе.

Посыпался веселый женский смех.

— Вам, видно, хочется покаризничать! — с этими словами, кажется, старик закрыл окно. Створки захлопнулись с таким стуком, что я поразился, как уцелили стекла.

Из числа тончайших преград стекло — самая действенная для звука. До меня не доносилось даже отголоска беседы этажом выше.

Какой дивный голос был у граffини! Его богатые краски продолжали плыть и переливаться в воздухе, волнуя и настраивая на романтический лад все мое существо. Как жаль, что старый ворон посмел заглушить

эту соловиную песню своим отвратительным карканем!

«Сколь несправедлива жизнь! — мысленно философствовал я.— Одаренная терпением ангела, красотой Венеры и талантами всех муз, прелестная графиня при всем при том раба древнего старика. Ей известно, кто занимает комнаты под ней: возможно, она слышала, как я растворял свое окно, и конечно же, пела для меня. Старый ворон почувствовал это!»

В приятном волнении я вышел из комнаты и остановился на лестнице. Снизу мне была видна дверь в комнату графа — разве не могло так случиться, что именно в эту минуту из нее показалась бы очаровательная певица? Однако счастье отвернулось от меня. Было бы неразумно простоять весь вечер, опершись на лестничные перила и делая вид, что наклоняешься за оброненной тростью. Волей-неволей пришлось спускаться в переднюю.

Взглянув на часы, я увидел, что до ужина остается только пятнадцать минут. Хлопали двери, гостиница пришла в движение — при всеобщем хаосе и неразберихе можно было ожидать, что многие из постояльцев решатся изменить своим привычкам и совершают то, чего бы не сделали никогда раньше. Вполне вероятно, что и граф с графиней в первый раз в жизни отважатся спуститься и поужинать за общим столом!

Глава четвертая МЕСЬЕ ДРОКВИЛЬ

Полный радужных надежд, я вышел на крыльце «Прекрасной звезды». Мягкий лунный свет озарял окрестности, в сумерках протянулись глубокие, бездонные тени. Поэтическое окружение поощрило мою романтическую мечтательность. Вдыхая полной грудью свежий ночной воздух, я стоял и предавался приятным грезам. Сколь замечательно было бы, если бы незнакомка оказалась дочерью графа и полюбила меня! И сколько драматических чувств будило предположение, что она может оказаться женой старика!

Из неземных мечтаний я был возвращен к действительности высоким и весьма щеголевато одетым госпо-

дином, на вид лет пятидесяти. Изысканное обращение выдавало дворянское происхождение незнакомца. Остановившись рядом на ступеньках, он вежливо осведомился, не я ли мистер Бекет? Когда я ответил утвердительно, он тут же представился маркизом д'Армонвилем (значительно понизив голос при этом заявлении) и попросил позволения передать мне письмо от лорда Р., которого знал мой отец, хотя и не очень близко, и который даже мне однажды оказал незначительную услугу.

Этот английский пэр, надо заметить, имел весьма высокое положение в политическом мире, и на него указывали как на вероятного преемника почетного поста английского посланника в Париже.

Письмо его я принял с поклоном и прочел:

«Мой дорогой Бекет,

Позвольте представить вам моего доброго друга, маркиза д'Армонвиля, который сам объяснит вам, какого рода услугу вы можете оказать ему...»

Далее он говорил о маркизе как о человеке чрезвычайно богатом, которого тесные связи со старинными дворянскими родами и законное влияние при дворе делали незаменимым в некоторых щекотливых дипломатических поручениях, принятых им на себя по желанию Ее Королевского Высочества и парламента.

Недоумение мое возросло, когда я прочел далее:

«Кстати, Уальтон был у меня вчера вечером и сообщил, что ваше место в парламенте, по всей видимости, подвергнется новым атакам. Вне всякого сомнения, в Домуэле что-то затевается. Со своей стороны я советовал бы вам послать на разведку Гэкстона, и пусть он доложит, в чем там дело. Боясь, это не шутка. Считаю необходимым обратить на это обстоятельство ваше внимание, и вы поймете почему, поговорив о делах с маркизом. Вам следует знать, что маркиз — при содействии наших общих друзей — на несколько недель отказывается от своего титула и сейчас именуется просто месье Дроквиль.

В настоящий момент я держу путь обратно в Лондон и не могу прибавить ни слова.

*Преданный вам
Р...*

Невозможно описать, до какой степени я был озадачен этим письмом. По правде говоря, меня было трудно причислить к знакомым лорда Р. И я в жизни не встречал никого, кто бы назывался Гэкстоном; не знал я и никакого Уальтона, а между тем пэр обращался ко мне, словно мы были близкие приятели! Я посмотрел на конверт, и загадка разрешилась. Меня звали просто Ричардом Бекетом, тогда как я, к собственному ужасу, прочел:

*«Джорджу Стэнхопу Бекету,
эсквайру, члену парламента».*

В страшном замешательстве я поднял глаза на маркиза.

— Право, не знаю, как извиниться перед вами, мар... милостивый государь. Действительно, моя фамилия Бекет и лорду Р. я немного известен, однако это письмо адресовано не мне. Меня зовут Ричардом, а письмо написано Стэнхопу Бекету, депутату от Шиллингвортса. Произошла прискорбная ошибка, и все, что я могу обещать вам,— сохранить его содержание втайне так, словно и не держал его в руках. Поверьте, я до глубины души расстроен этим недоразумением.

По-видимому, на моем лице отразилось искреннее огорчение, потому что хмурое замешательство, промелькнувшее во взгляде маркиза, рассеялось. Он дружески улыбнулся и протянул мне руку.

— Я нисколько не сомневаюсь, что вы сохраните нашу маленькую тайну, мистер Бекет. Если было суждено выйти подобному недоразумению, то мне остается лишь благодарить судьбу, что случай свел меня с благородным человеком. Надеюсь, вы не откажете мне в дружеском расположении и позволите считать вас своим другом.

Я горячо поблагодарил маркиза за его доброту. Он продолжал:

— Мне было бы приятно, если бы вы согласились навестить меня в имении Клеронвиль в Нормандии, где к пятнадцатому августа собираются мои хорошие

знакомые, общение с которыми, возможно, и для вас не будет лишено интереса.

Разумеется, я принял от всего сердца благодарить его за радушное приглашение.

— По известным нам обоим причинам,— сказал он,— мне нельзя принимать друзей в парижском особняке. Однако позвольте узнать, в какой гостинице вы собираетесь остановиться в Париже, и я постараюсь доказать вам, что, хотя маркиз д'Армонвиль в отсутствии, месье Дроквиль не уронит его честь отсутствием гостеприимства.

С призательностью я сообщил ему необходимые сведения.

— А до тех пор,— с улыбкой произнес он,— вы легко сможете найти меня, если вам вдруг потребуется моя помощь. Я постараюсь не терять вас из виду.

Я чутко внимал его словам. Очевидно, маркиз был расположен ко мне, и эта мысль льстила моему самолюбию до крайности. Подобное расположение нередко переходит в прочную дружбу, хотя и неудивительно, что маркиз считал необходимым поддерживать добрые отношения с невольным хранителем политической тайны, пусть и столь неопределенного содержания.

Любезно раскланявшись, маркиз поднялся по ступенькам в гостиницу.

Погруженный в размышления, я простоял еще пару минут на крыльце. Однако очаровательные глаза, голос и грациозная фигура красавицы вскоре заявили свои права над моим воображением, и я вновь залюбовался лунным сиянием, сошел с крыльца и в глубокой задумчивости стал прогуливаться среди живописных старинных домов и построек.

Почти машинально я свернул во двор гостиницы. Вместо шума и гомона, стоном стоявших в воздухе часа два назад, здесь царила полная тишина. Мертвое безмолвие не нарушалось ничем, и никого не было видно: только распряженные экипажи стояли в беспорядке, темными тенями возвышаясь тут и там. Признаюсь, я остался доволен уединением; при лунном свете я легко нашел изящный герб царицы моего сердца. Никто не мешал мне мечтать, прохаживаясь вокруг заветной кареты. Вероятно, я имел тогда довольно глупый вид, как и положено очень молодым и очень

влюбленным людям. Шторы в окнах были спущены, и дверцы заперты на ключ. В ярком сиянии месяца от колес, дышл, рессор на мостовую ложились резкие черные тени. Стоя перед дверцами, я рассматривал графский герб и мысленно спрашивал себя, сколько раз ее глаза останавливались на этом изображении. Мои мечтания прервал голос, резкий и сильный, рявкнувший над моим плечом, словно полковая труба:

— Красный журавль — ха-ха! Хищная птица; бдительна, жадна, приносит погибель лягушкам и пескарям. Бог с ними, с лягушками! Но красный цвет — цвет крови! Ха-ха-ха! Эмблема хоть куда!

Повернувшись на каблуках, я увидел перед собой бледное лицо, совершенно мне-незнакомое. Крупные, некрасивые черты, злое выражение — лицо принадлежло французскому офицеру шести футов роста. Глубокий шрам, пересекавший переносицу и бровь, придавал его физиономии вид еще более отталкивающий и угрюмый.

Он насмешливо расхохотался, выставив вперед подбородок и подняв брови.

— Извольте видеть, я как-то ради забавы всадил в журавля пулю из винтовки, когда молодец считал себя в безопасности высоко в облаках!

С этими словами офицер пожал плечами и снова злобно расхохотался.

— Когда такой человек, как я, — энергичный, обожавший всю Европу с ружьем и саблей, не знавший иного крова, кроме палатки и тента, да что там, черт побери! — порой и того не было! Когда такой человек задается целью раскрыть тайну, разоблачить преступление, насадить грабителя на острие шпаги, было бы странно, если бы это ему не удалось. Ха-ха-ха! Честь имею, милостивый государь!

Гневно развернувшись, он широкими шагами направился к воротам.

Глава пятая

УЖИН В ГОСТИНИЦЕ «ПРЕКРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Французская армия в то время обнаруживала отчасти свирепые наклонности, и англичанам нельзя было рассчитывать на особенную любезность со стороны

французских военных. Тем не менее казалось, что похожий на мертвеца незнакомец, только что обругавший герб графа, не имел никаких злых помыслов по отношению ко мне. Им словно овладело какое-то внезапное воспоминание, и он умчался, кипя гневом. Его неожиданное появление поразило меня, как бывает, когда мы думаем, что одни, и вдруг замечаем, что наши поступки имели свидетеля, да еще под самым нашим носом. В моем случае эффект был усилен необычайной безобразностью лица и его близостью: мы чуть не столкнулись головами. Загадочные слова, полные ненависти и темных намеков, продолжали звучать в моих ушах. Во всяком случае, они давали богатую пищу для влюбленного воображения.

Пора было идти к общему столу. Может быть, разговоры за ужином прольют немного света на предмет, так меня занимавший?

Войдя в залу, я внимательно оглядел лица присутствующих; собралось человек тридцать, однако между ними не было тех, кого я искал.

Нелегко было бы заставить измученную необычайным количеством гостей прислугу, не знаявшую, как поспеть повсюду, разносить кушанья по номерам при царившем в гостинице хаосе. Вокруг кипело настоящее вавилонское столпотворение, и одно это могло побудить спуститься к общему столу и тех путешественников, которым оставалось выбирать между такой неприятной необходимостью и голодом.

Графа не было в числе присутствующих, не было и его очаровательной спутницы; однако маркиз д'Армонвиль, которого я не ожидал увидеть в таком людном месте, с выразительной улыбкой указал мне на свободный стул возле него. Я сел, и он тотчас же начал беседу.

— Вероятно, вы в первый раз во Франции? — поинтересовался он.

Я ответил утвердительно.

— Не считите мои слова за проявление несдержанного любопытства, но Париж, видите ли, один из опаснейших городов мира, особенно для пылких и горячих молодых людей, которых не сопровождает опытный друг и наставник... — он замолчал.

Я заметил, что, хотя и не могу похвастаться подобным наставником, тем не менее полагаю, что и сам способен оценивать собственные поступки.

— В Англии я повидал многое,— заключил я,— а разве человеческая натура не одна и та же во всех остальных частях света?

Маркиз с улыбкой покачал головой.

— Увы, вам предстоит обнаружить разительные отличия. Не стоит и говорить, что каждая страна представляет свои особенности характера и ума. Своеобразность эта проявляется как во внешнем облике преступников, так и в природе их преступлений. В Париже мошенничеством живут втрое или вчетверо больше людей, чем в вашем родном Лондоне, и живут они несравненно лучше: некоторые просто утопают в роскоши. Изобретательности им не занимать, а находчивостью и умением разыграть роль француз всегда заткнет англичанина за пояс. Эти неоценимые для настоящего афериста качества поднимают французских жуликов на целую голову выше остального мира. Многие из них подражают манерам и пользуются всеми привилегиями аристократических классов, хотя средства на жизнь добывают одной лишь игрой.

— В Лондоне та же картина.

— Положим, но облик ваших мошенников совершенно иной. Они постоянные посетители казино, бильярдных и тому подобных заведений. На скачках, где ведется крупная игра, они обирают неосторожных при знании всех условий заездов, замаскировывая свое жульничество подставными лицами, взятками или другими уловками, смотря кого им предстоит обобрать. Здесь же мошенничество производится с утонченностью, имеет свой шарм. Существуют такие представители преступного мира, само обращение которых, интонации, разговор — словом, все — безукоризненно. Им принадлежат богатые особняки в аристократических кварталах; внутренняя обстановка несет отпечаток вкуса и производит впечатление даже на парижан. По изысканности и расточительности образа жизни, которую они ведут, их считают высокопоставленными вельможами; на званых обедах не протолкнуться от влиятельных иностранцев и неразумных молодых французов. Во всех таких домах ведут крупную игру. Хозяин

или хозяйка почти никогда не принимают в ней участия; они только предоставляют сообщникам возможность грабить своих гостей. Таким образом они заманивают богатых иностранцев и очищают их карманы.

— Но я слышал, как в прошлом году сын лорда Руksesби, совсем молодой человек, сорвал банк в двух парижских игорных домах.

— Видимо, вы приехали сюда с той же целью, — рассмеялся маркиз. — В ваши годы я тоже мечтал о карточном выигрыше, и для первого штурма собрал ни более ни менее как сумму в пятьсот тысяч франков. Мне казалось, что будет легко уничтожить всех и вся, попросту удваивая до бесконечности ставки. Правила игры были китайской азбукой для меня, но я наивно полагал, что держатели казино и не подозревают о фокусе, с помощью которого я надеялся разбогатеть. На мое несчастье, оказалось, что они не только имели очень ясное понятие, но даже меры приняли против подобной тактики. Я ткнулся в преграду, не успев толком начать играть: существует правило, которое не позволяет удваивать ставки более четырех раз подряд.

— Оно и теперь в силе? — я почувствовал, как у меня вытягивается лицо.

Он рассмеялся и пожал плечами.

— Разумеется, мой молодой друг. Люди, которые живут искусством, всегда ограждаются от любителей. Вижу, вы составили себе сходный план. Вероятно, и средствами запаслись?

Я признался, что рассчитывал на победу в еще более обширных размерах. С собою у меня было тридцать тысяч фунтов стерлингов.

— Каждый знакомый моего друга лорда Р. вызывает во мне живое участие, к тому же, помимо моего уважения к нему, вы сами внушаете мне искреннее расположение. Прошу заранее извинения, если я покажусь вам навязчивым своими расспросами и советами.

Поблагодарив его за полезное предостережение, я умолял его давать все советы, которые он полагал нужными.

— Если вы намерены следовать им, — проговорил он, — тогда первым делом оставьте деньги в банке, где они лежат. Не рискуйте за карточным столом ни единственным луидором. В тот вечер, когда я отправился сорвать

куш, я проиграл семь или восемь тысяч фунтов на ваши английские деньги. Мое следующее посещение казино разорило бы меня вконец — ведь я добился входжения в один из частных игорных домов, принадлежащих мнимым аристократам,— если бы меня вовремя не спас благородный человек, к которому я по сей день пытаю величайшее уважение. По странной случайности он находится сейчас в этой гостинице. Я узнал его камердинера и поднялся к нему в номер. Он все тот же честный, добрый и в высшей степени порядочный человек, каким я знал его прежде. Не живи он теперь в столь строгом уединении, я счел бы долгом представить вас ему. Лет пятнадцать назад он был самым надежным опекуном, на которого можно было положиться. Я говорю о графе де Сент-Алире. Он потомок очень древнего рода, аристократ до мозга костей, к тому же это умнейший человек на свете, за исключением одной особенности...

— Какой же? — нерешительно спросил я, заинтригованный его паузой.

— Дело в том, что он женился на прелестном создании по крайней мере лет на сорок пять моложе себя, и, разумеется, он отчаянно ревнив, хотя, насколько я могу судить, без малейшего к тому повода.

— Так графиня...

— Она во всех отношениях достойна такого замечательного мужа,— сухо произнес он.

— Сегодня я слышал пение; кажется, пела она.

— О! она очень талантлива.

Водворилось минутное молчание.

— Мне не следует терять вас из виду,— продолжал он.— Прискорбно, если при встрече с моим другом лордом Р. вам придется рассказывать ему о том, как изрядно жульничают в Париже. Богатый англичанин вроде вас, с громадным капиталом у банкира, молодой, веселый, щедрый — тотчас же будет окружен в нашей столице тысячей гарпий и кровожадных пиявок: весь этот неприятный народец не успокоится, пока последний луидор не исчезнет из вашего кармана. Но даже и после они будут грызться и драться между собой за право отхватить кусок пожирнее.

В этот момент я почувствовал толчок локтем в бок: вероятно, мой сосед справа, неловко повернувшись, задел меня.

— Клянусь честью солдата, ни у кого из вас шкура не затягивается так быстро, как у меня!

Слова были произнесены грубым, громовым голосом. Я едва не подскочил на стуле, оглянувшись; возле меня сидел офицер, бледное лицо которого испугало меня во дворе. Он с какой-то свирепостью утер себе рот, осушив стакан красного вина, и заговорил опять:

— Ни у кого, доложу я вам! Это не кровь, это живая вода. Не говоря о росте, крепости мышц, ширине кости и моци кулаков, не говоря даже об устрашающем выражении моего лица; клянусь дьяволом, я безоружный сцепился бы со львом, выбил бы ему зубы и засек бы до смерти собственным его хвостом... Не говоря обо всех этих качествах, которыми я обладаю, я стою шести солдат в бою только из-за одного свойства быстро излечиваться от ранений. Распори мне кожу, проткни насеквоздь, разорви в клочья осколками гранаты — и природа-матушка снова сложит меня целым и невредимым скорее, чем портной успеет подлатать старый мундир. Клянусь колесницей Ильи Пророка! Вы бы вздрогнули от ужаса, господа, доведись вам увидеть меня голым! Взгляните хотя бы на мою руку — сабельный удар рассек до кости кисть, когда я силялся оградить голову, уже исполосованную тремя ударами штыка, и что же? Спустя пять дней я играл в гольф с пленным английским генералом у ворот монастыря Святой Марии в Мадриде. Помните битву при Арколе? Черт побери, вот где нам пришлось жарко! За пять минут сражения каждый из нас проглатывал столько порохового дыма, сколько хватило бы, чтобы удушить вас всех в этой комнате. Ха-ха,— он рассмеялся, довольный шуткой.— Мне всадили две ружейные пули в ноги, пару картечин в живот, острие пики в левое плечо и осколок ядра в дельтовидный мускул; при этом мне разорвали межреберный хрящ в правом боку, сабельным ударом отсекли добрый фунт мяса с туловища и неразорвавшейся зажигательной ракетой угодили прямо в лоб.

Неплохо, ха-ха! И все это произошло скорее, чем вы успели бы вскрикнуть «ах». Что же вы думаете?

Полторы недели не прошло, как я маршировал в колонне, несокрушимый как скала, воодушевляя своим примером всю роту.

— Браво! Брависсимо! Молодчина! — воскликнул, охваченный воинственным пылом, толстенький, маленький итальянец, занимавшийся изготовлением зубочисток и детских колыбельек из плетеных ивовых прутьев на острове Святой Елены. — Слава о ваших подвигах разнесется по всей Европе. История этих войн будет написана вашей кровью!

— Не стоит говорить об этом. Сущие пустяки! — отозвался военный. — Недавно в Линьи, где мы в пух и прах разнесли пруссаков, осколок гранаты щелкнул меня по ноге, да и задень, подлец, артерию. Кровь брызнула, словно из брандспойта, и в полминуты я потерял ее с полведра. Еще бы миг, и из меня дух вон. Однако я не растерялся: с быстротой молнии сорвал с шеи шарф, обмотал им рану, выдернул штык из спины убитого пруссака, продел его в концы шарфа и повернул пару раз кругом, остановив таким образом кровь и спасши себе жизнь. Все же то была дьявольская фортуна, господа, — я потерял столько крови, что с той поры остался навсегда бледен, как дно тарелки. Все докторские порошки — все пустое. Это славно пролитая кровь.

С этими словами он взялся за свою бутылку красного вина.

Маркиз между тем сидел с закрытыми глазами, всем видом выказывая, что он покоряется неизбежному наперекор чувству гадливости.

— Послушай-ка, любезный, — обратился офицер к слуге, в первый раз понизив голос и перегнувшись через спинку стула, — кто приехал в дорожной карете, темно-желтой с черным, которая стоит посреди двора? На ее дверцах изображен герб в виде красного, как мои обшлага, журавля, окруженного разными украшениями.

Слуга отрицательно помотал головой.

Взгляд странного офицера, сделавшийся неожиданно серьеzen и даже суров, как бы случайно остановился на мне. Теперь он уже не принимал участия в общем разговоре.

— Извините, не вас ли я встретил сегодня возле этой кареты? Может быть, вам известно, кто в ней приехал?

— Граф и графиня де Сент-Алир, если не ошибаюсь.

— И они остановились здесь, в этой гостинице?

— В номере наверху.

Он вздрогнул и чуть было не вскочил со стула, однако тут же опустился опять, и я слышал, как он что-то бормочет себе под нос, ругается, ухмыляется и временами словно рычит. Я не мог понять, испуган он или взбешен.

Я обернулся к маркизу, чтобы поговорить с ним, но его уже не было. Вышли еще несколько человек, и зашла скоро опустела.

К вечеру стало довольно прохладно, и в камине горели несколько толстых поленьев. Я пересел поближе к огню в глубокое резное кресло из дуба с высокой спинкой. Вся мебель в гостинице выглядела современницей эпохи Генриха Четвертого.

— Не знаешь ли ты, кто этот офицер? — спросил я, подозвав одного из слуг.

— Это полковник Гальярд, сэр.

— Он часто бывает здесь?

— Не то чтобы очень, но около полугода назад он провел у нас почти месяц.

— Мне еще не приходилось видеть человека бледнее его.

— Это правда, сэр. Его не раз принимали за привидение.

— Будь добр, принеси мне бутылку настоящего, хорошего бургундского.

— Самого лучшего, какое только есть во Франции, сэр.

— Захвати и стакан. Я могу посидеть здесь еще с полчаса?

— Разумеется, сэр.

Я чувствовал себя очень уютно возле камина, вино было превосходно, мысли безоблачны и светлы.

«...Прекрасная графиня... прекрасная маркиза, — вертесь у меня в голове, — когда же мы встретимся вновь?»

Глава шестая

ОБНАЖЕННЫЙ КЛИНОК

Если человек целый день провел в пути, оставил не менее сорока лье за спиной; если он доволен собой и ничто не заботит его; если он сидит у огня в мягким кресле, да еще после плотного ужина,— ему весьма простиительно задремать ненадолго.

Я только налил четвертый стакан вина, когда меня сморил сон. В крайне неудобной позе, уронив голову на грудь, я откинулся на спинку кресла. Общеизвестно, что французская кухня не порождает приятных сновидений.

Вот что мне приснилось. Я словно перенесся в огромный собор, тускло освещенный четырьмя свечами, которые стояли по углам возвышения, обитого черным бархатом. Одетая в черное платье, в светлом квадрате лежала графиня де Сент-Алир. Церковь, по-видимому, была пуста, и я различал лишь небольшое светлое пространство вокруг свечей.

То немногое, что я был в состоянии рассмотреть, носило отпечаток готической мрачности, населяя смутными образами черную пустоту, окружавшую меня. До моего слуха долетел звук шагов: два человека медленно шли по каменным плитам пола. Эхо отражалось так глоухо, что уже по одному этому я мог заключить, как обширно здание. Меня охватило чувство какого-то тягостного ожидания. Невыразимый ужас всколыхнул кровь, когда лежавшая на возвышении графиня приподнялась и едва слышно прошептала: «Они хотят живьем похоронить меня. Спасите!»

Я не мог сдвинуться с места, не мог вымолвить ни слова. Страх сковал меня.

Две темные фигуры вошли в полосу света. Одна — я узнал графа де Сент-Алира — приблизилась к голове лежащей женщины и приподняла ее под плечи. Мертвенно-бледный полковник, с рваным рубцом поперек лба и выражением адского торжества на лице, взялся за ноги. Оба принялись поднимать графиню.

С невообразимым усилием я поборол оцепение, сковывавшее мое тело, и вскочил с кресла, задыхаясь.

Я пробудился, но злобное лицо полковника Гальярда, бледное как смерть, продолжало взирать на меня с противоположной стороны камина.

— Где она? — вскрикнул я, дрожа от волнения.

— Это зависит от того, кто вам нужен, — насмешливо ответил полковник.

— Боже! — пробормотал я, бессмысленно оглядываясь кругом.

Слуга подал чашку черного кофе усмехающемуся офицеру, который шумно отхлебнул из нее, распространяя в воздухе приятный аромат коньяка.

— Я задремал, и мне снился прескверный сон, — объяснил я из опасения, не вырвалось ли у меня неосторожное словцо, которое мог услышать полковник.

— Не вы ли занимаете комнаты под номером графа и графини де Сент-Алир? — обратился он ко мне, подмигнув одним глазом так, что закрыл его совсем; другим же уставившись на меня в упор.

— Да, но я только сегодня приехал, — ответил я.

— Гм. Советую вам быть повнимательнее, иначе в одну прекрасную ночь вам может присниться что-нибудь похоже, — таинственно заметил он, усмехаясь и качая головой. — Да, да. Что-нибудь похоже, — повторил он.

— Вы говорите загадками, полковник.

— Которые сам же пытаюсь разрешить, — ответил он, — и надеюсь, что добьюсь цели. Стоит мне ухватиться за конец нити, мои пальцы уже не разжать никакой силой. Как ни крутись, а я потихоньку двигаюсь вперед: обойду вправо, влево, зайду кругом, но не выпущу, пока вся нить не будет намотана на руке, пока не раскроется тайна. О, я дьявольски хитер, что против меня дюжина лисиц! Проклятье, я составил бы себе состояние, если бы унизился до профессии шпиона. А что, хорошее тут вино? — он бросил вопросительный взгляд на мою бутылку.

— Очень хорошее, — ответил я. — Не желаете ли попробовать стаканчик?

Он выбрал самый большой, налил вина до краев, приподнял его и, поклонившись мне, выпил маленьками глотками.

— Ну и кислятина! — воскликнул он презрительно, однако снова наполнил стакан. — Вам следовало позвать меня, тогда вам не подали бы такой дряни.

Я покинул своего собеседника, как скоро оказалось возможным, не нарушая правил этикета. Надев шляпу, я вышел на улицу, вооруженный своей здоровенной тростью; обошел двор и посмотрел на окно графини. Шторы были задвинуты, ни лучика света не пробивалось изнутри, лишая меня возможности насладиться созерцанием точеного профиля предмета моей страсти.

Чтобы рассеяться, я решил прогуляться по городу. Не стану докучать описанием лунных пейзажей и сентиментальными мечтаниями, распиравшими мое сердце. Довольно того, что я бродил по улицам с полчаса и направился обратно в гостиницу. Пройдя переулком, я очутился на небольшой площади, по каждую сторону которой находилось по два дома с лепными фронтонами, в центре же, на пьедестале стояла грубой работы каменная статуя, потрепанная временем и непогодой. Памятник рассматривал высокий, худощавый мужчина, в котором я немедленно узнал маркиза д'Армонвиля; он тоже заметил меня. Сделав пару шагов навстречу, он пожал плечами и рассмеялся.

— Вероятно, вас удивляет, что привлекло меня к этому каменному истукану? Увы, в провинциальных городках все средства хороши, лишь бы убить время. Какой силой воли нужно обладать, чтобы жить в них; если бы не мои обязательства перед родиной, клянусь, ни минуты бы не задержался в этом унылом захолустье! Полагаю, вы завтра утром уезжаете?

— Я уже нанял лошадей.

— А мне остается ждать письма или прибытия одного человека, разговор с которым вернет мне свободу. Однако когда этому суждено свершиться, я не берусь определить.

— Я могу быть чем-нибудь полезен?

— К сожалению, ничем. Благодарю вас тысячу раз. В моем поручении все роли распределены в точности, и я вызвался участвовать исключительно по дружбе.

Беседуя таким образом, мы медленно подходили к гостинице «Прекрасная звезда». На время вдоворилось молчание. Я нарушил его, поинтересовавшись, не знает ли маркиз чего-нибудь о полковнике Гальярде.

— Разумеется, знаю. Бедняга немного не в себе: последствия ранения в голову. Военное министерство не знает куда деваться от его фантазий, да и от него самого тоже. Недавно ему подыскали занятие при каком-то военном ведомстве; мирная работа, заключающаяся в перекладывании бумажек с места на место. Так представьте себе, в последнюю кампанию Наполеон так нуждался в людях, что дал ему под командование целый полк. Гальярд всегда был отчаянный рубака, такие-то и годились на императорской службе.

В городке находилась другая гостиница под названием «Французский герб». У двери ее маркиз таинственно пожелал мне доброй ночи и скрылся.

Медленно направляясь вдоль сумеречной аллеи, я встретил слугу, который подавал мне бургундское. Размыслия о странной фигуре полковника Гальярда, я остановил его.

— Постой-ка. Кажется, ты говорил, что полковник Гальярд с месяц провел в вашей гостинице?

— Так точно, сэр.

— Не знаешь, в своем ли он уме?

Слуга вытаращил на меня глаза.

— И даже очень в своем, сэр.

— Никто не замечал за ним каких-нибудь странностей?

— Никогда. Иногда он горячится, кипит, но человек чрезвычайно умный.

— Вот и решай, кто тут прав, а кто виноват, — бормотал я себе под нос, шагая дальше.

Вскоре я уже различал свет в окнах «Прекрасной звезды». Перед крыльцом стояла карета, запряженная четверкой лошадей, а за дверьми бушевала яростная перепалка, где над всеми другими звуками преобладал оглушительный голос полковника Гальярда.

Инстинкт искателя приключений подсказывал мне, что я увижу нечто интересное. Пробежав не более пятидесяти ярдов, я оказался в просторной прихожей гостиницы, в самом центре разыгравшейся там драмы. Рослый французский полковник преграждал путь графу де Сент-Алиру, который в дорожном костюме и с черным шарфом, обмотанным вокруг шеи и закрывавшим наполовину его лицо, очевидно, был остановлен в ту минуту, когда направлялся в своему экипажу.

Немного позади него стояла графиня, также в дорожном костюме, с опущенной на лицо черной вуалью; в своих нежных пальчиках она держала белую розу. Трудно вообразить более сатанинское олицетворение ненависти, какое представлял в этот момент полковник: жилы напряглись и выступили тяжелыми бугорками на его лбу, глаза выкатывались из орбит, он в ярости скрежетал зубами. Вытащив из ножен саблю, он размахивал ею, сопровождая свои выкрики зловещим лязгом амуниции и топаньем. Владелец гостиницы пытался образумить его, однако все усилия оставались тщетными. Двое слуг, бледных от испуга, выглядывали из-за спин путешественников, не отваживаясь вмешиваться в перебранку. Полковник неистовствовал, топал ногами и размахивал саблей.

— Я не был уверен в вашей красной птичке — кто мог бы подумать, что вы осмелитесь путешествовать по людной дороге, останавливаться в порядочных гостиницах и спать под одним кровом с порядочными людьми! Вампиры, оборотни, вам нет христианского имени! Немедленно вызовите жандармов, вяжите их. Клянусь святым Петром и всеми чертами, если кто из вас посмеет высунуть нос из этой двери, я раскрою ему череп!

С минуту я молча смотрел, потрясенный этой сценой. Какой удобный случай выказать свои чувства! Я немедленно подошел к графине. Она испуганно оперлась на предложенную руку.

— О! Я в отчаянии! — взволнованным шепотом произнесла она. — Этот ужасный сумасшедший не хочет пропустить нас; он убьет моего мужа.

— Ничего не бойтесь, графиня, — ответил я, отважно вставая между старым графом и полковником, который не переставал кричать и ругаться, словно одержимый. — Прочь с дороги, варвар! — взревел я, в свою очередь свирепея.

Графиня слегка вскрикнула, и это вполне вознаградило меня за опасность, которой я подвергался, ибо полковник Гальярд после секундного изумления стремительно взмахнул занесенной вверх рукой, и его сабля со свистом рассекла воздух надо мною.

Глава седьмая БЕЛАЯ РОЗА

Я был проворнее полковника, и в тот момент, когда он, не раздумывая о последствиях, замахнулся с твердым намерением рассечь меня на две половинки, я с силой хватил его по виску своей тростью. Он отшатнулся, и я снова обрушил на его голову удар палкой. С глухим стоном он рухнул.

Мне было безразлично, жив он или мертв: в эту минуту я уносился вихрем самых упоительных ощущений.

Саблю Гальярда я сломал ногой и обломки вышибырнул на улицу. Старый граф бросился к двери во всю мочь, не оглядываясь ни направо, ни налево, не благодаря никого; проворно сбежав по ступенькам крыльца, он юркнул в карету. Я остался рядом с брошенной на произвол судьбы графиней. Подав ей руку, я повел ее к карете. Она села в нее, и я захлопнул дверцы. Все произошло в глубоком молчании.

Едва я собирался спросить о причине столь поспешного отъезда, как графиня робко и вместе с тем взволнованно тронула мою руку. Губы ее почти касались моей щеки, когда она торопливо шепнула:

— Быть может, мы не увидимся никогда больше. О, если бы я могла забыть вас! Уходите... прощайте, ради Бога, уходите!

Я пожал ее руку. Она отдернула ее, но дрожащими пальцами протянула мне белую розу, которую держала во время всей этой бурной сцены.

Граф что-то приказывал своим пьяным слугам, просил их, проклинал. Они скрывались где-то в недрах гостиницы, пока мое вмешательство не переменило положение вещей. Однако все это стало очевидным мне лишь впоследствии. Теперь они проворно взобрались на козлы, подгоняя мыс страхом. Ямщик щелкнул бичом, лошади пустились рысью, и карета покатила в направлении Парижа со своей драгоценной ношей, провожаемая едва брезжущей луной, которая поднялась над главной улицей городка.

Я стоял на мостовой, пока экипаж не скрылся из виду и расстояние не заглушило шума колес.

Тогда я с глубоким вздохом опустил глаза на бледную розу, завернутую в мой носовой платок,— залог любви, тайно переданный на прощание, не замеченный ни одним нескромным взглядом.

Между тем хозяин гостиницы со своими слугами подняли раненого героя ста сражений и привалили его к стене, обложив с обеих сторон чемоданами и подушками. В широкий рот влили рюмку доброго французского коньяку, который, впрочем, включили затем в счет постоя, однако божественный дар в первый раз остался непроглоченным.

Отставной лекарь, лысый старичок с очками на носу и густыми бакенбардами, после славных дел под Эйлау в одиночку оттяпавший не менее двухсот рук и ног, а теперь сложивший вместе с пилою и шпагой свой липкий пластырь и лавры и решивший доживать век в родном городке, был призван оказать помощь. Одобрительно обстукив крепкое темя храброго Гальярда, он тем не менее заметил, что налицо серьезное сотрясение мозга и для врачевания дел хватит недели на две.

Меня охватило неприятное беспокойство. Хорош был бы сюрприз, если бы моя поездка с целью срывать банки, разбивать сердца и, как видите, головы, закончилась бы на галерах или на эшафоте. В то время я не совсем ясно отдавал себе отчет в политических колебаниях, что впрочем всегда было свойственно большинству публики.

Полковника отнесли в его номер: раненый тяжело хрипел.

Я вызвал хозяина гостиницы в залу, где проходил ужин. Когда речь заходит о том, чтобы в обход закона добиться какой-либо цели, приходится отбрасывать в сторону все мелочные расчеты. Полезнее потратить сто фунтов сверх меры, чем недодать пару фартингов и проиграть всю ставку. Это я понимал преотлично.

Я потребовал лучшего вина, какое было в гостинице, и пригласил хозяина распить его вместе со мной в отношении двух стаканов к одному, после чего объявил ему, что он не может отказаться принять безделицу на память от посетителя, который в восторге от увиденного во всемирно известной гостинице «Прекрасная звезда». С этими словами я вложил в его ладонь двадцать пять луидоров. Почувствовав тяжесть монет, хо-

зяин просиял: угрюмое выражение сменилось наилю-
безнейшим, обращение из сдержанного стало вдруг
добродушным, и было очевидно, пока он проворно
опускал в карман деньги, что между нами уже устано-
вились самые приятельские отношения.

Разумеется, я тут же завел разговор о разбитой го-
лове полковника. Мы пришли к обоюдному согласию,
что, не надели я его довольно увесистым ударом тро-
сти, он снес бы головы у половины населения «Пре-
красной звезды». Все слуги до единого разве не под-
твердят это под присягой?

Легко догадаться, что, кроме желания уклониться
от скучных допросов правосудия, я имел и другую при-
чину торопиться в Париж. Каким же был мой ужас,
когда мне объявили, что сегодня ночью невозможно
достать лошадей ни за какие деньги. Последняя пара,
которая находилась в городе, была затребована в гости-
нице «Французский герб» для господина, который обе-
дал и ужинал в «Прекрасной звезде» и которому вне-
запно потребовалось отправиться в Париж именно
в эту ночь.

Кто этот господин? Уехал ли он? Нельзя убедить
его повременить до утра? На эти вопросы я скоро по-
лучил ответ.

Путешественник у себя в номере укладывал вещи,
и звали его Дроквилем.

Я мигом взлетел в свой номер, где нос к носу
столкнулся с собственным камердинером. При виде
его мои мысли тотчас приняли иной оборот.

— Ну, Сент-Клер, говори скорее, кто эта дама? —
вскричал я.

— Она дочь или жена... черт, не помню... графа де
Сент-Алира, того старика, которого генерал едва не ис-
крошил саблей на куски, не уложи вы его самого.

— Молчи, болван! Полковник напился как скот
и хранил во всю ивановскую. Какая вера его словам?
Живо собирай вещи. Ты, часом, не знаешь, в каком но-
мере остановился месье Дроквиль?

Разумеется, Сент-Клер знал; ему всегда было из-
вестно все на свете.

Спустя полчаса Дроквиль и я катили по дороге
в Париж в моем кабриолете и на его лошадях. Между

делом я рискнул было спросить, жена ли графа де Сент-Алира была с ним и нет ли у него дочери.

— Есть, и прелестная молодая девушка, говорят. Но была ли жена с ним, или это дочь от первого брака, я сказать не могу. Я видел одного графа.

Маркиз вскоре задремал, прислонившись к подушкам сиденья. Я тоже устал от дороги и то и дело клевал носом; но маркиз спал как убитый. Проснулся он лишь на пару минут на следующей станции, где, на наше счастье, лошади уже были приготовлены его человеком, посланным, как он объяснил мне, с этой целью вперед.

— Прошу извинить меня, я довольно скучный по-путчик,— сказал он.— В течение последних трех суток я спал не более двух часов. Пожалуй, я выпью здесь чашку кофе, и вам советую; здесь отлично готовят.

Он заказал две чашки черного кофе и ждал, пока их принесут, высунув из окна голову.

— Мы берем посуду с собой,— заявил он подошедшему с исполненным заказом слуге.— Благодарю.

После короткой заминки, пока он расплачивался, он втянулся обратно в карету, держа в руках маленький поднос с чашками.

— Терпеть не могу, чтобы меня ждали или торопили,— заметил он, устраивая у себя на коленях нечто вроде столика.— Предпочитаю пить кофе маленькими глотками, на досуге.

Я согласно кивнул головой. Напиток действительно был превосходен.

— Как и вы, маркиз, я тоже мало спал эти дни; надеюсь, кофе взбодрит меня.

Мы еще не допили, когда экипаж тронулся. Ароматный эликсир расположил нас к разговорчивости; маркиз был добродушен, блистал умом, описывая мне парижскую жизнь, ее опасности и обычай. Его советы были в высшей степени полезны. Однако, несмотря на любопытные рассказы моего спутника, меня вскоре снова стало клонить ко сну. Временами я встремывал головой, чтобы прогнать дремоту.

Вероятно, заметив мое состояние, маркиз тактично оставил разговор; водворилось молчание. Окно с его

стороны было открыто. Он выбросил в него свою чашку; ту же услугу он оказал и мне; в заключение следом за чашками полетел поднос. Я слышал, как он звякнул, падая на камни. Счастливая находка для раннего путника в деревянных сабо!

Я откинулся на мягкие диванные подушки; моя драгоценность — белая роза — лежала завернутая в платок у меня на сердце, внушая всевозможные романтические мечты. Между тем сон одолевал меня все сильнее, хотя и не сменялся блаженным забытьем. Из-под полуприкрытых век я лениво оглядывал внутренность кареты.

Как ни велико было желание сна, пересечь границу между бодрствованием и небытием казалось невозможным: вместо сна я впал в какое-то непонятное оцепенение.

Маркиз достал со дна кареты свой письменный ящик, поставил его себе на колени, отомкнул и вынул предмет, оказавшийся лампой, которую он на двух приделанных к ней крючках повесил перед собой над окном. Надев очки и достав пачку писем, он принял внимательно читать их.

Мы продвигались вперед крайне медленно. До сих пор я ехал четверкой, теперь же мы были рады получить и пару лошадей. Естественно, скорость кареты значительно снижалась.

Мне до смерти надоело смотреть на маркиза, который с очками на носу все читал, откладывал и надписывал одно письмо за другим. Я пытался избавиться от этого однообразного зрелища, но какая-то неведомая сила мешала сомкнуть глаза. Сколько я ни пробовал закрыть их, мне лишь пришлось убедиться, что я не в состоянии сделать это.

Хотелось протереть глаза, но руки отказывались двигаться; вся моя воля была бессильна заставить их пошевелиться. Мускулы, суставы замерли в неподвижности. До этой минуты я не испытывал ни малейшего беспокойства, как вдруг меня охватил страх. Быть может, со мной какой-нибудь болезненный припадок? Результат длительной усталости?

Ужасно было сознавать, что мой добродушный попутчик спокойно сидит на своем месте и занимается корреспонденцией, тогда как стоило ему толкнуть меня, чтобы рассеять мучительные ощущения.

Я предпринял громадное усилие, пытаясь вскрикнуть. Напрасный труд! Я повторил попытку несколько раз, но все безуспешно.

Мой спутник связал стопкой письма, выглянул в окно, напевая вполголоса популярный мотив из оперетты. Повернувшись ко мне, он проговорил:

— Впереди огни; минуты через две или три мы будем на станции.

Всмогревшись в меня пристальнее, он пожал плечами и с доброй улыбкой промолвил:

— Бедняга! Должно быть, изрядно утомился — как крепко спит! Ничего, проснется, когда мы остановимся.

Он положил пачку писем в ящик, запер его на ключ, очки сунул в карман и снова выглянул из окна.

Мы въехали в небольшой городок. Было около двух часов ночи. Карета остановилась. Краем глаза я видел открытые двери гостиницы: кто-то выходил из них с горящим фонарем.

— Вот мы и приехали! — весело воскликнул мой спутник, наклоняясь ко мне.

Однако я не проснулся.

— Да, бедняга, видимо, сильно утомился, — проборомтая себе под нос маркиз, подождав с минуту ответа.

Подошел Сент-Клер и отворил дверцы.

— Твой господин крепко спит, — предупредил его маркиз, — было бы жестоко будить его. Идем поищем что-нибудь перекусить, а для мистера Бекета следует взять пакет в дорогу, чтобы он смог поесть, когда проснется. Голову даю на отсечение, он страшно проголодался.

Он поправил свою лампу, подлил в нее масла и, стараясь не потревожить меня, вышел из кареты. Я слышал, как он повторил Сент-Клеру предостережение не будить меня и, продолжая разговаривать с ним, скрылся в дверях гостиницы, а я остался в уголке кареты в прежнем состоянии оцепенелости.

Глава восьмая

ТРЕХМИНУТНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

В разные периоды жизни мне приходилось переносить потерю сознания и страшную боль, но — благодаря Богу — ни прежде, ни потом, по окончании этой истории, я не испытывал ничего подобного. От всей души желаю, чтобы такое состояние не походило ни на один род смерти, которому подвержено человечество. Я чувствовал себя, словно бесплотный дух, запертый в темнице; безмолвие и неподвижность причиняли невыразимое мучение.

Способность отчетливо видеть происходящее вокруг сохранялась столь же необъяснимым образом, как и ясность мысли. Безотчетный ужас сковал душу. Чем кончится приступ? Неужели это и есть смерть? Зрение и слух не ослабевали ни на секунду, лишь воля моя словно утратила всякое влияние на движения тела.

Я уже говорил, что маркиз не погасил своей дорожной лампы, когда вышел на станции. Призывая всеми силами души его возвращение, я вслушивался в малейший шорох в надежде на некую счастливую случайность, которая выведет меня из каталепсии.

Дверцы кареты неожиданно распахнулись, хотя не было слышно приближающихся шагов, и совершенно незнакомый человек вошел и сел возле меня.

Лампа горела ярко, как восковая свеча. Я вполне мог рассмотреть неизвестного при ее свете. Он был молод; поверх костюма на нем был наброшен темно-серый плащ с капюшоном, закрывавшим лоб. Когда он входил, мне показалось, что в темноте мелькнула золотая кокарда фуражки; из широких рукавов выглядывали общлага и пуговицы военного мундира.

У непрошеного посетителя были густые черные усы и эспаньолка; кроме того, я заметил пунцовую рубец, пересекавший правую щеку и верхнюю губу.

Итак, он сел возле меня и тихо закрыл за собой дверцы. Все произошло в одно мгновение. Наклонившись ко мне, он заслонил глаза от света лампы рукой в перчатке и внимательно всматривался в мое лицо несколько секунд.

Человек этот появился беззвучно, как привидение; все, что он делал, исполнялось с быстротой и решительностью заранее обдуманного и определенного плана. Очевидно, весьма недоброго. Я подумал, что он собирается ограбить меня и убить, и тем не менее остался неподвижен и бессилен, словно мертвое тело. Он сунул руку в мой боковой карман и вынул из него драгоценную белую розу вместе со всеми письмами, которые там находились и среди которых имелась важная для меня бумага.

На письма он едва взглянул. Очевидно, ему не было до них никакого дела. И мое сокровище, белую розу, он отложил в сторону. Весь интерес для него, должно быть, заключался в бумаге, о которой я упоминал. Развернув ее, он принялся бегло отмечать карандашом в записной книжке ее содержание.

Его хладнокровие и неторопливость, как мне показалось, изобличали в незнакомце переодетого полицейского.

Сложив бумаги по возможности в прежнем порядке, он опустил их обратно мне в карман и бесшумно выскользнул наружу.

Посещение не длилось и трех минут. Вскоре после ухода незнакомца я вновь услышал голос маркиза. Он сел в карету, поглядел на меня и улыбнулся, вероятно, завидуя моему крепкому сну. Боже, если бы он знал правду!

Он снова углубился в чтение писем при свете лампы, только что сослужившей службу подосланному шпиону.

Мы выехали из городка неторопливой рысью. Место полицейского осмотра, которому я подвергся, осталось мили за две позади, когда у меня вдруг странно застучало в одном ухе, и я почувствовал, как воздух через него проникает мне в горло. Словно огромный шар, внезапно надувшийся глубоко в ухе, теперь вдруг лопнул. Невыразимое оцепенение тотчас исчезло: в голове как-то удивительно зажужжало, и каждый нерв в моем теле слегка содрогнулся — вроде того, как бывает, когда начинает отогреваться замерзшая рука или нога. Я вскрикнул, приподнялся и снова упал на сиденье; возникшая слабость была невероятной.

Маркиз удивленно взглянул на меня, взял за руку и озабоченным голосом осведомился, не болен ли я. Вместо ответа я издал тяжкий стон.

Постепенно ко мне возвращалось нормальное состояние. Вскоре я уже мог поведать очень слабым голосом, как жестоко страдал от неведомого приступа, о появлении незнакомца и нахальном осмотре моих писем и бумаг в отсутствие маркиза.

— Проклятье! — воскликнул он. — Уж не добрался ли негодяй и до моей корреспонденции?

Я успокоил его. Тем не менее он поставил свой ящик рядом на сиденье и принялся проверять его содержимое.

— Слава Богу, ничего не тронуто, — пробормотал он себе под нос. — Я везу с собой с полдюжины писем, которые ни за что на свете не желал бы увидеть в чужих руках.

Затем он с участием начал расспрашивать меня обо всем, что я чувствовал во время странного припадка.

— Один мой хороший знакомый, — сказал он, выслушав меня, — испытал точно то же, что и вы, насколько я могу судить. Произошло это на корабле и, полагаю, вследствие сильного волнения. Подобно вам, ему пришлось проявить отвагу и мужество, но спустя два часа усталость взяла свое, и он впал в глубокий сон. На деле же он находился в состоянии, которое потом описывал совершенно так же, как и вы свои нынешние ощущения.

— Признаться, для меня облегчение слышать, что мой припадок не единичное явление. Повторялся ли он у вашего знакомого?

— Я знаю его уже много лет и никогда не слышал ни о чем подобном. Меня поражает сходство причин, вызвавших тот и другой припадок. Ваш отважный вызов такому опытному бойцу, как этот полупомешанный драгунский полковник, ваше утомление и, наконец, сон — все в точности согласуется с тем, что испытал мой друг.

Желал бы я знать, — заговорил он немного погодя, — кто этот каналья, кому вздумалось осматривать ваши бумаги? Однако возвращаться назад не стоит; мы ничего не узнаем. Такие люди искусно обделяют

свои дела. Полагаю, что это был агент полиции. Грабитель обобрал бы вас.

Я отвечал мало, все еще чувствуя себя нехорошо, но маркиз поддерживал разговор.

— Наше знакомство требует от нас хоть изредка встречаться в Париже,— сказал он.— Я могу быть вам полезен. Только позвольте напомнить вам, что маркиза д'Армонвиля сейчас не существует, а есть один месье Дроквиль. Назовите мне, пожалуйста, гостиницу, где вы предполагаете остановиться. Как вы понимаете, за отсутствием маркиза, который путешествует, его дом стоит пустым и находятся в нем только двое или трое старых слуг, а те и мельком не должны видеть месье Дроквилья. Тем не менее ваш покорный слуга постарается достать для вас место в ложе маркиза в опере, может быть, откроет доступ в другие места, которые открыты для немногих избранных. И так как скоро дипломатическая миссия маркиза д'Армонвиля завершится и он будет волен называться своим настоящим именем, то ни под каким предлогом не разрешит своему другу мистеру Бекету не сдержать данного им слова навестить его осенью в замке д'Армонвиль.

Разумеется, я горячо благодарил маркиза.

Чем ближе мы подвигались к Парижу, тем выше я ценил его покровительство. Поддержка столь высокопоставленного лица и его дружеское участие к случайно встреченному иностранцу могли придать более привлекательности моему пребыванию в столице Франции, чем я был вправе ожидать.

Маркиз рассыпался в любезности, покоряя своим обращением и манерами. Я еще благодарил его за будущие милости, когда карета остановилась у станции, где нас ждали свежие лошади и где, как вскоре выяснилось, нам предстояло расстаться.

Глава девятая

СПЛЕТНИ И МУКИ СОВЕСТИ

Полное приключений путешествие наконец закончилось. Я сидел у окна в номере гостиницы и наблюдал блистательный Париж, манивший пестрою суетою. Династия Бурбонов только-только воцарилась после окон-

чательного падения Наполеона, и нет нужды описывать восторженную суматоху, охватившую город. После стольких лет воспоминания мои неизбежно потускнели и едва ли в силах воспроизвести все краски минувшей эпохи.

Я провел в Париже два дня и, кажется, не пропустил ни одного уголка, ни одной достопримечательности. Странно, я вовсе не подвергся грубости и нахальству взбешенных поражением французских военных, о которых на родине я слышал так много жалоб.

Надо заметить, что мой роман отвлекал все мои мысли; надежда встретиться с предметом моих мечтаний придавала тайный и упоительный интерес прогулкам по улицам и разъездам по городу или посещению картинных галерей и прочих достопримечательностей столицы мира.

О графе и графине я ничего не слышал; маркиз тоже ничем не давал знать о себе. Я совсем оправился от странного недуга, который посетил меня в последнюю ночь путешествия.

День клонился к вечеру, и я начал опасаться, как бы мой сановный знакомец не забыл меня, когда слуга в гостинице подал мне визитную карточку месье Дроквилля. Можно представить себе, с какой радостью я приказал ему проводить гостя.

В комнату вошел маркиз д'Армонвиль, такой же любезный и предупредительный, как прежде.

— Теперь я ночная птица, — проговорил он после обычного обмена приветствиями, — и мне следует держаться в тени. Днем я почти не показываюсь и только в сумерки отваживаюсь выезжать в закрытом экипаже. Друзья, которым я взялся оказать довольно затруднительную услугу, так распорядились мной. Они полагают, что все рухнет, стоит кому-нибудь проводить о моем присутствии здесь. Первым делом позвольте передать вам эти билеты на право входа в мою ложу. Досадно, что я не могу располагать ею чаще в течение ближайших двух недель. Секретарю я приказал давать ее тем из моих друзей, которые обратятся первыми, и результат тот, что я сам не могу распоряжаться собственной ложей.

Я горячо поблагодарил маркиза.

— Теперь позвольте мне взять на себя роль ментора. Вероятно, вы приехали сюда не без рекомендательных писем?

Я достал с полдюжины писем, адреса которых он пробежал глазами.

— Забудьте о них,— посоветовал он.— Я сам вас представлю. Берусь лично сопровождать вас из дома в дом. Присутствие одного хорошего знакомого стоит мешка рекомендаций. Ни с кем не завязывайте отношений и не знакомьтесь до тех пор. Обычно молодые люди предпочитают исчерпать удовольствия, предоставляемые большим городом, прежде чем связывать себя обязательствами, налагаемыми обществом. Ознакомьтесь с первыми. Это займет вас давно и ношно по крайней мере недели на две-три. Когда же вы покончите с этим, я буду свободен и сам введу вас в блистательную, но сравнительно спокойную колею великого-советского круга. Предоставьте мне заботы о вашем благополучии и помните, что в Париже, однажды попав в водоворот большого света, вы уже не можете из него выйти.

Я рассыпался в изъявлениях признательности и обещал следовать его совету.

По-видимому, он остался доволен ответом.

— Сейчас я назову вам места, где следует побывать,— продолжал он.— Возьмите вашу карту и отмечайте буквами или цифрами пункты, которые я укажу, а потом мы составим небольшой списочек. Все места, которые я перечислю, стоят того, чтобы на них взглянуть.

Таким методичным способом, приправив свой рассказ множеством любопытных анекдотов, он снабдил меня каталогом и путеводителем, неоценимыми для искателя новизны и развлечений.

— Недели через две, а может быть, и через неделю,— заключил он,— я думаю, что буду в состоянии оказать вам настоящую услугу. До тех пор соблюдайте осторожность. Не играйте; вас непременно оберут. Помните, здесь вы окружены мошенниками с благоприятной наружностью и негодяями разного толка, которые только тем и живут, что грабят заезжих иностранцев. Не доверяйтесь никому, кого вы не знаете.

Снова я благодарил маркиза и обещал воспользоваться его советом. Однако сердце мое было полно воспоминаний о красавице, которую я встретил в гостинице «Прекрасная звезда». Я не мог удержаться от попытки узнать что-нибудь о ней, прежде чем маркиз уйдет. Итак, я рискнул осведомиться о графе и графине де Сент-Алир, которых имел честь избавить от крайне неприятного положения в прихожей «Прекрасной звезды».

Увы! маркиз не видел их. В нескольких милях от Парижа у них прекрасное поместье со старинным замком, хотя, по всей видимости, им придется провести несколько дней в городе, пока все будет готово к их приезду, так как замок долгое время стоял пустым.

— Они долго отсутствовали?

— Если мне не изменяет память, они почти восемь месяцев путешествовали.

— Признаться, мне приходилось слышать, что они небогаты.

— Это на ваш взгляд. При доходах графа они могут пользоваться не только всеми удобствами, но и позволить себе некоторую роскошь. Живут они тихо и уединенно, а жизнь здесь значительно дешевле, чем у вас в Англии.

— Выходит, они счастливая супружеская пара?

— Скорее, они *должны бы* таковыми быть.

— В чем же помеха?

— Граф очень ревнив.

— Но жена... надеюсь, она не дает повода?

— Напротив.

— Как так?

— Я всегда находил, что она чересчур... излишне как-то...

— Что же?

— Чересчур хороша. Но несмотря на ее прелестное лицо и фигурку, я думаю, что она честная женщина. Вам не приходилось встречать ее?

— В прихожей «Прекрасной звезды» была какая-то дама, закутанная в манто, с опущенной на лицо вуалью — в тот самый вечер, когда я проломил голову грубияну, напавшему на старого графа; но через вуаль я не разглядел ничего...

Ответ мой был крайне дипломатичен.

— По возрасту она могла быть и дочерью графа,— продолжал я.— Они часто между собойссорятся?

— Кто?

— Граф и графиня.

— Очень-очень редко.

— О! Из-за чего же, если не секрет?

— Длинная история; речь идет о бриллиантах графини. Говорят, их стоимость доходит до миллиона франков. Граф хочет продать их и мертвый капитал обратить в деньги, которые будут приносить проценты, куда бы ни поместить их. Графиня же, которой они принадлежат, упорствует — полагаю, по причине, которой она открыть мужу никак не может.

— Что это за причина? — спросил я, чувствуя, как разгорается мое любопытство.

— Вероятно, она мечтает, как замечательно будет выглядеть в них, когда пойдет под венец со вторым мужем.

— Ого! Но граф, кажется, неплохой человек?

— Отличный и чрезвычайно умный человек.

— Я был бы не прочь познакомиться с ним. Вы говорите, что он...

— Имеет такую хорошенькую жену. Согласен, но, видите ли, они живут очень уединенно. Время от времени граф возит жену в оперу или на какой-нибудь бал, и это, пожалуй, все.

— Наверное, он до сих пор не может забыть кровавых ужасов революции. Столь печальный опыт и его возраст...

— Для такого философа, как вы, он пришелся бы по вкусу. Заметьте еще, что после обеда он обязательно засыпает, а жена нет. Шутки в сторону; он удалился от шума большого света и впал в апатию, и жена его также. Ничто, по-видимому, не способно интересовать ее — даже муж не интересует.

Маркиз поднялся, собираясь уйти.

— Не рискуйте деньгами, — предостерег он. — Скоро вам представится случай поместить их с большой выгодой. Несколько собраний превосходных картин будут продаваться с аукциона, так как их хозяева были причастны к заговору в пользу Бонапарта. Ваш кошелек способен наделать чудес, когда начнется распродажа. Цены будут удивительные! Соберите к тому време-

ни свою наличность. Я извещу обо всем. Кстати,—вдруг остановился он возле самой двери,—чуть было не забыл. На следующей неделе вам предстоит особенное увеселение: насколько мне известно, маскарады в Англии все еще редкость. Костюмированный бал устраивается в Версале, приглашены все знаменитости, билеты идут нарасхват. Но, думаю, я могу обещать вам один. Доброй ночи. Прощайте!

Глава десятая

ЧЕРНАЯ ВУАЛЬ

Хорошее знание французского языка, полный кошель,—моя экипировка способствовала погружению в мир соблазнов, которые столица мира рассыпает перед страждущими. Легко представить себе, как я провел эти два дня. К концу второго почти в том же часу, что и в первый раз, месье Дроквиль снова заехал ко мне.

По обыкновению вежливый и добродушный, он между прочим сообщил мне, что бал-маскарад назначен на следующую среду и он уже достал билет для меня.

— Какая досада! Едва ли мне удастся воспользоваться им! — воскликнул я.

С минуту он подозрительно разглядывал меня, потом довольно резко спросил:

— Не угодно ли вам будет объясниться, почему?

Несколько удивившись, я тем не менее ответил правду, а именно что уговорился с двумя приятелями-соотечественниками провести этот вечер вместе и не могу нарушить данного слова.

— Так я и знал! Где бы ни находился англичанин, он обязательно отыщет своего брата-дубину. Стоит вам собраться больше трех — и вот уже вся компания с поросячым визгом уплетает свои излюбленные бифштексы да запивает их крепким пивом. Вместо того чтобы усваивать хорошее обхождение, изучать чужую культуру, вы только пьянствуете в своем тесном кружке, сквернословите и участуете в мордобое, который называется боксом, и к концу путешествия ни на волос не умнее и не образованнее, чем были в начале. С таким

же успехом можно пропьянствовать все время где-нибудь в гринвичском трактире!

Он пристально посмотрел на меня и рассмеялся.

— Вот ваш билет,— с этими словами он швырнул его на стол.— Можете воспользоваться им или выбросить, как вам угодно. Вероятно, мои хлопоты пропали даром, хотя признаюсь, не часто случается, чтобы такой человек, как я, просил об одолжении и встречал отказ, почти пренебрежение!

Всё это было удивительно дерзко.

Я был поражен и каялся в своем проступке. Вероятно, я по неведению погрешил против французских правил гостеприимства: только этим оправдывалась грубость укора маркиза.

Охваченный самыми противоречивыми чувствами, я поспешил извиниться перед знакомцем, выказавшим мне столько бескорыстного участия. Я уверил его, что во что бы то ни стало отдалась от слова, данного мной в недобрую минуту; сожалел о необдуманном ответе и о том, что не сразу оценил всю любезность его услуги.

— Прошу вас, ни слова больше. Мне было досадно за вас, и признаюсь, я не смог сдержать своих чувств. Прошу извинить мою запальчивость. Для моих знакомых не секрет, что порой я говорю больше, чем думаю, и всегда потом жалею. Надеюсь, мистер Бекет простит своему старому другу, что он вспылил из-за его же интересов. Мы по-прежнему остаемся друзьями?

Он улыбнулся своей добродушной улыбкой и протянул руку, которую я с жаром и почтительностью пожал.

После минутной ссоры мы стали еще большими друзьями.

Маркиз посоветовал мне заранее обзавестись комнатой в одной из версальских гостиниц, так как гостей будет очень много. По его мнению, мне следовало отправиться в Версаль на следующее же утро.

Итак, я заказал лошадей к одиннадцати часам. Поговорив еще немного, маркиз д'Армонвиль простился со мной, стремительно сбежал по лестнице, прикрывая носовым платком нижнюю часть лица, вскочил в поджидавшую его карету и уехал.

На другой день я был в Версале. Подъезжая к гостинице «Франция», я убедился, что опасения маркиза были не напрасны.

Множество экипажей стояло у входа, перегораживая дорогу; не оставалось ничего другого, как выйти из кареты и пробираться пешим между лошадьми. Холл гостиницы был полон лакеев и господ, в один голос требовавших хозяина, а тот с любезным отчаянием уверял всех вместе и каждого порознь, что в целом доме не осталось ни угла, ни комнаты, которые не были бы заняты.

Я вынырнул на улицу из толпы людей, которые кричали, убеждали и улещали владельца гостиницы, пребывая в приятном заблуждении, что он мог бы устроить для них местечко, если бы захотел. Предоставив искателям мест кричать до хрипоты, я снова вскочил в карету и понесся к гостинице «Резервуар». Блока-да вокруг входа и здесь была не менее плотна. Результат оказался тот же: все было занято. Прескверное положение, но что прикажете делать? Мой ямщик поусердствовал, пока я в холле разговаривал с владельцем гостиницы; подвигаясь вперед, шаг за шагом, по мере того как отъезжали другие экипажи, он добрался до самого входа.

Это оказалось удобным лишь в одном отношении — чтобы усесться в карету. Однако, сев, как было выбираться на дорогу? Ряд экипажей тянулся впереди, такой же ряд сзади, и не менее четырех рядов сбились обок моего кабриолета.

В то время я был замечательно дальнозорок; и без того я терял терпение, можно себе представить, что со мной стало, когда в открытом экипаже, ехавшем по узкой полоске улицы, которая оставалась свободной, я увидел графиню с накинутой вуалью и ее мужа. Они едва двигались следом за возом, который занимал всю ширину свободного пространства и тем задавал скорость нагонявшим его экипажам.

Я поступил бы умнее, если бы выскочил на тротуар и обежал бы кругом столпотворение, разделявшее меня и графа. На беду я оказался скорее Мюратом, чем Мольтке* по натуре: расчетам тактика я предпочел не-

* Мольтке, Гельмут Карл Бернард (1800—1891) — прусский фельдмаршал, величайший стратег второй половины XIX в., создатель современной армейской науки.

Мюрат, Иоахим (1767—1815) — король Неаполитанский, один из сподвижников Наполеона I, фельдмаршал его тяжелой кавалерии (кирасирской).

медленное нападение. Не ведаю, как я перелетел через запяtkи ближайшей кареты, потом промчался сквозь какой-то тарантас, в котором дремали старик и собачка, юркнул сквозь открытую коляску, где о чем-то оживленно спорили четверо мужчин; оступился на подножке и плашмя рухнул поперек пары лошадей, которые принялись брыкаться и бить задними ногами, отчего я перекатился головой вперед и очутился на земле в облаке пыли.

Свидетели моих отчаянных прыжков, не догадываясь об их цели, разумеется, приняли меня за сумасшедшего. К счастью, карета, за которой я гнался, успела проехать мимо до того, как разразилась катастрофа. Перепачканный грязью, с продавленной шляпой, я уже не имел ни малейшего желания предстать перед очами предмета моей страсти.

С минуту вокруг гудела буря ругательств и неутихавшего хохота. Пока я сбивал с себя пыль носовым платком, знакомый голос произнес мое имя.

Подняв глаза, я увидел маркиза, высунувшего голову из окна кареты. Отрадное зрелище! Я мигом очутился возле него.

— В Версале нам делать нечего, — сказал маркиз. — Вероятно, вы уже убедились, что ни в одной гостинице нет свободных комнат. От себя прибавлю, что и во всем городе тоже. Но я приготовил кое-что, соответствующее вашей цели. Прикажите камердинеру следовать за нами, а сами садитесь в карету ко мне.

По счастливой случайности в тесно скученных экипажах образовался просвет, и подъехал мой кабриолет. Я приказал Сент-Клеру ехать следом; маркиз что-то крикнул своему кучеру, и мы тронулись.

— Я отвезу вас в спокойное местечко, о существовании которого известно очень немногим парижанам, — обратился ко мне маркиз. — Как только мне стало известно, что в городе переполнены все гостиницы, я тотчас снял комнату для вас. Это старинная и очень удобная гостиница под названием «Летучий дракон». Отсюда до нее не более мили. Ваше счастье, что мои скучные дела привели меня сегодня в Версаль спозаранку.

Объехав дворец, мы оказались на узкой проселочной дороге, окаймленной с одной стороны версаль-

ским парком, а с другой — старинными ветвистыми деревьями, какие редко встречаются во Франции.

Карета остановилась возле серого каменного здания, архитектура которого больше подходила особняку богатого вельможи, чем простой гостинице. Вероятно, первоначально его предполагалось использовать в качестве загородной виллы: эту мысль подтверждала и высеченные на стенах гербовые щиты с украшениями. Портик, на вид более новой кладки, чем остальное здание, гостеприимно выдавался вперед широкой раскрашенной аркой, на которой барельефом красовалась позолоченная вывеска гостиницы — летучий дракон с распростертыми розовыми крыльями и ярко-зеленым хвостом, который закручивался в нескончаемый ряд колец, завершенный двузубым острием наподобие вил.

— Думаю, вы останетесь довольны помещением. Во всяком случае, это лучше, чем ничего. Я проводил бы вас, если бы не мое инкогнито. Наверное, я обрадую вас, если сообщу, что в этой гостинице водится нечистая сила. По крайней мере, мне бы это очень понравилось, будь я лет на двадцать моложе. Однако постарайтесь не заводить разговор на эту тему с хозяином гостиницы; если не ошибаюсь, это его больное место. Прощайте! Когда соберетесь повеселиться на маскараде, послушайтесь меня и наденьте домино. Возможно, я загляну на минутку; если это случится, то я, без сомнения, тоже буду в домино. Как бы нам узнать друг друга... Держать что-нибудь в руке... нет, цветы держат многие. Достаньте-ка крест дюйма в два длины, красного цвета*, раз вы англичанин, и велите пришить его спереди на плечо. У меня будет белый. Да, так будет хорошо, и смотрите держитесь дверей, не проходите в глубь комнат. Я буду искать вас возле всех дверей, через которые буду проходить, и вы делайте то же; таким способом мы непременно встретимся. Итак, мы обо всем условились. Без молодой компании подобного рода увеселения стали для меня немыслимы. Прощайте, вечером увидимся.

Выйдя на дорогу, я захлопнул за собой дверцы, раскланялся, и карета уехала.

---

* Красный крест на белом поле — национальный флаг Англии

Глава одиннадцатая «ЛЕТУЧИЙ ДРАКОН»

Я с любопытством осмотрелся. Здание выглядело живописно в зелени окружающих его деревьев. Отпечаток старины и уединенности составлял резкий контраст с блеском и суетой Парижа.

Минуты две я осматривал роскошную вывеску, более внимательным взглядом исследовал наружный фасад. Дом был велик, массивен, и в моем воображении больше соответствовал древним кентерберийским посторонним дворам, чем облику старофранцузского замка. Единственной деталью, нарушавшей такое сходство, была маленькая, воинственная на вид башенка над левым флигелем дома; частокол зубцов венчала остроконечная крыша.

Войдя внутрь, я представился своим именем и был принят с уважением и почтительностью, достойными британского лорда.

Хозяин показал мне отведенную комнату: огромную и несколько мрачноватую, с темными деревянными панелями вместо обоев. Старинная мебель давно вышла из моды; массивную каминную доску украшали гербы, в которых легко различалось сходство с гербовыми щитами на фасаде дома. Обстановка имела пленительный и вместе с тем меланхолический характер. Подойдя к стрельчатому окну, я выглянул в небольшой, густо заросший парк, к которому поодаль примыкал обнесенный высокой стеной замок. Целая гирлянда башенок, похожих на только что описанную мной, возвышалась над черепичной кровлей.

Лес и замок несли печать запустения и уныния; непогода и ветер источили ветхую кладку, умирающую былое грозное величие.

Я поинтересовался у хозяина гостиницы о названии замка.

— Это Карский замок, — ответил он.

— Жаль, что он находится в таком запустении. Верно, владелец его не слишком богат?

— Пожалуй что так, сэр.

— Пожалуй? — повторил я и вопросительно взглянул на него. — Вы хотите сказать, что не знаете, кому принадлежит замок?

— Нет, сэр. Я только хотел сказать, что никому не ведомо, куда этот молодец тратит свое богатство.

— А кто он?

— Граф де Сент-Алир.

— О! граф! Вы уверены? — спросил я с живостью.

Теперь настала очередь хозяина гостиницы взглянуть на меня с любопытством.

— Вполне, сэр.

— Часто он здесь бывает?

— Не очень; больше отсутствует.

— У него значительное состояние?

— Каждые три месяца я отдаю ему плату за аренду этого дома. Нельзя сказать, что она чересчур высока, однако он никогда не может ждать долго, — ответил хозяин, насмешливо улыбаясь.

— Судя по тому, что я слышал, граф не должен быть беден.

— Говорят, он играет, сэр. Точно я не знаю, но деньгами он на моей памяти не сорил. Месяцев семь назад где-то за границей скончался родственник графа. Тело привезли в замок и похоронили на кладбище Пер-Лашез, как того желал покойник. Граф был в глубоком трауре, хотя, если верить слухам, получил пре-порядочное наследство. Однако ему, как видно, деньги не ко двору.

— Он стар?

— Стар?! У нас его прозвали Вечным жидом, с той лишь разницей, что у него в кармане не всегда бывает пять су. Однако он не унывает. Недавно женился на молодой девице.

— И что же?

— Теперь она графиня де Сент-Алир.

— Это понятно, но должно же быть что-то еще, что можно сказать о ней.

— Она молода, красива, блестает грацией и бриллиантами.

Я рассмеялся. Хитрый стариk подстрекал мое любопытство.

— Вижу, любезный, — начал я, — что вы не хотите...

— Скоритесь с графом, — докончил он. — Да, поскольку я завишу от его милости и в его воле подпор-

тить мне крови. А вообще, лучше каждому заниматься своими делами и жить в мире.

Итак, на первый раз все расспросы были пресечены. Вполне возможно, что ему просто нечего было рассказывать или он не хотел тратить время по пустякам, пересказывая чужие сплетни. В будущем это непременно выяснится, стоит мне прибегнуть к помощи золотых луидоров.

На вид хозяин гостиницы «Летучий дракон» был человек пожилой, сухощавый, со смуглым лицом. Осанкой он напоминал отставного военного; позже я узнал, что он служил в наполеоновской армии в первые итальянские кампании.

— Полагаю, на один вопрос вы можете отвечать, не рискуя поссориться с графом, — произнес я. — Дома ли он сейчас?

— Насколько я знаю, у него несколько домов, — уклончиво ответил старик. — Но... кажется, сейчас он должен находиться в замке.

Я выглянул в окно и с любопытством окинул угрюмое море листвы, простершейся до стен замка.

— Сегодня я видел его в Версале; он ехал в своем экипаже, — сказал я.

— Неудивительно.

— Стало быть, его экипаж, лошади и слуги — все в замке?

— Свой экипаж он держит здесь, сэр, а слуги нанимаются на время. Из них только один и живет в замке. Для молодой графини это не жизнь, а сплошное разочарование.

«Старый скряга! — думал я, закрывая за хозяином гостиницы дверь. — Держать взаперти молодую девушку из-за бриллиантов. Я должен помочь ей вырваться из цепей ревности и вымогательства!»

Рыцарь, обратившийся к самому себе с такой речью, снова взглянул на замок чародея и вздохнул — тяжелым вздохом, полным решимости и любви.

Господи, как я был глуп тогда! Однако, едва ли мы выглядим умнее в глазах высших сил, даже когда становимся старше. Сдается мне, что заблуждения наши лишь меняют характер с годами, а в сущности мы все же безумцы, что и прежде.

— Ну, а тебе отвели кровать? — спросил я вошедшего Сент-Клер, который принял разбирать мои вещи.

— На чердаке с пауками и совами. Ничего, мы ладим отлично.

— Я и не думал, что здесь так много народа.

— В основном слуги господ, которым посчастливилось приютиться в Версале.

— А что говорят о гостинице?

— Самый настоящий огнедышащий дракон, если верить слухам! Последние сто лет тут происходят загадочные вещи.

— Что такое? Привидения?

— Если бы только они! Напротив, люди исчезали так, что никогда и никому больше *не привиделись*, и это на глазах полудюжины человек!

— Что за чепуха, Сент-Клер! Рассказывай-ка свои чудеса.

— Извольте, милорд. Один бывший королевский шталмейстер — после революции его изгнали за границу — получил от императора позволение вернуться во Францию. Прожив в этой гостинице с месяц, он исчез в присутствии шести свидетелей, которым можно верить. Вторым был русский дворянин, молодец шести футов роста. Он стоял посреди комнаты, описывая последние минуты Петра Великого. Слушало человек семь. В левой руке он держал рюмку водки, а в правой почти допитую чашку кофе. На середине рассказа он пропал из виду; остались только сапоги, да сосед справа к своему изумлению обнаружил, что держит его чашку с кофе, а сосед слева увидел у себя в руке рюмку водки...

— Которую он немедленно выпил, — подсказал я со смехом.

— ...которая целых три года хранилась на каминной полке в этом доме; ее нечаянно разбил местный патер, разговаривая с мадемуазель Фидон. О русском дворянине больше не было ни слуху ни духу, думаю, и нам лучше покидать «Летучий дракон» через двери, чем по воздуху. Обо всем мне рассказал ямщик по дороге сюда.

— О, тогда это точно правда! — пошутил я.

Однако в глубине души я невольно поддался мрачному влиянию обстановки комнаты. В сердце закралось предчувствие чего-то недоброго, и моя шутка стоила мне усилий. Мной овладевало уныние.

Глава двенадцатая

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Трудно представить себе зрелище более пышное, чем версальские празднества. Специально по случаю торжеств для гостей была открыта Большая зеркальная галерея, освещенная четырьмя тысячами свечей; их яркие огни, отражаемые и повторенные в зеркалах, производили потрясающий эффект. Длинная анфилада дворцовых покоев была переполнена масками и всевозможными маскарадными костюмами. Не пустовало ни одной комнаты. Всюду звучала музыка, слышались разговоры, звон бокалов, смех; пестрели яркие цвета и сверкали бриллианты. Я медленно пробирался вперед в своем домино и маске, останавливаясь порой, чтобы послушать остроумный разговор, шутливую песенку или забавный монолог; все это время я внимательно озирался кругом, чтобы не прозевать маркиза в домино с белым крестиком на плече.

Особенно тщательно я осматривался возле дверей, как и было условлено, однако маркиз не появлялся.

Созерцая роскошное окружение, дорогие уборы, я разглядел впереди позолоченные носилки или, вернее, китайский паланкин, изукрашенный со всей изобретательностью Поднебесной империи. Четыре богато одетых китайца несли его за золоченые рукояти; пятый, с золотым жезлом в руках, шел впереди, а шестой замыкал шествие. Худощавый человек важной наружности, с длинной черной бородой и в высокой шапке, такие обычно носят турецкие дервиши на детских картинках, шагал рядом с паланкином. Его длинный, расширенный яркими цветами халат покрывали странные иероглифические символы. Широкий золотой пояс с кабалистическими знаками, темно-бордовыми и черными, перетягивал его талию; вышитые золотом красные чулки и башмаки с загнутыми, по-восточному, кверху носами выглядывали из-под подола. Смуглое

лицо хранило выражение бесстрастности и торжественности; черные брови отличались необыкновенной густотой. Под мышкой он держал удивительного вида книгу, в свободной руке он нес деревянный прут. Не глядя по сторонам, он шел, опустив голову на грудь и устремив глаза в пол. Китаец, шедший впереди, размахивал направо и налево своим жезлом, расчищая дорогу для паланкина с опущенными занавесками. Странный вид этой процессии возбудил всеобщее любопытство.

Признаться, я остался очень доволен, когда носильщики поставили свою ношу на пол в нескольких шагах от места, где я стоял. Повернувшись в круг, они захлопали в ладоши и, неуклюже подпрыгивая, исполнили какой-то дикарский танец, трижды обойдя закрытый паланкин. С раскрасневшимися лицами они присели на корточки и хриплыми голосами затянули старинную китайскую песню, весьма напоминавшую утиное кряканье.

Кто-то коснулся моего рукава; я оглянулся и увидел возле себя черное домино с белым крестиком на плече.

— Как я рад, что наконец отыскал вас,— проговорил маркиз,— и именно в эту минуту. Перед нами лучшая затея всего маскарада. Вам нужно поговорить с китайским чародеем. Час назад, наткнувшись на него в другой зале, я задал ему несколько вопросов. Его ответы были уклончивы, но вскоре мне стало ясно, что он знает о моих делах до мельчайших подробностей. Я был потрясен его проницательностью, признаюсь вам. Остальные его собеседники были озадачены и испуганы не меньше моего. Я приехал с графом и графиней де Сент-Алир,— он кивнул на худощавую фигуру в домино. Это был граф.— Пойдемте, я вас представлю.

Легко догадаться, что я с охотой отправился за маркизом.

Он представил меня графу, очень тактично намекнув на мое счастливое вмешательство в гостинице «Прекрасная звезда». Граф осыпал меня любезностями и в заключение произнес фразу, порадовавшую меня более всего:

— Графиня тут поблизости, через одну залу от нас; осталась поболтать со своей приятельницей герцогиней д'Аржансак. Сейчас я скажу за ней и приведу сюда. Она непременно должна с вами познакомиться и поблагодарить вас за мужественную помощь.

— Вам тоже нужно поговорить с прорицателем, — обратился маркиз к графу. — Увидите, как он вас развлечет. Я уже беседовал с ним и, признаюсь, не ожидал ответов, которые услышал. Не знаю, что и подумать.

— В самом деле? Попытаем счастья.

Втроем мы направились к паланкину.

Молодой человек в испанском костюме, только что отошедший от чародея в сопровождении приятеля, говорил, поравнявшись с нами:

— Невероятно! Кто сидит в паланкине? Он словно и вправду все знает!

Граф в маске и домино с достоинством подходил к паланкину. Китайцы следили, чтобы вокруг оставалось свободное место; зрители тесной толпой сгрудились возле дверей и у стен.

Один из китайцев, который шествовал впереди с золотым жезлом, приблизился к нам и протянул руку, обращенную ладонью вверх.

— Денег? — спросил граф.

— Золота, — последовал ответ.

Граф вложил ему в ладонь какую-то монету, и мы с маркизом, по мере того как входили в круг, поочередно были приглашены сделать то же.

Возле паланкина стоял медиум, держа одной рукой шелковую занавеску, а другой — лакированный черный жезл, на который опирался. Его подбородок с длинной, черной как смоль, бородой был опущен на грудь, глаза устремлены в пол: лицо казалось совершенно безжизненным. Неподвижность наводила на мысль о мертвеце.

Первый вопрос графа был:

— Женат я или нет?

Медиум с черным жезлом быстро раздвинул занавески, приложил ухо к груди богато одетого китайца, который сидел в паланкине, снова поднял голову, задернул занавеску и ответил:

— Да.

Точно такая же процедура повторялась при каждом следующем вопросе; человек с черным жезлом только передавал слова существа более могущественного, чем он сам.

Еще два или три вопроса последовало со стороны графа, и ответы прорицателя видимо развлекли маркиза. Я не разделял его интереса, так как прошлая жизнь графа и его похождения были окутаны для меня мраком.

- Любит ли меня жена? — полушутя, спросил он.
- Как заслуживаешь.
- Кого я люблю больше всех на свете?
- Себя.

— Гм! Это беда каждого, что тут удивительного. Но оставим в покое мою персону; люблю ли я что-нибудь на свете больше моей жены?

- Ее бриллианты.
- Гм! — снова хмыкнул граф.

Маркиз веселился от души и даже не скрывал улыбки.

— Правда ли, — решительно свернул разговор на другую тему граф, — что в Неаполе мне пришлось выдержать крупное сражение?

— Неправда, это произошло во Франции.

— Вот как? — насмешливо заметил граф и оглянулся на маркиза. — А можно полюбопытствовать, кто участвовал в этом сражении?

— Граф и графиня де Сент-Алир, по поводу документа, подписанного ими двадцать пятого июля 1811 года.

Впоследствии маркиз сообщил мне, что в тот день был подписан их брачный контракт.

Графостоял в оцепенении с минуту или две: казалось, даже сквозь маску было видно, как у него вспыхнуло лицо, хотя, кроме нас двоих, никто, разумеется, не знал, что человек, задающий вопросы прорицателю, и есть сам граф де Сент-Алир.

Непонятно было, то ли он раздумывает, о чем бы еще спросить чародея, то ли уже раскаивается, что позволил втянуть себя в беседу. Если мои догадки были верны, то маркиз оказал ему услугу, слегка коснувшись рукава и прошептав:

- Взгляните-ка направо; видите, кто там идет?

Я посмотрел по направлению, указанному маркизом, и увидел высокого, худощавого человека, приближавшегося гордой поступью. Маски у него не было. Большое бледное лицо пересекал глубокий сабельный шрам. В мундире капрала императорской гвардии, с подвязанной левой рукой,ющей изображать отнятую руку; пустой рукав подколов к груди, к нам шел полковник Гальярд. Совсем не маскарадный пластырь, налепленный поперек брови и виска, прикрывал то место, где оставила отметину моя трость. Со временем, впрочем, новообретенный рубец грозил затеряться среди старых, полученных в бесчисленных войнах и сражениях.

Глава тринадцатая

ПРОРИЦАТЕЛЬ РАЗГОВАРИВАЕТ СО МНОЙ

Забыв на мгновение, что моя маска непроницаема для взора старого вояки, я готовился к схватке. К счастью, замешательство кончилось так же стремительно, как и возникло; однако граф благоразумно попятился назад, когда бравый капрал — надо заметить, что Гальярд и в более скромном звании сохранял непомерную самоуверенность настоящего драгунского полковника, — в своем синем мундире, белых лосинах и начищенных до блеска ботфортах подошел к нам совсем близко. Его дважды уже чуть было не вывели за громогласное восхваление подвигов императора; едва разняли его рукопашную дуэль с прусским гусаром. По правде говоря, он бы не преминул отличиться в какой-нибудь кровопролитной схватке, если бы не помнил цели своего прихода на бал — свидание с богатой вдовой, на сердце которой, как он полагал, его облик производил благоприятное впечатление. Ранний уход с праздника, которому он служил немалым украшением, да еще в сопровождении пары жандармов, никак не мог подвинуть его к объекту страсти.

— Денег? Золота? Ба! Какие деньги мог скопить раненый солдат? С одною рукой, которая сжимает саблю, разве остается хоть палец свободным, чтобы сгребать добычу с поверженного врага?

— Не нужно золота, — сказал медиум. — Рубцы освобождают его от платы.

— Браво, оракул, брависсимо! Это по-свойски. Прикажешь без всяких околичностей приступить к вопросам?

И не дожидаясь ответа, он начал вопрошать громовым голосом.

После пяти или шести вопросов он произнес:

— За кем я охочусь сейчас?

— За двумя.

— Ага! Прекрасно, кто же они?

— Англичанин, который убьет тебя, если ты настигнешь его, и вдова-француженка, которая просочится сквозь твои объятия.

— Ты пользуешься тем, что твоя одежда ограждает тебя. Дьявол с тобой, почему я охочусь за ними?

— Вдова ранила тебе сердце, англичанин — голову. Они оба не под силу тебе: берегись, как бы твоя погоня не соединила их.

— Тыфу! Как же такое может случиться?

— Англичанин заступается за дам. Доказательство тому он вбил тебе в голову. Стоит вдове увидеть его, и она сделается его женой. Капралу придется долго дожидаться полковниччьего чина; вдова призадумается, а между тем англичанин-то молод.

— Я ему покажу! — ухмыльнулся полковник, прибавив крепкое словцо, потом спросил более осторожнно: — Где она?

— Достаточно близко, чтобы оскорбиться твоим невниманием.

— Черт! Ты прав, оракул. Тысячу раз спасибо. Прощай!

Вытянув шею, полковник в маскарадном костюме капрала наполеоновской гвардии устремился прочь от прорицателя.

Я пытался рассмотреть человека, сидевшего в паланкине. Лишь раз я имел возможность всмотреться в него пристальнее. Он представлял собой странное зрелище. Одет он был, как уже сказано, в богато украшенный китайский костюм. На вид он значительно превосходил размерами стоявшего рядом медиума. Черты лица показались мне крупными и грубыми; голова была наклонена вперед, глаза закрыты, и подбородок

док покоился на груди, запахнутой подбитым мехом халатом. Выражение лица носило отпечаток апатии. Общий характер и поза словно были преувеличеным повторением неподвижности того из китайцев, который общался с шумным внешним миром. Кожа сидевшего в паланкине была неприятного багрового оттенка; но я приписал этот эффект свету от красных шелковых занавесок. Все это в одно мгновение бросилось мне в глаза, для долгого созерцания не было времени. Передо мной освободилось место, и маркиз шепнул:

— Подойдите, мой друг.

Я последовал его совету. Приблизившись к медиуму с черным жезлом в руке, я оглянулся через плечо посмотреть, далеко ли от меня граф. Он уже успел отойти в сторону: по-видимому, его любопытство было удовлетворено. Маркиз тоже охладел к прорицаниям, потому что они разговаривали между собой о чем-то постороннем.

Я успокоился; оракул очень нескромно и неожиданно выдавал чужие тайны, а некоторые из моих едва ли понравились бы графу.

С минуту я собирался с мыслями. Хотелось испытать оракула. Человек англиканского вероисповедания был тогда порядочной диковинкой в Париже.

— Какой я веры? — спросил я.

— Твое вероисповедание — прекрасная ересь, — мгновенно отозвался оракул.

— Ее название?

— Любовь.

— В таком случае надо полагать, я многоверец, потому что люблю очень многих.

— Ты любишь одну.

— Ну, хватит шуток, — оборвал я, чтобы немного отвести разговор от жгучих вопросов. — Заучивал ли я когда-нибудь наизусть символ моей веры?

— Да.

— Ты можешь повторить его?

— Подойди.

Я подошел ближе. Чародей задернул занавеску паланкина и шепотом медленно и отчетливо произнес знакомые мне слова:

«Быть может, мы больше никогда не увидимся. О, если бы я могла забыть вас! Уходите... прощайте, ради Бога, уходите!»

Я окаменел. Эти же слова мне шепнула графиня, уезжая.

Бог мой! Что за сумасшествие? Кроме меня и той, которая их произнесла, никто не мог слышать этих слов. Я взглянул в бесстрастное лицо медиума с черным жезлом в руке. В нем не было и тени признака, что ему известно о смысле произнесенного.

— Чего я желаю больше всего? — спросил я, почти не сознавая, что говорю.

— Рая.

— Что же мне мешает проникнуть в него?

— Черная вуаль.

Чем дальше, тем лучше! Ответы выдавали подробное знакомство с моим маленьким романом, о котором не догадывался даже маркиз! И самого меня, под маской, в маскарадном костюме, не узнал бы, пожалуй, и родной брат!

— Ты говоришь, что я люблю одну. Отвечают ли на мою любовь? — спросил я.

— Испытай.

Я понизил голос и встал совсем близко к смуглолицему чародею, чтобы ему не приходилось отвечать громко.

— Меня кто-то любит?

— Тайно.

— Сильно или нет?

— Сердечно.

— Долго ли продлится эта любовь?

— Пока не опадут листья розы.

Роза! Новый намек!

— А там мрак! — вздохнул я. — Недолго осталось наслаждаться мне светом...

— Светом синих глаз.

Любовь если и не составляет вероисповедания, как утверждал оракул, тем не менее располагает к суеверию. Ничто не возбуждает сильнее воображения. Горячие чувства способны омрачить рассудок, и человек становится легковерен, как малое дитя.

Когда бы дело не касалось моей персоны, я от души бы посмеялся, однако теперь этот вздор изрядно подействовал мне на нервы. Я воспыпал любовным жаром; рассудок помутился настолько, что даже пустые слова имели влияние на мои поступки и действия.

Исполнитель удивительного фокуса — если это был фокус — указал мне своим черным жезлом, чтобы я отошел. Я попятился, не сводя глаз с паланкина, облеченного теперь в моем воображении мглою таинственности. Пока я отступал в круг зрителей, чародей вдруг повелительно поднял руку, давая знак китайцу, шедшему впереди.

Тот с силой ударил своим золотым жезлом об пол и провозгласил резким голосом:

— Великий Конфуций будет молчать в продолжение часа.

Носильщики с громким стуком опустили решетчатые ставни из бамбука на окна и укрепили их внизу, а чародей в высокой шапке и с черной бородой начал какой-то восточный танец. Двое китайцев с золотыми жезлами присоединились к нему, после чего носильщики составили с ними хоровод, центром которого был паланкин.

Вначале характер танца отличался торжественностью, но постепенно ускорялся темп, движения становились порывистее, стремительнее по мере того, как ускоряли вращение танцоры, под конец закружившиеся с быстротой мельничного колеса. Под дружные рукоплескания и удивленные возгласы эти необычные лицедеи смешались с толпой, и представление кончилось, по крайней мере на время.

Маркиз д'Армонвиль стоял неподалеку, опустив глаза, и, судя по всему, пребывал в задумчивости. Я подошел к нему.

— Граф ушел отыскивать жену, — сказал он. — Какая жалость, что ее не было здесь, чтобы поговорить с оракулом. Интересно было бы посмотреть на графа, я думаю. Не пойти ли нам следом за ним? Я просил у него позволения представить вас графине.

С бьющимся сердцем я последовал за маркизом.

Глава четырнадцатая МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ ЛАВАЛЬЕР

Мы с маркизом проходили залу за залой. Непросто было найти кого-либо в такой толпе.

— Постойте здесь,—вдруг проговорил маркиз,—я придумал, как нам его найти. Может быть, ревность подсказала ему, что ничего хорошего не предвидится, если он представит вас своей жене. Лучше мне переговорить с ним, потому как вы, кажется, сгораете от желания быть представленным.

Разговор происходил в комнате, которая теперь называется «залой Аполлона». Даже живопись на стенах сохранилась у меня в памяти: в этот вечер здесь было суждено произойти моему романтическому приключению.

Я опустился на диван и осмотрелся. Кроме меня, в обширной зале с позолоченной мебелью находилось еще человека четыре. Все весело беседовали между собой, за исключением одного лица — молодой женщины, сидевшей поблизости от меня. Нас разделяло расстояние не более двух футов. Дама, по всей видимости, пребывала в глубокой задумчивости. Нельзя было вообразить картины грациознее. На ней был костюм, в котором на портрете Колиньяна изображена фаворитка Людовика XIV мадемуазель де Лавальер. Костюм, как известно, не только богат, но и изящен. Волосы покрывала пудра, однако легко можно было различить, что от природы они темно-каштановые. Хорошенькие ножки выглядывали из-под платья, тонкие кисти рук были сложены на коленях.

Было досадно, что незнакомка не снимает маски, как это делали многие.

Мне почему-то казалось, что она должна быть еще прелестнее, чем ее наряд. Пользуясь свободой маскарада, этого маленького мирка, в котором невозможно отличить друга от недруга иначе, как по голосу или намеку, я заговорил с соседкой.

— Меня нелегко обмануть, прекрасная маска,—начал я.

— Тем лучше для вас,—равнодушно ответила маска.

— Я хотел сказать, — продолжал я, решившись во что бы то ни стало заинтриговать незнакомку, — что красота такой дар, который трудно укрыть от постороннего взгляда.

— Вы так думаете? — возразила она прежним приятным и равнодушным голосом.

— Костюм красавицы Лавальер украшает стан прелестнейше ее. К сожалению, маска скрывает лицо, но я все же догадываюсь, кто находится под нею. Красота подобна драгоценному камню из арабских сказок; его присутствие выдает сияние, проникающее сквозь самые надежные запоры.

— Мне довелось слышать эту сказку, — сказала незнакомка. — Сияние заметно лишь в темноте, но не при солнечном свете. Неужели здесь так мало блеска и огней, что жалкий светлячок может приворачивать чьи-то взоры? Я думала, что в такой лучезарной атмосфере вас может интересовать только графиня.

Ох, час от часу не легче! Что прикажете отвечать? Эта маска, пожалуй, не прочь уколоть, если представится возможность. Говорят, среди дам хоть отбавляй таких охотниц. Что, если она близкая приятельница графини де Сент-Алир? Памятую об этом, я осторожно осведомился:

— Какая графиня?

— Если вам известно, кто я, для вас не составит труда назвать ее имя. Разве она не красавица?

— Увы, графинь много. Как я могу отвечать?

— Кто знает меня, знает и моих друзей. Следовательно, вы не знаете меня.

— Это жестоко. Не думаю, чтобы я ошибался.

— Кто был рядом с вами сейчас?

— Мой хороший знакомый.

— Мне показалось, что где-то я видела его. Он не маркиз?

Я смущился от такого прямого вопроса.

— Здесь столько людей, встретишь одного, другого...

— Ваша скрытность, домино, не вызывает во мне расположения.

— Вы презирали бы меня, маска, если бы я выдал доверенную мне тайну.

— Однако вам не обмануть меня, подражая дипломатическим уловкам вашего друга. Вся ваша дипломатия не что иное, как обман и подлость. Вы думаете, что я не узнала того господина в черном домино с белым крестиком на плече? Маркизу д'Армонвилю не поможет никакая маскировка, так он известен. Видите, сколь бесполезны оказались все ваши хитрости?

— На ваши слова я не вправе отвечать ни да, ни нет.

— И ни к чему. Однако вы пытались оскорбить женщину!

— Я не способен на это.

— Вы притворились, будто знакомы со мной, но ведь это не так, и мы оба прекрасно об этом знаем. Из прихоти или от скучи вам захотелось развеяться беседой не с дамой, а с маской. Вы восхищались и делали вид, что принимаете меня за другую. Осталась ли еще истина на земле!

— Вы составили обо мне ошибочное мнение, мадемуазель, — сказал я, отбрасывая маскарадный тон.

— А вы обо мне; вы нашли, что я не так глупа, как вы полагали. Мне очень хорошо известно, кого вы намеревались развлекать комплиментами и сентиментальными декламациями.

— Кого же? — взмолился я.

— Я скажу это при одном условии.

— Каком?

— Вы должны открыться мне, если я угадаю верно.

— Если бы это касалось только меня, но речь идет о чести совершенно посторонней дамы.

— Хорошо, я не буду настаивать, но когда я назову ее имя, вы должны дать слово, что подтвердите, права я или нет.

— Мне обязательно давать обещание?

— Разумеется, нет. Никто вас не принуждает, однако лишь на таком условии я согласна продолжать разговор.

Мои колебания заглушила спасительная мысль. С какой стати незнакомка могла угадать верно? Едва ли графиня доверила кому-нибудь таину своего романтического приключения. К тому же как маска в костюме Лавальер могла знать наверняка, кто сидит перед ней в домино?

- Я согласен, — сказал я вслух. — Даю слово.
- Поклянитесь честью.
- Извольте, клянусь честью.
- Эта дама — графиня де Сент-Алир.

Я был поражен, но, помня данное слово, произнес:

— Да, сегодня вечером я желал быть представленным графине, однако, клянусь честью, она даже не подозревает о моем намерении. Вероятно, она уже забыла о существовании своего покорного слуги, который имел счастье оказать ей и графу незначительную услугу.

— Свет не так бездущен и неблагодарен, как вы полагаете. Могу заверить вас, что графиня де Сент-Алир не забывает оказанных ей услуг. Ее несчастное положение не позволяет, однако, открытого изъявления чувств.

— Она несчастна! Я подозревал это. Однако ваши слова не более чем лестная моему самолюбию мечта.

— Ведь я говорила вам, что я дружна с графиней. Нельзя же мне не знать ее характера. К тому же почему не допустить полной откровенности между нами? Может быть, мне многое известно о той небольшой услуге, которую вы считаете давно изглаженной из ее памяти.

Я был сильно заинтригован. Прелесть двойного ухаживания разом померкла, когда во мне заговорило тщеславие, вызванное участием романтической незнакомки из «Прекрасной звезды». Образ несравненной графини мгновенно вытеснил ее хорошенью заместительницу, сидевшую передо мной в костюме Лавальер. Чего бы я не отдал, чтобы услышать торжественное заверение, что графиня помнит отважного защитника, ради нее бросившегося с одной тростью на саблю безумного драгуна и вышедшего победителем из боя.

— В чем причина несчастья графини? — начал я.

— Их много. Она замужем за ревнивцем и деспотом. Разве этого недостаточно? Даже когда она избавлена от его присутствия, ее тяготит одиночество.

— Но ведь у нее есть подруга, — заметил я.

— Вы полагаете, этого достаточно? Подруге можно только приоткрыть сердце.

— Найдется ли в нем место для другого?

— Попытайтесь.

- Каким же путем?
- Она сама вам укажет.
- Как?

Маска ответила вопросом:

- Вы остановились в одной из версальских гостиниц?

— Нет, я не нашел свободных комнат, друзья помогли мне устроиться в гостинице «Летучий дракон» поблизости от Карского замка.

— Очень хорошо. Конечно, излишне спрашивать, достанет ли у вас отваги на небольшое приключение. Ни к чему также и удостоверяться в том, что вы человек благородный. Женщина может без опасения довериться вашей чести. Очень немногие достойны такого свидания, которое я собираюсь устроить для вас. Вы встретитесь с графиней в два часа ночи в Карском парке. Какую комнату вы занимаете в «Летучем драконе»?

Смелость и решительность этой девушки изумляли меня. Не обманывает ли она меня?

— Правый угол в фасаде, обращенном к замку. Первый этаж, два окна.

— Отлично. Должно быть, вы заметили в парке возле ограды небольшую рощицу лип и каштанов? Среди буков и вековых дубов они словно светлый островок. Возвращайтесь в гостиницу, переоденьтесь и, сохранив в величайшей тайне, куда и зачем уходите, перелезьте стену, которой окружен парк, разумеется так, чтобы этого никто не заметил. В парке найдите рощицу, о которой я говорила; там вы встретитесь с графиней. Она рассчитывает на вашу скромность, месье.

Невозможно описать чувства, с которыми я слушал незнакомку. К изумлению примешивалось сомнение: просто не верилось в такую заманчивую возможность.

— Если бы смел я поверить, что такое счастье ожидает меня на самом деле, я не знал бы, как и благодарить вас. Но смею ли я верить, что ваши слова не вызваны одним лишь сочувствием и что графиня де Сент-Алир расположена оказать мне такую честь?

— Итак, вы предполагаете, что я лживо утверждаю, будто посвящена в тайну, которую вы до сих пор считали никому не известной, кроме вас и графини, и жестоко играю вашими чувствами? Призываю в свидетели поблекшую сестру этого цветка! — она косну-

лась двумя пальчиками поникшего бутона белой розы, приютившегося в ее букете.— Клянусь собственою счастливой звездой и... можно сказать, «Прекрасной звездой». Довольно ли клятв?

— Довольно ли? — повторил я, — более чем довольно. Благодарю тысячу раз!

— Если я пользуюсь доверием графини в такой степени, то должна быть ее подругой; если же я дружна с ней, могу ли я злоупотреблять дорогим для меня именем? И все только для того, чтобы обмануть незнакомого иностранца!

— Простите меня. Для меня бесцenna надежда увидеться и говорить с графиней. Неудивительно, что я усомнился. Но вы разубедили и, надеюсь, простили меня.

— В два часа ночи будьте в указанном месте.

— Обязательно.

— Опасность не устрашит вас, я знаю. Не трудитесь убеждать меня, вы уже доказали свою отвагу.

— Ради прекрасных глаз графини я преодолею любую опасность.

— Не сомневаюсь. Не лучше ли вам теперь пойти отыскивать вашего приятеля?

— Я обещал дожидаться здесь его возвращения. Граф де Сент-Алир собирался представить меня графине.

— И вы ему поверили? Наивный!

— Почему?

— Потому что он хитер и ревнив. Он никогда в жизни не представит вас своей жене. Сейчас он вернется и скажет, что не смог отыскать ее и представит вас в другой раз.

— Кажется, он идет сюда с моим другом. Дамы с ними действительно нет.

— Я вас предупреждала. Долго бы вам пришлось дожидаться встречи, если бы она зависела только от него. Между тем вам будет лучше сделать вид, что мы не знакомы; если он приметит нас вместе, то наверняка заподозрит, что мы беседовали о его жене. Это лишь распалит его подозрительность.

Поблагодарив неизвестную доброжелательницу, я удалился на несколько шагов и ловким маневром зашел во фланг графу.

Я улыбнулся под маской, когда граф принял у泱рять меня, что герцогиня д'Аржансак переменила место и увела графиню с собой, но что он надеется в самом скором времени познакомить меня со своей женой.

От компании маркиза я постарался уклониться, ибо страх как боялся, чтобы он не вздумал провожать меня до дома. Мне совсем не хотелось прибегать к предлогам и надуманным объяснениям.

Поспешно замешавшись в толпу, я направился с максимально возможной в такой тесноте быстротой к зеркальной галерее, которая находилась в направлении диаметрально противоположном тому, куда, как я видел, пошли граф и мой приятель маркиз.

Глава пятнадцатая

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ О «ЛЕТУЧЕМ ДРАКОНЕ»

В ту эпоху во Франции подобные празднества не затягивались допоздна, как это принято теперь у нас в Англии. Я взглянул на часы. Было далеко за полночь.

Вечер стоял тихий и теплый; в великолепной анфиладе зал, несмотря на их обширность, было душно, душоту эту в особенности тяжело было переносить под маской; сказывались и невозможная давка, и множество свечей. Видя, что так поступают и другие, кто, подобно мне, не опасается быть узнанным, я снял маску. Едва я успел это сделать и перевести дыхание, как услыхал знакомый голос, который окликнул меня по-английски. Оказалось, меня звал мой приятель Том Вестлейк, драгунский офицер. Он тоже стащил маску с раскрасневшегося лица. Это был один из героев Ватерлоо, слава о которых гремела по всему свету и перед которыми благоговел весь мир, за исключением, разумеется, Франции. За Томом водился всего один серьезный недостаток — он имел скверную привычку шампанским утолять жажду, которая делалась у него неутолимой на балах, празднествах и музыкальных вечерах — словом, везде, где шампанское разносили бесплатно. Когда он представлял меня своему другу Карманьяку, я заметил, что язык у него ворочается не сов-

сем свободно. Карманьян был невысокого роста, худощав и прям как палка. Роговые очки на мясистом носу оттеняли розовую, точно колено младенца, лысину. Сохраняя серьезное выражение лица, он периодически доставал резную табакерку и пытался угостить меня щепоткой нюхательного табаку. Как я узнал позднее, он работал в полицейском управлении.

Том выказывал поползновения балагурить и делать хитрые намеки, но в его нынешнем состоянии они были уж чересчур темны. Он то и дело приподнимал брови и как-то странно поджимал губы, обмахиваясь маскарадной маской, как веером.

После непродолжительной беседы в таком непрятательном вкусе, я, к радости своей, заметил, что он предпочел роль молчаливого слушателя, пока мы с Карманьяком разговаривали между собой. Опустившись с чрезвычайной осторожностью и колебаниями возле нас, Том с видимым усилием держал глаза открытыми.

— Вы говорили, что остановились в гостинице «Летучий дракон» в полукилометре отсюда, — обратился ко мне Карманьян. — Когда я служил в другом полицейском управлении, года четыре назад, в этой гостинице произошли два престранных случая. Состоятельный эмигрант, которому император позволил вернуться во Францию, исчез бесследно, остановившись в ней. Таким же загадочным было исчезновение русского путешественника, человека богатого и знатного. Он словно испарился в воздухе.

— Мой камердинер рассказывал мне нечто непостижимое. Насколько я помню, речь шла об одних и тех же лицах — о возвратившемся эмигранте и русском вельможе. Но он наговорил мне таких несуразиц, что, признаться, я не поверил ни единому его слову.

— Ничего сверхъестественного в этих исчезновениях не было, однако случаи не поддаются простому объяснению. Различные предположения ни на йоту не приблизили нас к разрешению этой загадки; обстоятельства до сих пор покрыты мраком.

— Позвольте узнать, в чем заключались ваши предположения. Мне кажется, я имею на это право в связи со своим нынешним местопребыванием. Вы не подозреваете, надеюсь, содержателя гостиницы?

— О нет! С тех пор гостиница не раз переходила из рук в руки. Да и злосчастная участь постигала жильцов только в одной комнате.

— Вы можете описать ее?

— Конечно. Обширное помещение на первом этаже, с огромной кроватью, стены обиты деревянными панелями. Окна расположены в правом углу на заднем фасаде дома, обращенном к Карскому парку.

— Это комната, которую я занимаю! — вскричал я, сильно заинтересованный и, не скрою, охваченный недобрым предчувствием. — Так вы говорите, все, кто в ней жил, умерли или были похищены?

— Нет, не умерли, а просто исчезли самым непостижимым образом. Мне известны все подробности, потому что на меня было возложено предварительное дознание по первому делу. Я сам допрашивал свидетелей. По второму делу, хотя я личного участия не принимал, бумаги проходили через мои руки, и я диктовал официальное уведомление родственникам исчезнувшего. По их настоянию было произведено следствие, но оно ни к чему не привело. Спустя два года мы получили от них последнее извещение, что исчезнувший никогда больше не появлялся.

Он понюхал табаку и пристально посмотрел мне в глаза.

— Никто не слышал о дальнейшей судьбе обоих. Попытаюсь рассказать, что нам удалось выяснить за это время. Французский дворянин, чавалер Шато-Бласмар, в отличие от прочих эмигрантов своевременно принял меры и продал большую часть владений до революции. Из Франции он уехал со значительным капиталом и по возвращении привез с собой около полумиллиона франков, которые по большей части поместил в биржевые акции и фонды. На суммы еще более значительные у него имелись вложения в австрийском и других банках. Позвольте заметить, человек он был не бедный, следовательно, нельзя предположить, чтобы он внезапно лишился средств и был вынужден скрываться от кредиторов. Не так ли?

Я согласно кивнул.

— Сравнительно со своими доходами месье Шато-Бласмар жил скромно. У него была приличная вилла в Париже, и первое время он целиком посвятил те-

атрам, обществу и другим безобидным развлечениям. Азартных игр избегал. Хотя ему было за сорок, он имел привычку держаться так, словно лет на двадцать был моложе. Своего рода нерастраченное в юности тщеславие. Впрочем, во всех остальных отношениях человек он был вежливый и кроткий, никого не тревожил и едва ли мог нажить себе врагов.

— Вы все же думаете, что его похитили?

— Нет. Конечно нет. В начале лета 1811 года он испросил позволения снять копию с одной из картин в этом дворце и на время поселился в Версале. Работа шла медленно. Спустя несколько недель он перебрался ради разнообразия из Версала в гостиницу «Летучий дракон» и сам выбрал себе комнату, которая теперь случайно досталась вам. С этой поры он меньше занимался живописью, почти перестал ездить к себе в Париж. Однажды вечером он позвал хозяина гостиницы и объявил ему, что уезжает на пару дней по неотложному делу, что слугу своего он берет с собой, но комната в «Летучем драконе» остается за ним на время его непродолжительного отсутствия. Кое-что из одежды он оставил, но прихватил с собой целый чемодан белья, туалетный ящик и все такое. Слуга его вскочил на запятки кареты, и Шато-Бласмар укатил в Париж. Вы следите за подробностями?

— Я весь внимание, месье Карманьяк.

— Превосходно-с. Когда они стали приближаться к дому, где он жил в Париже, кавалер вдруг остановил карету и сказал камердинеру, что передумал и намерен переночевать в другом месте. Очень важное дело требует его присутствия на севере Франции, неподалеку от Руана, так что он должен отправиться в путь до рассвета. Возвратиться он обещал недели через две. Подозвав фиакр, он взял в руку небольшой кожаный мешок, в котором, по уверению камердинера, не уместилось бы более одного сюртука и пары рубашек; но тяжел он был, словно полный камней, — это слуга мог засвидетельствовать, потому что держал его, пока кавалер доставал свой кошелек и отсчитывал ему тридцать шесть луидоров, в которых он должен был отчитаться по его возвращении. Отправив камердинера домой, он с упомянутым мешком сел в фиакр и уехал. До этих пор, как видите, дело совершенно ясно.

— Вполне.

— Теперь начинается таинственное, — продолжал Карманьяк. — С этой минуты кавалера Шато-Бласмара никто больше не видел — ни знакомые, ни посторонние. Нам удалось узнать, что накануне исчезновения маклер по его распоряжению продал все денежные бумаги и обратил их в звонкую монету. Причина, которую он открыл маклеру, согласовывалась с его словами слуге. Он заявил, что едет на север Франции расплатиться с некоторыми долгами и сам в точности не знает, сколько на это уйдет денег. Мешок, который своей тяжестью озадачил камердинера, по всей видимости, содержал большую сумму золотом. Не угодно ли попробовать моего табаку?

Он вежливо поднес мне открытую табакерку. Я взял из нее щепотку.

— Когда началось следствие, была предложена премия за всякое сведение, которое пролило бы свет на это темное дело. Объявлением в газете вызывали «извозчика, нанятого в ночь на такое-то число, около половины одиннадцатого, мужчину с черным кожаным мешком в руке, который вышел из собственного экипажа и отдал своему слуге деньги, пересчитав их дважды». Явилось человек полтораста извозчиков, но ни один из них не оказался тем, кого искали. Тем не менее любопытное свидетельство пришло из совершенно неожиданных источников. Боже, как этот Арлекин грохочет своей саблей!

— Невыносимо!

Арлекин вскоре удалился, и Карманьяк продолжал:

— Показания дал мальчик лет двенадцати, который знал в лицо кавалера, так как часто выполнял его поручения. В ту ночь его мать внезапно заболела, и его отпустили в первом часу — заметьте, ночь была лунная, месяц светил ярко — к повивальной бабке, жившей на расстоянии сотни ярдов от «Летучего дракона». Чтобы пройти к ней, нужно было обогнуть Карский парк в самом глухом месте. Дорога лежала мимо старого кладбища и отделялась от него низенькой каменной стеной да двумя-тремя огромными деревьями. Мальчик немного трусил, приближаясь к кладбищу, когда в ясном лунном свете он отчетливо увидел кавалера Шато-Бласмара. С довольно жалким видом он сидел на

краю надгробья; возле него лежал пистолет, другой он заряжал. Не сводя глаз с кавалера, мальчик осторожно подкрался к ограде. Одежда Бласмара отличалась от той, что он носил обыкновенно, но свидетель клялся, что ошибиться не мог. Лицо сидевшего было серьезно, даже мрачно, и мальчик узнал его. Таким образом, он был последним, кто видел месье Бласмара живым или мертвым.

С той поры о нем никаких известий; в окрестностях Руана он не показывался. Не обнаружилось никаких обстоятельств его смерти, не было и доказательств, что он жив.

— Весьма необычный случай,— заметил я и готовился задать вопрос-другой, когда Том Вестлейк, который отлучался куда-то, неожиданно вернулся почти пропретривший и уже нисколько не заспанный.

— Нам пора идти,— прервал он нашу беседу,— уже поздно. Извините, Бекет, нас ждут неотложные дела.

— Очень жаль, что у меня нет времени рассказать вам случаи с другим жильцом ваших комнаты,— сочувственно улыбнулся Карманьяк.— Тот случай таинственнее и ужаснее; он произошел осенью того же года.

— Приглашаю вас обоих завтра на обед в «Летучий дракон»

Я взял с них слово, пока мы шли по зеркальной галерее.

— Глядите-ка! — воскликнул Вестлейк.— Черт побери! Китайцы бросили без присмотра свою пагоду или паланкин! Не понимаю, как они так ловко гадают. Джек Найфлз, которого я повстречал сегодня, говорит, что на самом деле это цыгане. Однако, куда же они за пропались? Пойду-ка взгляну на ихнего прорицателя.

Он подергал наружную решетку из бамбука, устроенную наподобие венецианских решетчатых ставен (красные занавески оставались внутри), но решетка не поддавалась, и Том мог только заглянуть в узкую щелку.

Вернувшись к нам, он съявил:

— Старого болвана не разглядишь, так там темно. Весь в золоте, и шляпа на нем вышитая, как у мандарина. Спиг как убитый, да воняет, хоть нос затыкай! Стоит пойти понюхать, чтоб было потом что рассказать.

Тьфу! Проклятье, ну и благовотие, прости Господи!
Тьфу!

Не находя предложение заманчивым, мы понемногу продвигались к двери. Наконец я простился с друзьями, напомнив им о данном слове, добрался до своей кареты и, не торопясь, покатил к «Летучему дракону» вдоль уединенной дороги, обсаженной вековыми деревьями и озаряемой нежным лунным светом.

Сколько разных событий произошло в последние два часа! Какое удивительное разнообразие странных и ярких образов заполнило этот короткий отрезок времени моей жизни! Сколько заманчивое приключение ждало меня!

Как резко отличалось безмолвное уединение дороги, залитой лунным сиянием, от блестательного вихря красок, звуков музыки и потоков огней, бриллиантов, цветов, из которого я только что вырвался!

Зрелище спокойной природы охлаждает и успокаивает пылкие страсти. Безрассудность и необычность предстоящего приключениянули мне минутное раскаяние, которое недобрым предчувствием шевельнулось в моем сердце. Дорого я бы дал, чтобы никогда не входить в лабиринт, ведущий неизвестно куда. Однако поздно было размышлять об этом теперь, хотя горечь уже проникала в чашу наслаждений и в душе угнездилось смутное ощущение какой-то тревоги. Признаться в своих сомнениях было бы постыдно, и даже добродушнейший Том Вестлейк осыпал бы меня градом насмешек, открай я перед ним свою тайну. Скрепя сердце, я прогнал прочь сомнения.

Глава шестнадцатая КАРСКИЙ ПАРК

В такой день нечего было опасаться, чтобы гостиницу заперли раньше четырех утра. В «Летучем драконе» проживало много слуг, господа которых лишь с рассветом уедут с маскарада, и естественно, ни один из них не мог уехать раньше своих господ.

Итак, я знал, что времени у меня будет достаточно для моей вылазки и я не возбужу любопытства, даже вернувшись, когда дверь будет заперта.

Карета остановилась в аллее под вывеской «Летучего дракона», в полосе света, тянувшейся от дверей подъезда.

Отпустив экипаж, я взбежал по широкой лестнице с маской в руке и развеивающимся на моих плечах домино и вошел в отведенный мне номер. Мрачные панели, огромная кровать и черные портьеры делали мрак, царивший в нем, еще темнее. Косое пятно лунного света падало на пол от окна; я облокотился о подоконник и выглянул в залитый серебристыми лучами парк. Карский замок со множеством труб и башенок с заостренными крышами черным силуэтом возвышался на светло-сером фоне неба. Ближе, между моим окном и крепостной стеной, с левой стороны я различил рощицу каштанов и лип, которую маска назначила в эту ночь местом свидания с прекрасной графиней.

Я точно измерил глазом положение этой группы деревьев, листва которых слегка поблескивала, отражая лучи месяца.

Можно представить, с каким любопытством я смотрел на место моего предстоящего приключения. Однако время летело, и час был близок. Я швырнулся на диван и отыскал на ощупь сапоги, чтобы переобуть пару бальных туфель с микроскопической толщины подошвой. Затем я надел шляпу и вооружился парой заряженных пистолетов, ибо мне советовали не расставаться с этими надежными товарищами при том хаосе, который продолжал царить во французском обществе: на каждом шагу путешественник рисковал насткнуться на шайки сбежавших из армии солдат, порой настоящих разбойников. После таких приготовлений — сознаться стыдно, а утаить грешно — я взял маленькое зеркальце и подошел с ним к окну, посмотреть, каков я при лунном свете. Отражением я остался доволен, поставил зеркало обратно и сбежал вниз по лестнице.

В прихожей я столкнулся с Сент-Клером.

— Я собираюсь прогуляться перед сном, — сказал я ему, — минут десять, не больше. Не вздумай ложиться, пока я не вернусь. Если погода будет хорошей, я погуляю подольше.

Итак, я сошел по ступеням, поглядел сначала налево, потом направо, словно в нерешительности, куда по-

вернуть, и двинулся по дороге, глядя то на луну, то на прозрачные белые облака, поднимавшиеся с противоположной стороны, и насвистывая лёгкий опереточный мотив.

Оставив гостиницу ярдов за двести, я разом прервал это музыкальное упражнение и оглянулся. Зорко осмотрев все протяжение дороги, я не различил ни души, только старинный фасад гостиницы да одинокое окно, скрытое густыми ветвями, в котором теплился тусклый огонек.

Нигде не раздавалось шагов, нигде не было видно признаков человеческого присутствия. Я посмотрел на часы; до назначенного времени оставалось всего восемь минут. В том месте, где я остановился, стена парка была покрыта сетью плюща, сплетающегося наверху густой шапкой.

Плющ давал возможность легко взобраться на стену и отчасти скрывал мою фигуру от постороннего взгляда, если бы кому-то случилось взглянуть в эту сторону. Одна минута, и я перескочил в Карский парк, словно грабитель, вторгшийся в чужие владения.

Прямо передо мной находилась указанная рощица; ее мрачные очертания блестели под луной, напоминая мертвую зелень похоронных венков. С каждым моим шагом деревья, казалось, росли и увеличивались в размерах. Чёрные тени протянулись к моим ногам, но я решительно шел вперед и был даже рад, когда наконец тень поглотила и скрыла меня. Я очутился под сенью величественных вековых лип и каштанов. Сердце колотилось от ожидания.

Посреди рощицы было открытое пространство, и на нем возвышалось странное сооружение, похожее на род древнегреческого храма или жертвенника со статуей в центре. Мраморные ступени потрескались, белые коринфские колонны угрожающе накренились. Из глубоких щелей выбивались пучки трав, мхом заросли пьедестал и карнизы, между тем как изображение статуи было невозможно разобрать — так над ней потрудились ливни и снег, оставив некое подобие безголовой Венеры Милосской. Напротив ступенек в нескольких шагах был фонтан, черпавший воду из обширных прудов по ту сторону замка. Неумолчно журчала вода и, преломляя лунные лучи, с плеском падала

бриллиантовым дождем посреди глубокого мраморного бассейна. Запустение придавало месту оттенок меланхолической грусти, однако я был так поглощен ожиданием, что наслаждаться картиной упадка не мог. Устремив взор по направлению замка, я ждал появления незнакомки.

Пока я стоял в ожидании, кто-то позвал меня, подойдя сзади. Быстро обернувшись, я с испугом и облегчением увидел перед собой маску в костюме Лавальер.

— Графиня сейчас придет, — сказала она.

Незнакомка стояла на открытом месте, вся залитая лунным сиянием. Трудно вообразить себе фигуру более грациозную и очаровательную: на ней лежала печать изящества, которая в полумраке стала лишь ярче.

— А пока я познакомлю вас с некоторыми особенностями, присущими образу жизни, который вынуждена вести графиня, — продолжала она. — Графиня несчастна; она страдает от неравного брака с ревнивым деспотом, который теперь задумал заставить ее продать свои бриллианты ценой в...

— Тридцать фунтов стерлингов. Я слышал об этом от одного приятеля. Возможно ли мне помочь графине? Только укажите способ, и я буду счастлив сразиться со смертельной опасностью! Могу я оказать ей услугу?

— Если вы пренебрегаете опасностью ради нее; если вы не боитесь, как боится она, законов света; если вы отважный рыцарь, готовый посвятить себя защите несчастной женщины, которая способна отблагодарить вас одной только признательностью, — вы можете помочь ей ценой своей преданности и дружбы.

При этих словах она отвернулась, видимо в слезах.

Я поклялся, что готов быть рабом графини.

— Но вы сказали, что она сейчас будет здесь, — произнес я.

— Если не произойдет ничего непредвиденного. Под зорким присмотром графа де Сент-Алира, который никогда не дремлет, редко удается покинуть дом незамеченной.

— Желала ли она видеть меня? — осведомился я с замиранием сердца.

— Сначала ответьте, действительно ли вы вспоминали ее после приключения в гостинице «Прекрасная звезда»?

— Она не выходит у меня из мыслей. Я день и ночь вижу перед собой ее прекрасные глаза; ее употребительный голос звучит в моих ушах.

— Говорят, что у нас с графиней очень схожи голоса,— заметила незнакомка.

— Правда, но это только сходство.

— О! стало быть, мой голос лучше?

— Извините, этого я не говорил. Ваш голос очень приятен, но кажется немного громче.

— Резче, вы хотите сказать,— возразила маска, сильно раздосадованная.

— Нет, совсем не резче. Ваш голос прекрасен и мягок, но не так нежен, как ее голос.

— Это предубеждение, милорд, и притом несправедливое.

Я только поклонился; противоречить dame я не мог.

— Я вижу, вы смеетесь надо мной. Вы приписываете моим словам тщеславие, потому что я притязаю на небольшое сходство с графиней де Сент-Алир. Ответьте, чем хуже моя рука?

Она сняла перчатку и протянула мне для осмотра свою руку. По-видимому, незнакомка была не на шутку рассержена моим невниманием, однако ее поступок раздражил и меня. Не следует забывать, что во время этого состязания в красоте драгоценные минуты летели и мое свидание грозило закончиться впустую.

— Полагаю, вы согласитесь, что моя рука ничем не уступает в изяществе ее руке?

— Не могу согласиться,— отрезал я решительно.— Без всяких сравнений я могу утверждать, что графиня прелестнейшая женщина, которую мне доводилось видеть.

Маска холодно засмеялась, вздохнула и тихо произнесла:

— Я докажу, что права.

Она сняла маску, и передо мной предстала графиня де Сент-Алир с улыбкой на покрасневшем лице, робкая и пленительная в стеснении.

— Силы небесные!— воскликнул я.— Можно ли быть чудовищно глупее меня? И с вами, графиня, я беседовал во время маскарада!

Я посмотрел на нее с отчаянием. Мягко рассмеявшись, она протянула мне руку. Я поднес ее к губам.

— О! этого вы не должны делать,— спокойно заметила она — мы еще не настолько знакомы. Хотя вы меня не узнали я убедилась, что вы рыцарь без страха и упрека и не забыли графиню из «Прекрасной звезды». Если бы вы сдались на требования, заявленные со пренчеством мадемуазель де Лавальер, графиня де Сент-Андр утратила бы к вам расположение и не явилась бы на свидание. Теперь я верю, что вы столь же честны, сколь и бесстрашны. Знайте, что я не забыла вас, и если вы готовы жертвовать ради меня жизнью, я скорее согласна подвергнуться риску, чем потерять такого друга. Мне нельзя задерживаться дольше, приходите завтра в четверть двенадцатого. Я буду ждать вас на этом месте, но соблюдайте величайшую осторожность, чтобы никто не заподозрил цели ваших посещений. Вы обязаны сохранить все в тайне ради меня.

Последние слова она произнесла с мольбою.

Я вновь поклялся скорее лечь костыми, чем допустить, чтобы кто-то проник в нашу тайну. Графиня на глазах делалась очаровательнее с каждой минутой. Одновременно росла и моя восторженность.

— Завтра вам предстоит прийти другим путем,— сказала она,— и если наши свидания будут продолжаться, вам каждый раз придется изменять маршрут. По ту сторону замка расположено небольшое кладбище с разрушенной часовней. Окрестные жители боятся проходить мимо после одиннадцати часов. Дорога пустынна, и в ограде есть калитка для входа в парк. Воспользуйтесь ею, и вы окажетесь под прикрытием кустарника не далее как в пятидесяти шагах от нашей беседки.

Разумеется, я обещал в точности исполнять ее инструкции.

— Более года я прожила в мучительной нерешительности,— продолжала свой рассказ графиня.— Наконец я сделала выбор. Жизнь моя протекала в грусти; единение можно было бы сравнить с монастырским. Мне некому было доверить свои мечты, спросить совета. Не было никого, кто спас бы меня от ужасной судьбы. Но я встретила наконец отважного и решительного друга. Можно ли забыть картину дуэли в прихожей «Прекрасной звезды»? Неужели... вы действительно сохранили белую розу, которую я подарила вам при прощании? Да... вы клянетесь. Напрасно, я верю вам. О,

Ричард! Как часто повторяла я в одиночестве ваше имя, которое узнала от слуги. О! Мой Ричард, храбрец, как я люблю тебя!

Я хотел прижать ее к груди — хотел броситься к ее ногам, однако эта очаровательная и, надо сознаться, непоследовательная женщина удержала меня.

— Нет-нет, не следует тратить драгоценные минуты на безумства, — промолвила она. — Поймите мое положение. В браке не существует равнодушия. Не любить мужа значит ненавидеть его Граф, как бы смешон ни был, страшен в своей ревности. Пожалейте меня и будьте осторожны. С кем бы вы ни разговаривали, делайте вид, будто не имеете ни малейшего понятия об обитателях Карского замка, и если кто-нибудь в вашем присутствии упомянет о графе и графине де Сент-Алир, обязательно скажите, что не встречали их никогда в жизни. Завтра я многое открою вам. Могущественные причины побуждают меня действовать так и откладывать дальнейшие объяснения. Теперь оставьте меня. Идите. Прощайте!

Она повелительным жестом отстранила меня. Я повторил за ней «прощайте» и повиновался.

Наше свидание не продолжалось и десяти минут. Я снова перебрался через стену парка и вернулся в гостиницу еще до закрытия дверей.

До самого утра я так и не сомкнул глаз, ворочаясь в постели в лихорадочном состоянии восторга. Во мраке возникал и ласково манил пленительный образ графини де Сент-Алир, стрекотали сверчки, и их стрекот был увертюрой к свершению моих мечтаний и радужных надежд.

Глава семнадцатая КТО СИДЕЛ В ПАЛАНКИНЕ

Маркиз навестил меня на следующее утро. Мой поздний завтрак еще стоял на столе.

С порога он заявил, что пришел ко мне с огромною просьбой. Во время разъездов после маскарада что-то повредилось в его карете, и он просил места в моей на случай, если я поеду в Париж. Я намеревался выехать немедленно и был рад его обществу. Маркиз проводил

меня до моей гостиницы в Париже и даже поднялся в номер. Я очень удивился, увидев, что кто-то сидит у меня в кресле, спиной к двери, и читает газету. Нежданный гость встал. Это был граф де Сент-Алир собственной персоной, в черном парике, жирные букили которого плотно прилегали к его узкой голове, и в очках с золотой оправой, надетых специально для чтения. Черный шарф, неизменно обмотанный вокруг шеи, был приспущен. Правая рука висела в повязке. Не знаю, действительно ли в его наружности было что-то необычайное в этот день, или на меня повлияло предубеждение после всего услышанного накануне в парке, однако вид графа показался мне отвратительнее, чем когда-либо прежде.

Я еще не настолько зачерствел сердцем, чтобы без всякого замешательства встретить лицом к лицу человека, которого оскорбил или, во всяком случае, собирался оскорбить.

Он улыбнулся.

— Я заверну к вам, месье Бекет, в надежде застать вас, — прокаркал он, словно зловещий ворон, — и замыслил позволить себе, боюсь, слишком большую вольность. Но, вероятно, мой друг маркиз, на которого я также могу рассчитывать, не откажется исполнить эту небольшую услугу.

— С величайшим удовольствием отдаю себя в ваше распоряжение, но не раньше шести часов вечера. Я сию же минуту должен отправиться на встречу, где несколько человек уже ждут меня, и я не вправе изменить своему слову. К сожалению, я не освобожусь раньше шести часов, в этом я уверен.

— Что же мне делать? — вскричал граф — Всего-то час времени и нужен, чтобы исполнить мою просьбу. Вот незадача!

— С удовольствием исполню, что вам угодно, дорогой граф, — вмешался я.

— Не смею и рассчитывать на вашу доброту, месье Бекет. Само по себе дело несколько мрачновато для такого веселого и общительного человека, как вы. Не угодно ли вам прочесть эту записку, которую я получил сегодня утром?

Бессспорно, записка была самого мрачного характера. В ней говорилось, что тело двоюродного брата гра-

фа, некоего господина де Сент-Амана, умершего в своем замке де Клер, отправлено, согласно завещанию, для предания земле на кладбище Пер-Лашез и с разрешения графа де Сент-Алира должно прибыть в принадлежащий ему Карский замок к десяти часам следующего вечера, откуда уже будет перевезено на похоронных дорогах в сопровождении всех членов семейства, которые пожелают принять участие в траурной церемонии.

— Едва ли я виделся с покойным хотя бы пару раз в жизни, — сказал граф, — но как единственный родственник я не мог отказаться, пусть это довольно неприятная обязанность. Теперь мне нужно присутствовать на похоронах, расписываться в книге и соблюсти все формальности.

И снова горе. Надо же было как на грех вывихнуть большой палец на правой руке; я не смогу расписываться еще по крайней мере с неделю. Впрочем, безразлично, кто там распишется и чье имя будет стоять в книге: мое или ваше. Если вы согласны поехать со мной, то и говорить больше нечего.

Итак, мы уехали вместе. Граф передал мне записку с указанием имени и фамилии покойного, его возраста, болезни, от которой он умер, и обычных подробностей. Кроме того, он вручил мне план с точным обозначением места, где должны были вырыть могилу: между двумя склепами, принадлежащими роду Сент-Аманов. В записке еще сообщалось, что погребальная процессия должна прибыть в половине второго завтрашней ночи. Когда я ознакомился со свалившимся на меня поручением, граф отсчитал мне деньги на погребение с экстренной платой за ночное время. Это было что-то уж слишком много: мне поневоле пришлось спросить, так как все дело висело на мне, на чье имя записать требование на покупку места на кладбище.

— Только не на мое, любезный друг. Мне непременно хотят всчутить обязанности душеприказчика, а между тем я еще вчера написал формальный отказ. По закону получается, что если хоронить от своего имени, то уже никак не избавишься от звания душеприказчика. Так что... если вам все равно, не поставите ли вы своего имени?

Я согласился.

Впоследствии будет ясно, почему я вынужден упоминать обо всех этих подробностях.

Граф сидел в карете, нахохлившись и повязав черный шарф до самого носа. Шляпа была надвинута на глаза, и он дремал. В таком положении я застал его, когда вернулся, исполнив поручение.

Париж утратил для меня прежнюю привлекательность. Дело, за которым меня привез граф, я исполнил второпях и не желал ничего иного, как возвратиться в спокойную комнатку в «Летучем драконе», в мрачный Карский парк и снова вкусить бурные радости, вызванные короткими свиданиями с предметом моей безумной страсти.

Меня несколько задержал мой маклер. Как я уже говорил, у меня была значительная сумма, которая лежала в сейфе у банкира, еще не обращенная ни в какие ценные бумаги. Я был совершенно равнодушен к потере процентов нескольких дней, даже и всей суммы,— в сравнении с чувствами, которые во мне будил прелестный образ графини де Сент-Алир. Ее бледная рука манила меня в темную рощицу за фасадом Карского замка, под сень вековых лип и каштанов. Но я сам назначил этот день своему маклеру и был счастлив, когда он посоветовал мне оставить деньги в сейфе еще на несколько дней, так как акции на биржах непременно должны упасть. И это случайное обстоятельство имело прямое влияние на мое дальнейшее приключение.

Когда я вернулся в гостиницу «Летучий дракон», то, к немалому удивлению, застал у себя в номере приглашенных накануне гостей, о которых совсем забыл. В душе я проклинал собственную глупость, но делать было нечего, и после пары слов слугам на кухне закипели приготовления к обеду.

Том Вестлейк был в ударе; почти с порога приступил к какому-то престранному рассказу. Он передал мне, что не только Версаль, но и Париж был потрясен возмутительной, почти святотатственной шуткой, разыгранной на вчерашнем бале-маскараде.

Пагода, как Том называл паланкин, была брошена на том самом месте, где мы ее видели при выходе. Ни медиум, ни носильщики, сопровождавшие паланкин, больше не появлялись. Когда маскарад закончился

и все разъехались, слуги, которые обходили залы, запирая двери и гася свечи, увидали брошенные носилки. Однако решили не трогать их до утра, так как те, кому они принадлежат, вероятно, пришлют за ними.

Никто не явился. Тогда было приказано вынести их. Тяжесть напомнила о находившемся внутри человека. Дверцы взломали, и можно представить, с каким отвращением обнаружили, что это не живой человек, а труп! Дня три или четыре прошло со смерти толстого китайца в золотой одежде и расписанной шляпе. Одни приняли это за насмешку с целью оскорбить союзников, в честь которых устраивался бал. Другие придерживались мнения, что это просто циничная шутка, которую можно простить, как ни возмутительна она сама по себе; не следует ставить препоны проказам молодости. Были и третья, но их было немного, которые наивно утверждали, что труп был необходим для представления и все намеки и разоблачения, удивившие стольких людей, просто-напросто результат некромантии*.

— Делом занялась полиция, — заметил Карманьянек, — и думаю, через два-три месяца сумасброды будут разысканы и примерно наказаны.

Я вспомнил свой непостижимый разговор с медиумом, которого Карманьянек так бесцеремонно обозвал сумасбродом.

— Шутка преоригинальная, — заметил Вестлейк, — хотя и не совсем опрятная.

— И даже не оригинальная, — возразил Карманьянек. — Почти то же самое было сделано сто лет назад на бале-маскараде в Париже, а негодяи, сыгравшие шутку, так и не отыскались.

Карманьянек, как я узнал впоследствии, говорил правду: среди моего собрания французских мемуаров я нашел описание подобного случая и отметил его карандашом.

Вскоре мой слуга доложил, что обед подан, и мы сели за стол, где мои гости вполне и даже с избытком восполняли недостаток разговорчивости с моей стороны.

---

* Некромантия (греч *nekromanteia*, от *nekros* — мертвый и *mantia* — пророчество, предсказание) — вызывание духов умерших, предсказывающих будущее

Глава восемнадцатая

КЛАДБИЩЕ

Обед оказался превосходен; превосходными были и вина — быть может, получше, чем в некоторых знаменитых парижских гостиницах.

Воздействие плотного обеда располагает к беседе, и мои приятели в полной мере испытали справедливость этого утверждения на собственных желудках. Их словоохотливость избавляла меня от необходимости поддерживать разговор: гости без умолку занимали меня и друг друга разными любопытными историями. Признаюсь, мои мысли в этот момент были далеко, и я почти ничего не слышал из всего, что было сказано, пока речь неожиданно не коснулась предмета, который сильно меня интересовал, не скрою этого.

— Да, — сказал Карманьяк, продолжая разговор, который я пропустил мимо ушей, — кроме случая с русским дворянином, был другой, еще страннее. Я вспомнил его сегодня утром, но имени того, с кем это случилось, никак не могу припомнить. Он тоже занимал эту комнату. Кстати, — смеясь, обратился ко мне Карманьяк; глаза его при этом смотрели серьезно, — не лучше ли вам перейти в другой номер теперь, когда их много освободится? Если, конечно, вы намерены оставаться здесь дольше.

— Благодарю покорно, я этого не сделаю. Я собираюсь переехать вообще в другую гостиницу; к тому же нет ничего легче, как ездить на ночь в Париж. А что касается сегодняшней ночи, если я и рассчитываю провести ее здесь, все-таки я питаю сладостную надежду, что не улетучусь, как мои предшественники. Однако, вы начали рассказывать еще о каком-то случае. Продолжайте, пожалуйста. Но предварительно надо выпить вина.

Карманьяк рассказал прелюбопытную историю.

— Случилось это, — начал он, — насколько я помню, раньше тех двух случаев. Француз — имени его, к сожалению, уже никто не помнит, — сын негоцианта, остановился в гостинице «Летучий дракон» и был помещен в той же роковой комнате — в вашей комнате, мистер Бекет. Он был не молод — лет за сорок, если быть точ-

ным, — и далеко не красив. Здешняя прислуга говорила, что безобразнее его нужно было поискать, но и добродушнее существа не бывало на свете. Он играл на скрипке, пел, писал стихи. Образ жизни вел странный, причудливый. Иногда он день-деньской просиживал в своей комнате за письмом, пением и игрою на скрипке, а ночью отправлялся гулять. Такой чудак! Миллионером он не был, но имел скромный доход — полмиллиончика франков с небольшим, понимаете? Он посоветовался с маклером, как бы поместить свой капитал в заграничных фондах, и всю сумму сполна взял у своего банкира. Таково было положение ве-щкой на момент катастрофы.

— Еще вина, месье Карманьяк, — перебил я его.

— Для храбрости перед ночных призраками. — пояснил Вестлейк, наливая себе полный стакан.

— Ну-с, об этих деньгах больше не было слышно, — продолжал Карманьяк. — Об их обладателе я могу доложить следующее. В первый же вечер после этой финансовой операции его вдруг обуяло поэтическое вдохновение; он позвал тогдашнего содержателя гостиницы и заявил ему, что давно замышлял написать эпопею и намерен приступить к делу в эту же ночь, и посему его ни под каким видом не следует тревожить до девяти часов утра. На столе у него горели две восковые свечи, холодный ужин стоял на подносе, портфель с письменным прибором лежал перед ним открытый, а бумаги, с соответствующим запасом перьев и чернил, хватило бы на целую «Илиаду».

Слуга, который в девять часов вечера относил ему чашку кофе, застал его погруженным в работу — «того и гляди, бумага вспыхнет», как он выразился. Занятый своими мыслями, поэт не поднимал головы, но когда слуга вернулся спустя полчаса, то нашел дверь запертой на ключ, а поэт изнутри крикнул, чтобы его не беспокоили.

Слуга ушел. Когда же на следующее утро постучали в дверь, никто не откликнулся. Сквозь замочную скважину были видны горящие свечи; шторы были задернуты, как накануне. Слуга постучал громче и снова без ответа, после чего бросился разыскивать хозяина, чтобы сообщить ему о таком упорном молчании. Заметив, что ключ вынут из замка, хозяин подыскал другой

и кое-как открыл дверь. Свечи совсем догорели, но было достаточно светло, чтобы удостовериться, что жильца и след простыл. Постель оставалась непримятой, окна были заперты на задвижку. Выйти поэт мог только через дверь, заперев ее за собой и ключ положив в карман. Но тут возникла новая загадка. В «Летучем драконе» входная дверь закрывалась накрепко ровно в полночь; позже этого часа никто не мог покинуть здание, не спросив ключа от подъезда. Но даже и тогда без помощи слуг дверь пришлось бы оставить открытой.

Случилось так, что спустя немного времени после закрытия дверей, часу в первом, слуга, которого не предупредили, что поэт отдал приказание не тревожить его, увидав свет в замочную скважину, постучался и осведомился, не нужно ли чего-нибудь. Очень недовольный непрошеною услугой, поэт прогнал его, повторив приказание, чтобы никто больше не беспокоил его в эту ночь. Это ничтожное обстоятельство тем не менее доказывало, что жилец находился в своей комнате, когда входную дверь заперли на ключ и на запор. Хозяин держал ключи у себя и клялся, что утром нашел их на стене над своим изголовьем, на обычном месте. Не разбудив его, никто не мог взять их. Больше ничего не выяснили. Граф де Сент-Алир, которому принадлежит этот дом, очень обеспокоился и лично руководил поисками. Напрасный труд — открыть ничего не удалось.

— И с той поры эпический поэт как в воду канул?

— Как в воду. Не осталось ни малейшего следа, куда бы он мог запропаститься. Полагаю, его уже нет в живых; если это не так, то единственным объяснением может служить крах его финансовых предприятий, о которых нам ничего неизвестно. Возможно, ему пришлось в попыках бежать от своих кредиторов, но это предположение малоубедительно; никто не требовал доли в оставшемся наследстве.

— Все три исчезновения, о которых вы рассказывали, произошли из одной и той же комнаты? — спросил я.

— Все три. И все одинаково непостижимы. Когда совершается убийство, первое и наиважнейшее затруднение для убийцы — скрыть тело. Абсурдно предполагать, чтобы три человека один за другим были умерщ-

влены в одной и той же комнате, а их тела так ловко спрятаны, что не осталось ни малейших следов.

С этой темы мы свернули к другим, и месье Карманьяк с невозмутимым видом продолжал развлекать нас неисчерпаемою коллекциею криминальных историй, которые он собрал за время службы в полиции.

К счастью, мои гости были приглашены на вечер в Париж и к десяти часам покинули меня.

Оставшись один, я подошел к окну и выплянул в парк. По небу проносились угремые облака, лунный свет зыбкими съетными пятнами падал на колышущуюся листву, придавая деревьям фантастический вид.

Странные рассказы Карманьяка о комнате, в которой я находился, омрачили легкомысленное настроение; с тревожным предчувствием я огляделся. В комнате царил зловещий полумрак. Из дорожной сумки я достал пистолеты, с безотчетным опасением, что они и в самом деле могут пригодиться этой ночью. Впрочем, подобные ощущения нисколько не убавили моих любовных восторгов. Никогда пылкость моих чувств не достигала таких размеров. Приключение поглощало и увлекало, но теперь к нему примешивалось какое-то необычное и сумрачное волнение.

Еще несколько минут я провел у окна. Мне хотелось точно определить местоположение кладбища, потому что приходить туда раньше назначенного срока я не имел никакой охоты. Его ограда виднелась примерно в миле от гостиницы.

Тихо прокравшись к выходу, я направился по дороге налево, потом повернул на узкую тропинку, тоже влево, которая полукругом огибала стену парка, осененную на всем протяжении величественными вековыми деревьями. Кладбище занимало не более полуакра земли по левую сторону от дороги, которая отделяла его от Карского замка.

На этом-то месте, которое пользовалось столь дурной славой, я остановился и стал прислушиваться. Ни шорох не нарушал безмолвного окружения. Темное облако набежало на месяц; с трудом, словно в тумане я различал очертания ближайших предметов: то тут, то там из мрака выступала серая поверхность надгробных плит. Несколько высоких кустов или, пожалуй, деревьев, похожих формой на род можжевельника, закры-

вали дальнейший обзор своей темной листвою. Название этих кустов мне неизвестно, но я часто видел их на кладбищах.

В ожидании назначенного часа я присел на край надгробной плиты. У графини могли быть веские причины не желать моего появления раньше определенного времени. В томительной неподвижности я сидел, устремив взгляд на неясные очертания темного предмета прямо против меня, шагах в шести.

Месяц, который долго скрывался за темным облаком, начал понемногу выплывать из-за густой завесы, и свет его, постепенно усиливаясь, придал предмету, на который я взирал с равнодушием, совершенно другой вид. Вместо дерева, как я полагал, это оказался человек, стоявший неподвижно. В лунном сиянии все яснее проступали очертания человеческой фигуры. Передо мной замер полковник Гальярд.

На счастье, он смотрел в другую сторону. Его суровый профиль, седые усы и огромный, grenadierский рост не допускали и тени сомнения. Повернувшись ко мне боком, он напряженно прислушивался, приложив к уху ладонь, очевидно поджидая сигнала или чьего-то прихода с той стороны, где сидел я.

Если бы он случайно взглянул в моем направлении, бой, едва завязавшийся в передней «Прекрасной звезды», был бы немедленно возобновлен. Могла ли коварная судьба наслать на меня противника опаснее в этом месте и в этот час? В какой бы восторг он пришел, если бы змешательством своим нанес жестокий удар моей чести и опозорил графиню де Сент-Алир, к которой, по-видимому, ненавидел!

Он отнял руку от уха и тихо свистнул. Вдалеке послышался ответный свист, такой же тихий, и, к моему облегчению, полковник двинулся в его направлении, удаляясь с каждым шагом расстояние между нами. Почти следом за его уходом из кустов донесся звук беседы, приглушенный и осторожный. Казалось, я улавливаю скрежещущий шепот Гальярда.

Стараясь не производить шума, я прокрался в сторону, откуда доносились голоса. В проломе обрушившейся стены мелькнула шляпа; рядом находилась вторая — голоса исходили из-под их полей. Обе удалялись по направлению к дороге, прочь от парка. Я притаился

в траве за могильным памятником, словно следопыт, высматривающий неприягеля. Одна за другой фигуры двух человек ясно обозначились, когда они перебирались через ограду у дороги. Последним перелеза, полковник: стоя наверху, он внимательно осмотрелся вокруг, прежде чем спрыгнуть. Я слышал их шаги и звук беседы, когда оба удалялись по дороге все дальше и дальше от «Летучего дракона».

Выждав, пока шум не замер в удалении, я поднялся и, соблюдая предельную осторожность, пробрался в парк. Следуя инструкциям графини, я кустами подошел к руинам древнегреческой беседки и быстро перебежал открытое место, которое отделяло меня от цели.

Я снова находился под сенью исполинских лип и каштанов и тихо приближался к маленькому храму, между тем как сердце мое было тревогу.

Теперь месяц светил ясно, заливая своим сиянием мягкую листву и бросая светлые пятна на траву под моими ногами.

Я дошел до ступеней, белеющих среди полуразрушенных колонн, и осмотрелся. Ни души.

Графиня еще не приходила.

Глава девятнадцатая

КЛЮЧ

Я стоял на ступенях в ожидании и прислушивался к безмолвию парка. Не прошло и двух минут, как до моего слуха донеслось потрескивание сухих веток под ногами, и, взглянув в ту сторону, я увидел между деревьями приближающуюся фигуру, закутанную в плащ.

Я бросился вперед. Это была графиня.

Она ничего не сказала, но подала руку, и я повел ее к месту нашего прошлого свидания. Пылкость моего приветствия она остановила с кроткою, но настойчивой твердостью. Сбросив с головы капюшон, она рассыпала по плечам свои прекрасные волосы и, глядя на меня грустными, влажными от слез глазами, глубоко вздохнула. Очевидно, какая-то тяжелая мысль угнетала ее.

— Я должна говорить с вами откровенно, дорогой Ричард. Настала решающая минута в моей жизни, но

я уверена, что вы защитите меня... мне кажется, что вы действительно любите меня.

При этих словах я разразился потоком красноречия, свойственного всем молодым влюбленным. С прежней печальною твердостью она сделала мне знак замолчать.

— Вначале выслушайте меня, дорогой друг, и лишь потом решайте, можете вы помочь мне или нет. Сердце подсказывает, что я поступаю безрассудно, вверяясь вам, но видеться здесь... продолжать скрывать тайну... Мое существование невыносимо, но только ваше участие поможет мне вновь обрести свободу! Не достигнув ее, мне остается единственный путь — смерть. Узы брака сковывают меня с человеком, которого я презираю... ненавижу! — Она прижала к груди руки. — И я решилась бежать. У меня есть бриллианты, оцененные в тридцать тысяч английских фунтов стерлингов, и их я хочу взять с собой. По брачному контракту они принадлежат мне. Когда настал час нашего свидания, я перебирала их и принесла с собой, чтобы показать вам. Посмотрите.

— Великолепное украшение! — воскликнул я при виде бриллиантового ожерелья, которое заискрилось и засверкало в лунном свете в ее хорошенъких пальчиках.

Казалось, даже в эту трагическую минуту она с чисто женским наслаждением любуется своей блестящей игрушкой, продлевая удовольствие созерцанием бесценного сокровища.

— Предстоит расстаться с ними, — продолжала она. — Я обращу их в деньги и навсегда разорву уничижительные узы, которые связывают меня с тираном и деспотом. Человек молодой, красивый, великодушный и храбрый, как вы, едва ли может быть богат. Ричард, вы говорите, что любите меня; вы разделите со мной мое богатство! Мы убежим в Швейцарию и там укроемся от преследования. У меня есть друзья, люди влиятельные, которые вступятся за нас и помогут мне получить развод. Тогда наконец я буду счастлива и смогу вознаградить моего героя.

Можно себе представить, сколь пылко я излил свою благодарность в ответ на такое признание, клялся лю-

бить до конца жизни и всей душой отдавался в распоряжение графини

— Завтра вечером, — сказала она, — мой муж отправится сопровождать бренные останки своего двоюродного брата де Сент-Амана на кладбище Пер-Лашез. Похоронная процессия, по его словам, выйдет из замка в половине десятого. Будьте на этом же месте ровно в девять.

Я обещал быть точным

— Сама я не смогу выйти к вам, но вы видите красивый свет в башенном окне замка?

Я кивнул.

— Я поставила там свечу, чтобы вы узнали ее завтра вечером, когда я подам сигнал. Как только этот розовый огонек покажется в окне, знайте, что похоронная процессия оставила замок и вы можете спокойно войти. Подойдите под самое окно; я открою его и впусту вас Дорожная карета, запряженная четверкой лошадей, будет дожидаться у ворот. Я передам вам мои бриллианты, и, как только мы сядем в карету, надо скакать во весь опор. У нас будет по крайней мере пять часов, чтобы ускользнуть от преследования. При вашей ловкости, энергии и находчивости я ничего не боюсь. Готовы ли вы сделать это ради меня?

Снова я клялся быть ее рабом до окончания жизни.

— Единственное затруднение, — продолжала графиня, — это необходимость немедленно обратить бриллианты в деньги. Пока муж дома, я не смею отдать их.

Наконец представлялся случай, которого я давно желал. Я признался ей, что у моего банкира лежит сумма в тридцать тысяч фунтов золотом и ассигнациями и что будет надежнее, если я приду на свидание, снабженный этим капиталом; при этом отпадет риск потерпеть убыток при излишнеспешной продаже бриллиантов.

— Боже мой! — воскликнула она почти с огорчением. — Так вы богаты? Я лишена счастья вознаградить моего великодушного друга! Пусть будет так, если нельзя изменить этого. Мы сольем наши состояния в одно, и это послужит мне некоторым утешением.

Тут последовало обоюдное романтическое излияние, проникнутое поэзией и страстью, передать кото-

рые я даже не пытаюсь В заключение мне была дана инструкция следующего содержания

— Я захватила с собой ключ, назначение которого должна объяснить вам.

Это оказался двойной ключ — длинный, тонкий штифт с бородкой на каждом конце, из которых одна была обыкновенной величины для замка в дверях, а другая мала, как бывают ключики от дамских туалетных ящичков или саквояжей.

— Вы должны быть предельно осмотрительны завтра; любая помеха убьет все мои надежды. Я узнала, что вы занимаете в «Летучем драконе» комнату, о которой идет слава, что в ней не все ладно. Какая удача, что она досталась именно вам! Сейчас я попытаюсь объяснить почему. История про человека, который, запершись однажды на ночь, исчез навсегда, раскрывается просто. Запутанные денежные дела вынудили его скрываться от кредиторов, и тогдашний хозяин гостиницы, настоящий мошенник, помог ему сбежать, а сам пустил слух об исчезновении. Мой муж обследовал комнату и открыл потайной ход, с помощью которого было совершено бегство. Ключ был орудием. Вот записка и план, поясняющий, как пользоваться ключами. Я похитила их из бумаг графа. Предоставляю вашей изобретательности придумать, как ввести в заблуждение слуг в гостинице, но смотрите, вначале испробуйте ключи, чтобы удостовериться, свободно ли они отпирают замок. Мои бриллианты и карета будут наготове. Вам лучше захватить все свои деньги, так как, возможно, пройдет несколько месяцев, прежде чем представится случай побывать в Париже или открыть кому-нибудь наше убежище. Да, еще позаботьтесь о наших паспортах; добудьте их под какими угодно именами и куда хотите. С этой минуты, мой дорогой Ричард, жизнь вашей возлюбленной в ваших руках. Все надежды я возлагаю на вашу неизменную преданность.

Говоря это, она нежно оперлась на мое плечо и с невыразимой нежностью глядела мне в глаза, пожимая другой рукой мою руку.

Внезапно ее лицо помертвело, и она испуганно воскликнула:

— Боже! Кто здесь?

Отшатнувшись от меня, она поспешило вбежала вовнутрь поросшей плющом мраморной беседки, скрывшись в единственной укрытой от глаз комнатке, хотя и лишенной потолка.

Я замер на ступенях и взглянул в сторону, куда только что с таким ужасом смотрела графиня. Ее волнение было объяснимо. Совсем близко от нас, всего в двадцати ярдах, быстро шагали полковник Гальярд и его спутник, ярко освещаемые лунными лучами. Тень от беседки и часть стены ограждали меня от не прошеных взоров, но, не подозревая этого, я ежескундно готовился к тому, что полковник с яростным криком бросится на меня.

Отступив на шаг, я вынул из кармана пистолет и взвел курок. Полковник не замечал меня. Держа палец на спусковом крючке, я стоял, твердо решившись застрелить его на месте, если он попытается проникнуть в убежище графини. Бессспорно, я совершил бы убийство, но в моем тогдашнем настроении я не колебался и не пытался об угрозах совести. Стоит ступить на стезю гайд, как уже находишься на один шаг от других, более серьезных преступлений.

— Вот статуя, — сказал полковник своим резким отрывистым голосом. — Га самая фигура.

— О которой упоминается в стихах? — осведомился спутник.

— Именно. В следующий раз мы увидим больше Вперед, месье!

К моему великому облегчению, бравый полковник повернулся на каблуках и двинулся между деревьев, спиной к замку. Мельком я видел, как он прошелся по лугу к стене парка и вместе со своим сообщником перелез через нее неподалеку от «Летучего дракона».

Графиню я застал дрожащей от перекитого ужаса. Однако она и слышать не желала, чтобы я провожал ее до замка. Я уверил ее, что не допущу возвращения в парк сумасшедшего полковника: по крайней мере, на этот счет ей нечего опасаться. Скоро она оправилась, снова нежно попрощалась со мной и ушла, оставив меня на краю настоящего помешательства от страсти.

Разве не был я готов пренебречь предостережениями совести и рассудка, даже совершив убийство по первому приказанию женщины; о которой знал толь-

ко, что она легкомысленна и прекрасна? Разве не по ее воле я решился связать себя путами, которые могли привести к роковой развязке и уничтожить меня на век?

Часто благословляя судьбу, что бываю случайно гро-
вела меня вдоль этого лабиринта где так легко бы я
затерялся.

Глава двадцатая ВЫСОКИЙ ЧЕПЕЦ

Я был уже на дороге шагах в двухстах от «Летучего дракона», размышляя над разительно персменившимися обстоятельствами моей жизни. Не успев опомниться, я оказался героем невероятного приключения. В виде неизбежной увертюры меня, вероятно, ожидала новая схватка с драгунским полковником, которая на этот раз могла завершиться менее счастливо для меня.

Как я был рад, что имел при себе пистолеты! Конечно, никакой закон на свете не обязывал меня позволить прирезать себя без сопротивления.

Нависшие ветви древних деревьев парка исполинские тополи по другую сторону дороги и лунный свет, лежащий на земле, придавали окрестности живописный вид.

Пока я медленно подходил к открытой еще двери «Летучего дракона», я не вполне понимал, то изменилось в моем положении. События так быстро следовали одно за другим; я сам столь неожиданно стал главным действующим лицом в загадочной драме, что до сих пор не мог опомниться и поверить, что все совершившееся произошло на самом деле.

Нигде не было ни малейшего признака присутствия полковника. В прихожей я осведомился о нем. Мне ответили, что за последние полчаса в гостиницу никто не заходил. Я заглянул в общую залу. И там никого. Пробило полночь; в прихожей послышались звуки запираемой на засов двери. Все огни были уже потушены, и дом принял облик погруженного в сон сказочного замка. Бледный луч месяца врывался в окно на площадке, когда я со свечой в руке поднимался по широкой лестнице к себе в комнату. На секунду помедлив,

я окинул взглядом лесистое пространство до увенчанного башнями замка, однако тотчас же двинулся дальше, вспомнив, какое значение такое полуночное созерцание могло получить в глазах шпиона да и самого графа, в своей ревнивой бдительности способного заподозрить условный знак в необыкновенном появлении среди ночи зажженной свечи на лестнице «Летучего дракона».

Отворив дверь комнаты, я едва не вздрогнул, увидев перед собой древнюю старуху с таким длинным лицом, какого мне не приходилось еще встречать. На голове у нее был чепчик громадной величины, белые оборки которого резко отделялись от смуглого-желтой кожи и ярче выставляли на вид безобразность ее морщинистого лица. Она выпрямилась, насколько позволяла согнутая спина, и посмотрела мне прямо в лицо своими необыкновенно черными и блестящими глазами.

— Я растопила камин. Ночь сегодня холодная.

Поблагодарив ее, я ждал, что она уйдет. Однако старуха стояла неподвижно, держа дрожащими пальцами свою свечу.

— Простите меня,— заговорила она вдруг,— но скажите, ради Бога, что может удерживать молодого месье, у ног которого весь Париж, в скучном и уединенном «Летучем драконе»?

Живи я в эпоху волшебных сказок и встречайся каждый день с пленительной графиней де Сент-Алир, я непременно принял бы эту дряхлую старуху за злую волшебницу, которой стоит только топнуть ногой об пол, чтобы злополучные жильцы этой роковой комнаты исчезли бесследно. Но эта эпоха отошла в далекое прошлое, а между тем черные глаза старухи были устремлены на меня с такой выразительной твердостью, которая ясно говорила, что тайна моя ей известна. Я страшно смущился: мне и в голову не пришло сказать, чтобы она не совалась не в свое дело.

— Эти старые глаза видели вас сегодня в парке Карского замка.

— Меня? — начал я с изумленным пренебрежением, какое был в состоянии изобразить.

— Ни к чему уверять меня в обратном,— перебила старуха,— мне известно, зачем вы здесь, и говорю вам,

немедленно уезжайте! Завтра же оставьте дом и никогда больше не возвращайтесь.

Она подняла руку, которая оставалась у нее свободной, и с невыразимым ужасом посмотрела на меня.

— Нет ничего такого, на что вы намекаете... я вас не совсем понимаю, — возражал я, — да и какое вам дело?

— Я забочусь не о вас, месье... мне дорога честь древнего рода, которому я служила в его цветущие дни. Но слова мои, видно, напрасны: вы отвечаете мне одной грубостью. Я сохраню свою тайну, а вы свою. Скоро окажется, что вам трудно будет и открыть ее.

Старуха медленно прошествовала к двери и вышла, затворив ее за собой, прежде чем я успел решить, что мне ответить. Добрых минут пять я стоял, не двигаясь с места.

«Старуха, верно, тоже опасается ревности графа», — подумал я.

При всем тщкомыслии, однако, мне было неприятно сознавать, что тайна, открытая графиней де Сент-Алир, не тайна больше. Самым печальным было то обстоятельство, что в нее проникло лицо, преданное старому графу. Не следует ли попытаться предупредить возлюбленную, и не опаснее ли попытка, чем просто раскрытая тайна? Что означают слова: «Я сохраню свою тайну, а вы свою»?

Тысяча мучительных вопросов проносилась в мозгу. Я будто мысленно шел по стране, где на каждом шагу передо мной из земли высакивал оборотень или чудовище почевлялось из-за дерева.

Усилием воли я отбросил эти тягостные размышления, запер дверь, зажег две свечи и сел к столу. Достав из кармана, разложил перед собой пергамент с чертежом и описанием, в котором я должен был найти подробные инструкции, как воспользоваться ключом.

Внимательно прочитав указания, я приступил к исследованиям. Направо от окна панельная обшивка комнаты образовывала прямой угол. Я внимательно осмотрел это место, придавил одну дощечку: она подалась в сторону, и над ней оказалась замочная щель. Стоило отнять палец до некоторому мгновению скользнула на прежнее место. Всякая попытка оказалась успешной, и я правил, расшифровал инструкции. Такое же исследование предстояло произвести на полу, и вскоре

меня ждало новое открытие. Маленькая бородка ключа подходила к обнаруженной замочной щели, как до этого большая — к замку в стенной панели. С силой повернув его три раза, я выпрямился и увидел, как в стene открывается дверь, обнажившая угол грубой каменной кладки и узкий сводчатый проход, завершившийся винтовой лестницей.

Я начал спускаться со свечою в руках. Не знаю, какими особенностями обладает воздух, длительное время остававшийся спертым, но сырой запах от каменных стен тяжело давил мне на легкие. Свеча бросала бледный свет на голые своды над головой; ступенькам не было видно конца. Я продолжал опускаться ниже и после нескольких оборотов дошел до каменной площадки. Тут находилась другая дверь, сбитая из стариных дубовых досок. Большая бородка подходила и к этому замку, но ключ поворачивался с трудом. Поставив свечу на ступеньки, я взялся за него обеими руками: с громким скрежетом, испугавшим меня, он на конец повернулся.

Несколько секунд яостоял как вкопанный, но, постепенно ободрившись, отворил дверь. Пахнувший ночной воздух затушил свечу. Дверь скрывалась зарослями остролистника и стелющегося кустарника; переплетения его казались непроходимыми. Где-то высоко за тучами брезжил неяркий месяц.

Тихо, на случай, если бы кто-нибудь открыл окно при громком скрипе проржавевшего замка, я стал пробираться сквозь сплетенные ветви до открытого места. Достигнув опушки леса, я рассмотрел неподалеку известную рощицу и мраморную беседку, где проходили свидания. Более безопасный путь было трудно придумать.

Оглянувшись на старую гостиницу, я догадался, что лестница, по которой я сошел, помещается в маленькой башенке, украшавшей здание. Ее зубцы располагались точно на углу, где находилась моя комната.

Совершенно довольный опытом, я отправился в обратный путь, добрался до двери, поднялся наверх и снова замкнул потайную дверь. Коснувшись губами таинственного ключа, который держали ее руки, я положил его под подушку и очень скоро опустил на нее отуманенную голову. Однако сон не сразу сомкнул мне веки; некоторое время я продолжал ворочаться перед тем, как крепко заснуть.

Глава двадцать первая

АНТИКВАРНОЕ ЗЕРКАЛО

На следующее утро я проснулся рано, и волнение не позволило мне заснуть опять. Как только я нашел возможным переговорить с хозяином, не возбуждая особенного внимания, я объявил ему, что вечером еду в Париж, а оттуда в Дижон, где меня ждет весьма не-отложное дело. Я просил его говорить всякому, кто осведомится обо мне, что я нахожусь там и через неделю, вероятно, вернусь. Ключ от комнаты я оставил Сент-Клеру, чтобы он смотрел за моими вещами.

Разыграв эту мистификацию, я поехал в Париж и там уладил денежный вопрос. Трудность заключалась в том, чтобы перевести тридцать тысяч фунтов в такие эквиваленты, которые было бы легко перевозить и которые можно было бы использовать в любой момент, не прибегая к переписке или доверенностям, что могло обнаружить мое местопребывание. Все эти условия были по возможности соблюдены. Ни к чему подробно излагать мои распоряжения относительно паспортов. Довольно, если я скажу, что место, избранное мной как цель нашего бегства, полностью соответствовало романтическому духу приключения — это был один из самых прелестных и уединенных уголков Швейцарии.

Никакого багажа я не брал с собой. Первый небольшой городок, куда мы приедем на следующее утро, снабдит нас необходимым. Когда приготовления были кончены, пробило только два часа. Вставала проблема, куда девать оставшееся время.

Как истинный путешественник, я разрешил это затруднение, отправившись на экскурсию к собору Богоматери. Около часа я осматривал его, потом Люксембургский дворец, дворец Законодательного собрания и так далее. Однако времени не убавлялось, и я тоскливо бродил по узким улочкам, прилегающим к собору. Помню, в одной из них на ветхом доме я видел мемориальную доску, гласящую, что здесь жил каноник Фулье, дядя Элоизы, возлюбленной великого Абеляра. Не знаю, существуют ли теперь эти любопытные улицы, где руины старых готических церквей используются

как мануфактурные склады. Между другими лавочками и лавками я набрел на антикварный магазинчик, в котором продавались разного рода украшения для комнат, оружие, фарфор. Я вошел; было темно и пыльно. Потолок низко нависал над головой. Хозяин был занят чисткой какого-то странного вида пистолета с чеканкой и позволил мне сколько душе угодно осматривать любопытные предметы, собранные на полках. Обходя их, я постепенно добрался до дальнего конца, где находилось давно не мытое оконце. В углублении, образуя прямой угол с боковой стеной, стояло большое зеркало в потемневшей старинной раме. Едва ли я обратил бы на него внимание, если бы не отражение, которое заставило меня остановиться. В подсобном помещении, среди поломанной мебели и пыльных предметов, развешенных на стенах, сидели трое людей, по-видимому, поглощенные серьезным разговором. Двоих из них я узнал в то же мгновение: это были полковник Гальярд и маркиз д'Армонвиль. Третий был бледный человек с жидкими черными волосами и бегающими глазками, которых, склонившись, что-то писал пером. Маркиз поднял глаза, и оба его товарища тоже посмотрели в мою сторону. С минуту я находился в нерешительности, но, очевидно, меня не узнали. Да и трудно было это сделать, потому что я стоял спиной к окну, в полумраке.

Быстро сообразив это, я имел достаточное присутствие духа, чтобы притвориться, будто все мое внимание поглощено окружающими предметами, и медленно направился к выходу. Остановившись на минуту и прислушавшись, не последуют ли за мной, я испытал облегчение, не различив шагов. Естественно, я не мог дольше оставаться в лавке, где сделал столь неожиданное открытие.

Меня не касались дела, которые свели полковника Гальярда и маркиза д'Армонвиля в таком убогом заведении. Поручение, взятое на себя маркизом, приводит иногда к странному товариществу, решил я мысленно.

Я был рад улизнуть из города и подъезжал к дверям гостиницы «Летучий дракон», когда солнце уже клонилось к закату. Отпустив извозчика, я поднялся наверх, держа в руке кованую шкатулку удивительно маленького — в сравнении с ее содержимым — объема. Кожа-

ный футляр с ремешками маскировал ее истинное назначение.

Войдя в комнату, я позвал Сент-Клер. Ему я повторил почти ту же историю, что и хозяину гостиницы, после чего отсчитал пятьдесят фунтов с приказанием тратить, сколько понадобится на себя, и платить за номер. Наскоро поужинав, я уселся с бокалом вина в гостиной, то и дело взглядывая на стенные часы, стоявшие на каминной полке. Их стрелки были немыми соучастниками моего предстоящего приключения, но Бог мой! как они медленно двигались. Небо благоприятствовало мне: окрестности покрыло мраком, месяц заволок грозовыми тучами.

В передней меня остановил хозяин и поинтересовался, не нужен ли мне экипаж, чтобы доехать до Парижа. Я был готов к подобному вопросу и немедленно ответил, что до Версала дойду пешком, а дальше найду экипаж сам. Я снова позвал Сент-Клер.

— Можешь пойти распить бутылку вина с приятелями, — сказал я ему. — Если мне что-нибудь понадобится, я позову тебя. Вот ключ от комнаты. Я должен ответить на письма, поэтому позабочься, чтобы меня не беспокоили в ближайшие полчаса. Вероятно, ты уже не застанешь меня, так как я буду на пути в Версаль; если по возвращении найдешь комнату пустой, не удивляйся. Приведи все в порядок и запри дверь на ключ. Все понял?

Сент-Клер простился, желая мне всяческого благополучия и, наверное, мечтая о развлечениях на мои деньги. Со свечой в руке я поспешил к себе. До установленного часа оставалось лишь пять минут. Не думаю, чтобы я был склонен к трусости, однако должен признаться, что по мере приближения решающей минуты я все больше ощущал себя новобранцем перед первой атакой. Ну нет, отступать я не собирался!

Заперев дверь на запор, я надел плащ и опустил по пистолету в каждый карман. Быстро отомкнул потайные замки, взял под мышку шкатулку с деньгами и прислушался у двери, не идет ли кто, после чего поднял засов, затушил свечу и поспешно направился к потайному ходу. В одно мгновение я очутился на винтовой лестнице, и пружина щелкнула за мною. Темнота была хоть глаз выколи. Я крепко скимал в руке счастливый ключ. Начало моего предприятия удалось.

Глава двадцать вторая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Я спускался по винтовой лестнице в полной темноте. Достигнув каменной площадки, я ощупью отыскал замочную скважину: с большей осторожностью, а потому не с таким грохотом, как накануне, отпер дверь и вышел в густой подлесок. Снаружи также царила непроглядная ночь.

Заперев за собой дверь, я медленно пробирался между кустами, которые вскоре поредели, но все равно закрывали меня от посторонних глаз до самой опушки леса.

Наконец ярдах в пятидесяти впереди среди старых деревьев, словно привидения в ночной мгле, проскользнули белые колонны беседки. Все благоприятствовало моему предприятию. Я удачно обманул Сент-Клера и слуг в гостинице; ночь была на удивление темна, и любое подозрение не найдет подтверждения, пусть даже отряды факельщиков прочесывают лес в поисках.

Пробираясь между стволами деревьев, перешагивая через высокие, узловатые корни, я наконец достиг указанного мне пункта наблюдения. Поставив шкатулку на край фонтана, я оперся на нее локтем и устремил на замок неподвижный взгляд. Очертания его почти сливались с сумрачным фоном неба. Ни одного огонька не светилось в окнах. Очевидно, следовало еще ждать, но долго ли?

Пока я стоял, опираясь на свое богатство и разглядывая массивную тень, какой теперь представлялся замок, в голову мне пришла странная мысль, охладившая нетерпеливые восторги. Удивительно, почему она не приходила ко мне раньше, но вместе с ней мгла вокруг словно стала чернее, повеяло ледяным холодом.

Что если и мне предстоит исчезнуть с лица земли, подобно тем людям, о которых мне рассказывали? Разве не сделал я всего, чтобы скрыть свои истинные намерения и отвести подозрения всех, с кем встречался, в ложном направлении?

Мысль эта холодной змеей обвилась вокруг сердца, но быстро исчезла. Я находился в том возрасте, когда спасение силы, прыткость струи и легкомысленное

бесстрашие придают особенную прелесть подобным приключениям. Разве со мной не было пары заряженных пистолетов? В моих руках была жизнь двух человек. Что же могло случиться? Велика беда, даже если старый граф — этот трус, дрожавший от страха перед разбушевавшимся Гальярдом, — попытается заявить права на мою возлюбленную. Хуже его вмешательства ничего не могло случиться, однако можно ли было предполагать неудачу с такой союзницей, как обаятельная и неустрашимая графиня? Я рассмеялся вздорным мыслям, кружившимся в голове.

Пока я рассуждал подобным образом сам с собой, в окне сверкнул сигнальный огонек. Розовый цвет — эмблема любви — был для меня зарею упоительного счастья. Каменный провал окна чернел вокруг него.

Шепча страстную чепуху, я подхватил ремень кожаного футляра моей кованой шкатулки и, не сводя глаз с огонька, быстрыми шагами устремился к замку. Нигде не было ни признака жизни, не слышалось человеческих голосов или шагов, которые могли бы помешать мне.

Когда я подошел к террасе, на которую выходило окно, то обнаружил рядом застекленную дверь, задернутую шторой. Изнутри на дверь падала тень; поднимаясь по ступенькам, я увидел, как штора отодвигается, и нежный голос прошептал:

— Ричард, милый! Входи! Как я ждала этой минуты!

Еще никогда графиня не казалась мне очаровательнее, чем теперь. Страсть моя вспыхнула с устроенной силой. Я жаждал настоящих опасностей, чтобы выказать переполнявшую меня отвагу. После пылких приветствий она усадила меня возле себя на диван. Минуты две мы мирно беседовали, и она сообщила мне, что граф уже уехал. В настоящий момент он должен находиться в миле от замка вместе с похоронной процессией, направляющейся на кладбище Пер-Ласез. Со смущенной улыбкой она подала мне открытую шкатулку со множеством крупных блестящих камешков.

— Вот мои бриллианты. А это что? — она бросила взгляд на мой кожаный мешок.

— Шкатулка, в которой лежит тридцать тысяч фунтов.

— Неужели тут уместилась такая куча денег?

— Не сомневайтесь.

— К чему такое состояние, если у нас есть драгоценности,—вразбранила графиня, перебирая пальцами бриллианты.—С вашей стороны было бы очень мило позволить мне взять наши общие расходы, хотя бы на первое время. Я была бы еще счастливее, чем чувствую себя теперь.

— Боже, вы ангел! — воскликнул я, совершенно обезумев от восторга.— Нам хватит денег, чтобы на века скрыться от суетного света!

— Если у нас действительно такая громадная сумма... вы пересчитывали?

— Разумеется, я должен был пересчитать деньги, когда брал их у банкира,— ответил я с легким изумлением.

— Признаться, мне страшно путешествовать с такой суммой, одни только бриллианты подвергают нас опасности. Поставьте обе шкатулки рядом; когда мы будем уезжать, вам придется закутать их плащом. Не дай Бог, кучер заметит, что мы везем с собой драгоценности. Пожалуйста, закройте шторы на окне и притворите двери.

Едва я это исполнил, как кто-то постучал в дверь.

— Я знаю, кто это,— шепнула мне графиня.

Очевидно, она не испугалась. Она тихо подошла к двери, и разговор шепотом через порог продолжался около минуты.

— Это моя верная горничная,— сказала, вернувшись, графиня.— Она говорит, что нам нельзя отправиться раньше, чем через десять минут. Сейчас она подаст кофе в соседнюю комнату,— графиня на секунду задумалась.— Надо сказать, чтобы она не брала с собой много вещей. Не ходите за мной, оставайтесь здесь: лучше, чтобы она вас не видела.

Она вышла из комнаты, сделав мне знак, чтобы я был осторожен.

Я не мог не заметить внезапной перемены в этой очаровательной женщине. Последние минуты ее лицо

омрачалось мало-помалу: в нем проглядывала озабоченность, даже подозрительность. Отчего она вдруг побледнела? Глаза посуворели, даже голос словно изменился. Не случилось ли какой неприятности?

Однако беспокойство рассеялось само собой. Если бы нам грозила опасность, она непременно сообщила бы мне. В ее положении было вполне естественным волноваться по мере того, как приближалась решающая минута.

Тем не менее она отсутствовала дольше, чем я мог вынести. В нетерпеливом ожидании я начал прохаживаться взад-вперед по комнате. Она была невелика. В глубине находилась другая дверь. Распахнув ее, я прислушался. Повсюду царствовало безмолвие. Лишь взволнованное состояние способно оправдать все глупости, что я наделал в тот вечер. Вместо того чтобы тут же закрыть дверь, я не только не закрыл ее, но, взяв в руки свечу, решительно прошел вовнутрь.

Меня ожидало поразительное открытие.

Глава двадцать третья

ЧАШКА КОФЕ

В комнате не было ковров. На полу лежали разбросанные стружки и несколько десятков кирпичей. На узком столе стоял предмет, присутствие которого настолько меня поразило, что я не поверил собственным глазам.

Я подошел и снял простыню, нисколько не скрывавшую форму этого предмета. Сомнений не оставалось. Передо мной стоял гроб, и на крышке красовалась табличка с надписью по-французски:

«Пьер-Ларош де Сент-Аман, двадцати трех лет».

Я отшатнулся, потрясенный вдвойне. Итак, похоронная процессия еще не оставляла замок! В комнате лежало тело. Меня обманывали. Вероятно, это обстоятельство и было причиной явного замешательства графини. Она поступила бы умнее, если бы откровенно сказала мне правду.

Вернувшись в первую комнату, я аккуратно затворил дверь в импровизированную усыпальницу. Недоверие графини ко мне было величайшей неосмотрительностью, какую она могла допустить. Не может быть ничего опаснее, чем осторожность не к месту. Стоило мне невовремя выглянуть в соседнюю комнату, и я нос к носу столкнулся бы именно с теми людьми, которых следовало избегать.

Я не успел еще подумать как следует над происшедшим, когда появилась графиня. С первого взгляда заметив перемену в моем выражении, она быстро покосилась на дверь.

— Вас что-то расстроило, милый Ричард? Вы выходили?

Я откровенно сознался в том, что видел.

— Какой ужас! Простите меня, великодушный рыцарь. Мне не хотелось тревожить вас заранее, увы! Тело здесь, но граф уехал за четверть часа до того, как я зажгла лампу и подготовилась встретить вас. Гроб привезли минут десять спустя по отъезде графа,—графиня вздохнула.— Он отправился вперед из опасения, чтобы на кладбище не подумали, что похороны отложены. Тело бедного Пьера должно было обязательно прибыть к ночи, и у графа есть причины желать, чтобы вся эта история закончилась до утра. Минут через пятнадцать дороги с гробом отправятся из замка, и тогда мы будем свободны пуститься в наш безумный и счастливый путь.

Лошади запряжены, карета у ворот; что же касается этого ужасного предмета,— она мило содрогнулась,— не будем о нем больше думать

Она заперла дверь в мрачную комнату, и, когда возвратилась ко мне, на ее лице и во всей фигуре так глянчительно выражалось раскаяние, что я готов был кинуться к ее ногам.

— Последний раз,— проговорила она грустным голосом,— я обманываю моего храброго и прекрасного Ричарда, моего великодушного героя. Прощаешь ты меня?

Опять произошла сцена страстных излияний, любовных восторгов и пламенной декламации; но шепотом, чтобы не дать пищи ушам посторонних.

Наконец она подняла руку, как бы предупреждая меня, чтобы я замер на месте; не сводя с меня глаз, она, затаив дыхание, с минуту прислушивалась к тому, что происходило в комнате, где стоял гроб. Слегка кивнув головой, она на цыпочках подошла к двери, взмахнула рукой, чтобы я не подходил, и спустя немного возвратилась ко мне опять на цыпочках, чтобы шепнуть:

— Уносят гроб... пойдемте!

Следом за ней я прошел в комнату, где она разговаривала с горничной. Кофейник и старинные фарфоровые чашки стояли на серебряном подносе; возле были рюмки и бутылка с ликером.

— Позвольте служить вам, и прошу не противоречить мне. Здесь я ваша служанка и исполню любое желание любимого.

Она налила чашку кофе и подала мне, нежно опершись свободной рукой о мое плечо, гладя мои волосы.

— Выпей, дорогой,— шептала она,— пожалуйста.

Кофе оказался превосходным; после него она подала мне рюмку ликера, который я тоже выпил.

— Вернемся в комнату,— предложила она.— Наверное, эти ужасные люди уже ушли, и там мы будем в безопасности.

— Приказывай, я повинуюсь, моя леди! — шептал я в упоении.

Бессознательно я исполнял роль героя по образцу французской школы сердечного пламенения. Даже теперь меня в жар бросает, как я вспоминаю напыщенную дребедень, которой угощал графиню де Сент-Алир.

— Хорошо, извольте выпить еще крошечную, совсем крошечную рюмочку ликера,— отвечала она шутливо.

Для этой легкомысленной женщины мрачность похорон и тягостное волнение тревожных минут словно не существовали больше. Она побежала за другой рюмочкой ликера, которую я по произнесении пылкого тоста поднес к губам и осушил залпом.

Я целовал ее руки, губы, смотрел в ее прекрасные глаза и принимался опять целовать, не встречая сопротивления.

— Ты называешь меня Ричард, каким именем мне называть тебя, мое божество?

— Называй меня Евгенией, это мое имя. Отбросим все условности и будем искренни друг перед другом! Разумеется, если ты любишь меня так же, как я люблю тебя.

— Евгения! — воскликнул я в восторге от ее имени.

В конце концов я выразил нетерпение отправиться в путь. Однако какой-то странный обморок случился с моими чувствами: тело онемело, отказывалось повиноваться. Мозговая оболочка точно внезапно сжалась и так застыла. Ощущение было не столько болезненным, сколько неодолимым и неприятным.

— Милый, что с тобой? — с ужасом воскликнула графиня. — Ты не болен? Умоляю тебя, сядь в это кресло!

Она почти насильно усадила меня; у меня не было сил, чтобы сопротивляться. Ощущения, последовавшие за первыми, были легко узнаваемы. Я сидел, откинувшись на спинку кресла, со стиснутыми челюстями, неспособный ни пошевелиться, ни даже закрыть глаза. В несколько секунд я погрузился точно в такое же состояние, в каком находился в течение ужасных часов, проведенных на пути к Парижу во время ночного путешествия с маркизом д'Армонвиллем.

Горе графини выразилось громко и не поддавалось описанию. Она, по-видимому, забыла всякий страх: звала меня по имени, встряхивала, поднимала мою руку и давала ей снова упасть, безостановочно умоляя меня самыми трогательными словами подать признаки жизни и грозя в противном случае наложить на себя руки.

Про прошествии двух или трех минут отчаянные взгласы внезапно прекратились. Моя возлюбленная замолчала и совсем успокоилась. С сосредоточенным видом она взяла свечу и встала передо мной, бледная, но вполне собранная. Она несколько раз провела свечой перед моими глазами, очевидно, чтобы наблюдать действие на них огня. Затем она поставила свечу на

стол и дважды резко дернула шнурок звонка. Шкатулки с драгоценностями и деньгами она рядышком поставила возле свечи, тщательно заперев на ключ дверь в комнату, где я только что пил кофе.

Глава двадцать четвертая НАДЕЖДА

Едва она опустила на стол мою кованую шкатулку, которая, по-видимому, оказалась для нее тяжела, как дверь комнаты, где находился гроб, растворилась и из нее вышел граф де Сент-Алир собственной персоной.

С минуту он стоял в дверях, точно портрет на фоне ночи. Его отвратительная фигура была облачена в глубокий траур; правая рука сжимала пару перчаток и шляпу, перевязанную крепом. На лице отчетливо были заметны признаки волнения и страха; губы подрагивали, когда он заговорил:

— Ну что, милое дитя? Кажется, все идет отлично?

— Да,— ответила она тихим, но твердым голосом.— Тем не менее вам и Планару не следовало оставлять эту дверь открытой.— И прибавила еще тверже:— Он заходил туда и осмотрел все; счастье еще, что не снял крышки с гроба.

— Планар должен был обо всем позаботиться,— резко возразил граф.— Не могу же я, черт возьми, разорваться на части, поспевая повсюду.

Он сделал пять-шесть торопливых шагов по направлению ко мне и посмотрел на меня в лорнет.

— Месье Бекет! — громко позвал он.— Эй! Вы не узнаете меня?

Он наклонился и пристальнее взгляделся мне в лицо; поднял мою руку и потряс ее, снова окликая меня по имени. Наконец он выпрямился и произнес:

— Отлично подействовало, моя крошка. Когда это началось?

Графиня подошла, остановилась рядом и несколько секунд пристально всматривалась в меня. Нельзя представить себе, что я чувствовал пока две пары зловещих глаз изучали мельчайшие детали моего лица.

Графиня взглянула в ту сторону, где, как я помнил, на каминной полке стояли часы, резкое тиканье которых и теперь отчетливо доносилось до моего слуха.

— Шесть с половиной минут назад,— медленно произнесла она жестким голосом.

— Браво, мой ангел! Моя Жанна д'Арк! Венера!

Он с отвратительным любопытством поглощал меня глазами, ища между тем за спиной темными, худыми пальцами руку молодой женщины; но та вовсе не желала подобной ласки и отступила немного назад.

— Теперь, душа моя, сочтем денежки. Где они? В бумажнике, что ли? Или... или... что там есть?

— Деньги здесь,— ответила она, небрежно показывая на мою шкатулку, которая стояла на столе в кожаном чехле.

— О! Надо поглядеть... надо сосчитать... посмотрим, что тут,— говорил он, расстегивая ремни дрожащими пальцами.— Надо пересчитать и осмотреть их, — повторил он.— У меня есть карандаш и записная книжка, но... но... где же ключ? Погляди только, какой проклятый замок! Черт возьми! Что ж это такое? Где ключ?

Он стоял перед графиней, топчась на месте и протянув к ней трясущиеся руки.

— У меня е'о нет, не надейтесь. Проверьте карманы,— сказала та.

Пальцы негодяя вмиг очутились в моих карманах: он вынул все, что в них было, и среди прочего несколько ключей.

Я находился буквально в таком же положении, как во время путешествия с маркизом. А этот мерзавец собирался ограбить меня. В роли графини я еще не был уверен, так как в сравнении с мужчинами женщины лучше умеют маскировать свои действия. Возможно, возвращение графа и в самом деле было для нее неожиданностью. Однакъ с каждой минутой туман расходился, и вскоре мне было суждено со всей полнотой уяснить ужас моего положения.

Глаза оставались открытыми, сколько я ни прилагал усилий сомкнуть веки. Тем не менее известный факт, что даже при неподвижных зрачках поле зрения оста-

ется достаточно обширным. Находясь в одном конце комнаты, я наблюдал ее полностью, за исключением очень небольшого пространства, которое я улавливал боковым зрением. Таким образом, из происходившего в комнате от меня ничто не укрылось.

Старый граф отыскал нужный ключ. Кожаный футляр был снят, шкатулка отперта. Он принялся выкладывать на стол ее содержимое.

— Свертки в сто луидоров. Один, два, три. Живей! Отмечай тысячу луидоров. Один, два... да, верно. Отмечай! Еще тысяча луидоров.

И так далее, пока все золото не было сочтено. Начался разбор ассигнаций.

— Десять тысяч франков. Отмечай! Еще десять тысяч франков. Занесено? Десять тысяч еще. Отметила? Слишком крупные бумаги; чертовски трудно будет их сбыть. Запри дверь на запор. Планар захлебнется от жадности, если узнает, сколько тут на самом деле. Почему ты не заставила его разменять купюры помельче? Теперь-то чего уж... Отмечай... еще десять тысяч франков... еще...

В моем присутствии он пересчитал все мои деньги, и все происходящее воспринималось с болезненной отчетливостью. Я видел, слышал, но двинуться не мог.

Старый граф укладывал обратно шкатулку, пересчитывая каждую бумажку, каждый сверток еще раз, пока не подвел итога всей сумме. Тогда он запер шкатулку на ключ, аккуратно надел на нее кожаный чехол, открыл шкафчик в панельной обивке стены и, поставив в него все сокровища, запер замок на ключ. Едва покончив с этим, он принялся жаловаться на промедление Планара и проклинать его: отодвинул запор на двери и просунул голову в темную комнату, прислушиваясь. Все было тихо, и он снова возвратился на прежнее место. Очевидно, старика била лихорадка ожидания.

— Тут отложено десять тысяч франков для Планара, — сказал он, касаясь бокового кармана своего сюртука.

— Будет ли он доволен этим? — заметила графиня.

— Еще бы... будь он проклят! — выкрикнул граф. — Разве он совершенно потерял совесть? Я поклянусь, что это половина добычи.

Оба подошли к моему креслу и с беспокойством оглядели меня. Старый граф вновь заворчал на Планара и сверил свои часы с каминными. Жена казалась менее нетерпелива; она уже смотрела не на меня, а куда-то в сторону: ее профиль, обращенный ко мне, потерял изрядную часть прелести и теперь резко выделялся углами, точно у колдуны. Последняя надежда таяла по мере того, как я наблюдал это поблекшее лицо, с которого упала маска. Было несомненно, что свой грабеж эти люди намерены завершить убийством. Почему они не умерщвляли меня сейчас же? С какой целью они откладывали преступление, должно обеспечить их безопасность?

Даже самому себе я не в состоянии дать полного отчета в невыразимых муках, которые тогда вынес. Словно кошмарный сон; адская опасность не оказывает никакого воздействия на оцепеневшее в каталептической пытке тело. Причины моего припадка не вызывали ни малейшего сомнения теперь.

В терзаниях, которые я не мог обнаружить ни малейшим движением, я вдруг увидел, как дверь в комнату, где стоял гроб, медленно открывается, и в нее входит маркиз д'Армонвиль.

Глава двадцать пятая

ОТЧАЯНИЕ

Вспыхнувшая в моем сердце надежда была столь сильной и вместе с тем до того зыбкой, что уже сама по себе была пыткой. Последовавший за тем разговор вверг меня в пучину отчаяния.

— Слава Богу, вот наконец и вы, Планар! — воскликнул граф, взяв вошедшего за руку и подводя к моему креслу. — Осмотрите его. Пока, кажется, все нормально. Вам подержать свечу?

Мой приятель д'Армонвиль, или Планар, кто бы он там ни был, наклонился ко мне, снял перчатки и сунул их в карман.

— Поднесите свет поближе,— сказал он, пристально всматриваясь мне в лицо.

Он коснулся моего лба, провел по нему рукой и некоторое время смотрел прямо в глаза.

— Ну, доктор, как он?— шепотом спросил граф.

— Сколько вы ему дали?— повернулся к нему маркиз, внезапно превратившийся в доктора.

— Семьдесят капель,— сказала графиня.

— В горячем кофе?

— Шестьдесят в горячем кофе и десять в ликере.

Ее спокойный голос, казалось, слегка дрогнул. Нужно долго шагать по стезе преступлений, чтобы вполне изгладить волнение, которое и тогда сохраняется, когда все хорошее в душе умерло.

Доктор осматривал меня хладнокровно, как будто труп, предназначенный для анатомических опытов во время лекции.

С минуту он смотрел мне в глаза, потом взял руку и проверил пульс.

— Не бьется,— пробормотал он себе под нос. Приложил маленько зеркальце к моим губам и отвернулся, чтобы его дыхание не имело действия на чуткую поверхность.— Да,— повторил он едва слышно.

Расстегнув на мне рубашку, он приложил стетоскоп, переставил его с места на место, словно пытаясь уловить отдаленный звук; затем поднял голову и так же тихо, как раньше, пробормотал:

— Не обнаруживается ни малейшего движения легких. Семьдесят капель, даже если предположить, что десять пропали, должны действовать на него в течение шести с половиной часов. Этого будет достаточно. Для опыта в карете я дал ему тридцать капель, и его мозг оказался в высшей степени восприимчив. Если он погибнет, рухнет весь план. Вы уверены, что не дали ему больше семидесяти?

— Уверена.

— Если он умрет вследствие приема, процесс испарения будет остановлен, и постороннее вещество, отчасти ядовитое, останется в желудке. Для полной надежности можно прибегнуть к насосу.

— Милая Евгения, будь откровенна, прошу тебя,— уговаривал граф,— ты ничего не напутала?

— Не сомневайтесь.

Я приказывал вам заметить время.

— Я заметила: минутная стрелка была вот тут, под кончиком ноги купидона.

— Так... оцепенение продлится, вероятно, около семи часов. Когда он очнется, процесс испарения завершится, и ни одной частицы лекарства не останется в желудке.

По крайней мере, они не имели намерения умерщвлять меня, и это отчасти успокаивало. Кто не испытывал ужаса приближающейся смерти, тому не понять стремительность ощущений, когда мозг работает, жизненные инстинкты живут во всей силе, но ничто не может предотвратить чудовищное предопределение.

Подоплека нежной заботливости о моем здоровье выглядела очень странно, однако я еще ничего не подозревал в тот момент.

— Вы покидаете Францию, полагаю? — спросил разжалованный негодяй, называвший себя маркизом.

— Непременно. Завтра же,— ответил граф.

— И куда направляешься?

— Этого я еще не решил,— быстро проговорил граф.

— Не доверяете другу!

— Нет, но пока я и сам не знаю. Дело оказалось невыгодным.

— Об этом мы поговорим попозже.

— Не пора ли положить его, вы не думаете? — спросил граф, указывая рукой на меня.

— Да, нужно поторопиться. Здесь его ночная рубашка и колпак. У вас все готово?

— Все, давайте приступим.

— Ну, мадемуазель,— обратился доктор к Евгении, отвесив ей легкий полупоклон,— вам пора удалиться.

Она прошла в комнату, где я выпил чашку предательского кофе, и больше я не видел ее.

Граф со свечою в руке скрылся в двери, которая находилась в глубине комнаты, и возвратился с полотня-

ным свертком. Сначала он запер на запор одну дверь, потом другую.

Оба злоумышленника принялись раздевать меня. На это не потребовалось и минуты. Наряд, который доктор назвал моей ночной рубашкой, оказался длинной холщовой накидкой с рукавами, ниспадавшими до колен. На голову мне надели нечто, очень похожее на женский чепец, и завязали его под моим подбородком.

Теперь, подумал я, меня, вероятно, уложат в постель приходить в чувство, а тем временем негодяи скроются с добычей от преследования. Такая мысль сама по себе была подобна надежде, но вскоре стало ясно, что умысел у моих знакомцев был совсем иной.

Граф и Планар вместе ушли в соседнюю комнату; с тихим разговором до меня доносились шарканье ног. Неожиданно раздался протяжный треск: на мгновение он затих, снова раздался, затих, сменившись глухим грохотом. Граф и доктор показались в дверях спиной ко мне. Они тащили по полу какой-то предмет, производивший унылый гул вместе с треском, однако разглядеть, что это было, я не мог за их спинами, пока предмет не очутился возле меня, и тут, Господи! я разглядел его во всех подробностях. Это был гроб, который находился в соседней комнате. Он стоял на полу и одним концом упирался в кресло, в котором я сидел.

Планар снял крышку, и гроб оказался пуст.

Глава двадцать шестая

КАТАСТРОФА

— Лошадей мы переменим по дороге,— заметил Планар.— Дайте слугам пару луидоров; необходимо, чтобы все было закончено к трем часам ночи. Теперь принимайтесь; я подниму его под мышки, а вы хорощенько затянете ноги саваном.

Не прошло и минуты, как я, поддерживаемый Планаром, стоял в изголовье гроба. Когда все формальности в одежде были соблюдены и я лежал во всю длину, тот, кого звали Планаром, вытянул мне руки по бокам и аккуратно поправил оборки на груди и склад-

ки савана. Отойдя от гроба, он внимательно осмотрел меня и, по-видимому, остался доволен.

Граф, по природе человек педантичный, собрал мое платье и запер, как я слышал впоследствии, в одном из трех потайных шкафчиков, замаскированных в деревянной обивке стен.

Только теперь мне стал ясен их чудовищный план. Гроб был приготовлен для меня, и похороны неведомого де Сент-Амана были лишь поводом, чтобы сбить с толку полицию. Я сам купил место на кладбище Пер-Лашез, подписался и назначил похороны несуществующего мертвеца, роль которого должен был сам же сыграть! С медной табличкой, на которой будет написано чужое имя, под многометровым слоем глины, которой забросают гроб, я очнусь от каталептического сна затем, чтобы умереть самым жутким из всех родов смерти, какие способен измыслить человеческий мозг.

Если бы по прошествии времени гроб был бы извлечен, никакая химическая экспертиза не обнаружила бы в теле следов яда; самый тщательный осмотр не заметил бы ни малейших признаков насилия.

Не сам ли я сделал все возможное, стараясь сбить с толку преследование? Даже в немногих письмах на родину я написал друзьям, чтобы они не ждали от меня известий раньше трех недель по крайней мере.

Смерть захватила меня врасплох, и не было от нее спасения. Не стану пытаться описывать разнообразные картины ужасов, представшие моему воображению. Просто изложу все, что случилось потом, со всеми подробностями, которые точно стальным резцом врезались в мою память.

— Могильщики уже собирались в передней, — сказал граф.

— Никто не должен входить, пока все не закончено, — возразил Планар. — Потрудитесь взяться за нижний конец, я возьму другой.

Я недолго оставался в неведении относительно того, что мне предстояло. В одно мгновение крышка гроба скользнула в нескольких дюймах от моего лица, за-

городила свет, заглушила звуки, доходившие глухо снаружи.

Отчетливо раздалось поскрипывание отвертки и хруст винтов, входящих в толстые доски. Приговор, произнесенный громовым голосом, бледнел перед этими простыми и жуткими звуками.

Остальное я вынужден передавать так, как мне рассказывали это впоследствии, ибо, лежа в гробу, я был лишен возможности полагаться на зрение и слух — единственные чувства, остававшиеся доступными.

Завинтив крышку гроба, граф и его сообщник начали прибирать комнату и передвинули мое ложе параллельно направлению половиц. Граф особенно заботился, чтобы нигде не было заметно признаков спешки или беспорядка, что могло бы возбудить подозрения и привести к неприятным последствиям.

Когда все было исполнено, Планар объявил, что идет в переднюю звать носильщиков, чтобы те перенесли гроб на drogi. Граф надел свои черные перчатки и взял в руку белый платок. Он имел вид скорбящего родственника, когда стоял у изголовья гроба, ожидая прибытия могильщиков. Посыпалась торопливые шаги.

Первым в дверях показался Планар, вернувшийся через комнату, из которой вынесли гроб. В обращении его была какая-то перемена; он казался взволнованным.

— Очень сожалею, граф, — начал он, переступая порог, — что вынужден сообщить вам о задержке, крайне неприятной в такую минуту. Позвольте представить вам месье Карманьяка, инспектора полиции, который прибыл сюда вследствие извещения, что большая партия английских товаров провезена контрабандой через границу и скрыта у вас в доме. Я решился уверить его, основываясь на собственном убеждении, что подобное известие — ложь и вы с полной готовностью предоставите ему возможность осмотреть все комнаты и шкафы в доме.

— Без сомнения! — воскликнул граф твердым голосом, но с очень бледным лицом. — Благодарю вас, мой друг, что вы не усомнились в моем образе действий.

Я предоставлю в распоряжение месье инспектора весь замок, как только он объяснит мне, какую именно контрабанду он собирается задержать.

— Простите меня, граф,— суховато возразил Карманьяк,— но я не имею права открывать вам этого. Мне поручено произвести обыск, в чем вы можете удостовериться, взглянув на этот приказ.

— Могу ли я надеяться,— вмешался Планар,— что вы позволите графу сопровождать тело его родственника, которое, как видите, находится здесь,— он указал на медную дощечку с именем, прибитую к крышке гроба.— У подъезда стоят drogues, готовые отвезти его на кладбище Пер-Лашез.

— Этого я, к сожалению, позволить не могу. Мне дано очень точное предписание. Надеюсь, задержка будет непродолжительна. Вы не должны предполагать ни на минуту, будто я подозреваю вас, уважаемый граф, однако долг свой я обязан исполнить так, словно питаю к вам недоверие. Когда мне приказывают произвести обыск, я повинуюсь.

Иногда случается, что вещи бывают запрятаны в престанных местах. Разве могу я знать, например, что заключается в этом гробу?

— Тело моего родственника Пьера де Сент-Амана,— надменно произнес граф.

— О! Так вы, стало быть, видели его?

— Видел? Конечно, очень часто!

Граф очевидно приходил в волнение.

— Я хочу сказать, видели ли вы тело?

Граф украдкой взглянул на Планара.

— Н-нет, месье... то есть, я видел его, но лишь мгновение.

Он снова покосился в сторону Планара.

— Достаточное, полагаю, чтобы узнать его? — настаивал Карманьяк.

— Разумеется... как мне не узнать Пьера де Сент-Амана? В детстве мы были так близки!

— Предметы незаконной торговли, которые я отыскиваю,— продолжал Карманьяк,— уместились бы в очень тесном пространстве. Контрабандисты бывают

очень изобретательны... Позвольте приподнять крышку гроба.

— Извините, инспектор,— надменно ответил граф, подходя к гробу и положив на него ладонь,— я не могу допустить такого оскорблений... святотатства!

— Что же святотатственного в том, что мы приподнимем на минуту крышку? Вы можете присутствовать при этом. Если все окажется в порядке, вы еще раз увидите своего любимого родственника.

— Я не могу этого допустить, инспектор.

— У меня приказ, который я не могу не исполнить.

— Даю вам слово чести, что в гробу, кроме тела, нет ничего. Кстати, и отвертка сломалась, когда ввинчивали последний винт.

— Дорогой граф, вам не известна хитрость контрабандистов, которые нанимаются в услужение в приличные дома. Сюда, Филипп, снимай крышку с этого гроба!

Граф не унимался и продолжал протестовать, когда Филипп (плеший мужчина с чумазым лицом, по виду похожий на кузнеца) поставил на пол кожаную сумку с инструментами, осмотрел гроб, ногтем ощупал головки винтов и, выбрав из своей сумки подходящую отвертку, в несколько быстрых поворотов вытащил винты и снял крышку. Я снова увидел свет, который считал потерянным навеки; тем не менее зрачки мои оставались неподвижны. Надо мной склонилось нахмуренное лицо Карманьяка. Казалось, он не узнает меня. Из-за его спины выглядывали посеревшие от страха граф и фальшивый маркиз; рядом находилось много других незнакомых лиц.

— Вижу, вижу,— промолвил Карманьян, отходя от меня.— Тут нет ничего такого.

— Будьте добры, прикажите вашим людям снова завинтить крышку,— заговорил граф, ободрившись.— Право... право... нельзя дольше задерживать похоронное шествие.

— Вы сейчас же отправитесь, граф де Сент-Алир,— ответил Карманьян,— а что касается гроба, то я немедленно распоряжусь.

В дверях появились трое жандармов; трое таких же дюжих и бесстрастных представителей власти уже находились в комнате. Неприятное волнение овладело графом: он не мог скрыть бившей его крупной дрожи.

— Так как месье Карманьяк еще затрудняется разрешить мне сопровождать тело моего родственника, то я попрошу вас, Планар, заменить меня.

— Одну минуту, — вмешался неисправимый Карманьяк, — прежде я попрошу вас дать мне ключи к этому шкафу.

Он указал на шкаф в стене, куда было положено мое платье.

— Я... я с большим удовольствием, — пробормотал граф, — но, изволите видеть, его не открывали лет сто. Я прикажу кому-нибудь из слуг отыскать ключ.

— Если его нет у вас, искать не стоит. Филипп, по-пробуй отмычку.

Приказание было исполнено.

— Это что за одежда? — поинтересовался Карманьяк, разворачивая мое платье, спрятанное в шкаф за полчаса до этого.

— Мне неизвестно, что находится в этом шкафу. Негодяй по имени Лабаль, которого я прогнал больше года назад, имел ключи. Вероятно, это его гардеробная.

— В кармане визитные карточки и носовой платок с инициалами «Р. Б.» Должно быть, он украл все это у какого-то Бекета — Р. Бекета. На визитных карточках стоит «Р. Бекет, сквайр, город Беркли». А вот и часы с перстнями, на одном из перстней тоже буквы «Р. Б.» Ваш Лабаль, верно, был отъявленный мошенник.

— Вы совершенно правы.

— Мне вот что приходит в голову, — продолжал Карманьяк. — Пожалуй, ваш слуга украл это платье вместе с часами у человека, который лежит в гробу и который в таком случае является не Пьером де Сент-Аманом, а мистером Бекетом, английским сквайром. Удивительнее всего, что часы еще идут! В гробу, я полагаю, лежит не покойник, а живой человек, которого усыпили каким-то зельем. За намерение ограбить его и умертвить я арестую вас, Николай де ла Карк, граф де Сент-Алир.

В одно мгновение старый негодяй оказался в крепких руках правосудия. Я слышал, как он своим скрипучим, словно несмазанное колесо, дрожащим голосом разразился потоком уверений, крича и умоляя, соответственно тому, как переходил от убеждений к угрозам. Напоследок он возвзвал к великому духу, «который читает тайные помыслы людей». С безбожной ложью на губах, беснующегося, его вывели прочь из комнаты и посадили в карету, где уже находилась его прекрасная сообщница. Вместе с ними сели два жандарма, и вся компания покатила в тюрьму.

К общему гомону теперь присоединились два новых голоса, перекрывающие крики остальных. Один принадлежал бравому полковнику Гальярду, которого до сих пор с трудом удерживали в передней; другой принадлежал моему приятелю Тому Вестлейку, который пришел удостоверить мою личность.

Постараюсь коротко изложить, как был раскрыт чудовищный замысел против моего имущества и моей жизни, но предварительно прибавлю несколько слов о себе. По указанию Планара, мошенника ничуть не лучше остальной шайки, однако теперь заинтересованного в успехе следствия, меня посадили в теплую ванну, откуда перенесли в теплую постель и окно в комнате оставили открытым. Эти простые средства привели меня в чувство часа через три, иначе я, вероятно, пробыл бы в оцепенении еще не менее семи часов.

Преступления злоумышленников всегда планировались с величайшей ловкостью и осторожностью. Жертвы вводились в обман, как и я, и сами способствовали сохранению тайны своей гибели.

Разумеется, провели следствие. Разрыли несколько могил на кладбище Пер-Лашез. Вскрыли гробы, но тела уже настолько разложились, что узнать их было невозможно. Только одно и могло быть удостоверено. Одну из могил заказывал некий Габриэль Гальярд; он же внес плату за место и за похороны и расписался в книге. Это подтвердил клерк из похоронного бюро, с которым он имел дело и который знал его лично. Хитрость, на которую попался я, была успешно разыграна с ним. Вместо несуществующего де Сент-Амана

в землю лег сам Габриэль Гальярд, с тайной гибели унеся и тайну преступления.

Его тело было опознано прелюбопытным образом. Лет за пять до исчезновения он пострадал от неудачного падения с лошади, лишившись при этом глаза, нескольких зубов и сломав правую голень. Раны на лице он хранил, насколько это было возможно, в глубочайшем секрете. Результатом оказалось то, что стеклянный глаз, заменивший потерянный, остался на месте, слегка только сдвинутый, — это признал часовых дел мастер, который изготавливал его.

Еще легче было узнать зубы, которые один из самых искуснейших дантистов Парижа сам подгонял к пустотам и благодаря уникальности случая даже сохранил гипсовые слепки. Золотые пластинки, найденные во рту покойника, в точности соответствовали слепкам. Остался и знак над лодыжкой, где кость была раздроблена и срослась. Преступление было изобличено.

Полковник Гальярд был вне себя от ярости, когда исчез его старший брат: чувство это усугублялось и тем, что вместе с братом исчезли все наличные деньги, которые бравый полковник давно полагал своей собственностью. По обрывкам разговоров, по слухам, он заподозрил причастность к делу графа де Сент-Алира и его прекрасной спутницы. К первому подозрению прибавилось несколько более серьезных, но для возобновления следствия все еще не хватало улик.

Наконец случай навел полковника на горячий след. По совпадению, оказавшемуся для меня счастливым, Планар успел проведать об опасности, грозившей злумышленникам и ему самому. Последствием было то, что, выторговав для себя выгодные условия, он сделался доносчиком, и по его указанию полиция нагрянула в Карский замок в самую критическую минуту, когда преступники собирались избавиться от изобличающих их улик.

Ни к чему описывать нахоччивость, с которой полицейские агенты подбирали доказательства вины злодеев. Они даже привели с собой искусного врача, кото-

рый мог дать необходимые показания на случай бегства Планара.

Поездка в Париж, как легко догадаться, не оправдала моих радужных ожиданий. Я оказался главным свидетелем на шумном процессе и выносил все удовольствия, сопряженные с таким завидным положением. После чудесного спасения, когда я был на волосок от смерти, я наивно полагал, что сделаюсь предметом живущего участия со стороны парижской публики. Увы! К огромному разочарованию, я вскоре обнаружил, что возбуждаю только добродушный смех. Осел, олух, деревенщина — каких только карикатур не появлялось на меня с обидными подписями. Известность, которую мне принесло приключение, можно было сравнить со славой политического деятеля, а так как для подобной почести я не был рожден, то и бежал от нее при первой же возможности, даже не навестив радушного маркиза д'Армонвиля в его замке.

Маркиз остался цел и невредим. Его сообщник, граф де Сент-Алир, был казнен. Прекрасная Евгения в силу смягчающих вину обстоятельств — насколько мне известно, они заключались в ее хорошенъком лице — отделалась тюремным заключением в шесть лет.

Полковник Гальярд вернул часть фамильных денег, которые были извлечены из не очень доходного, по правде говоря, поместья графа. Это обстоятельство и казнь графа привели его в великолепное расположение духа. Он не только не настаивал на возобновлении нашей дуэли, но даже пожал мне руку и объявил, что считает нанесенную ему рану полученной в честном, хотя и не совсем правильном поединке.

Остается, кажется, упомянуть только о двух подробностях. Кирпичи, найденные в комнате, где стоял гроб, были обернуты соломой, чтобы заменить тяжесть мертвого тела и предупредить подозрения и разнотолки, которые могли бы возникнуть вследствие прибытия в замок пустого гроба.

Драгоценные ожерелья графини ювелир оценил в пять фунтов, да и то если бы какой-нибудь театраль-

ной королеве понадобился убор из поддельных бриллиантов.

Несколько лет до описанных событий графиня с успехом подвизалась на подмостках одного из многочисленных парижских театров, где ее и заметил граф. Это она, искусно загримированная, осматривала мои бумаги в карете, когда я ночью ехал в Париж. Она же играла роль медиума, который передавал ответы прорицателя в паланкине на маскараде в Версале. В отношении меня эта мистификация имела целью пробудить с новой силой мою любовь к прекрасной графине, к которой, как опасались, я мог охладеть. Предполагалось произвести впечатление и на другие возможные жертвы, однако упоминать о них нет повода. Использовать в разыгранной комедии настоящий труп, который добыли у поставщика анатомического театра, не составляло большой опасности, а между тем усиливало таинственность пророчеств, давая пищу языкам и глубже запечатлевая слова «прорицателя» в мыслях глупцов, что общались с ним.

Остаток лета я провел частью в Швейцарии, частью в Италии. Умнее я, быть может, не стал, но с тех пор утратил прежнее легкомыслие и веселость. Чудовищное потрясение, оставленное в моей душе, пробудило в моем характере чувства и мысли серьезного свойства. Жизнь моя приняла иное течение; по прошествии многих лет те же самые впечатления навели меня на размышления более полезные и возвышенные, и я благодарен тому, кто держит в руках нити наших судеб, за тот страшный урок, который он преподал мне в юности.

Конец

PERSONALIA

Александр, Жан (Alexander, Jan, р. 1937).

Настоящее имя: Банис, Виктор Джером (Banis, Victor J(erom)).

Американский писатель, автор успешной серии неоготических романов, которые он пишет с 1970 года.

После окончания школы — работа клерком в мелких торговых фирмах и представительствах. Первые книги — более научные, чем художественные, и посвящены социальным вопросам. В 1959 году Виктор Банис заканчивает Дейтоновский институт искусств, работает и издается. С 1963 года занят только писательской деятельностью.

В 1970 году в издательстве «Лансер бакс» выходят сразу три его романа: «Тени», «Оборотни Крейвидского леса» и «Кровавая луна». В последующие годы темп сохраняется, и ежегодно в свет выходит не менее двух добротных неоготических романов. Под собственным именем писатель создает дамские и реалистические романы.

О своем творчестве Виктор Банис пишет: «Меня можно назвать старомодным писателем, отдающим предпочтение хорошо задуманному сюжету и красочным персонажам. Последнее, на мой взгляд, является наиболее важной частью писательского мастерства».

В свободное время мистер Банис любит прогулки по лесу и собирание грибов.

Живет постоянно в Калифорнии, в Северном Голливуде.

Депрэ, Джин-Энн (DePré, Jean-Ann, р. 1924).

Настоящее имя: Авallon, Майкл Анжело, младший (Avallone, Michael Angelo, Jr)

Плодовитый американский писатель, использовавший в работе более десятка псевдонимов причем с неизменным успехом. В 50-е и 60-е годы серьезно работает над детективными сериалами с Эдом Буном (17 книг под псевдонимами Генри Холт, У. Г. Аллен) и с Ником Картером (3 книги). Автор многочисленных криминальных рассказов и жутких историй. Член Ассоциации детективных писателей Америки, с 1965 года — ее национальный директор.

Заметная фигура в чисто готической литературе, хотя предпочтение отдает дамским романам. Под псевдонимами Джин-Энн Депре и Дороти Найл создал по одному неплохому роману — «Третья женщина» (1971) и «Хозяйка Фаррондейла» (1966). Промежуток между этими двумя датами заполняет имя Эдвины Нун и целая плеяды готических романов в стиле Анны Радклифф (практически неотличимых по сюжету от «Третьей женщины»): «Второй секрет» (1966), «Дочь тьмы» (1967), «Утес» (1968) и др.

Чисто дамские романы выходили под псевдонимом Присцилла Дальтон.

О себе мистер Аваллон пишет: «С тех пор как в руках у меня оказался карандаш, я не нахожу ничего увлекательнее профессии писателя... Моя влюбленность в английский язык позволяет писать о самых разнообразных вещах на свете: биографии известных людей, путевые очерки, поэзию... И я не намерен расставаться со своей профессией, ибо лишь в ней человек наиболее полно способен выразить себя».

Среди интересов писателя — театр, кино, живопись.

Живет в городе Нью-Йорке.

Лефаню, Жозеф Шеридан (Le Fanu, Joseph Sheridan, 1814—1873).

Англо-ирландский писатель, один из создателей жанра страшной истории. Следует заметить, что в отличие от чистой готики, где главным действующим лицом является старинный особняк или замок, страшная история меньше привязана к месту, но отличается пристальным вниманием к жутким подробностям, которые в готических романах упоминаются лишь вскользь. Отсюда и название жанра *хоррор стори* *.

Решение стать писателем Лефаню принимает после ряда неудач на адвокатском поприще. Первые работы появляются в журнале «Дублин юниверсити мэгэзин». Со временем Лефаню становится редактором, а затем и владельцем издания. Его интерес к готике, любовь к старинным кельтским легендам находят отражение на страницах журнала: он охотно публикует работы, посвященные потусторонним явлениям, сам пересказывает известные ирландские поверья и предания о привидениях и мертвецах. Среди его лучших произведений — романы «Дядя Сайлас» (1864) и «Дом за кладбищенской оградой» (1863), а также сборники коротких рассказов.

Интерес к сверхъестественным явлениям, вероятно, был причиной постепенного отчуждения писателя. В 1873 году, покинутый друзьями, в полном одиночестве он умер в своем особняке в Дублине.

---

* *Horror story* (англ.) — жуткая история.

Содержание

**Жан Александр
КРОВАВАЯ ЛУНА**

3

**Джин-Энн Депре
ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА**

141

**Жозеф Шеридан Лефланю
КОМНАТА В ГОСТИНИЦЕ
«ЛЕТУЧИЙ ДРАКОН»**

285

Personalia

410

Кровавая луна

Составление, примечания и перевод с английского

А.Бутузова

Оформление художника

М.Широкова

Редактор *Г.А.Аванесова*

Художественный редактор *А.Я.Белостоудиев*

Технический редактор *М.В.Ильясова*

Корректор *Г.А.Аванесова*

Сдано в набор 30.09.92. Подписано к печати 21.12.92.

Формат 84x108/32. Бумага газетная,
книжно—журнальная. Гарнитура "Гарамонд". Печать
оффсетная. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.—отт. 21,84.

Уч.—изд. л. 21,25. Тираж 120000 экз. Заказ 3886

Цена договорная

Издательство "Леком", Нижний Новгород, ул. М. Горького, 107
Издательство "РИА-пресс", Москва, ул. Белинского, 13
Типография ИП "Литограф", Нижний Новгород, ул. Барыкина, 32

Издательства "ИМА—пресс" и "Деком"
продолжают выпуск романов американской
черной фантастики и оккультных романов в
серии "Галерея мистики". В 1993 году готовятся
к выпуску следующие книги:

"КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ"

В книгу вошли повести и романы американ-
ских писателей, составивших "лавкраф-
товский" круг:

Силия Бишоп.

"КУРГАН"

Дональд Вандри.

"ГИГАНТСКАЯ ПЛАЗМА"

Хизел Хилд.

"КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ"

Алджернон Блэквуд.

"ВЕНДИГО"

Х.Ф. Лавкрафт.

"ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА"

"КОРИДОРЫ СТРАХА"

Кларисса Росс.
"КОРИДОРЫ СТРАХА"

Недолгое замужество Анжелы Роум омрачает отъезд мужа на раскопки в Египет. По возвращении это уже совершенно другой человек. Проходят дни, и в стенах замка поселяется ужас. Один за другим следуют сообщения о нападениях на людей вампиров в окрестностях... Жизни самой Анжелы угрожает опасность.

Женевьева Сент-Джон.
"НЕВИДИМАЯ ЗАПАДНЯ"

В Девилшейви Керрол Моусон и Ап Гелланд отправляются из чистого любопытства. Гостеприимный хозяин не препятствует их отъезду обратно в город, но странное дело — они не могут уехать. С исчезновением Апа Керрол вновь пытается покинуть дом и тем приближает катастрофу...

Флоренс Херд.
"ПОМЕСТЬЕ ВЕЙДА"

Мрачные руины замка, где молодую вдову подстерегают убийство и месть безумца; фамильная тайна, преданная любовь и демонический любовник...

